

АГАГЕЛЬДЫ АЛЛАНАЗАРОВ

Посвящается брату Бабагельды

*Человечий сын, и сам не знаешь ты,
Каким надменным можешь быть.*

Махтумкули

*Воронье вьется возле цветка... воронье.
Сайылы*

ЖАРКОЕ ЛЕТО ХАЗАРА

Р О М А Н

АШХАБАД
ТДКП - 9006

УДК 894.361

А-48

Алланазаров А. Жаркое лето Хазара. Роман.

Новый роман писателя Агагельды Алланазарова «Жаркое лето Хазара», став одним из бестселлеров туркменской литературы, вызвал у читателей большой интерес. Роман не является историческим произведением, но он и не далек от истории. В нем на примере семьи Мамметхановых широко освещены почти уже ставшие историческими события недавних лет. В новом произведении писателя переход страны от одного общественного строя к другому получил художественное воплощение через драматические события жизни героев.

ББК 84.(р).7

© Агагельды Алланазаров 2006

ГОРЫ, ОКУТАННЫЕ ТУМАНОМ

Кажется, весна, которой так полубился свежий воздух, решила после полудня еще раз умыть Ашхабад дождем и принести ему прохладу. Хотя еще совсем недавно прошел ливень, заливший город потоками воды. Надвигающиеся со стороны Копетдага темно-серые тучи, дымясь и закручиваясь черными быками, напирая всей массой, производили угрожающее впечатление. Похоже, они не собирались утихать все сорок дней и ночей до тех пор, пока не поглотят вокруг все, кроме серого Ноева ковчега. Однако совсем скоро они осознали ясно, где и зачем они находятся и какое время года на дворе. Как правило, весенние тучи очень быстро рассеиваются.

Накрыв собой город, темные тучи еще некоторое время поливали его потоками дождя. Вволю насладившись шалостями своими, они отступились и быстренько ретировались туда, откуда и явились, – в сторону Копетдага, чьи взметнувшиеся над городом высокие пики были видны издалека.

Не успели тучи, наспех собрав свое разбросанное повсюду добро, рассеяться, как на небе снова засияло солнце. Мир вновь озарился яркими красками весны и стал напоминать обеспокоившуюся женщину, женщину-загадку, хранящую какую-то тайну, открыть которую не имеет никакой возможности, хотя ей и очень хочется хоть с кем-то поделиться тем, что так волнует ее.

Самолет, вылетевший из Стамбула, должен приземлиться в Ашхабадском аэропорту не позднее чем через два часа.

Ровно две недели назад супруга Хасара Дунья рано утром вылетела с этого аэропорта в Стамбул.

Когда Хасар прибыл в аэропорт, чтобы встретить жену, до прилета лайнера было еще достаточно времени. Он приехал намного раньше назначенного часа.

Хасар по-прежнему, как и в юношеские годы, с нетерпением ждал приземления самолета, потому что на нем возвращалась Дунья. С тех пор, как Дунья позвонила из Стамбула и сообщила о дне своего возвращения, Хасар уже много раз мысленно встречал ее в аэропорту. И когда ехал сюда, он знал, что до прилета воздушного судна еще много времени.

Хасар, всю жизнь служивший в армии, и прежде не раз встречал свою Дунья в аэропортах многих стран. И в этот раз, получив от нее сообщение, он сразу же понял, что не успокоится до тех пор, пока не поедет на встречу с ней, не встретит ее и не привезет домой. В его жизни и судьбе такие встречи-расставания стали делом привычным.

С недавних пор Дунья приступила к работе переводчиком-помощником в известной на всю стране фирме «Хасан». Наконец-то настал час ее английского, который она с упоением изучала в юности, но который так и не пригодился ей до этих дней в жизни. Помимо этого, Дунья как жена военнослужащего свыше пятнадцати лет жила в предместье Берлина, поэтому хорошо знала и немецкий язык.

А недавно руководитель фирмы, в которой она трудилась, заручившись покровительством одной из ведущих турецких компаний и объединив с нею свои капиталы, начал пробивать большое дело, интерес к которому проявляли обе стороны.

Выехав на мокрые, от только что прошумевшего ливня улицы города, Хасар знал, что едет в аэропорт слишком рано, и чтобы как-то потянуть время, подумал было о том, чтобы по пути завернуть домой к сыну, обрадовать внучат сообщением о возвращении бабушки, а заодно, если получится, выпить пиалу-другую настоявшегося чая. Но, вспомнив, как, играя с внуками, он забывает обо всем на свете и не замечает ушедшего времени, понял, что и в этот раз может заиграться и опоздать к самолету, а потому решил, что уж лучше никуда не сворачивать, а ехать прямо в

аэропорт. И потом, внукам будет гораздо приятнее, если он вместе с собой привезет на машине и их любимую бабушку. Представив, как обрадуется Дунья, которая в последнее время относилась к внукам с большей теплотой, чем когда-то к собственным детям, как она прижмет их к груди со словами «Мои родные, котятки мои!», Хасар, вспомнив это, испытал какое-то особенное удовольствие.

Ему хотелось встретить Дунья так, как это было в прежние времена, – он ловил взглядом снижающийся самолет, словно хотел прямо в небе поймать летящую на нем жену. Хотя, когда он позвонил и сообщил, что встретит ее, она ответила: «Если ты будешь занят, не переживай, нас встретит машина фирмы и развезет по домам». Но Хасар сразу же отверг ее предложение. Полушутя - полусерьезно ответил: «Нет, моя дорогая, ничего у тебя не выйдет. Я должен сам встретить тебя и по пути к детям мы завернем домой. Есть у меня одна мыслишка – приласкать тебя в укромном местечке...»

Прошедшие две недели Хасар волновался, как молодожен, жену которого как кайтарму отправили к родителям, поэтому с нетерпением ждал ее возвращения. Почти тридцать лет они прожили вместе, соединенные телом и душой как сиамские близнецы, и за все эти годы он никогда не расставался с своей Дуньей так надолго. Хасар был человеком, который вообще не выносил одиночества.

Уезжая в командировку в Стамбул, она сообщила, что намерена вернуться через неделю, но когда до возвращения оставался всего один день, специально позвонила Хасару и сообщила, что человек, с которым они должны были встретиться здесь, сейчас находится в другой стране, поэтому они вынуждены еще на неделю продлить срок своей командировки.

Хасар тогда возмутился про себя: «А разве с нужным человеком не созваниваются, заранее не договариваются, чтобы ехать именно тогда, когда он будет на месте?». Ему

трудно было вынести продленную еще на неделю разлуку. Но прошло какое-то время, и когда возвращение Дунья становилось все ближе, прежние мысли как-то поблекли, и он стал с пониманием относиться к тому, что Дунья не на отдых поехала, а решает рабочие вопросы, да в какой-то степени и о благополучии семьи заботится. Эти мысли немного успокоили Хасара.

Он мысленно смирился с тем, что в интересах дела Дунья проведет в Стамбуле еще неделю. А свое нетерпение и желание привезти жену домой он объяснял тем, что соскучился по женской ласке, по объятьям любимой женщины.

В аэропорту Хасар поставил машину на стоянке и вошел в здание аэровокзала. Просторный зал ожидания был полупуст. До прилета ожидаемого самолета было еще достаточно времени. Хасар поднялся на второй этаж и направился в кафе, чтобы выпить пару чашек кофе и там же переждать время до прилета самолета. «А что, здесь можно неплохо провести время, да и обзор отсюда хороший!» подумал он и сел за пустующий столик у стеклянной стены. Выдвинув стул и устроившись удобнее, он расстегнул верхние пуговицы сорочки и стал не спеша осматриваться.

Высокая, со стройными длинными ногами под короткой юбкой девушка блондинка ходила меж столами и, дразня своими прелестями, обслуживала посетителей. Через некоторое время она подошла к столику Хасара с блокнотом в руках.

– Что будете заказывать?

– Принесите мне горячего кофе!

– У нас не подают холодного кофе. Говорите, что вам еще принести! – Блондинка уставилась на Хасара, ожидая, что он закажет еще и что-нибудь из еды.

– Пока принесите кофе, а там видно будет.

Похоже официантка осталась недовольна заказом Хасара, отходя от его столика, она скривила рот в ухмылке.

За годы совместной жизни для Хасара стало привычным вот так встречать свою жену. Эти моменты были связаны с его службой военным врачом в разных частях света – в российских городах, а затем в составе войск СССР в Германии.

Погрузившись в мысли о том времени, когда он встречал свою Дунью в разных аэропортах, Хасар снова испытал приятные чувства, ему показалось, что те дни вновь приблизились к нему.

... Мысленно он снова был в Берлинском аэропорту, пристально вглядывался в летное поле, словно собираясь поймать Дунью в воздухе, разглядывал посадочную полосу и, предаваясь приятным воспоминаниям, представлял момент встречи с ней.

Каждое лето, отправляясь на Родину в отпуск, они ехали всей семьей, но когда отпуск заканчивался, Дунья с детьми еще на какое-то время оставалась с родителями и родней, поэтому чаще всего из отпуска Хасар возвращался в свою часть один. Почти каждый год его дети еще месяц-другой гостили у бабушек и дедушек, а когда до начала учебного года оставалась неделя – дней десять, соскучившись по отцу, возвращались домой.

... Только что в Берлинском аэропорту приземлился самолет из Москвы, и вот уже по трапу спускаются пассажиры этого рейса. Хасар стоит в толпе встречающих и пристально всматривается в заходящих в здание аэровокзала людей. На какое-то мгновение ему почудилось, что люди выходят не из самолета, а спускаются по ступеням, проложенным между небом и землей, прямо из чрева неба. Издали длинное зеленое платье сходящей по трапу Дуньи напоминает развевающийся флаг. Вот она уже идет в толпе прилетевших, держа за руки детей, и озирается по сторонам, выискивая

среди встречающих своего Хасара, идет торопливым шагом, а он видит, как вертит она головой и ищет его. И как только увидит, радостно улыбнется, а потом помашет поднятой рукой: «Мы здесь!» Дунья весело сообщит детям, что увидела их отца, тогда и они, радуясь предстоящей встрече, будут смотреть туда же, куда смотрит их мать, чтобы увидеть отца. Сердца всех переполняет радость.

Попивая принесенный официанткой горячий кофе и разглядывая через стеклянную стену залитый дождем от горизонта до горизонта окружающий мир, Хасар сидел, погружившись в воспоминания о счастливом для него времени. Справа от Хасара, прямо перед зданием аэропорта, стояли выстроившиеся в ряд «Боинги», напоминавшие красавцев-скакунов, которых только что искупали. Временами где-то далеко на горизонте садился самолет и, сбрасывая скорость, начинал двигаться в сторону аэровокзала, а гаснущий звук его двигателей напоминал храп коня, подходящего к своему стойлу.

Поскольку все мысли Хасара были пронизаны любовью и нежностью к Дунье, то были они притягательными и приятными.

Вот перед мысленным взором снова появилась Дунья. Они с Хасаром собираются в гости, и она прихорашивается перед зеркалом: наряжается и укладывает волосы, делает это не спеша, с чувством. Любуется своим отражением в зеркале и остается довольной: «Хороша!»

А Хасар уже давно готов, он выгнал из гаража машину и ждет ее во дворе. Поглядывая на часы, нервничает: «Ну что она там застряла?» Она все не идет и не идет, и тогда Хасар выключает двигатель автомобиля и идет за женой в дом. А Дунья все еще стоит перед зеркалом, то с одной стороны на себя посмотрит, то с другой, перебирает платья, не зная, какое из них выбрать, платки, чтобы выглядеть особенно нарядной. Хасар вернулся, недовольно ворча: «Ты

что, приклеилась к зеркалу, пойдем уже, коли собрались!» Понимая, что это она задерживает обоих, Дунья повернется к нему с виноватым видом и покаянно улыбнется, но тут же, зная, что она любимая женщина, все прихоти которой всегда выполняются, кокетливо ответит: «Да, иду я, уже иду!» И снова превратится в желанную женщину Хасара.

В такие минуты Хасар, возбужденный и охваченный желанием, забыв обо всем на свете, хватал жену на руки и уносил с этого места, в спальню, не обращая внимания на сопротивление и возмущенные возгласы Дуньи...

А потом Дунья, завернувшись в смятую простыню, начнет собирать одежду, впопыхах раскиданную по всей комнате, и, делая обиженный вид, с любовью и нежностью произнесет:

– Ох уж эти мужчины, ну, совсем у них терпения нет. Стоит их женам начать наряжаться, как они перестают сопротивляться своим желаниям, кидаются на них.

Этот момент для Хасара был одним из самых приятных и запомнившихся.

Заново одеваясь, Дунья ворчала на мужа, но для него ее голос в эти минуты был самой завораживающей музыкой.

Занятый своими мыслями Хасар вдруг почувствовал у себя за спиной чей-то взгляд. И не ошибся. Сделав вид, что ищет взглядом официантку, он обернулся и увидел сидящих через пару столиков от него за отдельным столом броско одетую женщину лет сорока-сорока пяти и девочку двенадцати-тринадцати лет с лучистыми глазами. Они с загадочным видом наблюдали за окружающими и о чем-то вполголоса переговаривались, похоже, делились секретами.

Хасар обернулся, и женщина сделала вид, что смотрит не на него, а куда-то дальше, разглядывает самолеты, виднеющиеся через стеклянную стену за его спиной.

Как бы там ни было, от внимания Хасара не ускользнул ее вороватый взгляд и то, как она попыталась быстро отвести

его и покраснела. Даже не зная, о чем говорили женщина и девочка, Хасар догадался, что речь шла о нем. Поэтому-то Хасар и подумал, что, вероятно, это его знакомые, только никак не мог вспомнить, откуда он их знает. Напрягая память, Хасар внимательно посмотрел на женщину, пытаясь припомнить ее, но все его старания оказались напрасны: он так и не вспомнил, откуда он знает эту нарядную даму и сидящую рядом с ней девочку. Хасар вполне допускал, что никогда прежде не встречал эту женщину. Ведь, если они знакомы, было бы логичным, чтобы женщина подала какой-то знак, головой бы что ли кивнула или улыбкой приветствовала его. Потом он подумал, что внимание женщин привлек не он сам, а его военная форма. Сшитая из темно-синего сукна военная форма была Хасару к лицу, она делала его стройным, в ней он выглядел гораздо младше своих лет, хотя и был серьезен и учтив. Он и прежде ловил на себе любопытные взгляды женщин, знал, что нравится им. Но больше других встрече с ним радовались мальчишки, мечтавшие стать командирами. Нередко держась за руку матери, они говорили: «Мама, когда я вырасту, стану таким же командиром, как вон тот дядя!» Мать и сын с удовольствием смотрели на Хасара и улыбались ему, а для Хасара это были приятные минуты его жизни.

Хасару эта женщина показалась человеком со вкусом, во всяком случае, в том, как она одета, чувствовался хороший вкус, умение преподнести себя посредством одежды. Волосы, собранные на затылке пучком, она подвязала тонким голубым платком в мелкий цветочек. Из-под кожаной безрукавки с отворотами выглядывал кусок платья темно-зеленого цвета с большой вышивкой. Она говорила, чуть подавшись вперед, отчего ее полные груди касались стола. Непонятно почему, но Хасару во взгляде женщины почудился непраздный интерес вперемешку с желанием, но в то же время и едва уловимая ирония.

Хасар вдруг понял, что эта женщина всего лишь одним мимолетным взглядом заняла все его мысли, и он, как рыбка, клюнул и попался на ее крючок. Правда, поначалу Хасар пытался как-то оправдать себя: «Глаза на то и даны, чтобы смотреть, куда захочется». Но тут же отогнал эту мысль. Ему и в самом деле показалось, что во взгляде женщины были то ли какое-то беспокойство, то ли насмешка, а может, и еще что-то. Он и сам не заметил, как стал думать обо всем этом.

По тому, как одета женщина, а на ней была одежда современного кроя, как унизаны золотыми кольцами ее пальцы, а на шее сверкал толстенный золотой «трос», Хасар сделал вывод, что она является разбалованной женой какого-нибудь «нового туркмена», из тех, кто разбогател за последние годы.

Удивительнее всего то, что после случайно брошенного взгляда нарядная женщина больше ни разу не повернула головы в сторону Хасара, как будто утратила к нему всякий интерес. Лениво потягивая принесенный официанткой кофе, она изредка что-то говорила сидящей напротив нее девочке.

Как ни старался Хасар, так и не вспомнил, откуда он знает эту показавшуюся ему знакомой женщину. А потом, как и бывало с ним всегда, мысли о незнакомой женщине куда-то ушли, а вместо них вернулись возбуждающе-радостные мысли о его любимой Дунье.

Приближалось время прибытия рейса из Стамбула. Каждый раз, когда на взлетном поле Ашхабадского аэропорта приземлялся самолет, Хасар испытывал волнение, как будто именно из этого самолета должна выйти Дунья. Он и сам не заметил, как снова стал думать о жене...

Хасар познакомился с Дуньей в тот год, когда он, окончив третий курс медицинского института в Ашхабаде, приехал для продолжения учебы в Ленинградский мединститут. В те годы практиковалось такое: лучших из студентов Туркменского мединститута направляли в более сильные

учебные заведения страны для продолжения занятий. Хасар тоже был одним из тех студентов, приехавших в Ленинград по направлению. В комнате общежития он жил вместе с приехавшим на два года раньше него парнем по имени Каков.

В один из дней Каков сообщил, что в следующее воскресенье собирается отметить свое двадцатипятилетие, и Хасар охотно поддержал его: «Любой другой день рождения можно не отмечать, но двадцать пятый день рождения оставлять без внимания нельзя ни в коем случае. Неплохо было бы кого-нибудь из наших девчонок, ну хотя бы Джахан, попросить приготовить плов!» Имя Джахан он назвал неспроста: Джахан была однокурсницей Какова, и они мечтали сразу же по окончании института сочетаться браком и сыграть свадьбу. Девушка часто навещала своих земляков, Хасару не раз доводилось пробовать плов, приготовленный Джахан. Каков вспомнил, что в Ленинграде есть и еще одна девушка, его троюродная племянница, родители которой по-родственному просили его присмотреть за ней в чужом городе. Недавно он вместе с Джахан навестил эту девушку в общежитии. Девушку зовут Дунья.

Она пришла на день рождения дяди вместе с двумя соседками по комнате. Сам того не замечая, Хасар стал думать о Дунье с той минуты, как увидел ее.

Про себя отметил, что девушка кажется младше своих лет, во всяком случае, явно не студенческого возраста. Ее роскошные волосы были красиво подстрижены и ниспадали до плеч, эта стрижка делала ее похожей больше на европейскую, нежели на восточную девушку, и лишь нарядное зеленое шелковое платье с изящной вышивкой выдавало в ней туркменку. Она была так хороша, что сразу же привлекала к себе всеобщее внимание. Придя в гости, Дунья представила собравшимся своих подруг, после чего активно включилась в работу, помогала Джахан и другим

девушкам, занятым приготовлением плова, сновала между комнатой и кухней, несла оттуда все, что нужно было для праздничного стола. Как-то раз Хасар наблюдал за тем, как Дунья заправляла сметаной нарезанный салат и перемешивала его. Он увидел, как она исподлобья бросила на него быстрый взгляд, но тотчас опустила глаза и зарделась от смущения. Чтобы скрыть свое волнение, Дунья, как ни в чем не бывало, полуобернулась к Джахан, которая ничего не видела и в это время перемешивала плов.

Хасар не знал в точности, о чем в этот момент подумала девушка, но догадался, что ее мысли каким-то образом коснулись его. Торжество было организовано в небольшой комнате, в которой Каков жил вместе с Хасаром, но во всем чувствовалась женская рука: все было аккуратно расставлено по своим местам, а потому комната стала казаться просторнее. В ожидании приглашения к столу ребята стояли у окна, курили и о чем-то переговаривались между собой, стараясь не мешать девчонкам в их работе.

Вскоре после того, как пришли все приглашенные, Джахан на правах хозяйки этого торжества принесла блюдо с дымящимся пловом из курицы, поставила его в центре стола и радушно пригласила всех за праздничный стол. Рассадив гостей по местам, сняла с себя фартук и села рядом с Каковым. Дунья расположилась возле Джахан. Напротив нее около ее дяди Какова сидел Хасар. Как и Каков, он был в выходном костюме, волосы аккуратно зачесаны на затылок.

Постепенно обстановка за столом разрядилась, стало шумно и весело. Все находились в приподнятом настроении. Встав с места, Дунья поздравила дядю с днем рождения и от себя и подруг вручила ему завернутый в бумагу подарок, после чего приподнялась на цыпочках и нежно поцеловала его в щеку. Когда она с бокалом шампанского в руках произносила тост, было видно, как она волнуется, от смущения на щеках ее вспыхнул румянец.

– Желаю дяде доброго здоровья и долгих лет жизни, чтобы он благополучно завершил учебу и вступил в брак со своей любимой девушкой, – Дунья лукаво посмотрела в сторону сидящей рядом с ее дядей Джахан, с улыбкой на лице и благодарностью принимающей относящиеся к ней слова. – Дай-то Бог и нам получить образование, достичь своей цели и благополучно вернуться на Родину!

Ее тост, произнесенный с некоторой долей жеманства, вдохновил гостей. Хасар с завистью посмотрел на соседа, удостоившегося поцелуя. Повязывая на шею Какова галстук, купленный по случаю двадцатипятилетия друга, Хасар шутливо произнес:

– Пусть твоя избранница держится за этот галстук и повсюду тянет тебя за собой со словами: «За мной, мой любимый верблюд!»

Через пару дней Хасар понял, что незнакомая девушка обожгла его одним своим взглядом и запала в душу. Теперь образ Дуньи постоянно был у него перед глазами. Он вспоминал, как она разговаривала с гостями на том дне рождения, с каким интересом смотрела на него. Эти воспоминания заставляли его заново переживать какое-то непонятное, но приятное и волнующее чувство, ощущение ее прикосновения к нему.

Ему очень хотелось поделиться своими чувствами с Каковым, намекнуть ему о своих сокровенных мыслях, попросить совета. Но зная, что Каков считает ее еще ребенком, опасался услышать от него обидные для себя слова, а тогда все может запутаться еще больше. Но неожиданно вспыхнувшее в нем и завладевшее всем его существом чувство не давало покоя, лишало его уверенности в себе. Ему хотелось хотя бы краем глаза увидеть Дунью, он не в состоянии был усидеть на одном месте. И вот однажды в воскресенье Хасар вышел из дома в надежде встретить девушку. Когда он вышел из трамвая рядом с общежитием Дуньи, солнце уже было в зените.

В этот день Дунья и ее соседки по комнате встали позже обыкновения, они хорошенько выспались и только сейчас сели завтракать. Вчера вечером, собравшись вместе, они стали вспоминать день рождения дяди Дунья как приятное событие, и в разговоре несколько раз упомянули имя Хасара. Пухленькая Валентина, хитро посмотрев на Дунью, сообщила: «А он влюбился в тебя!» давая понять, что вот и за Дуньей приплыл на алых парусах долгожданный принц. «Тебе показалось!» – возразила Дунья, нахмурив брови. Но потом, оставшись наедине с собой, поняла, что при упоминании имени Хасара в ее душе возникает какой-то трепет, и она испытывает неизъяснимое волнение. С этой минуты девушка поняла, что в ее собственном мире появился человек, о существовании которого она еще совсем недавно даже не подозревала. Стройная фигура Хасара то и дело оживала в сознании девушки, и чем дольше она видела его своим мысленным взором, тем сильнее ощущала происходящие в ее жизни перемены. Чтобы снова и снова переживать эти приятные минуты, Дунья, оставшись наедине с собой, невольно скрещивала руки на груди и закрывала глаза.

На стук в дверь все три девушки отозвались одновременно: «Входите, дверь открыта!», решив, что пришел кто-то из соседей по общежитию, как это водится у студентов, чтобы одолжить соль, спички, нож, посуду или еще что-то. Но когда на пороге появился Хасар с букетом цветов в одной руке и с тортом в другой, две русские девушки из этой комнаты, сверкнув глазами, с завистью и восхищением посмотрели на Дунью, словно спрашивая ее: «Ну, а мы что говорили?»

Однокурсницы, сразу же сообразившие, что происходит, подбежали к двери и встретили Хасара, усадили его рядом с растерянной Дуньей, которая глазам своим поверить не могла, улыбалась застенчиво, краснела, двумя руками

держась за ворот домашнего халата. Дунья думала о Хасаре, но она и в мыслях не держала, что ее заветное желание может сбыться так быстро. Подруги Дуньи поставили на стол вазу с цветами, для приличия съели по кусочку торта и сразу же заспешили по своим делам: надо было оставить влюбленных наедине. Поняв, что наедине с Хасаром она будет чувствовать себя неловко, Дунья попыталась остановить девчонок: «Да куда вы, не уходите!», но у нее ничего не вышло, потому что те-то хорошо знали, чем все может закончиться. Ушли, оставив их наедине и пожелав хорошего настроения, смеясь и представляя, что может произойти после их ухода.

Девушку все еще била мелкая дрожь. Она появилась у Дуньи в тот момент, когда на пороге, словно в счастливом сне, неожиданно появился Хасар. Они оба тогда испытали одинаковое волнение. Сейчас, увлеченные мыслями друг о друге, забыв обо всем на свете, еще не догадывались, что именно в эти минуты у них зарождается другая жизнь, в которой не будет места никому, кроме них двоих.

Подумав о том, что находится у себя дома, а Хасар у нее в гостях, что должна уделить ему внимание, в противном случае он никогда больше не появится здесь, а она совершенно не желает такого поворота событий, Дунья немного осмелела и взяла себя в руки. Спросила у гостя, как поживает ее дядя Каков. С присущей женщинам памятью вспомнила, какой вкусный плов приготовила Джахан на его дне рождения, и по-женски позавидовала тому, как по-хозяйски вела себя та. Но все равно разговор не клеился, они чувствовали себя скованно, мешало волнение, которым они все еще были охвачены. Их беседа сводилась к кратким вопросам и таким же коротким ответам. Смущенная девушка чувствовала, что ее состояние передалось и Хасару, он от волнения тоже не мог сказать что-то путное, так что его состояние было ничуть не лучше, чем у девушки. Обстановка была напряженной, им обоим было не по себе.

За дверью были слышны шаги, голоса, иногда эти шаги приближались к двери, и казалось, что вот сейчас в комнату войдет кто-то посторонний. Ради приличия Хасар сделал глоток чая, предложенного ему хозяйкой комнаты, но не прикоснулся к принесенному им самим торту. Погрузившись в свои мысли, рассеянно отвечал на вопросы девушки. Временами поднимал голову и украдкой бросал смущенные взгляды на сидящую перед ним девушку, на ее роскошные волосы, рассыпавшиеся по плечам. Хасар все никак не мог решиться и сказать девушке те слова, которые просились наружу, ему вообще казалось, что он засиделся, и ему пора идти. Наконец, он решился. Обратив свои слова в шутку, он все же сказал девушке то, ради чего пришел сюда.

– Дуня, я ведь пришел к вам по объявлению!

– Что еще за объявление? – Дуня не сразу уловила скрытый в словах Хасара подтекст и удивленно пожала плечами.

– Вы же недавно разместили в газете объявление, что ищете персонального врача. Так вот, я пришел к вам, чтобы предложить свои услуги и стать вашим личным врачом.

Поначалу Дуня не заметила юмора в словах Хасара, и чуть было не спросила: «Когда это я давала такое объявление?» но потом вдруг до нее дошло, что это всего лишь шутка и повод для начала разговора. Вон оно что, значит, понравилась парню. Дуня смутилась, не зная, как реагировать на слова, потупила взгляд. Потом все же подняла голову и застенчиво посмотрела на Хасара, который с нетерпением ждал ее ответа и поглаживал подбородок. Всем своим видом он говорил: «Ну, что ты на это скажешь?»

– Надо бы подумать...

– А вы хорошенько подумайте, я подожду. Если, конечно, я не опоздал. Не опоздал ведь?!

– Не то, что не опоздал... гмм... – девушка отвернулась в сторону, в ее ответе явственно прозвучала ирония. – Напротив, может, слишком рано пришли?!

Хасар по-своему расценил слова девушки, произнесенные с хмурым видом, решил: учитывая ее юный возраст, девушка дала ему понять, что он ей не пара. После этого ему больше не хотелось оставаться возле Дунья. Со смешанными чувствами распрощался с девушкой. Несколько дней он не мог смотреть в глаза Какова, опасаясь, что девушка могла пожаловаться дяде на бесцеремонность его товарища, ему было стыдно. Настроение было плохим, интерес к жизни пропал. Теперь по вечерам он рано ложился спать, зачастую даже не поужинав.

В воскресенье Каков сообщил, что идет с Джахан в кино, пригласил и Хасара: «Пойдем с нами, говорят, хороший фильм», но Хасару было не до кино. После ухода Какова взял один из конспектов и лег на кровать, чтобы просмотреть его. Настроения не было, да и читать совсем не хотелось. Он лежал, уставившись в потолок, и размышлял о своем.

В дверь несколько раз постучали. Наверно, Каков забыл что-то и вернулся. Хасару было лень идти открывать дверь, он был недоволен тем, что его товарищ забыл ключ от двери и вот теперь стучит, беспокоит его.

– Входи, если без этого никак нельзя обойтись! – он с недовольным видом открыл дверь и обомлел. У входа стояла Дунья. Волнуясь, девушка произнесла обиженным тоном:

– Что же ты, показался раз и пропал!

Только теперь Хасар увидел перед собой расстроенную девушку, которая тоже мучилась всю эту неделю и не могла не прийти, что сюда ее пригнало бушующее в груди пламя.

После этого за все время учебы не было недели, чтобы они не виделись, не встречались. Каждый раз, отправляясь на каникулы в Ашхабад, они ждали друг друга и брали билет на один рейс. Прилетев в Ашхабад, Хасар провожал Дунью до дому, а потом спешил на вокзал, чтобы ехать в Красноводск.

Хасар нечаянно познакомился и с отцом Дуньи, о котором она так много рассказывала. С сумкой на плече

зашел в булочную, купил там батон и на ходу жевал его. Подходя к общежитию, увидел Дунью, стоявшую рядом с мужчиной крепкого телосложения, на которого она была очень похожа. Они наблюдали за тем, как он идет, и Хасару вдруг стало неловко. Он чуть не подавился, закашлялся, отвернулся. Дунья тоже отвернулась, с трудом сдерживая смех. Непрожеванный кусок булки, проглоченный Хасаром при виде девушки с отцом, больно ободрал горло. Подойдя поближе, поздоровался, Дунья, стараясь не показать виду, представила Хасара так: «Парень, который живет в одной комнате с моим дядей».

– Здравствуй, молодой человек! – приветливо поздоровался с ним отец Дуньи. – Да, хорошая пора студенчество. – В разговоре он сообщил, что и сам когда-то учился в том же институте, где и Дунья, и с ностальгическими нотками в голосе вспомнил свое студенческое прошлое.

В тот же вечер отец Дуньи пригласил ее вместе с соседками по комнате, а также Какова и Хасара в ресторан гостиницы, в которой он остановился. Хасар не был уверен, что должен отозваться на приглашение отца Дуньи, ведь об их отношениях пока что знали только они двое... «Смогу ли я присутствовать там как обычный гость, не подать виду? Тем более, что Дунья не собирается извещать об этом родителей вплоть до того момента, как дело дойдет до свадьбы... Допустим, я отвечу на приглашение и пойду, не получится ли так, что я буду краснеть и бледнеть и тем самым поставлю Дунью в неловкое положение?» – вот какие сомнения одолевали Хасара.

Но Каков категорически не одобрил его попытку отказаться от приглашения отца девушки, не принял его отговорок. «Нет, вы только посмотрите на него! Значит, чью-то единственную дочь любить он может, а принять его приглашение ему стыдно. Ничего не знаю, собирайся и пошли, зятек, я тебя с будущим тестем поближе познакомлю!»

Повидавшись с любимой дочкой, отец Дуньи назавтра сел в «Красную стрелу» и поехал из Ленинграда обратно в Москву, где он находился в командировке. Вчера, когда они ужинали в ресторане, Дунья сообщила Хасару о своем намерении вместе с ним проводить отца. Дунья ничего не говорила отцу о Хасаре, но по тому, как они общались и с полуслова понимали друг друга, отец девушки догадался, что этот стройный и красивый юноша ухаживает за его дочерью. Когда он вернулся домой, жена первым делом спросила:

– Ну как там наша Дуньегозель, учится? Присматривает ли там за ней дядя?

На что отец девушки ответил:

– Ай, мать, похоже, за нашей дочерью помимо твоего брата есть кому присмотреть... – и рассказал жене о Хасаре.

Каждый раз, когда Дунья, как и сейчас, отсутствовала, Хасар по обыкновению предавался воспоминаниям о ней. Ему эти воспоминания были дороги и приятны...

Теплые чувства в душе Хасара пробуждали и воспоминания о белых ночах Ленинграда.

В тот раз Хасар и Дунья вышли с последнего сеанса нашумевшего кино. Время было уже позднее, но возлюбленным не хотелось расставаться. Город был залит светом белых ночей. И разве в такую ночь захочется спать, особенно если ты молод и горяч?! Воздух прозрачен и чист, без капли влаги, и погода теплая.

Теперь они были вместе при любом удобном случае. Но и этого им было мало, потому что им не хотелось расставаться даже ненадолго. Они вместе гуляли по городу, перекусывали, где придется, искали в книжных магазинах книги – каждый по своей специальности.

Выйдя из кинотеатра, Хасар и Дунья пошли берегом Невы. Держась за руки и, нежно глядя друг на друга, они переживали чувство своей сопричастности к этой белой ночи, были опьянены любовным дурманом.

Дунье было приятно ощущать тепло руки Хасара. Похоже, и Хасар чувствовал это. Ему не хотелось выпускать руку Дуньи из своей руки. Время было позднее, приближался тот час ночи, когда город оставлял свои самые потаенные уголки для припозднившихся влюбленных. Над Невой то тут, то там серели сгустки тумана. В эти минуты белая ночь напоминает медленно идущую невесту в просторном белом платье, Похоже, город с удовольствием запутался в полах этого широкого белого платья. Город, укутанный дымкой, казался таинственным, а прогуливающиеся пары напоминали старателей, ищущих эту тайну. Дунья вдруг посмотрела на часы и предложила Хасару: «Пойдем, посмотрим, как разводят мосты!» Их желания совпали. Живя в Ленинграде, им обоим не доводилось видеть, как разводят мосты. Хасар и Дунья поспешили к каналу и увидели, что не они одни пришли посмотреть на чудо разведения мостов. Здесь прогуливались еще несколько пар. Вытянув шеи, они стояли в ожидании, боясь пропустить главное действо. Часть моста, на которую падал свет прожектора, блестела в ночи как зеркало в лучах солнца. Другая часть большого прожектора освещала фасады домов на противоположном берегу реки, обратной стороной они были повернуты к ночи, отчего напоминали молчаливую толпу, вырвавшуюся из пут душевной ночи.

Когда они подошли, крылья моста только-только начали подниматься, напоминая огромные льдины, на которых весной сначала появляются трещины, а потом они раскалываются на куски. Дунья и Хасар изумленно смотрели на крылья моста, которые, все более отдаляясь друг от друга, взмывали в небо.

— Почему они каждый день разводят мосты, разве нельзя, чтобы они стояли на месте, как обычные мосты? — через некоторое время шепотом спросила Дунья, прижавшись к Хасару.

Долго ждать ответа не пришлось. Вначале донесся глухой гул приближающегося со стороны канала судна. А вскоре из-за поворота появился громадный лайнер, как гора, возвышавшийся над водой.

– Это корабль белой ночи, – сказала Дунья, – до чего же он красив!

– Наверно, он вышел из Кронштадта. А эти разводные мосты построили специально для прохода вот таких больших судов, – пояснил Хасар.

Через некоторое время показался еще один корабль, а за ним цепочкой шли несколько судов. Суда шли друг за другом по реке между раскинувшимися на обе стороны, как крылья гигантской птицы, частями моста.

Белые ленинградские ночи имели обыкновение притягивать к себе молодежь. Влюбленные в такие ночи бродили до утра, обнимаясь и целуясь, не замечая, как летит время. Им совсем не хочется расставаться с такой красотой и куда-то уходить.

Шел шестой час утра, когда Хасар довел Дунью до двери общежития. Время скорого пробуждения ото сна. Вахтерша Нина Михайловна, крупная женщина, составив в холе общежития стулья, спала на них, возвышаясь горой, словно на троне.

– Ну, вот ты и пришла. – Хасару не хотелось расставаться с Дуньей, он не выпускал ее руку, желая еще хоть на немного продлить эту счастливую ночь. И девушка почувствовала это.

– Пойдем со мной, может, ты сегодня у нас заночуешь? Время уже позднее. Или раннее? Соседки по комнате сдали сессию и разъехались по домам. Так что в комнате я одна осталась!

Кивнув головой в сторону спящей Нины Михайловны, Хасар недоверчиво покачал головой.

– Да, нет, мне лучше уйти. Трамваи, наверно, уже ходят.

– Пошли! Сегодня дежурит Нина Михайловна, а она очень хороший человек, поймет нас, – и Дунья снова потянула Хасара за руку.

Их разговор разбудил спящую женщину.

– А, белыми ночами любовались? Налюбовались, значит!

– Да, – виновато ответила Дунья. Ей было неловко за столь поздний приход и доставленное беспокойство.

– Я тоже любила белые ночи. От прогулок в такие ночи получаешь особое наслаждение. Девушки просто расцветают.

Хасар согласился с женщиной, вспомнившей былое, и пусть ненадолго, но испытывшей приятное чувство. Стоя рядом с Дуньей, он мило улыбнулся ей и благодарно кивнул головой.

– Твой парень? – спросила старая женщина у Дуньи, взглядом одобряя выбор девушки.

– Да.

– Земляк?

– Да.

– Студент?

– Да, он на врача учится.

– Гмм...

Нина Михайловна по-женски поняла Дунья.

– Пусть он всегда будет рядом с тобой! – и она махнула рукой, давая понять, что разрешает им пройти дальше, после чего снова положила голову на подушку.

Радуюсь полученному разрешению, Дунья и Хасар быстренько прошли дальше. Поначалу у Хасара и в мыслях не было остаться с Дуньей на ночь. Думал, как обычно, проводит ее до общежития и пойдет дальше. Все получилось само собой, как будто кто-то заранее спланировал эту ситуацию и в нужную минуту пришел им на помощь.

Когда они вошли в комнату, Хасар обратил внимание на идеальный порядок в ней. Юноша понял, что сегодняшнее

их свидание вовсе не было случайным, что Дунья все предусмотрела и тщательно подготовилась к встрече со своим любимым без свидетелей. Да он и сам уже давно мечтал о таком свидании, мысленно прокручивал его, хотя все сегодняшнее было похоже на сон. Хасар вспомнил, что в своих снах часто видел Дунья и, предаваясь ее женским ласкам, долго не мог проснуться.

На лице опьяненной любовью Дуньи были видны следы усталости, но и удовлетворения не сходили с ее лица, а если и сходили, то ненадолго, потом они снова занимали свое место, и тогда порозовевшее лицо девушки становилось похожим на цветок, причем, на красивый живой цветок. Так бывает всегда, когда женская душа ликует и отдается страстным желаниям.

Оставшись наедине в небольшой комнате студенческого общежития, они почувствовали себя на вершине блаженства, поверили, что сбылась их заветная мечта.

Первое, что бросилось в глаза при входе в комнату, три аккуратно застеленные кровати, у стены справа от входа стоял высокий платяной шкаф, на полке слева от входа разместился радиоприемник, по которому девушки слушали музыку, передачи, а за ним были аккуратно расставлены книги.

И хотя в комнате царили чистота и порядок, девушкам всегда казалось, что чего-то не хватает, однако с приходом Хасара Дунья никаких недостатков не увидела. Поскольку все было расставлено и разложено по местам, комната казалась просторной, в ней стоял легкий запах женской парфюмерии. Дунья сняла легкий плащ и тонкий головной платок и повесила их в шкаф. Переодеваясь в просторный домашний халат, она временами бросала на Хасара взгляд, словно хотела ему что-то сказать. А ей хотелось сказать Хасару: «Может, поставить чай, и мы немного перекусим?» Но сейчас никому не хотелось ни чаю, ни еды. Город

досматривал последние сны. Хасару и Дунье тоже очень хотелось спать. У них слипались глаза.

Когда Дунья сменила выходную одежду на домашний халат и подошла к Хасару, тот встал с места, взял девушку за руки, жадно посмотрел ей в глаза и притянул к себе.

Смущаясь, Дунья казалась особенно красивой. Страсти, кипевшие в душе девушки, придавали ее лицу особое очарование. Чем больше Хасар смотрел на нее, тем больше обаяние девушки притягивало его. С одной стороны девичья стеснительность, а другой – сила, противостоять которой Хасар был не в состоянии. Кровь ударила в голову влюбленного Хасара. Не помня себя, он схватил Дунью и поднял ее на руки, а потом крепко прижал к груди. Когда теплое дыхание Хасара ударило в лицо девушки, она прижалась к нему еще сильнее и страстно зашептала:

– Ой, парень, куда ты несешь меня?

– Куда надо...

– А куда надо?

– Туда мы с тобой вместе отправимся...

Произнося эти слова, Хасар дрожал всем телом, ему не хватало воздуха, и он задыхался. Очутившись в постели, Дунья и сама не поняла, что оказалась в оковах любви, что сейчас самым сильным чувством была страсть, и это чувство преобладало над всеми остальными. В тот момент, когда Хасар взял ее на руки, она испугалась, но теперь поняла, что все ее переживания были напрасны, что сейчас они оборачиваются радостью и удовольствием. Дунья осознала, что сегодня у нее начинается совершенно другая, более интересная жизнь. Девушка была уверена, что это счастье ей выпало на всю оставшуюся жизнь, с удовлетворением подумала, что оно будет принадлежать только ей одной. В ту ночь они стали единым целым, стали не только мыслить одинаково, но и разделили одну судьбу на двоих...

Проснувшись, Хасар не обнаружил Дуньи рядом с собой в постели, он увидел ее стоящей у окна. Придерживая одной рукой раздвинутую штору, она задумчиво смотрела на улицу. Хасар тихонько подошел к девушке, обнял ее сзади и поцеловал в шею. Дунья схватила лежащие на ее плечах руки и с нежностью прижала их к своей груди.

Потом они еще некоторое время стояли у окна в обнимку, испытывая обоюдное желание, и с благодарностью разглядывали раскинувшийся в объятьях белой ночи Ленинград...

Сваты появились в доме родителей Дуньи в тот момент, когда она приехала на каникулы после зимней сессии. На стук в калитку вышла Дунья. Открыв ее, увидела двух незнакомых мужчин и с ними женщину в большом головном платке. Догадавшись, что это за люди, на вопрос: «Здесь дом Айназара?» Дунья ничего не ответила, растерялась и побежала обратно в дом. На ходу сообщила матери: «Мама, на улице двое незнакомых мужчин и женщина спрашивают наш дом!», — а сама нырнула в свою комнату.

Это были родители и дядя Хасара, которые приехали специально для того, чтобы сосватать Дунью за своего сына.

Есть ли на свете родители, которые бы не беспокоились о своем ребенке и не задумывались о его будущем?! У своих родителей Дунья была единственным и горячо любимым ребенком. Поскольку их единственным дитем была дочь, родители мечтали о том, что Дунья заменит им сына. Они понимали, что их мечта сбудется только в том случае, если их дочери повстречается достойный парень, что только хороший зять может стать им настоящим сыном. Именно о таком зяте мечтали родители Дуньи.

Дунья была единственным выжившим ребенком из тех многих, которыми была беременна ее мать. Конечно, ее матери хотелось иметь много детей, воспитывать их вместе с мужем, как заботливая наседка держать их под своим крылом...

Родители Дуньи с первого раза разглядели в Хасаре именно того человека, который заменит им сына, поверили в него.

Тем же летом сыграли свадьбу Дуньи и Хасара.

Когда у Дуньи родился первенец Арслан, она была на последнем курсе института, А Хасар уже учился в аспирантуре.

... Когда объявили о посадке стамбульского самолета в Ашхабадском аэропорту, Хасар заметил, что вокруг него началось оживление, многие люди стали беспокойно смотреть по сторонам, пытаясь что-то увидеть. Хасар посмотрел в ту сторону, где сидела разглядывавшая его с непонятным любопытством женщина с девочкой, и увидел, как женщина снимает со спинки стула платок и, переговариваясь с девочкой, встает с места. Хасар понял, что они тоже встречают борт из Стамбула.

После этого Хасар присоединился к толпе встречающих, встал у стеклянной стены в том месте, откуда хорошо видно летное поле, и стал одним из ожидающих.

Стамбульский лайнер, напоминая только что вынырнувшую из воды акулу, медленно подкатился к объявленному по радио выходу и остановился. Хасар сразу же узнал Дунью, когда она, чуть наклонившись, появилась в тесноватом проеме самолета. На плече у нее висела сумка, с которой она практически никогда не расставалась. Сумка цеплялась за пояс, которым был туго подпоясан плащ. На этот раз, выйдя из самолета, Дунья не стала озираться по сторонам в поисках Хасара, как она это делала обычно. Спустившись по трапу, она остановилась и стала смотреть вверх, как будто что-то забыла там, наверху в самолете, вид у нее был такой, словно она собиралась вернуться назад. Повернувшись лицом к невысокому человеку плотного телосложения, следовавшему за ней из самолета и смотревшему поверх голов идущих впереди, Дунья, согласно кивая головой, что-то говорила ему.

Хасар подумал, что этот человек – недавно разбогатевший хозяин фирмы, летавший вместе с Дуньей в Турцию для заключения контракта. Жена работала в этой фирме уже больше полугода, а он до сих пор толком не познакомился с ее начальником. Он только слышал, что этот человек был одноклассником Дуньи и что еще их объединяет какое-то дальнее родство. Пассажиры, гуськом сойдя с трапа, стояли рядом с самолетом в ожидании подачи автобуса, а в это время Дунья о чем-то беседовала со своим начальником в сторонке. Вернее, говорила Дунья, а ее начальник молча слушал ее и время от времени кивком головы одобрял ее слова. Похоже, они обсуждали какой-то производственный вопрос, Дунья говорила безостановочно и, кивая головой, как-то по-женски подчеркивала сказанное ею.

Поначалу поведение Дунья показалось Хасару странно-возбужденным, и он даже подумал: «Неужели они за две недели не наговорились?», но потом, поразмыслив, он пришел к выводу, что она не может сдержать своих эмоций, радуясь благополучному возвращению домой и своей скорой встрече с любимыми внуками, которые ждали ее с нетерпением.

Наблюдая за женой со стороны, он заочно слушал ее отчет о поездке.

Время затянуло Дунью в пучину возраста и оставило там, но она мало изменилась. Конечно, она уже не была той юной и изнеженной невесткой, какой была и тридцать, и двадцать лет назад. Но замужество пошло ей на пользу, и если раньше она была худа и угловата, то с рождением детей набралась соков и расцвела, стала еще красивее.

Дунья была младше Хасара на пять лет. Когда пару лет назад Хасару исполнилось пятьдесят, вместе с его юбилеем она двойным праздником отметила и свое сорокапятилетие.

Хасар радовался и гордился тем, что живет с такой любящей женщиной. Иногда, когда Дунья наряжалась, зная, что это ей нравится, Хасар непременно делал ей

комплименты: «Наша кайтарма красотой своей любую молодую невестку затмит!» А одеваться Дунья умела! Она всегда подбирала себе наряды, которые украшали ее, делали женственнее. И хотя с годами тело ее немного пообвисло, волосы, как и у ее матери, по-прежнему оставались черными, как смоль. За те тридцать лет, что она прожила с Хасаром, Дунья не перетрудилась, потому что все эти годы за ее спиной был военврач, с которым она моталась по гарнизонам и жила в разных городах страны и зарубежья – Ленинграде, Коктебеле, Будапеште, Берлине. Будучи любимой женщиной, она родила мужу двоих детей – сына и дочь, и ее жизнь сложилась даже лучше, чем она мечтала. И хотя и сам Хасар, и Дунья не признавались себе в том, что вступили в осеннюю пору жизни и старость не за горами, они уже женили сына и выдали дочь замуж. Они уже имели внуков, для которых были любящими бабушкой и дедушкой.

Они оба думали, что теперь так и будут жить до конца дней своих – в любви и согласии, любя своих детей и лелея внуков.

В восьмидесятые годы прошлого века у руля огромной страны оказались случайные люди – Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе,... чьи карты были мастерски разыграны иностранными разведками. Эти люди не видели дальше своего носа, а потому впоследствии обрекли свой народ на многие несчастья. И именно тогда начал раскачиваться и терять свою силу огромный корабль под названием СССР. Политики страны уже были не в состоянии остановить крушение империи.

Хасар тогда же вернулся в страну из военного гарнизона, стоявшего в предместье Берлина – Карлсхосте. Через два месяца после возвращения его назначили начальником одного из военных санаториев в Крыму. Страна все больше запутывалась в сетях политических интриг, полки магазинов были пусты, народ нищенствовал и голодал. Налетевший на

страну ураган готов был смести и разрушить все на своем пути...

Став суверенным государством, Туркменистан бросил клич: «Туркменские воины, где бы вы ни находились, вернитесь домой, и займите свое место в Вооруженных Силах страны». Хасар одним из первых откликнулся на призыв Родины и вернулся в страну вместе с женой и детьми. К тому времени его сын уже был летчиком. Уезжая из Крыма, он ни на мгновение не усомнился в том, что поступает правильно, что едет туда, где он нужнее и где его опыт будет востребован.

По возвращении домой поначалу Хасар столкнулся с определенными трудностями, в какой-то мере напугавшими его и заставившими вспоминать о лучших днях. Но он сумел убедить себя в том, что трудности эти временны, что, когда молодая страна наберет обороты, все изменится к лучшему, и стал жить в надежде на лучшее будущее...

Идя впереди нового начальника, Дунья отыскивала взглядом стоявшего поодаль и встречавшего ее мужа, кивком головы поприветствовала его и мило улыбнулась. А тем временем Аннов, давая понять, что заметил их, помахал рукой жене и дочери, стоявшим в нескольких шагах в стороне от Хасара и взволнованно и радостно встречавшим его. Только теперь Хасар узнал женщину, бросавшую на него загадочные взгляды там, в кафе. Теперь ему было ясно, отчего эта женщина показалась ему знакомой. Сейчас он вспомнил, что с женой Аннова, не будучи близко знакомым, он когда-то встречался то ли на свадьбах, то ли еще на каких мероприятиях.

Хасар встретил Дунью у самого входа в аэровокзал. Как обычно, она с удовольствием нырнула в объятия мужа, а затем приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

– Здравствуй, родной. Как дела?

-
-
- Спасибо, хорошо.
 - А как там мои котятки поживают?
 - Ждут, не дождутся свою бабушку – лягушку-путешественницу.

В последних словах мужа Дунья уловила едва заметный упрек. Как женщина она понимала, что таким образом он выражал свое мужское нетерпение, давал понять, как он соскучился по ласкам жены. Радостно улыбнулась, положила голову ему на грудь и потерлась об нее, как бы говоря: «Ну, вот, я же приехала!». Поведение Дуньи напомнило Хасару ту незабываемую встречу в Берлинском аэропорту.

Встретившись со своей семьей и обменявшись с ними нежностями, Аннов вместе со всеми подошел к Дунье. Поздоровался с Хасаром, а его жена, переговариваясь с Дуньей, лишь слегка кивнула ему головой.

Пока Дунья разговаривала с женой и дочерью Аннова, делясь с ними впечатлениями от поездки в Стамбул, Хасар с Анновом в ожидании багажа вышли на улицу для перекура. Аннов считал очередную поездку удачной, поэтому в разговоре с Хасаром позволил себе самодовольно-высокомерный тон. Получив багаж, Аннов первым, кивком головы попрощавшись с Дуньей и Хасаром, уселся вместе с семьей в подъехавший джип. Жена Аннова, как и он сам, на прощание слегка кивнула головой Хасару. А сам Аннов после того, как его водитель, поставив машину рядом с Хасаром, разместил вещи в багажнике, поспешно сел на переднее сиденье.

Да и Хасар, получивший то, что ему было нужно, вывел на мокрые улицы Ашхабада свой старенький «Мерседес» и, кружа по ним, поспешил вместе с Дуньей домой.

* * *

Ключ в дверном замке сделал два оборота. Значит, кто-то пришел. Кто бы это мог быть? Скорее всего, это либо Дунья, либо их сын Арслан, живущий у бабушки. Но он редко приходит к родителям один. Чаще всего он приводит

с собой двух сыновей-погодков, которые не отстают от него, прослышав, что отец собирается навестить родителей: "Мы тоже хотим к бабушке с дедушкой!" Но нет, это явно не они, потому что они бы уже огласили дом своим шумом. Не успев войти в дом, они извещают о своем прибытии: «Бабушка, мы пришли! Дедушка, это мы!» – и наперегонки бегут навстречу деду с бабкой, чтобы первыми оказаться в их объятьях.

Когда дверь открыли ключом, Хасар вспомнил, что, войдя в квартиру, запер дверь изнутри.

Эту квартиру выделили Хасару в ту пору, когда он вернулся в Ашхабад и стал работать врачом в военном госпитале. Некоторое время после приезда они жили у родителей Дуньи, но после получения своего жилья переехали сюда и стали жить отдельно.

Даже еще не видя ее, Хасар догадался, что пришла Дунья. Представил, как она снимает с себя верхнюю одежду и развешивает ее в прихожей, как переобувается в мягкие домашние тапочки. Но еще до ее появления раздался такой родной голос жены:

– Ой, как вкусно у нас пахнет!

– Ах, ты моя козочка, прискакавшая прямо в логово дива!

Приготовив ужин и заканчивая нарезку любимого салата жены, Хасар, давая Дунье понять, как он соскучился по ней, что готов воспользоваться отсутствием посторонних в доме и оказаться в ее объятьях, встретил ее с теплотой и нежностью, не скрывая своих желаний.

– Уважаемый див, я голодна, как волк! Если ты вознамерился растерзать меня, вначале накорми, а потом делай со мной, что хочешь! – в тон мужу ответила Дунья.

– А то я не знаю, что если я накормлю тебя, а потом съем, ты будешь еще вкуснее!- ответил Хасар.

Дунья понимающе подошла к мужу и положила голову ему на грудь. Таким способом она давала понять, что ей стыдно, и она просит у мужа прощения за то, что предпочла ему ужин.

Как и все туркменские женщины, Дунья считала своим долгом готовить еду, месить тесто, стирать пеленки. Прожив много лет за границей, где жизнь была организована совершенно по-другому, переняв у них и внедрив в свой быт многое, в этом вопросе Дунья по-прежнему оставалась туркменской женщиной. Она всегда получала огромное удовольствие от приготовления пищи, любила кормить мужа и детей. Женщина придерживалась традиций предков и жила по раз и навсегда установленным ими правилам, разделяющим мужские и женские обязанности, при этом она ничуть не сомневалась, что так и должно быть, а значит, будет до конца ее дней.

Всецело подчинив свою жизнь мужу, переезжавшему с одного военного гарнизона в другой, Дунья привыкла обслуживать его и детей. У нее вошло в привычку утром наряжать и провожать мужа на работу, а детей в школу, и с этой же минуты начинать ждать их возвращения домой. Вот и сейчас Дунья была готова принять у мужа кухонную эстафету.

– Ну вот, я пришла, – и она протянула к нему руки, давая понять, что теперь сама займется ужином. Не обращая внимания на возражения Хасара, сообщившего, что ужин уже почти готов, она сняла с него фартук и надела на себя.

– Ты теперь мой руки и иди к столу. Включи телевизор, сегодня будет очередная серия «Рабыни Изауры»...

Дунья не заставила долго себя ждать. Вместе с шипящей сковородой она внесла в комнату и дразнящие запахи вкусной еды. Поставила на стол салат и чал – напиток из верблюжьего молока. Для аппетита наполнила пиалу холодным шипящим чалом и выпила залпом, и лишь после этого приступила к еде. Некоторое время, пока они ели, в комнате стояла тишина. Наевшись от души, Хасар отер рот салфеткой, а потом запил ужин подряд двумя пиалами холодного чала.

Дунья собрала со стола посуду и отнесла ее на кухню, расставляя по местам, спросила о своей матери о внуках:

– Ты в тот дом не заезжал? – она подумала о младшем внуке.

– Нет.

– И я не могла связаться с ними. Как там наш младший котенок, у него ведь стоматит, может ли он что-то есть?

– Я вчера навещал их. Смазал ему ротик, болячки уже начали подсыхать.

– Замучился бедняжка...

– Завтра выходной. Мы же всегда бываем у них по выходным.

Он сказал это, разделяя растущую тревогу Дуньи о внуке. Хотя Хасар и Дунья жили отдельно от своих детей и внуков, постоянно навещали их и любое свободное время посвящали встречам с ними. Любовь внуков, которым они нарадоваться не могли, гордились ими, как магнитом, тянула к дому, который и без того был им дорог и близок. По возможности они каждую субботу ночевали в том доме. А если поехать не удавалось, они созванивались с родительским домом.

Вымыв посуду и расставив ее по местам, Дунья села рядом с Хасаром на диван, где он лежал и смотрел сериал.

– Много прошло?

– Да нет, недавно начался.

Обычно при просмотре интересного фильма зрители прослеживают судьбу его героев, и на какое-то время эта судьба становится их собственной. Дунья почувствовала себя Изаурой, а Хасару было приятно думать, что он – тот самый юноша, которого она любит.

Когда раздался телефонный звонок, они оба, забыв обо всем на свете, находились рядом с героями фильма.

Решив, что это звонит мать или кто-то из внуков, Дунья легко вскочила с места и с радостью подняла телефонную трубку. Но оттуда донесся знакомый хрипловатый голос.

– Знаешь что, Дунья!

– Что?– на лице женщины отразилось недовольство так некстати раздавшимся телефонным звонком. Зная характер Аннова, и опасаясь, что он может повести себя по-хозяйски, как, бывало, делал на работе и сказать что-то грубое, боясь, что эти слова может услышать находящийся рядом Хасар, женщина прошла в соседнюю комнату, волоча за собой длинный телефонный шнур.

Дунья долго не возвращалась, и Хасар забеспокоился: «Да что она там застряла, о чем можно так долго разговаривать, будто нельзя отложить этот разговор на завтра и обсудить все на работе?»

Убавив звук телевизора, он обернулся и сквозь оставленную в двери щель увидел, что жена с трубкой возле уха все еще расхаживает по комнате и продолжает говорить. До него донеслись обрывки разговора.

Дунья говорила возбужденно, но в то же время в ее голосе проскальзывали едва заметные нежные нотки, отчего Хасар сделал вывод, что она разговаривает с сыном. Она и раньше позволяла себе разговаривать с сыном именно так: то резко, то ласково.

Когда Дунья вернулась обратно со словами «Если я хоть в чем-то разбираюсь, у него с головой не все в порядке!», Хасар уже приготовился ко сну. В руках он держал книгу, которую читал каждый вечер перед сном.

– Кто это был?– спросил Хасар, сидя на постели и опираясь спиной на две подушки.

– Кто же еще может быть, мой начальник!

– А что ему надо в такой час?

– Пару месяцев назад он встретился с одним богатым бизнесменом из Лебапа. Размах работ у того поражает своими масштабами. Этот человек владеет крупным месторождением драгоценных камней в Кугитанге. Причем, он приобрел его в последние пять-шесть лет. Первую

продукцию он удачно разместил в Узбекистане, России. Сумел получить хорошую прибыль и сильно разбогатеть. Теперь он из своего лебапского дома на рабочее место добирается на своем личном самолете.

– Кажется, я тоже слышал о чем-то таком... – стал припоминать и Хасар.

– Думаю, слышал. Его зовут Хемра Календаров. Недавно он женился на 17-летней девушке из Ашхабада, родственнице одних моих знакомых.

– А до того он не был женат? Сколько ему лет?

– Под пятьдесят. Посмотришь на него, так ему жена не очень-то и нужна была. Его больше интересует влиятельный дядя девушки, который работает в Кабинете Министров. Вроде бы этого чиновника, когда он осиротел, с детства воспитывали родители этой девушки, они же и выучили его, дали образование.

Этот человек и моему начальнику посоветовал приобрести в Кугитанге рудник и обещал ему поддержку.

– Урановый рудник? – Хасар ушам своим не верил. Он считал, что урановый рудник не может быть объектом приватизации, да и не всякому толстосуму он может быть по карману.

– Да кто же позволит продать его вам? Это же государственная собственность, тут большой политикой пахнет. – Выразив свое удивление, Хасар захлопнул книгу и внимательно посмотрел на Дунью.

– Но ведь продали же кому-то месторождение драгоценных камней, сейчас, если найти нужные подходы, все можно купить. Думаешь, руководители, продавшие Родину, все остальное не выставят на торги? Вижу я, мой дорогой муженек, мысленно ты все еще живешь в прежнем СССР.

Переодевшись в просторную ночную рубашу, Дунья легла рядом с мужем и стала, ласкаясь и нежась, жаться

к нему. Хасар не сразу нашелся, что ответить на ее слова, превратившиеся в вопрос. Да ему и нечего было сказать, потому что все, о чем полушутя говорила Дунья, было реалиями текущего дня, правдой сегодняшней жизни.

Задумавшись, Хасар некоторое время вспоминал обстановку в стране, сложившуюся после распада СССР. Он думал о разграблении имущества бывшего СССР, с каждым днем набиравшем все большие обороты. С первых же дней жизни нового общества стало ясно, что никто и не собирается придерживаться каких-то правил при передаче госсобственности в частные руки. Все, что раньше считалось народным добром, теперь с легкостью переходило в руки наиболее шустрых и предприимчивых людей, мастерски использовавших в свою пользу сложившуюся ситуацию и подчинивших себе тогдашнюю политику, они с жадностью отрывали себе лакомые куски от большого пирога. В эти дни и туркменские нувориши, пытаясь походить на русских богачей, словно стая голодных волков набрасывались на добычу и рвали ее на части, как рвут на части павшего джейрана. Думая обо всем этом, Хасар понял, что его вопрос «Кто же вам позволит приватизировать урановый рудник?» в данном случае становится риторическим, да и просто лишним. После этого он уже не пытался о чем-то спрашивать Дунью, и не потому, что у него не было желания спорить с женой, не оттого, что все происходящее может либо не может быть выгодным народу или лично ему. Все, что творилось вокруг, так или иначе, имело связь с произошедшими в жизни людей неожиданными крутыми переменами.

Увлечшись разговором, Дунья даже забыла вынуть из головы шпильки, которыми закрепляла прическу, и распустила волосы. Вспомнив об этом, села на постели, спустила с кровати босые ноги и одну за другой вынула из головы шпильки.

Вскоре она снова легла в постель, обняла мужа и положила голову ему на грудь. Шепнула на ухо Хасару, чтобы он протянул к ночнику руку и выключил свет. Казалось бы, только что муж и жена чуть не рассорились из-за состоявшегося разговора, но как только свет ночника погас, под покровом ночи они снова нашли взаимопонимание и стали единым целым. Вскоре ровное дыхание супругов сообщило, что они уже находятся во власти бога сна Морфея.

* * *

Вскоре после приезда из Стамбула в один из выходных дней вся семья снова собралась в отчем доме Дуньи, чтобы отметить день рождения внука Сердара. И хотя хозяин дома Айназар ага семь-восемь лет назад ушел из жизни, его желание жить в окружении внуков и правнуков для членов семьи оставалось неизменным, и было законом. Все семейные торжества они отмечали вместе, и именно в этом родительском доме. Вот и сейчас мать Дуньи, оглядывая собравшуюся за праздничным столом родню, радуясь ей и гордясь, не могла удержаться, чтобы не взгрустнуть о муже: «Как жаль, что ты не дожил до этих счастливых дней. Как бы ты радовался, видя эти счастливые лица!..»

Как и договаривались по телефону, Хасар после работы заехал к сватам, забрал их вместе с дочерью и внуком и привез к теще. Его жены еще не было. Буквально перед появлением Хасара она сообщила по телефону, что немного задержится. Сейчас все ждали ее, особенно нетерпеливы были внуки. «Ну что же бабушка не идет?» – то и дело спрашивали они, давая понять, как сильно ждут ее.

Семейное торжество уже было в разгаре, когда к дому подъехал черный «Мерседес» и из него вышла Дунья. Обернувшись, что-то сказала водителю, а затем стала по одному брать на руки подбежавших внуков, целовать и ласково гладить их по головам. Вместе с внуками они

шумной толпой ввалились в дом. Дунья внимательно всмотрелась в собравшихся, мысленно пересчитала их и лишь затем ответила на приветствие невестки, которая по случаю дня рождения сына повязала на голову новый тонкий цветастый платок, концом которого в знак уважения к свекру и свекрови закрыла рот, то есть надела на себя яшмак. Затем подошла к матери и обняла ее.

– Как дела, мама?

– Куда ты пропала, доченька?

– Ну это же работа, мама. А на работе всякие непредвиденные дела могут появиться. Теперь нет такой работы, как в советские времена, на которую можно приходить, когда захочешь, и уходить с нее в любое время.

– Ладно, ладно, не трогай ты Советы! Кто-кто, а мы от них ничего плохого не видели. С чем ты сравнишь то, что при Советской власти все люди могли на равных учиться и работать, вовремя получать зарплату? А что касается твоих новых туркмен, мы еще посмотрим, что они такое могут дать народу, что было бы лучше, чем у Советов!

– Бабушке не нравится, когда ты ругаешь советскую власть, – примирительно улыбаясь, произнес Арслан. Сидя рядом с отцом за просторным дастарханом, он кивком головы поздоровался с матерью. Потом повернулся к младшему сыну, который все еще держался за полу бабушкиного платья и не отпускал ее:

– Сердар, сядь на свое место! Пусть бабушка переоденется и вымоет руки! Ты иди, сядь рядом с Мурадом, там будешь задувать свечки, а бабушка потом придет и сядет рядом с тобой!

После этого Дунья, поняв, что все ее заждались, быстренько прошла в свою комнату, переоделась, вернулась к столу и заняла свое место рядом с Сердаром.

Ребенок радовался и был весел, мама нарядила его по случаю сегодняшнего праздника. Мальчик был обаятелен

и хорош собой, он притягивал к себе и вызывал нежные чувства. Сейчас все внимание было приковано к имениннику.

Больше всего ребенок радовался не подаркам и даже не понравившейся ему длинноухой мягкой собачке, подаренной дедом. Мальчик был счастлив и радовался тому, что его окружают близкие и любящие его люди, люди, которых и он любил всем сердцем и хотел бы видеть их возле себя постоянно.

За сачаком Дунья сидела на «женской» стороне с матерью, невесткой и дочерью, с ее лица не сходила улыбка, когда она рассказывала им о своей поездке в Стамбул, об окружающих этот город морях, придающих ему особое очарование. Восхищенно рассказывала о том, как много в этом городе богатых людей, что они с Анновом гостили в доме одного такого богача, а дом у него настоящий дворец. Из слов ее можно было понять, что она тоже мечтает жить в такой вот сказочной обстановке.

Казалось, она может говорить о Стамбуле до бесконечности, так много у нее накопилось впечатлений.

Сидевший по другую сторону сачака Арслан, не прислушиваясь к рассказу матери, о чем-то беседовал с отцом. Через некоторое время они вышли для перекура на веранду. За столом, раскурив сигареты, они краем глаза наблюдали за тем, что происходит в комнате, и переговаривались между собой. Арслан вдруг спросил:

– Отец, а мама советовалась с вами, прежде чем устроиться на работу?

– Пришла как-то и говорит: я нашла работу, пойду работать. А еще говорит: там неплохая зарплата, а мы с тобой скоро совсем обанкротимся. А что я мог ей сказать? Иди, говорю, если тебе так хочется, поработай. Сам знаешь, на зарплату врача не очень-то разгуляешься.

– Да не умерли бы мы с голоду! Похоже, мама с головой ушла в эту новую жизнь!

– Вообще-то, она о вас заботится.

– Это верно, отец. Но мы народ, только-только вступивший в рынок, и у этого рынка свои законы и правила, с любого места в него не очень-то воткнешься...

– Твоя мать, похоже, каким-то образом нашла место, с какого можно сунуть свой нос в новую жизнь.

– Но богатство должно не только выигрывать любить, но и уметь проигрывать. Мне кажется, что мама, поддавшись мелким соблазнам, потом может что-то большее потерять. Уж слишком много у бизнеса кривых дорожек...

– Да ладно, будем здоровы, посмотрим, что из всего этого выйдет, – Хасар сделал последнюю затяжку и загасил сигарету, потом устало потер руками лицо.

Помолчав немного, процитировал Махтумкули, давая понять: чему бывать, того не миновать:

«Не печалься, что тебе чего не достается?

Когда-нибудь получишь то, что предназначено судьбой».

Отец и сын еще какое-то время посидели молча, занятые каждый своими мыслями.

После распада СССР и обретения независимости Туркменистан начал формировать свою национальную армию. Арслан сразу же откликнулся на призыв Родины служить ей и стал одним из первых летчиков, вернувшихся домой из дальних краев. В ту пору летчиков – выходцев из туркменской нации в Военно-Воздушных Силах СССР можно было сосчитать по пальцам одной руки. Туркменскому государству позарез были нужны собственные зоркие соколы, которые охраняли бы его небо. И потому страна бросила клич: «Сын, вернись на Родину и займи свое достойное место здесь!» Арслан услышал этот призыв и вернулся домой из Калининграда, где служил военным летчиком в рядах ВВС СССР. Через пару лет после возвращения сына в Ашхабад, чтобы продолжить службу в составе национальной армии, вернулся и его отец. Вот так вся семья снова собралась в Ашхабаде.

На прошлогодних военно-тактических учениях Арслан на своем боевом истребителе выступил так виртуозно, такие чудеса, такое высокое мастерство показал, что был замечен Лидером страны. В награду он досрочно получил очередное воинское звание. А на недавнем празднике независимости в небо первой поднялась эскадрилья лучшего военного летчика Арслана Мамедханова и стала национальной гордостью народа. Как и родители других летчиков, вот уже много времени Хасар и Дунья при виде самолета в небе верили, что за штурвалом сидит их сын. "Наш Арслан оседлал своего крылатого коня!" - глядя в небо и наблюдая за полетом, с гордостью произносили они.

Когда отец и сын вернулись в дом, их взору предстала следующая картина: новорожденный Сердар, держа в руках подарок деда – длинноухую собачку, пересаживался с колен одной бабушки на колени другой, потом шел на руки к матери, вызывая всеобщую радость и веселье. Ребенок радовался, что в такой день он находится в окружении тех, кого любил больше всего на свете.

Дунья знала, что сыну не нравится ее работа. Собственно, он и не скрывал этого от матери: «Мама, неужели ты думаешь, что без твоей работы Мамедхановы с голоду умрут?»

Считая, что он нашел свое место в жизни и достоин его, Арслан желал, чтобы и его близкие, не обращая внимания на нынешние трудности переходного периода, жили с верой в то, что завтра все встанет на свои места, и страна будет подлинным покровителем народа. Считал, что, пока в семье есть такие работники как он и его отец, матери работать совсем необязательно.

Дунья уже полностью взяла в свои руки бразды правления праздником, она по одному давала слово всем собравшимся за сачаком – и взрослым, и детям, улыбкой подбадривала выступающих, хвалила за хорошие тосты, выслушивала мнение окружающих, впитывала в себя их добрую ауру, словом, чувствовала себя по-настоящему хлебосольной и гостеприимной хозяйкой.

Когда муж и сын вошли в комнату, женская интуиция подсказала ей, что они не просто покурить вышли, что они говорили о ней. Дунья бросила на них испытующий взгляд.

... В тот раз, встретившись почти через тридцать лет, Дунья и Аннов практически забыли о существовании друг друга. Река жизни вынесла каждого из одноклассников к своему берегу. Вряд ли им приходило в голову, что когда-нибудь может состояться такая вот неожиданная встреча.

А может, они бы и по сей день не встретились, если бы не случай. В тот раз Дунья отправилась на рынок за покупками и случайно встретила одну из своих школьных подруг.

Дунья не сразу узнала пухленькую женщину с сумочкой на плече, разодетую в шелка. Она ходила по торговым рядам и скупала все, не считаясь с ценами. За ней по пятам шел носильщик, таскавший ее полные сумки. Это была одноклассница Дуньи, с которой она некоторое время поддерживала отношения и после окончания школы. Живя в Германии и приезжая с детьми в Ашхабад на время служебного отпуска мужа-военнослужащего, она непременно встречалась со школьными подругами, приглашала их к себе в гости и обязательно одаривала какими-то заграничными сувенирами. Не забывая и об их мужьях и детях. Одноклассницы тогда не скрывали своей зависти к Дунье, которая так удачно вышла замуж и устроилась в жизни.

Подруги встретились, постояли немного, вспоминая прошлое. Именно от нее Дунья узнала, что Аннов стал солидным и уважаемым человеком. Поначалу Дунья не очень-то поверила словам подруги. Через два-три дня после той встречи Аннов, прослышав о том, что Дунья в городе и сильно обрадовавшись этому, через подругу пригласил Дунью к себе в офис, сославшись на то, что ему в офисе нужен переводчик, и Дунья, знающая несколько иностранных языков, именно тот человек, который ему нужен.

Честно говоря, Дунья чувствовала себя ущемленной, оттого, что ее муж Хасар не умеет, как окружающие его люди, зарабатывать деньги, что его врачебного заработка едва хватает, чтобы сводить концы с концами, а она привыкла жить на широкую ногу. И поэтому приглашение Аннова пришлось кстати. Она и прежде, видя, что благосостояние семьи оставляет желать лучшего, не раз заводила разговор о работе и даже подыскивала себе что-нибудь подходящее. Но то, что работу ей предложил не кто-нибудь, а именно Аннов, этот напыщенный гусь, уязвило Дунью. Она понимала, что, придя туда на работу, она вынуждена будет поступиться какими-то своими принципами, чего ей не хотелось бы делать ни при каких условиях.

Еще в школе Аннов вызывал у Дуньи стойкую неприязнь. Он и теперь был для нее все тем же двоечником Анновом, который прятался за спину впереди сидящего ученика, лишь бы учитель не заметил его и не вызвал к доске. Однажды те дни Аннов как-то радостно рассказал ей: «Вчера рано утром мы с папой поехали к поезду встречать торговцев овцами, которые везут их в Ашхабад из Балкана и Пенди. Мы заморочили им головы и по дешевке скупили весь скот, а потом перепродали его за большую цену и хорошенько «наварились» на этом». Аннов был не просто одноклассником Дуньи, но и дальним родственником, их матери были троюродными сестрами. Когда Дунья с матерью ездила на свадьбы, видела, как ее мать породственному тепло общается с матерью Аннова. Ее тетка тогда оценивающе оглядывала Дунью и с улыбкой, явно на что-то намекая, произносила: «Вон в какую красавицу выросла Дунья. Оказывается, она с моим сыночком Анновом в одном классе учится!»

Несмотря на это, Дунья старалась быть от него подальше, будто боялась, что к ней прицепится что-то плохое.

В юности в Аннове ярко проявились посреднические способности, но, помимо этого, он еще отличался

толстокожестью и даже какой-то наглостью. То, что другие из стеснения не решались сказать, он запросто, кося под идиота, выпаливал в лицо человеку.

Однажды, подловив Дунью в укромном уголке, передал ей слова своей матери, не приврав ни слова: «Дунья, мама сказала, что мы с тобой родственники, чтобы я не обижал тебя, иначе, когда ты вырастешь, и к вам от нас придут сваты, твои родители прогонят их». Этим высказыванием он еще больше оттолкнул девушку от себя.

Не поверив словам Аннова, она как-то спросила у отца: «Скажи мне, папа, в каком родстве с матерью Аннова состоит моя мама?», на что отец ответил ей: «Со стороны отца Аннова никаких родственных связей у нас нет. Мы хорошо знаем его отца Хасанали. Он еще мальчишкой вместе с матерью попал в наш аул, в ту пору, когда наши предки занимались разбоем и брали людей в рабство. Да, мы немного наслышаны о том, что у него была стройная и красивая мать с очень большими глазами. Хапбы ишан взял ее себе третьей женой. После смерти ишана она вышла замуж за нашего односельчанина Аширчана. В ту пору у нее на руках был еще и сын от предыдущего брака. А речь ее так до конца жизни и не изменилась, она говорила на каком-то странном наречии. А родственность Аннова заключается в том, что его и твоя мать являются детьми двух двоюродных братьев». Он очень деликатно рассказал эту историю дочери, время от времени бросая взгляды на жену, и Дунья поняла, что Аннов не числится среди ее близких родственников, и почему-то очень обрадовалась этому.

В школе Дунья носила одежду европейского кроя и заметно выделялась среди своих сверстниц. К тому же была одной из лучших учениц класса. Внешне красивая, она была у всех на виду, и на нее заглядывались многие парни. Галина Максимовна, учительница английского, постоянно ставила ей пятерки и нахваливала девушку за ее способности

к языкам, так что после окончания школы вопрос о дальнейшем выборе профессии решился сам по себе. В последних классах школы Дунья, как и ее одноклассницы, расцвела и превратилась в настоящую девушку. Это была пора, когда девушки, еще сами того не осознавая, старались быть красивее, чтобы нравиться ребятам. Аннов к тому времени превратился в невысокого юношу с темным пушком над верхней губой. Он был похож на отца – широкоплеч, с короткой шеей, отчего голова его казалась приставленной прямо к телу. Именно в те дни к нему прилипла малоприятная кличка «эшек яссык» – «ослиная подушка».

Прежде чем приударить за Дуньей, Аннов успел написать письма двум девушкам и получить от них «от ворот поворот». Пару раз он даже тайком встретился с одной из двух сестер-близняшек из параллельного класса, но все испортила ни о чем не догадывавшаяся вторая сестра Фатима, как две капли воды похожая на первую. Получив письмо вместо Эше, Фатима негодуяще посмотрела на Аннова и, даже не прочитав его, на глазах парня разорвала на мелкие клочки. Эше, подумав, что Аннов отвернулся от нее, потому что влюбился в ее сестру, ни в чем не стала разбираться и со злости прогнала его.

В десятом классе Аннов, видя, что Дунья ни на одного из парней не смотрит и ни с кем не вступает в любовную переписку, подумал, что она ждет его, и решил снова попытать счастья. Встречая девушку, он смотрел на нее влюбленными глазами. Смазывал волосы жиром и укладывал их, до синевы выскбливал бороду и усы, следил за одеждой, словом, хотел нравиться. В толпе старался держаться поближе к ней. Однако все его старания были напрасны, потому что Дунья все равно не замечала его и писем от него не принимала. Хотя Аннов с помощью друзей даже зарифмовал свое письмо и вложил его в учебник в надежде, что Дунья прочтет его и откликнется. Девушка, обнаружив

письмо, подумала про себя презрительно: «Неужели ты, ослиная подушка, надеешься, что я выберу тебя?», – но вслух этого не сказала, постаралась быть деликатной:

- Аннов, ты заberi свое письмо, у меня есть парень, с которым я встречаюсь.

Поверила, что навсегда избавилась от него. Но это было не так. Перед самым концом учебы мать Аннова пришла к ним свататься.

Тогда мать Дуньи ответила ей: «Сестра, наша дочь еще слишком юна, чтобы думать о замужестве. К тому же отец намерен отправить ее на учебу. Так что поживем – увидим»– и хотела выпроводить нежданную гостью, но не тут-то было. Мать Аннова проявила невиданное упорство: «Если хочет учиться, мы не станем противиться. Пусть они поженятся, а потом вместе с Анновджаном идут учиться». Но в любом случае, даже если бы мать Дуньи и согласилась, она знала, что отец девушки ни за что не согласится принять Аннова в дом зятем, поэтому решительно отказала родственнице. Тогда это была последняя попытка Аннова приблизиться к девушке. В тот же год Дунья улетела в Ленинград, чтобы продолжить учебу в институте, который окончил ее отец. Аннов после школы поступить в институт не смог, поэтому желание стать инженером сменил на специальность бухгалтера, пошел на бухгалтерские курсы. Вместе с матерью летал за границу, привозил оттуда товар и занялся нелегальной торговлей.

Начав работать в какой-то организации помощником бухгалтера, он заочно окончил институт. А после женитьбы на дочери капитана полиции его торгово-посреднические дела и вовсе пошли на лад. Каждый раз, когда Аннов возвращался из-за границы с тюками товара, в аэропорту его встречал тесть, поэтому таможня проверяла багаж у кого угодно, но только не у него. Жена Аннова была года на три младше него, но цену себе знала, и с помощью отца помогла

мужу избежать «почетного» звания спекулянт, за которое в те годы безжалостно сажали в тюрьму. Благодаря тестю Аннов спокойно занимался своими спекулянтскими делами.

Во время кадровых перестановок, произошедших после того, как Туркменистан стал суверенным государством, Аннов, волею судьбы оказавшийся на гребне волны, через своего земляка-министра получил должность заведующего крупной базой и стал зваться Анновом Хасановичем.

Он наладил работу таким образом, что находил полное взаимопонимание со своим начальником. А это значило поступать так, будто ты не причастен к разграблению неучтенного имущества, оставшегося от павшего СССР, на самом же деле прибрать его к рукам, дожидаться, когда это имущество начнет приносить дивиденды, делиться ими с начальством и таким образом богатеть самому. Уж что-что, а эту математику Аннов знал как свои пять пальцев, в этом ему не было равных. И потом, кто станет контролировать твои действия, когда обесцениваются не только деньги, но и вещи, когда в стране нет власти, царит хаос?

Зная заранее, когда произойдет повышение цен, Аннов по низким ценам скупал товар и складировал его в укромном месте, а когда цены на него поднимались, доставал из тайника и спокойно выставял на продажу, но уже втридорога. Вот тебе и прибыль, вот тебе и богатство!

Говорят, что невиданной красоты красный кирпич для построенного в те дни в селе двухэтажного дома Аннов специально нанятым самолетом ввез из России. Когда у него спрашивали, так ли это, сам Аннов без тени смущения отвечал: «Такие вещи делаются проще простого. Достаточно продать им товар по сниженной цене, а на документах проставить более высокую цену, печать и подпись. И они тоже должным образом оценят тебя, все твое добро переведут в деньги, и они потекут к тебе рекой».

Когда сняли министра-односельчанина, а на его место поставили нового министра, Аннов понял, что с этим

высокопоставленным чиновником он вряд ли сможет сотрудничать, как с предыдущим, и поспешил уйти с этого места. Сославшись на нездоровье и необходимость лечиться.

А в стране появлялось все больше возможностей для открытия частных фирм, для того, чтобы богатеть путем всевозможных махинаций. Аннов, чувствовавший себя в торговых сделках как рыба в воде, сразу же почуял это и умело воспользовался удобным случаем, благодаря чему очень скоро перешел в разряд «новых туркмен» - почувствовал себя принцем крови.

И когда на его горизонте вновь появилась Дунья, испытал чувство радости и счастья как человек, наконец-то отыскавший свою драгоценную потерю.

* * *

Нависшие над городом темные тучи напоминали брыкливого коня, взявшего кого-то на прицел и готового при первом же удобном случае из всех сил лягнуть. Дунья наспех проглотила чашку чая, и как только за ней прибыла машина, спешно повесила сумку на плечо и ушла. До начала работы Хасара был еще целый час, поэтому он неспешно перебирал одежду, достал из шкафа свой военный мундир и начал спокойно одеваться.

«Кажется, дождь собирается», – подумал он, снял с вешалки плащ, сложил его вдвое и перекинул через руку.

Хотя весна подходила к концу и уже настали жаркие дни, тучи небесные время от времени неожиданно набегали на город и, заливая водой горячий порог наступающего лета, охлаждали его пыл.

Приехав на работу, Хасар не успел надеть халат, как раздался звонок внутренней связи, и начальник госпиталя коротко приказал: «Зайдите ко мне!» Капитан Чапханов возглавил военный госпиталь совсем недавно. Он не был военным, этот молодой человек, до того работал врачом-

терапевтом в одной из ашхабадских клиник. Когда армии потребовались военные врачи, ему был присвоен чин старшего лейтенанта запаса. В медицинской среде его больше знали как внука именитого ученого, защитившего кандидатскую диссертацию по медицине в далекие годы становления Республики Туркменистан. По медицинской части дед его звезд с неба не хватал, но был человеком с огромным чувством юмора. Во время защиты диссертации он не мог ответить на многие вопросы, и тогда на помощь приходил его покровитель Кайгысыз Атабаев. Он говорил: «Туркменистану нужны ученые врачи!» Но это не всегда помогало. Видя, что дела плохи, Кайгысыз предложил:

- А ну, расскажи им какой-нибудь смешной анекдот, развесели их!

И поэтому те, кто работал вместе с ним, знали Чапхана как человека, рассказавшего при помощи Атабаева удачный анекдот и ставшего ученым.

В ту пору женитьба на женщинах иной национальности воспринималась как преданность власти, которой ты служишь, и была распространенным явлением в среде высшего руководства Туркменистана, считавшего себя прогрессивно мыслящими людьми. Вернувшись домой после защиты диссертации, Чапхан, желая идти в ногу со временем, прогнал свою туркменскую жену и сочетался браком с татаркой в коротких одеждах. Начальник госпиталя был его внуком от сына, рожденного татарской матерью татаркой. Пользуясь именем деда, он окончил мединститут и всячески демонстрировал свое превосходство над другими, верил, что в этой области ему многое дано, а значит, и на многое он имеет больше прав. И в том, что он совершенно незаслуженно занял этот высокий пост, опять же сказались связи и знакомства его деда.

Он встретил Хасара с начальнически высокомерным видом.

– Я пригласил вас по вопросу солдата Акмамедова. Почему уже запланированная операция была отменена? – в тоне начальника госпиталя была неприкрытая угроза: «Кто посмел отменить операцию, которую я сам запланировал?»

Хасар всегда знал, как трудно найти взаимопонимание с дилетантами, не совсем хорошо понимающими свои должностные обязанности, да и в своей специальности не блиставшими, знал, что работать с такими людьми еще труднее.

Хасар нахмурился, давая понять, что ему не нравится вызывающий тон начальника госпиталя, ответил сухо:

– Знаете что, господин начальник госпиталя. Хотя и редко, но такое случается, а все потому, что мы имеем дело с живыми людьми, а не манекенами, и обязаны семь раз отмерить, прежде чем один раз отрезать. Мы не совсем уверены в результатах анализов солдата. И потом, он сильно ослаб, и ему надо окрепнуть, иначе его организм не выдержит тяжелой операции.

– Если у вас нет уверенности, почему вы своевременно не взяли новые анализы? Или же теперь вашу работу начальник госпиталя должен делать?

– Да, нет, мы этим занимаемся.

– Надо было раньше заниматься. Вон уже родственники юноши, прослышав о предстоящей операции, приехали сюда, волнуются, как все пройдет.

Хасара задело, что начальник госпиталя не хочет ничего понимать и настаивает на своем. Тем не менее, он старался держать себя в руках и не поддаваться провокации, а потому заговорил спокойным тоном и попытался все объяснить:

– Прооперировать больного несложно, господин начальник госпиталя, труднее другое – оперировать, не зная точного диагноза. Как потом ответ держать будем? За пару дней ничего не изменится, а тем временем и больной окрепнет, и все анализы будут готовы.

– Вы что, хотите сказать, что этот больной не нашего профиля?

– Полученные анализы склоняют нас к тому, что у парня туберкулез... Конечно, мы тоже можем сделать операцию на легких, но по этой болезни существует специальный научно-исследовательский институт, поэтому было бы лучше, чтобы эту операцию провели узкие специалисты высочайшего класса, как, например, профессор Чары Назарович.

Начальнику госпиталя слова Хасара не понравились, поэтому он произнес недовольным тоном:

– Господин полковник, то, что говорите вы, совершенно не похоже на слова бывшего начальника госпиталя. Неужели мы не в состоянии справиться с лечением своего больного и должны просить других, чтобы они прооперировали его?

– Но разве в медицине такие случаи редкость?

Хасар вопросом ответил на вопрос начальника госпиталя.

– Пока я начальник госпиталя, такого больше не будет. Если вы сомневаетесь и боитесь чего-то, операцию сделает кто-то другой. Просто вам надо было сказать об этом сразу. Мы бы доверили операцию кому-нибудь другому... Я вас понимаю... возраст уже не тот, силы не те, уверенности нет, конечно, вам это должно быть трудно. Но у нас есть молодые хирурги, способные справиться с этой работой. Они и сделают операцию.

– Но в этом вопросе вы обязаны будете учесть и мое как заведующего отделением мнение! – выпалил Хасар, который был уже не в силах сдерживать себя. С каждым произнесенным словом по лицу его растекалась желтизна, он пристально смотрел на начальника госпиталя, и взгляд его был красноречивее слов.

– Посмотрим, – высокомерно ответил начальник, давая понять, что никто не собирается спрашивать у тебя.

Мысленно Хасар сравнил этого хамоватого молодого человека с прежним начальником госпиталя полковником

Розыевым. Когда он вернулся в страну, именно полковник Розыев пригласил его к себе для совместной работы.

Хасар и полковник Розыев были людьми одной судьбы, тот, как и Хасар, во времена Союза работал военным врачом в разных воинских частях страны и был уверенным в себе человеком, хорошо знающим как свою работу, так и цену себе. Тогдашнее руководство страны, прослышав о таком нужном для них специалисте, лет шесть-семь назад, когда СССР только еще начал трещать по швам, специально отозвало его с места службы и вернуло домой. За короткий срок он создал туркменскую национальную военную медицину, способную оказывать народу медицинские услуги самого высокого качества. Но где-то с полгода назад его место потребовалось близкому родственнику высокопоставленного чиновника, и он под надуманным предлогом был уволен с работы. Когда же попытались лишить его и воинского звания, он сумел резко ответить: «Не вы присваивали мне это звание, не вам его и отнимать!» Затем, присоединившись к русским военным, еще не успевшим покинуть территорию Туркменистана, снова вернулся в Россию, где он был востребован.

Поначалу Хасар никак не мог понять, отчего начальник госпиталя так цепляется к нему, но потом, порывшись в памяти, вспомнил, как совсем недавно, хотя и не совсем открыто, возмутился действиями молодого руководителя. Теперь ему стало ясно, откуда задул этот холодный ветер.

Это было связано с делом, к которому Хасар тоже был причастен, но одобрить его не мог. Тогда начальник госпиталя, ни с кем не обсудив, решил комиссовать как больного и освободить от службы в армии солдата, пару месяцев назад перенесшего обычную операцию по удалению аппендикса и теперь помогавшего в госпитале по хозяйственной части.

Вот тогда-то два немолодых врача, не привыкших называть здорового человека больным, воздержались

от подписи под заранее заготовленным врачом заключением. Хасар был одним из этих двух врачей.

Несмотря на призывы председателя врачебно-экспертной комиссии и ответственного секретаря, просивших «Старейшины, давайте подпишем бумаги, такую просьбу «сверху» спустили!», они не поставили свои подписи, но, поскольку дело это было привычным, не придали ему никакого значения. И лишь потом, когда выяснилось, что начальник госпиталя, пообещав комиссовать парня, получил от родственников солдата солидную взятку, все встало на свои места.

– Отправляйтесь к себе и напишите мне объяснительную записку! Если не в состоянии сделать операцию, так об этом и напишите. Мы найдем других, тех, кто сумеет прооперировать больного, – потребовал начальник, выпроваживая Хасара из своего кабинета.

– Объяснение? Это пожалуйста, это мы можем написать! Но лично я, не поставив точный диагноз, не намерен брать больного на операционный стол.

Проводив Хасара недовольным взглядом, вспотевший от негодования начальник госпиталя, забыв о существовании носового платка, ладонью отер со лба пот. А Хасар, выйдя из кабинета начальника, по пути к себе вспоминал то время, когда Розыев ушел с работы, а заместитель начальника Генштаба Серкяев, вспомнив о нем, выдвинул Хасара на это место: «Если на это место требуется достойная кандидатура, есть полковник Хасар Мамедханов, лучше него с этой работой не справится никто».

Полковник Серкяев был одним из туркмен, служивших в Германии одновременно с Хасаром.

И если бы он в тот раз не сказал: "Мы уже не молоды, поэтому нам лучше на каком-нибудь участке госпиталя работать, а начальником поставьте кого-то из молодых!", сейчас в этом кресле сидел не кто-то инородный, а он сам.

Возмущенный поведением начальника госпиталя, Хасар впервые за все это время пожалел о своем тогдашнем отказе занять этот кабинет. Ему бы хотелось посоветоваться с Серкяевым, как приструнить этого зарвавшегося взяточника, но совсем недавно того, присвоив звание генерала, назначили главнокомандующим Кушкинского военного гарнизона. После неприятного диалога с начальником госпиталя Хасар задумался о том, как стремительно меняется время, а вместе с ним и люди, о том, как некоторые из них быстро приспособляются к условиям нового времени и с легкостью принимают его. У него даже возникла мысль, что вот и Дунья с пониманием отнеслась к этой быстро ворвавшейся в их жизнь новой обстановке и, похоже, схватила ее за узду, при этом он испытал незнакомое чувство, словно и его какая-то неведомая сила как бурным потоком увлекает за собой. У него родилось невольное сравнение с мелкими камешками, которые неистовая ключевая вода катит перед собой.

* * *

Вскоре после возвращения Аннова и Дуньи из стамбульской командировки, где им удалось заручиться поддержкой влиятельных лиц, в Ашхабад прибыл руководитель известной турецкой компании «Акгуйрук ханк-хунк тиджарет» Сорар Йюлюк с одной из офисных дам по имени Гульовсер ханум. Гульовсер ханум приехала в Ашхабад впервые. Зато Йюлюк года три-четыре назад приезжал сюда в составе большой правительственной делегации. Считалось, что вместе с другими делегатами он приехал для оказания братской помощи Туркменистану, на самом же деле хотел развернуть здесь свою работу. Но в тот раз ему это сделать не удалось. Хотя и очень старался: узнав, что Рукаводство страны увлекается историей и считает туркменский и турецкий народы одним народом, привез в

подарок отлично оформленное двадцатитомное издание истории тюркских народов. Надеялся, что ему с легкостью удастся открыть в Туркменистане свое дело.

Именно поэтому он охотно откликнулся на предложение Аннова начать новое дело. Туркменистан, как остров сокровищ, имел сказочно богатые недра, и это больше всего привлекало турка.

На следующий день после приезда в Ашхабад Сорар Йюлюк, ознакомившись со всей документацией и представив, что за работа, в которую он намерен инвестировать свои капиталы, ему предстоит, для более конкретного знакомства с ней надумал лететь вместе с Анновым в Кугитанг.

Аннов решил взять с собой и Дунью, скорее всего для того, чтобы подруге турка не было скучно, но, возможно, посчитал, что при решении вопроса мнение Дуньи может пригодиться.

В поселок городского типа Рудник, прижавшийся к склону горы, они прибыли вместе с Хемра Календаром, которого захватили из Чарджоу в качестве проводника. Этот совершенно обветшавший к этому времени поселок возник в годы войны. Имевшиеся здесь двухэтажные дома были построены тогда же для инженеров, возглавлявших здешнюю работу, а длинные бараки, впоследствии поделенные на несколько квартир, предназначались для проживания согнанных сюда для работы пленных. Пленные подрывали гору и добывали урановую руду, в которой в те годы сильно нуждалась страна. Название поселка Рудник говорило само за себя. Здесь было открыто мощнейшее производство урана из руды, и это производство усиливало мощь необъятной страны. Впоследствии поселок Рудник должен был вырасти в большой город. Но работа рудника, неожиданно начавшись, после войны была также неожиданно остановлена.

Отверстие рудника, напоминающее вход в огромную пещеру, до лучших времен засыпали попеременно

несколькими слоями песка и заливали расплавленным свинцом, чтобы смертоносные пары урана не могли просочиться на поверхность. Сейчас здесь о тех временах напоминали лишь этот крохотный поселок городского типа, да еще его название Рудник.

Ознакомив гостей с состоянием Рудника и показав им его окрестности, Хемра Календар, вспомнив о своем гостеприимном знакомом из села Ходжапиль, решил показать им следы древних динозавров, отпечатавшиеся на камне, что лежит над этим селом. Поднимаясь все выше и выше, он вел их в это село по сужающемуся кверху ущелью.

Заночевав в этом селе и угостившись запеченным в тамдыре на можжевельных углях мясом, наутро они отправились на поиски следов динозавров. Рано утром хозяин дома приставил к ним в качестве проводника своего сына-подростка, а сам, собрав все необходимое для пикника, еще с одним своим товарищем последовал за ними. На южной околице села весело журчал ручеек, напоминая переливчатые звуки голосов радостно-веселых ребятишек.

Гости пересекли речку и стали подниматься по склону горы вверх. Мальчишка-проводник легко шел впереди всех по горной тропинке, и там, наверху, время от времени мелькала его голова. Следом за ним, отделившись от группы мужчин, шли, переговариваясь между собой, две женщины. Глядя вслед мальчишке и боясь потерять его из виду, они прибавляли шаг, но при этом, боясь упасть, ступали осторожно, переживая какое-то восторженное чувство ожидания чего-то необыкновенного.

Женщины, живущие с убеждением, что в жизни, даже расставшись с мужчиной, никогда нельзя отдаляться от него, как только расстояние между ними увеличивалось, останавливались и, обернувшись, поджидали своих руководителей, заодно давая отдых ногам.

Люди в окружении Хемра Календара, получая удовольствие от общения, тоже время от времени

останавливались и предавались шумным беседам, на какое-то время забывая, куда они идут.

Откуда-то из-за горы вдруг вынырнуло солнце, и окружающий мир стал чистым и светлым, как лицо новой невестки, когда с него убирают забрало, вызывающее приятные чувства.

Солнце вернуло на свои места все то, что ночью было укрыто от глаз, вернуло всему очертания и краски и внесло ясность в облик окружающего мира.

В отличие от полнотелой гостьи походка у Дуньи была легкой. Стараясь идти в ногу со своей попутчицей, она все же иногда, увлекшись созерцанием красивых гор, и сама того не замечая, опережала ее. Взираясь на труднодоступные уступы, она протягивала гостье руку и помогала ей тоже подняться.

Группа из нескольких человек с двумя женщинами впереди с опаской смотрела на огромный серый камень, чуть наклоненный вперед и казавшийся готовым покатиться вниз, осторожно обошла его со всех сторон, и в это время в нескольких шагах от них в небо взмыла потревоженная стайка птиц. Птицы, которых поначалу приняли за кекликов, оказались дикими голубями. Кое-где зеленели небольшие островки степной травы, пробившей камни и устремившейся навстречу весне. Не все растения обладают силой, способной побороть камень. Вскрабкаться на горные вершины, и произрастать там способны только такие жизнестойкие растения, как можжевельник, орех, фисташка. Их можно по пальцам пересчитать.

Окружавшие их большие и малые горы создавали впечатление, что когда-то они были монолитом, но вот пришел могучий человек, похожий на громадного дива, и кулаками, словно орех расколошматил этот монолит, смешал все в кучу – большие и малые куски, и разбросал их вокруг.

В мыслях же по этому плато разбрелись гигантские, один другого страшнее динозавры, пугающее изображение

которых ты видел на картинках и по телевизору, и спокойно щипали травку.

Дунья заметила белеющий впереди предмет, похожий на большую круглую доску-репиде, при помощи которой туркменки лепят на стенки печи-тамдыра тесто и выпекают из него лепешки. Она подумала, что это белый камень. Но это был не камень, а самый настоящий гриб, окружность шляпки которого была не меньше, чем у репиде. Сколько было радости от этой находки! Совсем как в детстве, когда по весне отправлялись за грибами и находили их. Причем, этот гриб оказался крепким, с чистой сероватой мякотью, не тронутой червем, и запах у него был превосходный! Оказывается, в здешних местах эти грибы назывались «ягнячьим хвостиком». Ни в одном другом месте Туркменистана не встретишь таких грибов-гигантов.

Они, эти грибы, производят впечатление, будто какая-то белая ярочка, отбившись от отары и увлекшись игрой, потеряла здесь свой хвостик. Причем, если исходить из размеров гриба, похожего на репиде, то это была вовсе не маленькая ярочка, а скорее, подросший ягненок. Верно говорят: «Человек от человека, земля от земли сильно отличаются». Эти грибы – одно из чудес Кугитанга, такое же, как и следы динозавров.

Карабкаться вверх становилось все труднее, чем выше, тем разреженнее был воздух, но это не могло остановить тех, кто жаждал увидеть следы динозавров, напротив, живописная окружающая природа подстегивала их желание. Турчанка от тяжелого восхождения обливалась потом, ее лицо казалось только что умытым, мокрые от пота пряди волос налипли на шею, отчего она казалась еще красивее, еще интереснее. Вспотев, она сняла с себя джемпер и повязала его вокруг талии, и теперь свисавшие полы кофты при ходьбе болтались, как овечий хвост.

Когда они остановились в очередной раз, чтобы отдохнуть, Дунья протянула гостье пластиковую бутылочку с водой.

– Не хотите водички глотнуть?

– Неплохо было бы!

– Мне кажется, лучше прополоскать рот, не стоит в разгоряченном состоянии пить воду!

– Можно и так.

Она прополоскала рот и, разглядывая окружающую природу, немного отдышалась, а потом, давая понять, как устала, произнесла:

– Однако, путь неблизким оказался.

Шустрый мальчишка-проводник стоял в десяти-пятнадцати шагах впереди них и смотрел сверху вниз. Чем выше поднимались, тем острее становились пики горных вершин, тем шире горные плато. Дунья обратилась к подростку:

– Скажи, а далеко ли нам еще идти?

– Нет, мы уже близко подошли к тому месту. – Не решаясь смотреть прямо в лицо женщин, он посмотрел куда-то в сторону и добавил: – Как только мы перейдем на другую сторону склона, по которому карабкаемся, там будет несколько извилистый спуск. Он как раз упирается в скалу, на которой и видны следы динозавров. Нам лишь бы подняться на нее.

Немного передохнув, женщины продолжили подъем, попутно расспрашивая мальчика-проводника о временах года Кугитанга, о растительном и животном мире этого края. Беседуя с мальчиком, они так и шли все вместе.

А мужчины, словно забыв о цели своего похода, все еще стояли далеко внизу и о чем-то оживленно беседовали. Они не догадывались о том, что женщины, время от времени вглядываясь вниз, желали, чтобы они скорее поравнялись с ними.

Следы динозавров находились на ровном плоскогорье нижнего яруса горы, разорванной поперек какой-то неведомой могучей силой на две части. А до того, как ее разломили, она, как и все окружающие горы, была

настолько высокой, что на ее вершину садились облака. Так ее часть, которая под натиском неимоверной силы рухнула вниз, лежала большой грудой и была похожа на скомканное одеяло. Исходя из размеров обломка горы, можно было представить, что получится такая же красивая и высокая гора, если этот обломок вернуть на место. Динозавры оставили свои «автографы» на нижнем плоскогорье обломка горы. Ученые много бились над загадкой появления следов и выдвинули гипотезу, что динозавры прошли по еще неостывшей и упругой лаве, разлитой по земле вследствие какого-то мощного тектонического взрыва.

В ту пору окрестности Кугитанга были покрыты невиданной высоты травами и густыми лесами.

Вот и эти знаки были следами гигантских тварей, живших на этих плодородных землях.

Вполне возможно, что динозавры, выстроившись цепочкой, направлялись на водопой – в ту пору ущелье, где сейчас располагалось село Ходжапиль, было залито большой водой. Динозавры пересекли нижний пояс склона и направились в сторону ущелья. Их было трое – родители и дитя. По характеру верхних следов можно определить, что они принадлежат динозавру-матери. С присущей взрослым обстоятельностью она неспешно шла вперед, но, дойдя до середины пути, остановилась и обернулась, чтобы увидеть, где там следующее за ней дитя. Этот след отличался тем, что был глубже остальных и немного закручен в обратную сторону.

Рядом со следами внушительных размеров – не меньше ведерного отверстия каждый – видны и выстроившиеся в ряд следы младшего динозавра, и они напоминали следы верблюжьих башмаков. Ниже всех, но сбоку от остальных расположился еще ряд следов, предположительно динозавра-отца.

При измерении этих следов в длину и ширину, они достигали 70-75 см, а другие – 60-65 см.

Предположительно эти динозавры жили в гористой местности Туркменистана 150-170 миллионов лет назад.

Всем была приятна эта встреча с древностью. Разглядывая следы, каждый делал о них свои выводы.

Дунья смотрела на все и представляла равнину в виде ковра, следы динозавров на его поверхности ей хотелось назвать причудливыми ковровыми гелями. Турецкий бизнесмен, удивленно разглядывая следы, то и дело щелкал затвором фотоаппарата, предусмотрительно захваченного с собой. Он сфотографировал Дунью и Гульовсер ханум, сидящих с вытянутыми ногами рядом со следами, а затем сделал общий снимок всех присутствующих. В это время Аннов обошел все следы один за другим, прошелся по другим местам и внимательно осмотрел их, проверяя, не осталось ли где скрытых от глаз следов.

Расспросил у парнишки-следопыта, в каких еще местах этих гор есть такие же следы, уж слишком он заинтересовался этими динозаврами. Дунье показалось, что следы древности заставили Аннова всерьез задуматься о переменчивости этого бренного мира.

Походив вокруг следов динозавров еще какое-то время, и о чем-то поразмыслив, Аннов взглядом дал понять, что ему есть что сказать. Он подошел к тому месту, где стоял Йюлюк и, наблюдая за окружающим миром, о чем-то беседовал с женщинами. С ходу выпалил: «Я хочу у вас кое о чем спросить!», – взял турка под руку и отвел в сторону.

– Как вы думаете, если мы вырежем один из этих следов и продадим, сколько за него можно выручить денег на мировом рынке?

Йюлюк не сразу сообразил, о чем таком говорит Аннов, поправив на носу очки, удивленно и в то же время вопросительно посмотрел на своего визави. Когда же до него дошло, что Аннов оценивающе смотрел на следы глазами предприимчивого человека и что-то задумал, многозначительно улыбнулся и посмотрел на него более внимательно. Турок не смог скрыть своего удивления:

– Если найдется покупатель, ты готов и эти следы продать, Аннов бей!

– А купят?

– Если среди европейских толстосумов отыскать любителей старины, вполне возможно, что кто-то и купит.

– В таком случае, сколько приблизительно это может стоить?

– Думаю, что миллион долларов заработать можно будет. Думаю, что и известные музеи мира могут заинтересоваться таким экспонатом, – высказался турок, давая понять, что вопрос Аннова и в его душе всколыхнул какие-то струны и заставил задуматься. Потом, подумав еще немного, высказал опасение:

– А кто тебе разрешит вывезти это из страны? В нашей стране тех, кто покушается на старину, и тех, кто помогает им, по головке не гладят. Этим людей ждет участь тех, кто помогал Шлиману...

Чтобы Аннову было понятно, кто такой Шлиман, о котором тот никогда не слышал, он взял его под руку, и они вдвоем ходили вокруг следов динозавров. Турок рассказал своему собеседнику следующую историю.

...Шлиман – известный археолог, открывший на территории Турции Древнюю Трою. При помощи турков ему удалось тайком вывезти из страны найденное им золото Трои. Впоследствии турецкое правительство отыскало всех сообщников Шлимана и приговорило их к смертной казни.

Потом Аннов с Йюлюком, забыв, где они находятся, некоторое время стояли молча на плато, с которого на них взирала сама история, отдавшись во власть вечности.

На обратном пути Сорар Йюлюк пошел вместе со своей ханумой, им было о чем поговорить друг с другом. Немного отстав от них, шли Аннов с Дуньей. Они тоже говорили об этом походе, о том, что следы динозавров произвели огромное впечатление как на гостей, так и на них самих. В руках Дунья несла небольшой букетик полевых цветов и

трав. Она и сейчас, увидев какой-нибудь понравившийся ей цветок, наклонившись, срывала. Аннов отметил про себя, что этот простенький букетик очень хорошо смотрится в руках Дуньи, идет ей. Подумав о том, что этот рассказ будет по душе и Аннову, Дунья пересказала ему свой разговор с турчанкой о Руднике. И хотя ее хозяин пока еще не сказал ничего конкретного, все же с удовлетворением заметил: «Имей такое месторождение, и сам царь придет в твой дом на поклон», а потом рассказал, что в древности в дом к человеку, владевшему таким месторождением руды, пришел сам султан страны, чтобы выразить ему свое почтение.

Когда те, кто ходил к следам динозавров, чтобы получить удовольствие от встречи с ними, спустились вниз, Хемра Календар, оккупировав просторный уступ скалы, распоряжался развести костер и заняться приготовлением шашлыков. Кусочки свежего мяса, нанизанные на шампуры, уже поджаривались над костром, шипя капающим в огонь жиром и распространяя вокруг аппетитный запах, вызывающий обильное слюноотечение.

Чистый горный воздух как метлой вычистил все, что было съедено ранним утром. Проголодавшиеся гости с удовольствием расселись вокруг сачака.

Солнце казалось опустившимся ниже (это ощущение усилилось после приема пищи), но было нежарко.

Гости с аппетитом поедали шашлыки прямо с шампуров и запивали их водкой. Дунья и сидевшая рядом с ней женщина расстелили на коленях одно полотенце на двоих, Дунья на правах хозяйки подавала еду госте, и сама вместе с нею поела. Они временами поднимали бокалы с налитым им коньяком, стукались ими и делали по небольшому глотку. Они были в приподнятом настроении и с удовольствием поддерживали компанию мужчин. А те, чем больше пили, тем громче становились их голоса, словно они разговаривали с глухими, и эхо разносило звуки их голосов по окрестностям. Горячительные напитки, вкусный

шашлык все больше возбуждали у собравшихся страсти. К тому же не умолкали разговоры об увиденных следах динозавров, отчего казалось, что вот сейчас они сорвутся с места и опять понесутся наверх, чтобы каким-то образом прибрать к рукам приглянувшиеся им следы рептилий. Страсти накалились до точки кипения. Все думали об одном и том же: о следах динозавров и руднике и связывали с ними надежды на новый поворот судьбы.

Несколько возбужденные от выпитого и увиденного, Аннов и Сорар Йюлюк беспрестанно благодарили за доставленное удовольствие Хемру Календара и хозяина дома. Взяв под руки Хемру Календара, они отводили его в сторонку и о чем-то шептались с ним. Стороны вели торги по еще не пойманной птичке с «золотым» гребешком. Но такой торг не может быть скорым, его долго обдумывают, потому что спешка в этом деле совершенно неуместна. Несмотря на предстоящее объединение трех сил, трех капиталов, подчинить себе такую гору, естественно, не так-то и просто.

Одно было ясно: таинственный мир Кугитанга всецело завладел умами Аннова и турка Йюлюка.

Уже поздно вечером гости на Джипе Хемры Календара вернулись в Чарджоу. Хемра Календар расположился рядом с водителем, а Аннов и Йюлюк со своими подругами заняли заднее сиденье. Рассчитанное на троих, для четверых заднее сиденье было тесновато, но тут сработал принцип: в тесноте, да не в обиде. И потом, кому это мешает, когда у всех такое хорошее настроение! Аннов и Йюлюк, усадив женщин посередине, сами расположились по бокам, и теперь сидели, прислонившись к своим работницам и заложив руки им за спину.

Машина ехала по серпантину горной дороги, то карабкающейся вверх, то резко спускающейся вниз.

Выбравшись, наконец, на ровную дорогу, машина прибавила газу, создавалось впечатление, что она

столкнулась с динозавром и испуганно бежит от него. Йюлюк бей, сидя вполоборота, положил голову на массивную грудь своей подруги и вдыхал запах ее духов, смешанный с запахом женского тела. Он ощущал себя в цветнике, эти ароматы умиротворили его, и он даже задремал.

Одурманенные выпивкой и едой, отдавшие во власть сна гости не заметили, как проехали мимо поселка Рудник. А машина Хемры Календара, прорезав ночь и все больше внедряясь в нее, стремительно неслась вперед.

* * *

Вскоре после того, как Дунья спешно ушла на работу, в дверь несколько раз позвонили. Хасар подумал, что Дунья что-то забыла дома и вернулась обратно.

Направляясь к двери, он недовольно ворчал, возмущаясь тем, как быстро она ушла.

– Поспесишь – людей насмешишь, не правда ли?

Открыв дверь, Хасар увидел на пороге вопросительно смотревшего на него незнакомого юношу. На первый взгляд лицо молодого человека показалось Хасару знакомым, но он не сразу его узнал. Нежданный гость заговорил первым.

– Вы ведь дядя Хасар, так?

– Это так.

Не успел Хасар спросить, а ты кто, юноша торопливо произнес:

– Тогда я не ошибся дверью. Я к вам гостя привез.

– Где же он?

– Я сейчас приведу его!

С этими словами молодой человек сбегал по ступеням вниз. Хасар понял, что юноша поднялся к нему, чтобы уточнить адрес. Спустившись со своего этажа вслед за парнем, Хасар увидел стоящее у подъезда такси, из которого осторожно выходил его дядя.

– Дядя, какими ветрами занесло вас сюда? – улыбаясь, он пошел ему навстречу.

– Да, вот, нужда заставила ехать сюда,- в голосе его звучали тревога и озабоченность. Затем он на каком-то птичьем языке произнес непонятную фразу «Немец проснулся...», после чего коротко пояснил племяннику ее суть. Хасар знал, что дядя носит в своем теле пулю, поэтому сразу же понял, о чем идет речь. И без того взглядом врача по бледному лицу дяди он определил его состояние. Хасару было известно о боевом пути дяди, и он улыбкой дал понять, что не совсем согласен с дядиным словом «немец». Его дядя родился в 1926 году, и хотя свое ранение он связывал с немцами, на самом деле это было не так. На службу в армию он отправился уже после того, как советские войска наголову разгромили немцев и взялись за Японию. Так вот, он принимал участие в тех боях и в одном из них был ранен. Каждый раз, когда дядя начинал рассказ о своем «немце», Хасар понимал, что речь идет о войне 1941-1945 годов и потому, словно оправдывая немцев, называл его «немца» настоящим именем – «японцем», перекладывая на него вину за ранение.

– Ну, так и в этот раз то же самое, – сказал дядя и, вспомнив о пояснении, которое племянник давал каждый раз, одной рукой потер слегка нахмуренное лицо и виновато улыбнулся.

Держа в руках багаж дяди, Хасар повернулся к такси, в которое уже садился юноша-проводник:

– А ну, парень, пойдем, выпей пиалу чая, а потом поедешь!

Юноша благодарно улыбнулся:

– В другой раз, дядя Хасар, я должен на занятия успеть,- он спешно сел в такси и, попрощавшись, уехал.

Хасар привел дядю домой, расстелил перед ним сачак и пододвинул к нему свой чай, а сам направился на кухню, чтобы приготовить для дяди завтрак.

Начав чаевничать, он высказал племяннику, беседовавшему с ним на ходу между кухней и комнатой, свои упреки: «Знаешь что, племянник, после твоего возвращения в страну мы стали видеться с тобой реже, чем тогда, когда ты работал за границей». Это и вправду было так. Работая за границей, и приезжая домой в отпуск, Хасар всегда находил время, чтобы навестить дядю и справиться о его здоровье.

После возвращения на Родину прошло уже больше двух лет, а Хасар за все это время ни разу не встретился с маминым братом. В эти дни Хасар ощущал себя пушинкой, подхваченной ураганом и летящей в неизвестность. Из-за этой неопределенности, отсутствия стабильности и накопившихся переживаний даже близкие родственники казались оставшимися где-то вдалеке.

Дядя заочно представил Хасару юношу, который привез его в этот дом:

– В последние две-три недели мой «японец» и вовсе разбушевался, покоя не дает. Острая боль не оставляет, будто в меня нож вонзили. И ночами спать не дает. С твоей тетей мы то одну мазь прикладываем, то другую пробуем, все без толку... К тому же и сыновья ушли на вышку – вахта у них началась. И я решил ехать сам, думаю, там ведь племянник есть, покажет меня врачам... К счастью, на вокзале мне тот юноша повстречался. Я бы его и не узнал, это он меня узнал и сам подошел ко мне, представился, помог багаж донести, посадил в поезд... Оказывается, он внук Медета-уста, наш родственник по линии дядь, словом, соплеменник – из племени гарравы. С покойным мастером я вместе в нефтяниках долго работал.

Когда он представился, я внимательно посмотрел на него и увидел, что он и в самом деле похож на Медета. Хороший парень, ухаживал за мной, чай приносил, словом, не отходил от меня до последнего, пока к тебе не привез...

Дядя осмотрелся по сторонам и вдруг спросил:

– А где наша невестка?

– Она, дядя, прямо перед вашим приездом ушла на работу.

Старик хмыкнул, задумавшись, вероятно, о женщине, которая до сего дня никогда не работала, а тут вдруг куда-то устроилась, и ему это не очень-то и понравилось. Но он как-то сразу подумал и о том, что это, видно, веяние нового времени и даже одно из его требований, поэтому не стал продолжать разговор о жене племянника. В этом вопросе ему не нужны были пояснения племянника, потому что и так все было понятно.

Напоив дядю чаем и накормив завтраком, Хасар решил взять его с собой на работу, потому что тот был его больным. Но прежде чем отправиться, вспомнил, что для устройства в госпиталь понадобятся кое-какие документы, поэтому спросил:

– Дядя, а удостоверение участника войны у тебя с собой?
– В тоне его был вопрос: а не забыл ли ты свой главный документ?

Когда они приехали в госпиталь, Хасара здесь уже ждали. Ему надо было идти на срочную операцию, поэтому он попросил одного из своих коллег заняться устройством дяди. А тот отвел старика и от имени Хасара положил его в терапевтическое отделение.

* * *

В этот день Хасару пришлось срочно оперировать раненого солдата, привезенного из одной из отдаленных воинских частей, поэтому он немного задержался на работе. Операция прошла неплохо, но парень еще не очнулся после наркоза. Хасару хотелось дождаться, когда тот придет в себя, чтобы спокойно отправиться домой. Как обычно в таких случаях, он заварил чай и пил его с медом и сухарями, которые всегда держал при себе на случай, если вдруг

проголодается. Терпеливо ждал. И лишь после того, как больной очнулся, и он еще раз убедился в том, что состояние его не вызывает опасений, Хасар дал кое-какие указания дежурному врачу и поздно ночью уехал домой. По пути домой с каким-то чувством внутреннего удовлетворения представлял, как Дунья, так и не дождавшись его, уснула, что сейчас она, ни о чем не догадываясь, свернувшись калачиком, наслаждается сном в их мягкой постели.

Тихонько открыв дверь своим ключом, чтобы не разбудить уснувшую жену, Хасар почувствовал, как в лицо ему ударил тяжелый запах спиртного, смешанный с горьким запахом табака и подгоревшего кофе. Значит, Дунья не только не спала, но и была дома не одна. Дунья не курила, да и спиртного не употребляла, разве что на праздниках да торжествах семейных «чокнется» и пригубит из бокала, да и то больше для порядка, чтобы не обидеть других гостей. Зато что касается кофе, тут никто не может сравниться с Дуньей в любви к этому напитку. Это был самый большой наркотик, к которому она приучила себя, будучи женой командира и мотаясь с ним в Европе...

Понятно, что в доме гость, но кто он? Навстречу ему вышла несколько возбужденная Дунья и сообщила:

– У нас гостя!

– Кто же она?

– Наша новая знакомая из Стамбула.

«Сейчас иду!» – ответил Хасар и, снимая обувь, снова учуял запах спиртного и подумал о том, что в этом доме спиртное употребляют крайне редко, из чего сделал вывод, что в доме у них находится дорогой гость. Войдя в гостиную, Хасар увидел полную женщину лет сорока-сорока пяти в европейской одежде, аккуратно подкрученные концы волос лежали на плечах. Она уставилась на Хасара и с интересом разглядывала его. Обычно такие женщины при встрече с мужчинами вызывают у них жадный интерес и будят

невольное желание, такие же мысли сейчас промелькнули и в голове Хасара. «А дамочка недурна!» – подумал он про себя.

Дунья с удовольствием представила гостье своего мужа:

- Будьте знакомы - это мой муж Хасар!

- Гульовсер! – гостья встала с места и протянула Хасару руку.

Представив мужа гостье, Дунья ушла на кухню и занялась приготовлением ужина. Очень скоро она вернулась, неся в руках несколько тарелок, после чего они уже втроем заново приступили к трапезе.

С приходом Хасара женщины сменили тему предыдущего разговора, который состоялся, пока они были вдвоем, но теперь он приобрел несколько иной оттенок, и это было совершенно очевидно. До того они говорили о работе фирм, которые выступают в поддержку друг друга, чтобы еще больше разбогатеть, обменивались мнениями о предстоящих горнорудных работах, причем, у каждой из них был свой интерес, поэтому они пытались выяснить друг у друга что-то для себя. А для Хасара как человека бесхитростного и не причастного к этим делам, эти разговоры были и неинтересны, и не нужны. И поэтому женщины, воспользовавшись присутствием в их компании единственного мужчины, постарались перевести разговор на нейтральную тему.

Когда же в разговоре вновь всплыла тема Стамбула, гостья оживилась, лицо ее просветлело, было видно, что эта тема ей больше всего по душе. Она заговорила с каким-то воодушевлением. С удовольствием вспоминала этот крупнейший и прекрасный город Турции, омытый многими морями, с каким-то пылом рассказывала она о том, как любила наблюдать за разбивающимися о берег морскими волнами. Но и этого ей показалось мало, тогда она решила напомнить об истории этого замечательного города, которую она, похоже, знала наизусть и любила рассказывать.

Пророк Мухаммед, отметив в своих хадисах: «Стамбул обязательно будет завоеван, взявший его полководец – прекрасный полководец, войска, захватившие его, – прекрасные войска», – заранее возвестил о захвате этого города.

Однако ни сельджукским, ни последующим султанам город не дался. Убедившись, что не сможет успокоиться до тех пор, пока не захватит его, Танры создал султана Фатих Мухаммеда. Все султаны, до него пытавшиеся взять Стамбул, завещали: «Похороните меня как можно ближе к Стамбулу!», а султан Фатих говорил: «Ищите мои знамена в Стамбуле!» Таким образом, султан Фатих сумел покорить эту неприступную крепость.

Как только в рассказе гостья возникла пауза, Хасар воспользовался ею:

– Говорят, Анкара тоже красивый город!

– Но Стамбул еще красивее! – пылко возразила женщина.

С первых же минут знакомства с Хасаром гостья прониклась к нему какой-то особой приязнью. «Достойного мужика выбрала себе Дунья!»- с завистью подумала она о счастливой подруге. В разговоре она время от времени бросала на Хасара восхищенные взгляды. От взгляда Дуньи не укрылось и то, что женщина при виде ее мужа не может скрыть своих чувств. Ухаживая за ними, подавая на стол и временами садясь рядом с ними, Дунья обратила внимание на оживленное поведение гостьи, но связала это с действием выпитого и посчитала, когда пары спиртного улетучатся, и это тоже пройдет, как дым, как утренний туман.

Когда Хасар под каким-то предлогом вышел из комнаты, гостья не стала скрывать от Дуньи своего восторженного отношения к Хасару. Она вдруг поздравила хозяйку дома:

– Хороший у тебя муж, поздравляю!

Дунья уловила в словах гостьи скрытый смысл. Та предупредила ее: «Смотри, увлекшись таким никчемным

человеком, как Аннов, не потеряй парня, который в десять раз лучше него!»

– Что, понравился? – Дунья посмотрела на гостью с хитрой улыбкой, давая понять, что обо всем догадалась.

– Понравился!

– Если хочешь, я могу подарить его тебе! У нас для гостя ничего не жаль!

Произнеся эти слова шутливым тоном, Дунья дала понять гостье, что раскусила ее.

Когда Хасар вернулся, женщины снова вернулись к своим бизнес планам, разгоряченные выпитым, они были оживлены и говорили возбужденно.

Дунья вдруг почувствовала, как сильно хочет спать, у нее начали слипаться глаза, и она стала, широко открывая рот, громко зевать. Если бы не это, гостья, возможно, еще долго сидела бы у них. Только после этого гостья посмотрела на часы, которые показывали приближение полуночи. Поблагодарив хозяев за гостеприимство, она стала собираться к себе в гостиницу, хотя те и предлагали ей остаться: «Поздно уже, заночуете у нас, места всем хватит!». Правда, переводя взгляд с Хасара на Дунью, женщина на какое-то мгновение изменила решение и задумалась: «Может, и вправду остаться?», и это было видно по ее лицу.

Гостья сказала, что поедет на такси, но Хасар знал, что не успокоится, если сам не довезет женщину до гостиницы на своей машине, хотя и выпил немного. Дунья сразу же одобрила его решение: «Поезжай безлюдными улицами, думаю, что гаишники и прочие уже давно спят!».

Хасар улыбкой ответил на заботу жены.

Вспомнил ходячую среди водителей фразу: «Собаки спят, не спит ГАИ».

Хасар оделся и вышел из дома, чтобы подогнать машину к подъезду, следом за ним, держа друг друга за талии и разговаривая, вышли и Дунья с гостьей.

Ночью погода была приятной прохладной. Ощущение было такое, будто тьма спряталась за домами, в неосвещенных

местах, но где-то рядом сгущаются черные тучи, и вдруг сверкнет молния и грянет гром. Когда Хасар подогнал машину к подъезду, Дуня и гостя осыпали друг друга на прощание нежными поцелуями, словно расставались на долгое время.

Машина проехала совсем немного, и вскоре ее салон наполнился парами выпитого спиртного и запахами табачного дыма, смешанного с запахом духов женщины, отчего стало казаться, что не хватает воздуха и трудно дышать.

Женщина расположилась на переднем сиденье рядом с Хасаром, откинувшись на спинку сиденья и вытянув ноги. Она немного вспотела и расстегнула верхние пуговицы своей блузки, словно хотела во всей красе показать свою и без того красивую полную грудь.

Хасар протянул правую руку, чтобы открыть форточку со стороны пассажирки и немного проветрить салон машины.

– Нет, не надо, – попросила гостя. – Я немного вспотела, поэтому не стоит устраивать сквозняк – могу простыть. – Она взяла в свою руку протянутую руку Хасара и положила ее себе на колено.

Хасар почувствовал тепло мягкой и приятной женской ладони.

Подъехав к гостинице, Хасар вышел из машины, открыл дверцу и помог женщине выбраться наружу. Разговаривая с ней, проводил до входа в гостиницу. И только после этого она выпростала свою руку из руки Хасара, которую он подал, помогая ей выйти из машины. У самого входа они любезно попрощались друг с другом.

Сделав несколько шагов, женщина резко обернулась, словно что-то забыла. Окликнула Хасара и попросила его на минутку подойти к ней. Затем достала из маленькой сумочки визитку и протянула ему.

– Вот мои координаты. Вдруг захочешь увидеться? – с каким-то тайным смыслом, хитро улыбаясь, произнесла

женщина то, на что в другое время не решилась бы, но сейчас, вероятно, под воздействием паров алкоголя, это случилось само собой.

Хасар остановился, вытянул из ее руки визитку, кивнул головой и благодарно улыбнулся.

— Конечно, — в тон ей ответил Хасар. Неожиданно женщина поцеловала Хасара в щеку, хмыкнув на прощание что-то неопределенное. Сделав оборот вокруг своей оси, повернулась к Хасару, несколько смущенно и довольно улыбнулась ему и быстрыми шагами направилась к гостинице. Хасар погладил щеку, которую только что наградили поцелуем, и, провожая взглядом влиющуюся солидным задом и удаляющуюся от него Гульовсер, думал о том, что так вести себя может только подвыпившая женщина, что завтра, повстречавшись с ним, она вспомнит об этом и испытает чувство вины и стыда.

Проводив гостью, Дунья убрала все со стола, отнесла на кухню, перемыла всю посуду и расставила ее по местам. Занимаясь делами, она думала о сегодняшней неожиданно нагрянувшей гостье.

Как-то раз Дунья сказала турчанке, что как-нибудь познакомит ее с мужем и сыном.

Сегодня они по делам находились в городе, и Дунья вспомнила о своем обещании пригласить подругу к себе, чтобы пообщаться с ней в спокойной обстановке. Она решила, что более подходящего случая не будет, поэтому сделала гостье предложение пойти к ней домой.

Дунья думала, что как только все уберет по местам, сразу же ляжет спать и немедленно уснет. Подошла к окну и, не раздвигая штор, стала прислушиваться к ночным звукам улицы, чтобы не пропустить шум подъехавшей машины. Ей показалось, что Хасар задерживается дольше положенного. И чем больше времени проходило, тем больше Дунья ощущала себя прежней — женой военнотружущаго, когда

она с нетерпением ждала возвращения Хасара и переживала, если его долго не было. После возвращения в Ашхабад такое чувство посещало ее крайне редко.

Переодевшись в просторную ночную рубашу и не желая лечь в постель без Хасара, она села на краю кровати, распустила волосы и еще какое-то время сидела в ожидании мужа.

* * *

Рабочий день закончился, и все работники разошлись по домам. В офисе остались только Аннов и Дунья. Оставшись наедине, они решили в спокойной обстановке еще раз просмотреть специально подготовленные документы, которые в скором времени будут рассматриваться в Кабинете Министров. В этих документах были представлены все обоснования для приватизации «Рудника»: будет ли он полезен обществу, и имеют ли фирмы, готовые приватизировать его, возможности для организации работ на месторождении урановой руды.

Дунья открывала в компьютере каждую страницу документа по отдельности, потом они садились и вдвоем еще раз внимательно ее просматривали. Дунья читала ее своим низким бархатным голосом, а Аннов, подъехав к ней на своем кресле поближе, сидел сзади нее и слушал, анализируя каждое предложение и делая выводы, удачно ли оно, уместно ли.

Правда, работа эта была нудной и кропотливой. Для подготовки документов обе стороны пригласили экспертов и взялись за это дело с энтузиазмом. В итоге на бумаге появился отчет о комбинате, приносящем сплошную прибыль, причем были учтены и его польза, и вред, а также возможности инвесторов.

Ради пользы дела они даже разыскали одного из инженеров, работавших на руднике в годы войны, и

проконсультировались у него. Старый инженер был поражен, узнав о разрешении на приватизацию месторождения, имеющего для государства стратегическое значение. Потом, правда, подумал, что сегодня страна живет по правилам капиталистического мира, и сделал для себя вывод: «Ну, да, коли СССР приказал долго жить, а его имущество пошло с молотка, значит, и такое вполне возможно». Он отвечал только на вопросы, которыми интересовались его заказчики.

Получив от этих людей за свои консультации солидный куш, старый инженер понял, что ради достижения своей цели, которая сулила им очень большие деньги, они ни перед чем не остановятся.

Помимо этого, Сорар Йюлюк еще раз слетал в Стамбул и консультировался там со знающими людьми, чтобы в вопросе с рудником не осталось никаких неясностей. Ему советовали начинать это дело как можно скорее, воспользоваться нынешней неразберихой, потому что государство молодо и пока что не во всем разбирается, а вот когда оно встанет на ноги, иметь с ним дела будет гораздо труднее. Ему говорили, что сейчас в Туркменистане в высших кругах не только поощряется взяточничество, что в Турции многие никому не известные фирмы пошли по этому пути и сказочно разбогатели, что многие высокопоставленные чиновники с решающими голосами вряд ли устоят перед долларовой атакой, и советовали действовать именно в этом направлении.

Несмотря на заверения Аннова, что у него есть знакомый, который поможет им решить этот вопрос, его турецкий партнер, привыкший во всем полагаться только на себя, не очень-то веря в способности Аннова, предпочел заняться этим делом сам. Во-первых, отдавая взятку своими руками и от своего имени, ты уже имеешь преимущество в глазах того человека и становишься у него на особом счету. А во-вторых, тем самым ты закладываешь первый кирпичик в

фундамент своей собственной выгоды в этом завтрашнем двустороннем деле.

В настоящее время только это было главным условием для здешней работы и обогащения.

Турецкая сторона сама, через своих земляков нашла надежного и квалифицированного человека для помощи в решении вопроса. Для него она устроила специальную вечеринку и познакомила с ним остальных коллег. Женщину, прибывшую от этого надежного человека, звали Марьям, ей было около тридцати лет. У нее были чуть припухшие веки, тонкая талия и красивая прическа, и сама она была худощавой и стройной. На той вечеринке Марьям вела себя несколько высокомерно, демонстрировала свое превосходство над другими, но, пообщавшись с Дуньей, прониклась к ней симпатией. Уезжая, она особенно тепло попрощалась с Дуньей, пообещав не терять ее из виду, созваниваться.

На столе Аннова зазвонил телефон, и он на своем кресле доехал до стола и поднял трубку.

– Слушаю!

– Это я, – раздался на том конце провода знакомый хрипловатый голос.

– Что тебе?

– Когда тебя ждать домой?

– Еще работа есть. Как только закончу, сразу же приеду.

– Но твоя работа никогда не кончается! – в тоне женщины звучало недовольство.

– Хорошо, буду через полчаса...

Аннов нахмурился, выказывая недовольство тем, что прервали его работу. Положив трубку на рычаг, он снова подкатил к столу Дуньи, чтобы продолжить работу. Его внимание привлек локон, прилипший к красивой шее женщины и украшавший ее. Он снова с чувством удовлетворения подумал о том, что женщина, когда-то

презрительно называвшая его «ослиной подушкой», теперь работает под его началом, всецело подчиняется ему и сейчас сидит рядом с ним.

Уткнувшись в компьютер, Дунья по тону разговора поняла, что он говорил с женой, тем не менее, поддавшись женскому любопытству, спросила у Аннова, когда он снова прикатил к ней:

– Кто это был?

– Жена!

– Что она хотела?

– Что она может хотеть, хочет, чтобы я скорее домой пришел!

В этот момент и Дунья вспомнила о Хасаре, который уже вернулся с работы, приготовил ужин и ждет ее.

– Она права. Время уже позднее, – с этими словами Дунья выключила компьютер и стала собираться домой. – Завтра, все остальное просмотрим завтра, на свежую голову.

Поначалу Аннов был недоволен действиями Дуньи, но, посмотрев на настенные часы, убедился, что время и в самом деле позднее.

– Завтра так завтра, – примирительно произнес Аннов, встал с места и потянулся, затем подошел к окну и выглянул на улицу. Окно было открыто, и легкий ветерок тихонько трепал край шторы.

Все давным-давно разошлись по домам, вокруг царила тоскливая тишина. Лишь изредка доносились звуки то приближающихся, то удаляющихся автомобилей.

Стоя у окна боком, Аннов наблюдал за ночным городом. Там, где горели фонари, было светло, как днем, там же, где их не было, царила непроглядная темень. Опустевшие улицы казались пасмурными. Несмотря на усталость, эта таинственная тишина подтолкнула Аннова к приятным воспоминаниям и мечтам. Теперь уже недалек тот день, когда комбинат станет его трофеем и перейдет в его собственность,

ведь они заранее предприняли все необходимые меры для того, чтобы Правительство дало разрешение на начало работ. Зампред, который должен рассматривать этот вопрос, при помощи его близкого человека был подготовлен и перетянут на их сторону. Большую роль сыграло и мнение турецких компаний, с которыми он ранее работал, о перспективности и выгоды данного дела для всех сторон. Понятное дело, турки с их трудоспособностью и упорством не остановятся на полпути. Упорство у них в крови, оно стало частью их натуры. Так что Кугитанг можно считать прибранным к рукам, очень скоро рудник будет приведен в действие и начнет давать огромные прибыли.

Ну а там, где будет богатство, недалеко и до титулов, ну хотя бы бека. Вы еще увидите Аннова, известного на всю страну человека, перед которым будут лебезить, и преклонять колена... Аннов, возможно, еще долго предавался бы сладостным мечтам, но вдруг где-то за его спиной раздался крик филина, который и напугал его, и испортил настроение. Не успел Аннов подумать, откуда в городе взялись совы, как пугающий этот крик, разрывая ночную тишину, повторился еще два раза подряд. Он вдруг вспомнил, что совы любят селиться в руинах, а в некотором отдалении от его офиса стоят две заброшенные бетонные коробки без окон и дверей. И стоят они там, где в советское время два друга надумали построить себе дома и жить по соседству, но тогдашние министры — не позволили им этого сделать и решили построить здесь два многоэтажных дома для высокопоставленных чиновников. Теперь эти дома в самом центре города окончательно развалились и превратились в руины, в которых, похоже, обосновались совы.

В криках сов Аннову послышалось злорадство, и упрек в адрес хозяев этих заброшенных строек: «Ну, что, добились своего?» Теперь эти руины непременно связывали с именем одного из самых известных министров того времени и

называли их не иначе, как «графскими развалинами» Ханмурадова. Этот человек долгое время возглавлял всю торговую сеть Туркменистана и сумел сильно разбогатеть. Говорили, что в свое время он был наделен огромной властью, что каждый раз ездил в Москву с целым «дипломатом» денег, что ему даже сам Гапуров, тогдашний руководитель республики, был не указ, потому что у его жены в Москве были влиятельные родственники, занимавшие посты в Кремле.

Говорят, однажды в торговую сеть Ашхабада поступили два очень дорогих мебельных гарнитура, один из которых был отдан Гапурову, а от второго другие министры отказались по причине его чрезмерной дороговизны. И тогда Ханмурадов распорядился: «Отвезите его ко мне, я за оба сам рассчитаюсь», – и очень сильно удивил коллег своей платежеспособностью.

Строительство этой башни он начал в самый канун падения советской власти, когда уже был слышен скрип ее колес, но завершить не успел. Так и остался дом недостроенным и теперь стоял в центре города, став символом разрушенной судьбы некогда правившего миром богатого хозяина, его развалившейся, как вся советская эпоха, жизни.

Аннов не очень-то верил в приметы, но голоса сов, будто выдававшие его тайну и в чем-то упрекавшие, он воспринял как унижение собственного «я», и от этого у него испортилось настроение.

Ему захотелось бросить в эту сову камень и прогнать ее, как в детстве он прогонял каркавшую на дереве перед домом ворону.

– Ну, что, теперь-то мы поедem домой?

Обернувшись на голос Дуньи, Аннов увидел, что она уже собрала свои вещи и с сумкой на плече ждет его возле выхода.

Приехав утром на работу, Хасар припарковал машину, взял оттуда сумку и направился в отделение.

До утренней пятиминутки было еще достаточно времени, поэтому он решил проведать дядю. Войдя в ординаторскую, надел халат и хотел сразу же идти в дядину палату. Он и без того без конца проводывал его, не хотел, чтобы тот чувствовал себя безродным. Накануне, нагрузившись провизией, приехали его жена и старший сын, чтобы кормить и ухаживать за больным.

Очнувшееся ото сна утро было тихим. Двор госпиталя был густо засажен высоченными деревьями, поэтому каждый, кто приходил сюда, чувствовал себя оказавшимся в лесу.

Подходя к отделению, Хасар заметил одиноко сидевшего в сторонке старика. Он был примерно того же возраста, что и его дядя, то есть где-то под семьдесят, всклокоченная борода беспорядочно лежала на груди.

Хасар подумал, что старик неспроста так рано прибыл сюда, но ему и в голову не могло придти, что тот ждет именно его. А старик сидел в том месте, где, как ему подсказали, должен был пройти Хасар.

Хасар поздоровался со стариком и хотел идти дальше, но тот остановил его вопросом:

– Сынок, ты случаем не доктор Хасар?

– Да, яшули! – Хасар обернулся и замедлил шаг, чтобы выслушать старика.

– Тогда, сынок, у меня к тебе есть разговор. Да, я сказал, сам поговорю с ним, посмотрю, что он скажет... А про тебя, сынок, всякое говорят. И хорошим врачом называют, и по-другому... Я никак не мог успокоиться, думал, если он человек, с ним можно будет договориться...

Хасар сообразил, что старик является родственником кого-то из его пациентов и хочет переговорить с ним с глазу на глаз. Он повел старика с собой в кабинет.

Старик оказался дедом того самого солдата из Иолотани, которому все никак не могли поставить диагноз и потому не брали на операцию, только с одного обследования на другое водили... В тусклых глазах старика, на его морщинистом лице отпечатались следы переживаний.

Хасар хорошо помнил того статного красивого юношу, который буквально на глазах таял. Этот парень был его постоянной болью и переживанием, осевшим где-то в закоулках души. На днях у него состоялся коротенький разговор с этим солдатом. Осматривая больного, Хасар обратил внимание на его руки, которые были мягкими, как у врача или женщины.

– А до армии ты чем занимался? Уж больно руки у тебя мягкие, не похоже, чтобы ты выполнял грубую мужскую работу, – удивился Хасар.

Юноша стеснительно улыбнулся в ответ:

– Доктор, я очень люблю музыку. С семи лет занимаюсь ею. Вы, наверно, слышали о музыканте по имени Овездурды-кекирдек, да и по радио часто дают его музыку. Настоящий маэстро! Он друг моего дедушки, я ходил к нему и учился у него музыке. Он даже как-то раз сказал дедушке, что из меня может что-то получиться. – Потом добавил: – Вот я выздоровлю и тогда с удовольствием поиграю для вас.

Хасар видел, что юноша возлагает на него большие надежды, верит в свое излечение. И этот момент запечатлелся в памяти Хасара.

Представившись, старик сразу же перешел к делу, не стал ходить вокруг да около. В надежде на то, что доктор поймет его и после этого изменит свое отношение к его внуку, стал взволнованно рассказывать то о детстве мальчика, то о его службе в армии, где он и получил эту болезнь. От волнения речь его была сбивчивой. Разговаривая, он достал из кармана серого халата-дона белый платок, подержал его в кулаке, а потом пару раз отер им с лица пот. Хасар понял,

что он хочет еще что-то сказать. Но старик все не решался заговорить на запретную тему. Видно ему нелегко было начать этот разговор, потому что, несмотря на прохладную погоду, старик обливался потом.

Из разговора со стариком Хасар догадался, что родственники юноши по-своему расценили задержку с операцией и видели причины этой задержки вовсе не в том, что врачу было необходимо уточнить диагноз. В некоторых случаях, когда вот так же откладывалась операция, родственники начинали суетиться и думать, что врач ждет от них какого-то вознаграждения за свою работу.

Поняв из завуалированной речи, что старик ждал его именно с этим намерением, Хасар постарался убедить его в своей искренности и в том, что он сделает все от него зависящее, чтобы поставить его внука на ноги. Хасар хотел, чтобы старик поверил ему и отказался от своего намерения «заплатить доктору». Вместе с тем он догадывался, что за этой встречей каким-то боком маячит начальник госпиталя, с которым их мнения относительно лечения юноши были кардинально противоположными, но который при любом удобном случае старался поставить Хасара в неловкое положение.

Видно, старик обратился к нему за помощью, а тот охотно «намекнул»: «Наверно, врач ждет чего-то от вас...» и отправил старика к нему.

Таких, как Хасар докторов, привыкших работать честно, осталось совсем немного, потому что в последнее время для врачей становилось делом привычным иметь побочный заработок за счет больных.

Похоже, начальник госпиталя, получив от родственников юноши свою мзду, пообещал им, что после операции поможет получить заключение о его непригодности к воинской службе.

Но Хасар все еще был уверен в том, что парня можно поставить на ноги без операции, что брать его под нож – самая крайняя мера. Если все же придется оперировать юношу, Хасар собирался делать это после консультации со специалистами, например, с профессором Чары Назаровичем.

Хасар и сам был знаком с профессором, в Ленинградском мединституте он учился примерно в одно время с Чары Назаровичем. Сейчас он собирался договариваться с ним о скорой встрече. А после консультации с ним применить к юноше именно то лечение, которое ему больше всего подходит. Вполне возможно, что Чары Назарович скажет: «Это наш больной, поэтому его лучше перевести в нашу клинику».

Хасар не стал говорить старику всего этого, да и не было нужды в том, чтобы что-то ему объяснять. Он только пообещал старику, что сделает для больного все от него зависящее и, если потребуется, даже прооперирует его. Старик уходил от него благодарным. Прощаясь, старик вновь повторил слова, которые уже неоднократно звучали в его речи: «И после операции я не останусь в долгу, приду к вам».

Проводив деда, Хасар начал просматривать лежавшие на его столе истории болезней. Он все еще был под впечатлением от разговора со стариком. У него было такое чувство, словно он только что прослушал трагическую музыку.

Взглянув на часы, Хасар вспомнил, что ему надо идти на пятиминутку, встал из-за стола. Увидев на том краю стола, где сидел старик, белый носовой платок, которым тот отирал пот, Хасар подумал, что дед забыл его. «Отдам солдату при обходе, он сам передаст его деду», – подумал Хасар, взял платок и, даже не заглянув внутрь узла, забросил его наверх платяного шкафа.

Прослышав о предстоящей операции дяди Хасара, фронтовика, его близкие сразу же съехались в Ашхабад. Конечно, пользы от них никакой, разве что Богу помолются за удачный исход операции, но разве усидишь дома, когда твоего родного человека будут резать!

С тех пор, как дядю положили в госпиталь, младший брат Хасара время от времени звонил из Красноводска и спрашивался о состоянии больного. А пару дней назад сюда приехал младший сын старика, чтобы ухаживать за отцом в послеоперационный период.

В тот день, подъехав к госпиталю вместе с двоюродным братом и его женой на своей машине, Хасар увидел стоящую тут же машину своего сына Арслана. «Наверно, прослышал об операции и приехал, не смог спокойно усидеть дома», – подумал Хасар.

Подъехав ближе, Хасар увидел, что в машине сына он не один, и как только Хасар вышел из своего автомобиля, ему навстречу бросилась дочка младшего брата лет десяти-одиннадцати.

– Дядя!

– Дочка! – Хасар ласково обнял за плечи шуструю девчушку. Но не успел он ей и слова сказать, потому что увидел, как из задней дверцы машины с трудом протискивается грузное тело матери.

– Ого, оказывается, и мама приехала! – обрадовано воскликнул Хасар. Подойдя к матери, обнял ее за плечи, поздоровался и стал спрашиваться о ее здоровье. Оказывается, мать приехала утренним поездом и пошла не к нему, а к внуку, там она попила со сватьей чаю, после чего приехала сюда.

Хасар переживал, что мать в столь почтенном возрасте отправилась в неблизкий путь.

– Мама, вы тоже приехали?

– Приехала, сынок.

– Вам не стоило беспокоиться. Состояние дяди удовлетворительное. И потом, я ведь сам присматриваю за ним.

– Так-то оно так, но я решила своими глазами его увидеть. И потом, я и с вами давно не виделась, порядком соскучилась, поэтому взяла и приехала.

Хасар понял, что, узнав о предстоящей операции, мать не смогла усидеть на месте. Да и брат ее знает, в каком она состоянии, с трудом по дому передвигается, не стал бы он обижаться, если бы она не смогла навестить его. И уж если на то пошло, разве не ее сын вместе со своей семьей ухаживают за ее братом?!

Узнав, что брату предстоит операция, не смогла спокойно сидеть дома и ждать. Даже если ты стар, брат есть брат.

Хасар намеревался делать операцию сам. После проведенного полного обследования выяснилось, что «немец», воспользовавшись пустотами, образовавшимися в стареющем организме, пришел в движение и стал причинять дяде сильное беспокойство. Значит, надо разобраться с «немцем» прежде, чем он успеет «разобраться» со старым дядей. Пару дней назад он вместе с коллегами провел консилиум, и все пришли к единогласному мнению: нужна срочная операция!

Во время службы в Германии Хасар оперировал старшину, который, как и его дядя, носил в своем теле немецкую пулю. Конечно, ему тогда нелегко пришлось, ведь такую операцию он проводил впервые. Но сейчас, перед такой же операцией, Хасару было приятно вспомнить, что впоследствии тот старшина служил в его части и находился в строю. Хасар испытал приятное чувство собственной значимости.

Перед самой операцией Хасара неожиданно вызвал к себе начальник госпиталя. Ему было известно, что сегодня будут

оперировать дядю Хасара. Но он был обижен на хирурга за то, что тот не послушался его и не стал оперировать указанного начальником человека, зато так старается для собственного дяди. Понимая, что эту операцию нельзя задерживать, он все же решил показать, кому из них принадлежит власть.

Хасар никак не мог понять, для чего его вызывает начальник в тот момент, когда он направляется в операционную. "Что такое срочное понадобилось ему от меня?" – недовольно подумал он, тем не менее, велел своим ассистентам идти в операционную, пообещав присоединиться к ним сразу же после встречи с начальником госпиталя. Начальник госпиталя и в самом деле испытывал к Хасару неприязнь, он считал его человеком, не умеющим жить по правилам сегодняшнего дня.

Начальник встретил Хасара с недовольным видом, его глаза, превращающиеся в щелочки, когда он хмурится, исторгали яростный свет.

– Хасар Мамметханович, как понимать ваши действия? – требовательным тоном спросил начальник.

Хасар видел, что начальник чем-то недоволен, и даже подумал, что кто-то что-то мог наговорить ему, однако в тот момент не догадывался, с какой стороны задул холодный ветер.

С присущим ему спокойствием стал ждать, когда тот откроет причину своего недовольства. Начальник, у которого все внутри клокотало, долго ждать не заставил.

– Выясняется, что старик, которого сегодня будут оперировать, ваш дядя!

– Да, дядя, и что с того?

– Почему вы не поставили меня об этом в известность?

– Мой дядя, господин начальник госпиталя, в первую очередь больной. А лечить больных – наш долг. И потом, разве я обязан докладывать вам о каждом больном и степени его родства со мной? Даже если бы я это сделал, что изменилось бы?

– Изменилось бы, потому что, во-первых, все, кроме военнослужащих и членов их семей, должны лечиться в общих больницах, разве вам это неизвестно?

«Вон он откуда ветер-то задул! Ну что я за человек! Знал ведь, что этот не встанет на твою сторону, не поддержит тебя как коллегу. Надо было мне поставить его в известность, чтобы он от меня, а не от других узнал об этом!», – Хасар пожалел о том, что не пришел к начальнику госпиталя раньше.

Однако требовательный тон начальника задел Хасара, но он постарался не уподобляться ему и говорить спокойно:

– Возможно, вы ознакомились со сведениями о больном. Этот человек, подлежащий лечению как в больницах общего профиля, так же, и в первую очередь, имеет отношение к военному госпиталю. Он ветеран войны. В советское время было принято специальное постановление о лечении ветеранов войны в военных госпиталях. Это постановление не утратило силы и по сей день. А победу, за которую они проливали кровь и завоевали ее ценой собственной жизни, страна и по сей день празднует ежегодно.

– Тогда почему же ваш дядя не лег в военный госпиталь Балканского вейлята?

Хасар чего угодно ожидал от начальника госпиталя, но не такой мелочности. Это разозлило его. Он почувствовал, как вспыхнули огнем кончики его ушей, так бывало всегда, когда он приходил в ярость. Смутные мысли роились в его голове, но сейчас он посчитал необходимым ответить начальнику госпиталя таким же тоном, найти для него такие же злые слова.

– Я вижу, вы не слушаете меня, господин начальник госпиталя? – Сам того не замечая, Хасар подбавил словам своим яду и пошел в наступление. – Я только что сказал вам, что этот больной не обычный больной, что, когда потребовалось, он отправился защищать Родину. А такие

люди имеют право лечиться в военных госпиталях в любое время, когда у них в том нужда возникает. Наш госпиталь центральный, отчего же в нем не могут лечиться балканцы? Я горжусь тем, что у меня есть такой дядя. Он не из тех, кто в те годы всеми правдами и неправдами добывал «броню» и прятался за юбкой жены.

Хасар произнес эти слова, зная, что дед начальника госпиталя в годы войны не ушел на фронт по «бронне», хотел досадить ему.

– И потом, в нашей стране нет такого разграничения, что марыйцы должны лечиться в Мары, лебапцы – в Лебапе, а жители Балканского веляята – в Балкане. И быть такого не может. И если кто-то надумает ввести такой запрет и нарушить целостность нашей страны, быстренько получит по шапке, в этом нет никаких сомнений. Здесь – столица, и она открыта для всех. Думаю, что туркмены вряд ли кому-то из коварных злоумышленников позволят с легкостью разрушить свое государство, о котором так долго мечтали!

Видя, что разговор приобретает политическую окраску, что это может не понравиться там, наверху, начальник госпиталя покраснел, как рак, и испуганно вскочил с места.

– Товарищ полковник, вы меня не так поняли! – по мере возможности он постарался говорить миролюбивым тоном. – Я вовсе не хотел сказать, что балканцы не должны лечиться в Ашхабаде, вовсе нет... Просто с переходом на рыночные отношения мы открыли у себя специальное отделение, в котором предусмотрено лечение приезжих на платной основе. Пусть лечится, на здоровье, но только с соблюдением всех правил, предварительно внеся плату. Таковы правила.

– Но плату за лечение он уже давно внес, господин начальник госпиталя!

– Когда, кому он заплатил? – искренне удивился начальник госпиталя и пожал плечами, во взгляде его было недоумение: если он заплатил, я должен был бы знать,

ведь я сам веду всю эту бухгалтерию. Он напрягал память, пытаясь что-то вспомнить. Тем временем Хасар дал ему ответ, поисками которого тот был занят.

– Они Родине заплатили. И не деньгами, а жизнями своими, кровь проливая, заплатили... Думаю, что документ о такой плате имеется и у вас, хорошенько поищите его... Или вот что. Такой документ должен быть в Министерстве обороны, я проведу операцию, потом сам съезжу туда и привезу его вам. А если такой документ не обнаружится, вы можете потом из моей зарплаты вычесть плату за лечение!

Эти слова Хасар произнес требовательным тоном, в котором отчетливо слышалось: «Ты делай вид, что ничего не понимаешь, а я постараюсь лучше толковать тебе!»

Упоминание Министерства обороны еще больше напугало начальника госпиталя. Он понял, что если до них дойдет весь этот разговор, ему не поздоровится, к тому же знал, что и в министерстве найдется немало людей, которые поддержат Хасара.

После этого его разговор и вовсе стал непонятным: то он будто отрекался от своих слов, то будто защищался, во всяком случае, пыл его поубавился.

Выйдя от начальника госпиталя, Хасар, хоть и спешил, не торопился идти в операционную, по пути зашел в свой кабинет и сделал несколько глотков заваренного с утра чаю. Посидел немного, успокаиваясь и готовя себя к операции.

Когда Хасар вошел в операционный зал, его ассистенты были заняты подготовкой к предстоящей операции.

Приступив к операции, Хасар, как водится, выбросил из головы все посторонние мысли и полностью отдался заботе о больном на операционном столе.

Пока шла операция, он вспоминал некоторые эпизоды из военного прошлого дяди. Война была в разгаре, и ее пламя уже наступало и на Туркменистан. Сколько людей было погублено и потеряно за короткий срок! Немало было и таких, кто возвращался домой калекой, без рук и ног. Дядя

Хасара был одним из туркменских парней, вернувшихся домой с осколком в теле. С тех пор прошло больше пятидесяти лет, а старый солдат все еще продолжал воевать со своим «немцем».

В детстве Хасар много раз слышал, как его мать переживала за дядю, как она со слезами на глазах повторяла: «Мой единственный брат получил на войне ранение и вернулся домой с пулей в груди!»

О том, что с поля боя его привезли для операции в полевой госпиталь, что врачи, изучив все обстоятельства и выяснив, что пуля находится слишком близко к сердцу, решили: «Отложим операцию до лучших времен, сейчас не стоит этого делать, а вот если пуля начнет двигаться, тогда и посмотрим», – Хасару рассказал сам дядя.

Рассказ этот запечатлелся в памяти Хасара, и хотя он уже и сам стал врачом, он и подумать не мог о том, что когда-нибудь ему самому придется довести до конца тот бой с врагом.

Работая врачом, он часто думал о «враге», которого дядя носил в своей груди, о том, что операция в годы войны могла закончиться неудачей, что тогдашний медицинский инструментарий оставлял желать лучшего, и потому считал правильным решение военных врачей отложить операцию.

Когда началась операция, мать Хасара вместе с двумя внуками, сыном брата и его женой поднялась на второй этаж, чтобы быть поближе к операционному блоку. Сейчас все ее мысли были с сыном, который взялся уничтожить братниного «немца». Она молила Бога о том, чтобы Он помог ее брату избавиться от своей болячки, а сыну – не ошибиться и довести дело до победного конца.

В холле второго этажа было многолюдно, все стоявшие там стулья были заняты, многие стояли, прислонившись к стенам, кто-то стоял у окна. Увидев с трудом передвигающуюся старую женщину, кто-то из молодых встал и уступил ей место. Из-за столпотворения холл

казался тесноватым, и в нем было душно. Когда сидевший рядом со старухой человек встал и ушел, нашлось место и для женщины с полной сумкой, прибывшей ухаживать за больным мужем.

Арслан вместе с двоюродным братом стояли возле них и о чем-то переговаривались. Бабушка с гордостью отметила про себя, как ее внуку идет форма военного летчика.

– Ты, сынок, человек занятой, можешь идти на работу, – разрешила она, но Арслан не стал уходить, остался, чтобы в трудную минуту поддержать родных, за что бабушка в душе была благодарна ему.

Несколько лет назад, когда ее внук пошел учиться на военного летчика, бабушка испугалась за него, ведь его профессия и опасна, и трудна... Она даже думала с недовольством: «Неужели моему внуку на земле не нашлось занятия, что он отправился за ним на небо?!»

Каждый раз, бросая взгляд в сторону операционной, женщина беспокойно думала: «Как там мой братишка?». Она видела перед собой толпы людей, которые, как и она, с нетерпением ожидали окончания операции, крутившихся перед дверью операционной женщин в белых халатах, на все вопросы родственников отвечавших коротко: «Операция еще не закончилась!».

Через час стало известно, что там одна операция уже сделана, а следом за ней завершилась и другая. Санитарки одного за другим провезли на каталках оперированных больных в сторону реанимационного отделения. Собравшиеся родственники получили возможность хотя бы на короткий миг увидеть своих больных, по их лицам попытаться определить их состояние после операции.

А вот операция старика, похоже, затягивалась. Женщина опять подумала, что сын не может справиться с болезнью брата, и впала в уныние.

«... Твоя пуля похожа на пригревшуюся на твоей груди змею, которая привыкла в дремоте слышать стук твоего

сердца. Вряд ли она согласится с легкостью покинуть насиженное место!» – женщина по-своему представляла то, что сейчас происходило там, за дверью операционной.

Но потом она переводила мысли в другую плоскость и начинала думать о том, что ее сын Хасар – опытный врач, и он обязательно спасет дядю, избавит его от этой проклятой напасти. Думая так, женщина успокаивалась и начинала молиться, прося у Бога удачи для сына.

Труднее всего было ждать, но больше всего мучила неизвестность – как там, что там происходит? Женщина не знала, сколько времени прошло с начала операции, но она чувствовала, что ожидание затянулось.

Чем больше она ждала, тем сильнее становилось ее беспокойство, и вот уже оно захватило всю ее без остатка. Каждый раз, когда открывалась дверь операционной, ее голова невольно поворачивалась в ту сторону.

Когда же в дверях наконец-то появился в белом халате Хасар, держа в руках плоскую ванночку, и стал озираться по сторонам в поисках своих родственников, встревоженная мать и сама не заметила, с какой легкостью подняла со стула свое грузное тело.

Она переводила беспокойный взгляд с Хасара на эту непонятную чашу в его руках, догадываясь, что она каким-то образом связана с ее братом, а потом посмотрела на сына вопросительно. Не увидев на лице сына признаков беспокойства, она отогнала от себя все свои страхи и взяла себя в руки.

Хасар подошел к матери и предъявил ей емкость, в которой лежало что-то черное, затем подцепил это пинцетом и сдвинул с места, показал ей.

– Вот, нене, наконец-то мы расквитались с дядиным "немцем"!

– Как состояние дяди?

– Операция прошла неплохо, нене!

Переволокновавшаяся женщина не заметила, как из глаз

ее выкатились и побежали вниз бусинки слез. Не в силах что-либо вымолвить, молча положила голову на грудь сына, выражая ему свою благодарность, и беззвучно заплакала.

И лишь после этого все, кто стоял рядом с ними, облегченно вздохнули.

Отвозя бабушку на своей машине домой, Арслан видел, как с ее лица, словно тучи, рассеиваются тревоги и переживания, и радовался за нее.

Успокоившаяся бабушка уже думала о своих любимых правнуках и спешила как можно скорее добраться до них. Она уже строила планы и представляла свое общение с ними.

Дунья жила в доме, который, как и многие другие, был построен после Ашхабадского землетрясения 1948 года. Спустя десять-пятнадцать лет после той катастрофы Айназар ага купил его у одного отъезжающего кавказца. Фасад дома выходил на улицу, он состоял из трех небольших комнат и кухни.

В то время Айназар ага большего дома и не требовалось. Впоследствии одну из комнат заняла подросток Дунья, а самая большая комната стала гостиной.

Главный гость не заставил себя долго ждать. Дунья выросла, вышла замуж, и они приняли в дом Хасара. После рождения Арслана Айназар ага сделал к дому пристройку из четырех больших и светлых комнат. Вот так, с рождением первого внука, семейный фундамент, который и без того был достаточно крепким, укрепился еще больше, связав членов семьи прочными нитями родства.

Увидев, что Арслан вернулся с бабушкой, другая его бабушка, мать Дуньи, переживавшая, что их так долго нет и беспокоившаяся, не случилось ли чего, тут же успокоилась и, с трудом передвигая свои отечные ноги, пошла навстречу сватье.

– Ну, как, сватья, операция хорошо прошла?

– Слава Богу, закончилась. Правда, долго шла. Мы устали ждать ее конца.

– Ну, да, когда ждешь, и время тянется медленно! А кто оперировал – сам зять?

– Конечно, раз он там работает, разве позволит кому-то другому оперировать своего дядю?

В словах матери звучала гордость, замешанная на чувстве благодарности.

Вдруг взгляд бабушки упал на сынишку Арслана, который катался по двору на новеньком велосипеде, совсем недавно полученном в подарок от бабушки и дедушки по случаю его дня рождения. При виде правнука сердце прабабки дрогнуло и радостно забилося в груди. Когда сегодня утром женщина сошла с поезда, оба ее правнука еще спали.

– А ну, дитя, подойди, поздоровайся с бабушкой!

Эту бабушку мальчик видел редко, поэтому не сразу кинулся в ее объятия, стоял в нерешительности. Арслан, который уже садился в машину, увидел, что его сын чурается бабушки, и обратился к нему строгим голосом:

– Эй, молодой человек, ты что, уже бабушку свою не узнаешь? Иди, поздоровайся с ней!

Мальчишка оставил велосипед, осторожно подошел к бабушке и застенчиво обнял ее.

Оказавшись в объятиях прабабушки, мальчик тотчас же вспомнил, что она является еще и бабушкой его друга Сахата, с которым он играл, приезжая в Красноводск, вспомнил, как однажды она, усадив их на свои плечи, сфотографировалась с ними, и еще какие-то эпизоды, связанные с этой бабушкой, ожили в памяти ребенка. Чтобы ощутить эту близость, эту любовь, мальчику было достаточно оказаться в объятиях бабушки.

Старший сын Арслана сразу же узнал прабабку, увидев ее, подбежал к ней и радостно обнял ее.

Он радовался ее приезду.

– Эне, ты приезжала к нам утром, когда мы спали?

– Да, дитя, поезд прибывает на рассвете.

– А я и не почувствовал. – В его словах можно было

услышать другое: «Если бы я почувствовал, тогда бы поздоровался с тобой и обнял тебя».

Слова ребенка вызвали у старой женщины прилив нежности, она загордилась своими правнуками.

Как только бабушка с правнуками и сватьей, мило беседуя, прошли в дом, в комнату вошла жена Арслана. Прикусив зубами яшмак, она всем своим видом выказывала радость от встречи со старшей свекровью. Ее большие красивые глаза лучились счастьем, волнуясь, она почтительно поклонилась женщине и поздоровалась с ней.

А после, памятуя, как вся семья собирается вместе, когда эти две старые женщины объединяются, она пригласила своих бабушек-свекровей в гостиную, где для них был накрыт сачак, и сразу же поставила перед ними большой чайник заранее заваренного и уже хорошо настоявшегося чая.

Изредка встречаясь, мать Хасара и мать Дуньи, уважительно называя друг друга сватьями, ведут милые беседы, а сами в это время исподволь любят и гордятся своими ненаглядными внуками, радуются им, в душе моля Всевышнего о семейном благополучии и счастье всех членов этой дружной семьи.

И хотя они никогда не говорили об этом друг другу вслух, в душе мать Хасара благодарила родителей Дуньи за то, что они воспитали и вырастили такую прекрасную дочь, ее невестку, достойную своего мужа, в свою очередь, мать Дуньи была благодарна родителям Хасара за такого прекрасного зятя.

Комната была чисто убрана, в ней было приятно находиться. Чувствовалось, что молодая хозяйка любит свой дом и с удовольствием ухаживает за ним. С таким же удовольствием она сейчас обихаживала двух старух.

На окнах висели шторы, цвет которых гармонировал с цветом стен, понизу они были подбиты бахромой. Одну стену комнаты занимала натертая до блеска мебель темно-

коричневого цвета. На противоположной стене висел большой красивый ковер, в центре которого красовался увеличенный портрет Айназар ага в рамке. Вид у него был задумчивый, казалось, что он с любовью разглядывает убранство своего дома.

Эту фотографию Арслан увеличил после кончины дедушки, сделал из нее портрет, поместил его в рамку и повесил здесь, чтобы всегда видеть дорогое лицо родного и любимого человека. Семья до сих пор остро переживала его уход, всем его не хватало. В этом доме не забывали деда ни на минуту, поэтому он, хоть и незримо, но продолжал жить в нем. Разглядывая портрет, каждый по-своему читал его взгляд. Но тяжелее всех далось расставание с близким человеком матери Дуньи. Но и Дунья, и Хасар, а также Арслан с женой и детьми окружили женщину таким вниманием, такой заботой, что не давало ей впадать в уныние и горевать об ушедшем муже.

И все же иногда, оставаясь наедине с портретом мужа, старая женщина безмолвно разговаривала с ним:

– Мне казалось, что после твоей смерти умру и я, а вот ведь до сих пор жива.

– Да почему же ты должна умереть, надо жить, пока Господь Бог не призвет. И потом, я ведь на тебя оставил всю семью, тебе ее доверил! Нет, я ни о чем не жалею, моя любимая кайтарма (он любил подшучивать над женой, называя ее кайтарма)... Я благодарен Дунье, она оправдала наши надежды. Она и сына нам подарила, и внуков с правнуками. Разве это не счастье – пить воду с рук правнука? А мы с тобой пили воду из рук не одного правнука, моя любимая кайтарма!..

Эти дети выросли на моих, да на твоих руках, мы их своей любовью окружили. И вообще, Арслан, Дунья, наши правнуки – это и есть мы с тобой. Так что мы с тобой теперь в них продолжаемся. Если будете дружны, уцелеете, а будете целы – будете сильны!..

– Слава Богу, мы дружны,– эти слова хозяйка дома произнесла, обращаясь к мужу, словно отчитываясь перед ним.

– Если будете дружны – и не развратитесь, будете жить хорошо!

Хозяйка дома, хотя ее мужа уже несколько лет не было на свете, каждый раз, заходя в эту комнату и видя портрет Айназара, верила, что он разглядывает дом и, словно беркут, расправив крылья, охраняет его, верила, что его дух оберегает всю семью, бывала довольна и благодарна ему, как была всегда благодарна, когда он был жив. При любых обстоятельствах она находила во взгляде мужа поддержку.

Сейчас она прочла во взгляде мужа обращение к ней самой: «Ну, что, жена, к тебе сватья приехала?!», – словно он с удовольствием поздравлял ее с этим событием.

Обслуживавшая их молодая невестка, жена Арслана, как только женщины выпили немного чаю, принесла им дымящийся, вкусно пахнущий обед.

Гостя, разглядывая внучатую невестку, с удовлетворением отметила про себя, что та немного поправилась, и эта полнота придала ей большую женственность, она стала еще красивее. Старуха была по-матерински счастлива, что ее любимому внуку досталась такая милая жена, с которой они живут в мире и согласии. Про себя она пожелала, чтобы они всегда жили так дружно, в любви и согласии, и чтобы эту свою любовь передали своим детям, ее правнукам. Жена Арслана была внучкой сестры его бабушки по матери. Бабушке она сразу понравилась, она говорила, что девушка похожа на ее мать, и всей душой захотела взять ее в жены своему внуку. И хотя она сильно нравилась бабушке, юноша с девушкой почему-то не сразу нашли общий язык. Правда, после первого знакомства они даже пару раз вместе сходили в кино. Во время учебы в России Арслан не писал ей писем,

но после приезда домой узнал, что девушка исподволь, через его маму и бабушку время от времени справлялась о нем, после чего еще пару раз встретился с Мяхек. Да и то на эти встречи Арслана подвигла его бабушка. Видя, что прошла уже целая неделя после приезда, а внук все не идет к своей невесте, она не удержалась, напомнила ему о девушке: «Сыночек, ты проведал Мяхек? Она-то чуть ли не каждую неделю звонила к нам, спрашивала про тебя. Мама должна была написать: если тебе неудобно писать ей на дом, присылай ей письма на наш адрес, а мы сами будем передавать ей твои письма. Ты не писал девушке, что-то твои письма к ней не приходили к нам домой?»

Слова бабушки, в которых прозвучал неприкрытый упрек, заставили тогда Арслана вновь задуматься о Мяхек.

Во время предыдущих встреч девушка сказала ему открытым текстом, что мы можем встречаться, но она еще юна, намерена поехать учиться, ну а что касается замужества, еще посмотрим, время покажет. То есть набивала себе цену. Слова девушки, которой он был явно неинтересен, задели Арслана за живое, ведь он был юношей что надо и многие девчонки почитали бы за счастье соединить с ним свою судьбу. Он тогда ответил: «Ах, так? Учись, а после, когда поумнеешь, еще и в аспирантуру можешь поступить!» Дал понять, что не намерен ждать, когда у нее появится желание выйти замуж, и если ему понравится другая, он непременно женится на ней.

Когда бабушка вновь завела разговор о невесте, ему сразу же вспомнилась последняя встреча с Мяхек, то, как они расстались.

– Вот что, бабуля, твоя родственница – вовсе не тот драгоценный камень, который нужен мне.

Бабушка тогда не сразу сообразила, при чем тут какой-то камень. Ей показалось, что внуку не нравится девушка, поэтому он острит на ее счет, и это не понравилось ей самой.

То, что желанную девушку сравнивают с каким-то камнем, не понравилось тогда не только бабушке, но и матери, которая присутствовала при этом разговоре.

– Ты что это чью-то чудесную дочь обзываешь камнем или еще как! Чем она тебе не угодила?! – возмутилась мать юноши.

Арслану стоило большого труда объяснить двум родным женщинам, что имя девушки происходит от названия почитаемого в народе камня. Мяхек даш означает пробирный камень.

То ли на него подействовал требовательный тон матери и бабушки, то ли их обида на него, только после этого Арслан еще два раза подряд встретился с Мяхек. В последний вечер перед отъездом на учебу он впервые поцеловал девушку под раскидистым тутовым деревом за воротами дома Мяхек. В этот вечер домой он летел на крыльях любви.

Вскоре после отъезда Арслана его младшая сестра получила от него письмо следующего содержания с особым поручением.

Мяхри!

Мяхек почему-то не отвечает на мои письма. Я, как и обещал при расставании, отправлял ей письма на Главпочту, до востребования. Если она не получила их, пусть сходит и получит!

Сходи к ней и передай мои слова!

Арслан.

Вот так между ними сначала завязалась любовная переписка, а потом, не заставив долго ждать, вспыхнуло и пламя любви.

Айназар ага, мечтавший дожить до правнуков, когда Арслан приехал на летние каникулы, на слова родителей девушки, что она еще юна и ей надо учиться, ответил, что пусть женятся и продолжают учиться. Он сыграл большую

** Мяхек даш – ценный камень*

свадьбу. После этого курсант Мамметханов, каждый раз взмывая в небо, верил, что летит к своей любимой Мяхек.

И хотя самолет летел на большой скорости, ему казалось, что он слишком медленно летит. В такие минуты он вспоминал строки из стихотворения «Медленно летит самолет», написанного поэтом, который, вероятно, переживал такие же, как он, минуты, и тихонько напевал его слова:

Вон там, внизу, облака
Сжимают и раскрывают ладони,
Спеши, спеши, самолет,
Поспеши ты к нам домой.

Покажи-ка, в небо взмыв,
Что не хуже птиц летаешь.
Не гуди и не дрожи,
Проваливаясь в пустоту.

Да ты вовсе черепаха,
Просто вымотал всю душу.
Слишком медлителен самолет,
Когда к любимой ты летишь.

... Называя друг друга «сватьями», женщины находились в прекрасном расположении духа, говорили о внуках и правнуках, связывая с ними свои надежды на будущее. В это время приехала давно ожидаемая Дунья, она вышла из остановившегося у ворот дома черного «Мерседеса». Вспомнив о приехавшей свекрови, она не сразу пошла в ту комнату, а зашла в дом сына и, прежде чем идти туда, повязала на голову платок, чтобы свекровь не подумала, что та начала молодиться и поэтому ходит с непокрытой головой.

Не успела она расспросить старух об их делах, как прибежал младший внук и кинулся в объятья бабушки.

– Бабуль, а почему ты вчера не приходила?

– Работы было много, сынок.

– А сейчас у тебя не много работы? А когда дедушка придет, у него тоже много работы?

– Скоро придет, сынок!

От бесконечных вопросов внука Дунью спасла подошедшая невестка, она принесла ей в отдельной посуде угощение. «Дай бабушке поесть!» – ласково сказала она сыну, призывая его к порядку и вставая на защиту свекрови.

Обе старухи с удовольствием слушали воркование младшего внука, с их лиц не сходили ласковые улыбки, а голос внука был для них песней соловья.

После требования матери мальчик, которому не хотелось отходить от бабушки, перешел к другой бабушке – матери Дуньи. Обнимая его, женщина, обращаясь к дочери и ее невестке, встала на сторону правнука:

– Не трогайте моего малыша!

А малышу только того и надо, он снова радостно заверещал:

– А когда дедушка придет?

– Придет между тремя и четырьмя часами, – ответила ему Дунья, которая делала вид, что ест, на самом деле была сыта, поэтому лишь макала кусочки хлеба в тарелку и нехотя отправляла их в рот.

Свекрови показалось, что Дунья чем-то обеспокоена, что в ней появилась едва различимая холодность. В этот раз она говорила как-то иначе, речь ее была не той, что прежде. Размышляя над причинами таких перемен, она связала это с тем, что они, уже имея внуков, до сих пор ведут себя как влюбленные голубки. Знала мать и об их недавней размолвке. «Пусть все кончится добром!» – мысленно пожелала она. Сейчас ей не хотелось искать других причин непонятного настроения невестки, кроме обычных ссор, которые время от времени случаются между мужем и женой в любой семье.

Никто не заметил ухода непоседливого малыша, который вообще не мог усидеть на месте, и лишь когда он вышел из соседней комнаты, все обратили на него свои ласковые взоры. На этот раз у него в руках были часы в виде избушки. Он показал часы Дунье: «Бабушка, посмотри, уже три-четыре часа, время приезда бабушки настало?» Его вопрос развеселил всех, кто находился в комнате, вызвал на лицах улыбки.

Неожиданно зазвучала приятная мелодия – это на мобильник Дуньи поступило сообщение. Но все насторожились. Дунья пододвинула к себе лежащую неподалеку сумку, достала из нее мобильный телефон и, едва заметно нахмурившись, поднесла его к уху.

– Слушаю!

– Срочно позвоните начальнику!

– А где он?

– В офисе, на своем месте сидит!

Увидев, как разговаривает невестка по невиданному телефону, мать Хасара удивилась, ей стало не по себе, словно она коснулась рукой чего-то неприятного. В Туркменистане такие телефоны были большой редкостью, их могли позволить себе только известные люди, руководители государства, ну и те, кто разбогател в последние годы. Для обычных людей ни сами трубки, ни плата за них были не по карману.

Дунья отодвинула миску, давая понять, что сыта, взяла половину лежащей перед ней лепешки, завернула ее в сероватого цвета тканый из верблюжьей шерсти сачак. Затем взяла трубку и отправилась в соседнюю комнату, чтобы спокойно, без посторонних ушей, поговорить по телефону.

Теперь до сватьи из-за закрытой двери доносился приглушенный голос женщины.

Свекрови было известно, что Дунья, до того никогда в жизни нигде не работавшая, совсем недавно устроилась на

работу. Поначалу она думала: «Зачем ей работа, сидела бы дома с внуками!», но потом, вспомнив, какое время на дворе, когда за достатком надо гоняться, связала ее поступление на работу именно с необходимостью поддержать семью материально. «Наверно, так было надо!», - подумала она.

Вернувшись из соседней комнаты, Дунья сообщила матери и свекрови, что ее ищут на работе, на ходу попрощалась с ними и быстро ушла.

Свекровь, привыкшая видеть свою невестку домохозяйкой, ее новый образ жизни не одобрила. Она внимательно наблюдала за тем, как Дунья собирает сумку, кладет в нее мобильник, и теперь с беспокойством смотрела вслед удаляющейся невестке.

Мать Хасара, проведя два дня с внуками и вдоволь насладившись общением с ними, пригласила всех к себе в гости в связи с приближающимся купальным сезоном. Брату уже стало легче, она видела это, поэтому засобиралась в обратную дорогу.

Хасар сам отвез мать на вокзал. Пока они ждали прибытия поезда, Хасар видел, что матери хочется что-то сказать ему. Но мать так и не решилась озвучить свои мысли. Хасар же по своему расценил печальный взгляд матери, подумал, что мать беспокоится за своего больного брата и хочет просить сына, чтобы он был внимателен к нему.

Но Хасар ошибался, переживания матери вовсе не были связаны с ее больным братом. Она хорошо знала и была уверена, что Хасар в любом случае ничего для дяди не пожалеет и сделает для него все возможное. Неприятное чувство, похожее на тревогу, было связано не с братом, а со снохой, с Дуньей. Ей почему-то не понравилось, как та важничает, носит в сумке мобильный телефон, не понравилась напряженность, которая ощущалась в ее поведении. Это была не прежняя Дунья, которую она любила как собственную дочь. Неожиданные перемены в

невестке заставили старую женщину задуматься. «Господи, что же с ней такое творится?! Она отводит взгляд, не может прямо посмотреть в глаза, и вид у нее какой-то виноватый, глаза прячет...» расстроено думала она.

* * *

Прозрачная вода округлого бассейна, выстроенного рядом с шикарным домом, при свете фонарей отливала золотом. Этот небольшой двухэтажный особняк был выстроен одной из турецких компаний, работающих на территории Туркменистана, специально для Гарабашова – заместителя Председателя Кабинета Министров, человека, приближенного к руководству страны. Бизнесмены уподобили его загородным резиденциям, в которых любят отдыхать состоятельные люди из Стамбула, Анкары, и в благодарность за оказываемое им содействие построили его подальше от людских глаз, за городом.

Документы на владение домом были оформлены на любимую женщину влиятельного государственного чиновника Гарабашова – Гулендам. Этот дом стал излюбленным местом его отдыха. Сюда он приезжал время от времени, чтобы быть подальше от шума и суеты города и вместе со своей возлюбленной насладиться тишиной и природой.

Потягиваясь и стряхивая с себя капли воды, из бассейна одна за другой вышли три женщины, они завернулись в белоснежные банные полотенца и разместились на лежаках, расставленных вокруг бассейна. Сейчас они были похожи на русалок, вынырнувших из белой морской пены. Испытывая блаженство от только что принятой водной процедуры, женщины некоторое время молчали, прикрыв глаза и ощущая, как впитываются в кожу, разглаживая ее, прозрачные капельки воды.

Оживились женщины лишь после того, как Гулендам, хозяйка дома, прикатила стоявшую неподалеку тележку, уставленную бутылками воды, пива и другими напитками, и поставила перед ними. Сразу же нашлись и темы для общего разговора.

Жажду утолили пивом, после чего беседа женщин и вовсе оживилась. Сейчас они, как три подруги на берегу моря, переживали счастливые минуты своей жизни.

Изначально Дунья и Гулендам встретились по делам службы, но вскоре их отношения приобрели дружеский характер.

Гулендам сразу же прониклась симпатией к Дунье, которая, несмотря на солидный возраст, следила за собой и хорошо одевалась, умела подать себя. Считала ее своей опытной советчицей. Недавно по совету Дуньи она сшила себе платье нового кроя, на которое даже Гарабашов обратил внимание: «Это платье очень идет тебе!» – отметил он. Все эти мелочи еще больше привязали ее к Дунье, сблизили их и укрепили дружеские отношения. Они постоянно перезванивались, теперь Гулендам предпочитала ходить в гости вместе с Дуньей.

Когда возникла необходимость встречи с Гарабашовым, это место Дунье по-дружески предложила сама Гулендам. До сего дня Гарабашов ни с кем и никогда не устраивал здесь деловых встреч.

Женщины прибыли сюда пораньше, чтобы в спокойной обстановке обсудить предстоящую вечером встречу, а заодно, наслаждаясь тишиной, отдохнуть и набраться сил в прекрасном особняке Гули ханум.

Стороны наконец-то завершили затянувшиеся на долгое время работы, связанные с подготовкой расчетов и документов по приватизации «Рудника».

К подготовке бумаг, необходимых для получения разрешения от Кабинета Министров, были привлечены натасканные в этом деле юристы. Так что все было сделано

безупречно, придаться не к чему. Но чтобы провести их через Кабинет, этого было недостаточно. Для успеха предприятия надо было заручиться поддержкой сильных мира сего, как это делали многие иностранные компании. Предусмотрительные турецкие бизнесмены заверили, что таковы порядки в мире, где правит капитал, что часть стоимости предстоящих работ отдается должностным лицам, помогающим добиться результатов.

И с тех пор это стало неписаным правилом, по которому все чаще жила страна.

Многие из высокопоставленных чиновников, пойдя по этому пути, стали обладателями несметных богатств.

Руководители компаний, получивших поддержку, в благодарность за содействие покупали виллы и многоэтажные особняки на лазурных берегах Турции, Италии и преподносили их в дар тем чиновникам, чем добивались успеха своего предприятия. Обычно в таких делах бывал посредник, который сводил стороны. Вот таким посредником и доверенным лицом в нашем случае была Гулендам ханум.

О ее щедрости ходили легенды. О ней говорили: что Она никогда не мелочится, даже за прическу может дать парикмахеру тысячу долларов чаевых. Людям, прожившим семьдесят лет при советской власти, поверить в такое было невозможно. В ту пору позволить себе такое расточительство не могли не только жены власть имущих руководителей района, области, но даже жены богатых министров. Потому что существовало всевидящее око Кремля, а также его крепкий кулак, которые не только все видели, но и всему вели счет, а в случае необходимости могли принять меры.

Около девяти часов в надежде на скорое появление Гарабашова прибыли Аннов и Сорар Йюлюк.

Женщины увидели, что вместе с ними прибыл и Хемра Календар, имя которого среди приглашенных в этот дом не значилось.

Когда есть волшебные напитки, ждет готовая парная, из которой можно напрямик нырнуть в прохладную воду бассейна, кто же устоит перед этим.

Мужчины решили до приезда Гарабашова немного развлечься. Посетили парную, потом плавали в бассейне. Ждали Гарабашова.

Наконец перед домом остановилась долгожданная машина Гарабашова. Все вскочили с мест и толпой направились к воротам.

Увидев толпу встречающих, закутанных в банные полотенца, Гарабашов сделал удивленный вид, но потом, окинув орлиным взглядом присутствующих, все понял. Ему пришлось по душе такая торжественная встреча, он показал это видом своим, улыбнулся и сострил:

– Надеюсь, запись в клуб полураздетых не окончена?

– Нет, ты вовремя прибыл, у нас как раз одно местечко осталось вакантным, – в тон ему ответила Гулендам.

Гарабашов одарил ласковым взглядом Гулендам, кокетливо смотревшую на него и готовую в любую минуту прыгнуть ему в объятия, а затем по-хозяйски положил ее руку в свою ладонь.

Несмотря на то, что Гарабашов был знаком с большинством из присутствующих, Гулендам ханум одного за другим представила ему гостей. Отвечая им приветливым взглядом, Гарабашов с каждым из них поздоровался за руку. И лишь здороваясь с неожиданным гостем Хемра Календаром, он слегка нахмурился, и на его лицо опустилась невидимая темная пелена. Правда, никто, кроме Хемрой, этого не заметил. Во взгляде Гарабашова он прочитал: «А ты что тут делаешь?» Но Хемра не стал сильно расстраиваться, потому что знал причины холодности Гарабашова по отношению к нему. ...При помощи Гарабашова он первым получил разрешение на разработку и владение туркменскими месторождениями горных руд и положил начало плеяде

новых богатых туркмен. Конечно, получить в собственность государственное имущество было не так-то просто. Но когда за Хемрой Календара слово замолвил человек, которому Гарабашов отказать не мог, дело было сделано. Этот человек был мужем его двоюродной сестры...

Гарабашов жил в одном из отдаленных сел и был очень беден. Собираясь в Ашхабад, он взял напрокат у одного земляка рубашку, у другого обувь, а приехав в столицу, остановился в доме этого дальнего родственника. И когда он не сумел поступить в институт, именно муж двоюродной сестры пристроил его в техникум, чтобы он хоть какое-то образование получил. И именно этот родственник внушал ему: «Если ты будешь ворочать нос от их водки и женщин, русским это не понравится, а если не понравишься русским, не будешь расти, а ты юноша, который должен расти, так что на, выпей!» – и научил его пить водку.

Гарабашов не был человеком неблагодарным. Поднимаясь по ступеням служебной лестницы, он никогда не оставлял без внимания семью двоюродной сестры, жившую на одну зарплату.

Родня родней, но в таких больших делах без взятки не обходится, тем более в делах, сулящих немалую выгоду. Хемра это знал как никто другой. Его последняя жена, восемнадцатилетняя девушка, была дочерью того самого родственника Гарабашова. Вступая с ней в брак, Хемра руководствовался исключительно меркантильными интересами. Однако благодарности за ту немалую услугу не последовало, вернее, не совсем так. Добившись при помощи тестя от Гарабашова своего, Хемра собирался при его же помощи отблагодарить своего благодетеля. Но о том, что немалую сумму денег, предназначавшихся для Гарабашова, любитель выпивки тесть не передал последнему, Хемра узнал случайно, когда тот в пьяном угаре кричал: «Кем бы ни был Гарабашов, денег от меня не получит, это я вывел его в люди...» Он тогда сильно расстроился. Надо было как-то

исправлять положение. Потому что знал, что если эти люди не получают свою мзду, не пощадят не только зятя, а маму родную не пожалеют... Теперь он опасался этого человека, боялся, что тот рано или поздно отомстит ему. Узнав, что тесть не передал деньги Гарабашову, он потерял покой и сон, решил: во что бы то ни стало встретиться с Гарабашовым. Но все его старания были напрасными, он все никак не мог увидеться с этим человеком. Прослышав о том, что турок и Аннов собираются втайне встретиться с Гарабашовым, понял, что его час настал. Хитрый, как ворон, разве мог Хемра Календар упустить такой удобный случай?! Когда он, Аннов и турок отправились на встречу с Гарабашовым, он прихватил дипломат с предназначенными тому деньгами и увязался за ними в качестве сопровождающего.

И поэтому, когда Гарабашов начал здороваться с гостями и пристально посмотрел на него, Хемра Календар приготовился услышать в свой адрес нелицеприятное: "А ты что тут делаешь?"

Радуюсь приходу Гарабашова, Гулендам мотыльком порхала вокруг него. Ласково спросила:

– Если ты проголодался, можем сразу же приступить к еде. А то, может, вначале попаришься да освежишься, а уже потом сядем за стол?

Гарабашов еще раз понимающе окинул собравшихся многозначительным взглядом и решил поддержать их хорошее настроение.

– Да, нет, я не очень голоден, пару часов назад перекусил. И потом, должен я поравняться с ними! – он снова улыбнулся и окинул взглядом окружающих.

Стоявшие подобострастно закивали головами, радуясь, что человек такого высокого ранга ставит себя на одну ногу с ними. Гулендам проводила его в раздевалку, раздела почти догола и, как и всем остальным, накинула ему на плечи пушистое банное полотенце. Как только Гарабашов зашел в баню, Гулендам, прихватив с собой заранее заготовленную

пиалу меда, последовала за ним, чтобы, как и всегда в таких случаях, натереть любимому медом грудь и спину, а также лицо. Остальные мужчины вначале хотели идти в баню вместе с Гарабашовым, но после того, как туда вошла Гулендам, изменили свои намерения, поняв, что там они будут лишними. Сели с краюшку обеденного стола и в ожидании хозяина баловались пивком.

Войдя в сауну, Гарабашов сразу же задохнулся от жары, но постепенно привык к высокой температуре. Гулендам мазала медом, а потом гладила и потихоньку массировала его тело, а он в ответ поглаживал ее бедра и подшучивал над ней, но потом, наслаждаясь паром, забыл обо всем на свете и начал сильно потеть. Дышать здесь было трудновато, но Гарабашову было приятно ощущать, как тело становится легким, а мысли четкими и сконцентрированными. Он даже задремал.

Когда Гарабашов наконец вышел из парной и прыгнул в прохладную воду бассейна, уставшие ждать его люди облегченно вздохнули: «Ну, наконец-то!» им казалось, что ожидание затянулось и продлилось дольше положенного.

Как только Гарабашов, всем своим видом показывая полученное удовольствие, вылез из бассейна, Гулендам накинула ему на плечи заранее приготовленное полотенце. Сорар Йюлюк взял со стола один из наполненных бокалов и услужливо протянул его главному в их компании человеку, помня, что сегодня от него зависит успех предпринятого ими дела. Стукнувшись бокалами с остальными, Гарабашов залпом выпил его содержимое. Затем все вместе сели за стол. Гулендам и Гарабашов заняли одну сторону стола – так они делали при проведении важных переговоров, а по другую сторону стола разместились все гости. Вскоре на стол стали носить тарелки с аппетитно пахнущим угощением. Во время еды Гарабашов сидел вполоборота к Гулендам. Женщина мастерски орудовала ножом и вилкой: отрезала от мяса маленький кусочек, цепляла его вилкой и аккуратно

отправляла в рот. Другой рукой она отламывала кусочек лепешки и тоже отправляла в рот вместе с кусочком мяса. Ела она неспешно, с достоинством, запивая еду глотком жидкости. Все ее действия очень шли к ее красивому и гордому облику. Гарабашов, словно забыв, для чего они тут собрались, очень долго не заговаривал о проекте. И даже когда разговор зашел о документах на «Рудник», он почему-то не стал распространяться на эту тему. Только сказал: «Я ознакомился с конспектом проекта. Вы, конечно, тщательно его подготовили, все учли, если и дальше так пойдет, посмотрим. Я даже обговорил этот вопрос с нашим высокочтимым высшим руководством страны. Он сказал: «Если есть такие ребята, которые будут работать по-настоящему, надо им помочь, но, прежде чем узда будет выпущена из рук, сами все внимательно изучите, чтобы потом никаких не было недоразумений». Этими словами он и собственную цену обозначил, но для собравшихся сейчас главным было то, что Руководитель страны знает об их проекте и даже одобрил его, поэтому они были счастливы.

Турецкий бизнесмен Сорар Йюлюк, привыкший в такие минуты выказывать свою искренность и особую преданность, взял в руки бокал и встал с места:

– Предлагаю поднять этот бокал за здоровье нашего руководителя страны!

После еды Гарабашов решил еще немного поплавать в бассейне. Он снял с себя полотенце, в которое был завернут целиком, и накинул его на плечи вставшей вместе с ним из-за стола Гулендам, готовой в любую минуту услужить ему.

Выпитые бокалы горячительного сделали свое дело: у Гарабашова пробудился интерес к окружающему миру. Затуманенным взором разглядывал он здешних женщин. И даже пару раз бросил озорные взгляды на Дунюю, закутанную в белое полотенце и оттого похожую на прелестную куклу. Да и Дунья в этот момент подумала о том, что она, несмотря на возраст, все еще хороша собой и привлекательна для

мужчин. Но после Гарабашов уже не смотрел в ее сторону, отчего она с грустью и некоторой обидой в душе подумала: о своем возрасте.

Потом Дунья увидела, как Гарабашов прохаживается с турчанкой Гульовсер и о чем-то оживленно с ней беседует.

– Эта баба, как увидит смазливового мужика, сразу же приклеивается к нему, как банный лист!

Дунья вспомнила, как вела себя эта женщина при встрече с Хасаром, и сейчас при виде этих двоих испытала чувство ревности. Она представила, как эта бесстыдница турчанка дразнит Гарабашова своей полной красивой грудью и притягивает его к себе, и расстроилась, потому что Гарабашов нравился ей, и она хотела бы сейчас быть на месте этой проныры-турчанки и слышать его сладкие речи и обращенные к ней самой комплименты.

Когда Гарабашов снова отправился в бассейн, чтобы еще немного поплавать, Аннов и Сорар Йюлюк отошли в сторонку покурить, а заодно еще раз обсудить все вопросы, связанные с их общим делом. Хемра Календар понял, что наконец-то настал момент истины, он не должен упустить свой шанс, а потому вслед за Гарабашовым прыгнул в бассейн. Вначале они плавали каждый сам по себе, но спустя какое-то время отплыли в сторонку и, прислонясь к стенке бассейна, начали о чем-то оживленно беседовать, поддакивая и кивая друг другу головами, улыбаясь друг другу, отчего можно было догадаться, что они нашли общий язык.

Когда после перерыва снова собрались за столом, Гарабашов попросил Хемра, чтобы тот пересел поближе к нему.

С вечеринки Дунья вернулась домой под утро. Когда она вышла из машины возле своего подъезда, город находился во власти глубокого сна. Неожиданно задул утренний прохладный ветерок, он словно из-под земли вырос. Ветерок ласково погладил лицо Дунья, спутал ее волосы. Ей очень

хотелось спать, у нее слипались глаза. Выходя из машины, она повернулась к Аннову:

– Сегодня меня не жди, я словно избитая, сил нет! Хоть выплюсь!

– Выпись! – зевая и потягиваясь, коротко ответил Аннов.

Дунья почувствовала в его тоне нотки благодарности и услышала его непронесенные слова: «Дело сделано, теперь можно и передохнуть немного!»

Чтобы не разбудить Хасара, Дунья открыла дверь своим ключом и тихонько вошла в дом, но, увидев свет в гостиной, удивилась. Подумала, что к ним кто-то приехал в гости. Распахнув дверь комнаты, она увидела Хасара за чтением какой-то книги.

– Тебя что, в госпиталь вызвали, что ты так рано встал? – притворно удивленным голосом спросила Дунья.

Хасар не торопился отвечать, закрыл книгу, положил ее рядом с собой и только после этого полуобернулся в сторону Дуньи и пристально посмотрел на нее. Дунья увидела, что лицо мужа потемнело и выглядело очень усталым. С ним и раньше случалось быть таким уставшим. Во время службы в Германии он уходил на учения, длившиеся по несколько дней, и оттуда возвращался вот с таким же изможденным лицом. Дунья, забыв обо всем на свете и весело проводя время в компании коллег, не догадывалась, что Хасар провел без сна всю ночь, размышляя о сложившейся в семье обстановке. Тяжелые думы не дали ему уснуть. Хасару казалось, что с тех пор, как Дунья начала работать, она сильно изменилась и стала другим человеком. Растущее между ними отчуждение пугало его ожиданием какой-то непредсказуемой беды.

Хасар встал с места, подошел к Дунье вплотную и внимательно посмотрел на нее, всем своим видом демонстрируя недовольство.

– Что, Дунья, ты теперь всегда так будешь вести себя?

Дунья, едва державшаяся на ногах, понимала, о чем идет речь, но притворилась, что ничего не понимает, ладонями прогладила щеки. Ее насторожило поведение Хасара, никогда прежде она не замечала за ним агрессии.

Вечеринка получилась такой интересной, такой увлекательной, что за весь вечер Дунья ни разу не вспомнила ни о муже, ни о доме. С головой уйдя в игру слов и взглядов и получая от этого удовольствие, она забыла обо всем на свете. Мобильники были отключены, чтобы они не звонили в неурочный час и не отвлекали от веселья. Видно, хорошо они там погуляли, потому что вся одежда некурящей Дунья и пропиталась запахами табачного дыма и алкоголя, и даже казалось, этот горький запах исходит от ее тела. Короче, Дунья источала запахи, которые особенно остро ощущаются там, где не курят и не пьют.

Не зная, что ответить Хасару, она сделала вид, что не понимает, о чем речь, склонила голову набок и слегка пожалала плечами.

Хасар не стал больше ждать ее ответа, оделся, взял сумку, с которой всегда ходил на работу, и вышел из дома.

Дунья еще немного постояла в прихожей, прикрыв сонные глаза, потом широко зевнула и отправилась в спальню. Только теперь она увидела, что постель, которую она заправляла вчера утром, осталась нетронутой.

Поняла, что Хасар так и не ложился и всю ночь прождал ее.

* * *

В последние пять-шесть месяцев на Хасара навалились неожиданные заботы и переживания. Больше всего его беспокоило то, что обстановка накалялась, что все, за что он брался, валилось у него из рук и выходило наоборот. В эти дни он испытывал непонятные чувства, словно человек,

заблудившийся и не знающий обратной дороги, попавший в незнакомые места. Ему не нравилась работа Дуньи, он видел, как она меняется на глазах, и очень из-за этого переживал. Пусть эти перемены в жене не такие страшные, пусть они маленькие, но он-то все видит, все замечает! Его ненаглядная жена, его любимая женщина на его собственных глазах втягивалась в непонятную историю, называя ее бизнесом, голову потеряла и постепенно превращалась в другого человека. Еще одной причиной его переживаний были натянутые отношения с начальником госпиталя. Хасар чувствовал, что начальник госпиталя ищет повод, чтобы избавиться от него, и не упускает ни малейшей возможности, чтобы не задеть его, не уколоть больнее. Но тогда Хасар еще толком не догадывался, что начальник госпиталя, развернув собственный бизнес на больных солдатах и поняв, какую выгоду можно из него извлекать, ни за что не захочет понять его, а тем более найти с ним общий язык.

Эти холодные отношения с начальством не дали Хасару возможности порадоваться и насладиться результатами удачно проведенной дяде-фронтовику операции.

Поначалу он очень боялся, что операция может пройти неудачно, что он не сможет помочь своему дяде и облегчить его страдания. И тогда получится, что он собственными руками добил человека, которого не смогла убить вражеская пуля, и тогда он всю оставшуюся жизнь будет винить себя в этом, не говоря уже о том, как ему после этого смотреть в глаза родным.

Эти переживания оказались напрасными, Хасар блестяще провел операцию и был счастлив, что ему удалось вырвать дядю из цепких лап смерти и с вернуть к жизни.

Хасар не того боялся, что ему придется доставать пулю из груди дяди, он боялся, что пуля могла заплесневеть в теле дяди, и эта плесень, проникнув в кровь, могла вызвать

другую опасность, во время операций подобного рода и такое случалось. Но на счастье во время операции удалось избежать всех этих побочных явлений, и теперь рана заживала и постепенно затягивалась. Конечно, он знал, что в этом вопросе ему здорово помог настрой самого дяди, который не поддавался унынию и верил в успех операции.

... На следующий день после операции, придя в себя, дядя увидел сидящую возле его кровати жену и сделал ей знак, чтобы она подставила ему ухо. Жена подумала, что он хочет попросить воды или еще чего-то, и склонилась над дедом. Старик, едва шевеля губами, прошептал:

– Жена, племянник долго рылся внутри меня, пока искал моего «немца», так что, похоже, он много чего лишнего оттуда убрал. Ты, давай, пощупай меня, проверь, твое-то хоть осталось на месте?

Женщина, не ожидавшая от мужа, находившегося на грани смерти, такой шутки, возмутилась:

– Восемьдесят лет прожил, а ума не нажил, боюсь, что теперь и не проживешь! – ругалась она, но в душе радовалась, что ее дед даже в таком тяжелом состоянии не падает духом.

И хотя старик сказал эти слова шепотом, их услышал больной с соседней койки, а затем узнали и остальные больные.

Когда лежишь в палате, пропахшей лекарствами, среди этих надоевших больничных стен, такие шутки дорогого стоят.

Теперь и медсестра, по несколько раз в день заходящая в палату, чтобы сделать уколы и перевязки, справиться о состоянии больных, при виде старика, пряча улыбку, опускала голову, давая понять, что она тоже слышала об этой шутке.

И из соседних палат приползали больные, чтобы увидеть этого старого шутника, бросали на него таинственные взгляды.

И лишь начальник госпиталя, прослышав об этой шутке старого солдата, сделал из нее совсем другой вывод. В один из дней, во время обхода больных, он, даже не поинтересовавшись состоянием деда, как это делал обычно, с холодным лицом коротко бросил на ходу: «Если он в состоянии шутить, значит, старик чувствует себя хорошо, в ближайшие дни готовьте его к выписке!»

Старик, не знавший об отношениях своего племянника с начальником, был поражен тем, как этот человек при виде его начинал кривить рот и совершать неприличные действия, не подобающие его чину. Он бросил эту фразу в надежде на то, что находившийся вместе с ним во время обхода Хасар придет к нему на поклон и попросит: о продлении срока лечения.

В тот день Хасар навестил дядю еще раз, чтобы справиться о его состоянии, и тогда старик выказал ему свое недовольство: «Племянник, я не понял, что означают слова твоего начальника, сказанные сегодня утром?» Осматривая рану больного, Хасар ответил:

– Дядя, сколько времени потребуется для вашего лечения, столько и будем мы вас тут лечить. Мы лучше знаем, что надо больному. Пусть кто угодно и что угодно говорит, мы всегда поступали по-своему и так будет и впредь. Так что можете быть абсолютно спокойны! – Хасар дал понять дяде, что он сумеет его защитить и никому не даст в обиду.

* * *

В день выписки дяди из госпиталя Хасар вылетел утренним рейсом в Мары. Оттуда пришло сообщение, что в Иолотани в десантной части молодой командир совершил неудачный прыжок и получил серьезную травму, что он нетранспортабелен, поэтому его невозможно везти ни в Мары, ни в Ашхабад, поэтому обратились за помощью в военный госпиталь, где работали опытные хирурги.

В аэропорту его поджидала машина, на которой он срочно выехал в Иолотанскую больницу.

Выйдя из машины возле больницы, Хасар увидел статного мужчину – командира полка в чине подполковника, лет 50, который нервно прохаживался по двору и курил одну сигарету за другой. Он был одним из тех, кто с нетерпением ожидал прибытия столичного врача. Как только Хасар вышел из машины, устремившийся ему навстречу офицер увидел перед собой старшего по чину офицера и по-военному отдал честь, поднеся руку к виску. Затем подал руку.

– Как долетели? – для приличия спросил он, но всем своим видом молил врача о помощи. Вместо ответа Хасар молча кивнул головой, он видел, как волнуется командир, но в тот момент о причинах его беспокойства не догадывался. Узнал о них лишь после рассказа его адъютанта, услужливо распахнувшего перед ним дверь в отделение.

– Товарищ полковник, парень, которому вы приехали помогать, сын встретившегося вам у входа подполковника, причем, его единственный сын, – подчеркнул он.

В голосе парня тоже звучала мольба: «Доктор, сделайте все, что можете, помогите нам!»

Хасар не служил в десантных войсках. Но в какой-то степени ему был знаком род их деятельности. В советское время это были малочисленные войска, и считались они элитными. В них брали только самых достойных и смелых парней.

... В 1968 году, когда встал вопрос о подавлении так называемого чешского мятежа, десантники во главе со своим легендарным командиром генералом Маргеловым такой «фокус» показали, что ни иностранные государства, ни сами чехи не поняли, что же произошло.

... Поздно вечером с военного аэродрома Калининграда один за другим в воздух поднялись девять истребителей и десантники 97-й гвардейской дивизии журавлиным клином выстроились за самолетом, летевшим из Парижа в Прагу,

обманули воздушные службы чешских военных, вынырнули совершенно в неожиданном месте и вызвали у противника растерянность и смятение.

Не успел сесть парижский самолет, а десантники белыми пятнами рассыпались в воздухе, и пошли вниз, накрыв небо над Прагой своими белыми парашютами.

Растерявшийся при виде атаки десантников руководитель Чехословакии Дубчек уже через два часа летел на специальном самолете в Москву на поклон к Брежневу...

Когда лейтенант Сексенбаев со своими десанниками захватил здание правительства, Дубчек в своем кабинете проводил совещание со своим окружением...

В ту пору Хасар был одним из военных врачей, прибывших в Прагу на пятнадцатый день после взятия города для оказания помощи пострадавшим. Проезжая на машине по городским улицам Праги, он видел вывешенные на многих домах плакаты: «Прочь, разбойники генерала Маргелова!»

По тому, как важничали эти самодовольные десантники, знал он и о том, что они стараются соответствовать тем представлениям о себе, какие выведены в их песне:

Туда, куда не смогут танки пробраться,

Туда, куда не сможет пуля долететь,

Туда, где другие в бою не смогут победить,

Десантника запустите – любого одолеет он врага!

Узнав, что он прибыл в десантную часть, Хасар вспомнил этот куплет из песни, оставшийся в памяти с тех давних времен.

Осмотрев юношу-десантника, чей парашют при прыжке не раскрылся, Хасар сразу же понял, что как врач ничем не сможет ему помочь. Он еще не закончил осмотр, как юноша, пошевелив губами, словно желая что-то сказать, ушел из жизни. Не так давно этот юноша окончил Рязанское высшее военное десантное училище имени генерала Маргелова и

пару лет назад поступил на службу в полк своего отца. Он женился всего год назад. Думая о юноше, Хасар невольно сравнивал его со своим сыном Арсланом.

Арслан с детства мечтал стать военным, как и его отец, и впоследствии стал военным летчиком.

Может, и этот юноша решил пойти по стопам отца и избрал судьбу военного человека.

Лейтенант, встречавший Хасара, направлялся вместе с ним к машине, чтобы отвезти его в Марыйский аэропорт и проводить. Вдруг он заметил бегущую в их сторону женщину в белом халате, она бурно жестикулировала и что-то выкрикивала. А бежала она со стороны двухэтажного корпуса, на котором крупными буквами выведено «Роддом». При виде ее адъютант командира лейтенант замедлил шаг, подумав, что опять случилась беда. «Неужели и с ней что-то случилось?»— беспокойно подумал он, остановился, как вкопанный, и буквально замер на месте.

В тот момент, когда молодого десантника привезли в больницу, у его беременной жены начались схватки, ее пришлось везти в роддом. Но когда юноша-десантник скончался, его мать, до того бегавшая между отделениями больницы, рыдая, упала на тело сына и осталась рядом с ним. Спешащая к ним женщина заставила лейтенанта остановиться и в ужасе думать, что с роженицей что-то случилось.

Подбежав ближе, женщина радостно улыбнулась.

– Бушлук*, скажи полковнику, что у него родился внук! Три кило девятьсот грамм весит – богатырь!

От охватившей его радости, да еще в такой момент, лейтенант неожиданно выронил из рук чемоданчик Хасара, а потом крепко обнял женщину в белом халате и, сотрясаясь всем телом, зарыдал.

- О, Аллах, неужели Ты вернул Азатджана?!.

**Бушлук – сообщение радостной вести.*

Он торопливо попрощался с Хасаром возле машины и побежал следом за толпой, которая уносила из больницы домой тело юноши-десантника. Верил, что радостная весть станет для его командира утешением.

Из Мары Хасар вернулся без настроения. Перед его глазами все еще стоял двадцатитрехлетний юный лейтенант.

На собственном примере он хорошо знал, как вырастают вот такие военные парни.

Как и в древности, защита Родины была достойнейшим занятием, а с тех пор, как Туркменистан стал независимым государством, профессия защитника Отечества снова вернулась в жизнь туркмен.

Его сын Арслан с детства был влюблен в военную форму своего отца, завидовал ему и мечтал стать таким же, как отец, достойным уважения военнослужащим. Еще ребенком Арслан любил надевать на себя отцовскую фуражку и красоваться в ней перед зеркалом, гордо отдавать честь... Хасар все это очень хорошо помнит.

Может, поэтому он так остро воспринял смерть молодого офицера, хотя, как врач, на своем веку повидал немало смертей.

А в Ашхабаде его ждала очередная ловушка начальника госпиталя. По мнению начальника, уж на этот-то раз Хасар непременно угодит в капкан, и тогда все встанет на свои места, как он того хотел.

В тот день, когда Хасар срочно улетел в Мары, завхоз, проводивший в его кабинете учет имущества, принес в кабинет начальника белый носовой платок: «Вот это наши ребята нашли в кабинете врача Мамметханова». В уголке платка обнаружили узелок, в котором было спрятано 200 долларов. Это был тот самый платок, который Хасар видел в руках старика, пришедшего просить прооперировать внука. Тот, видно, не решился в открытую дать взятку и решил оставить платок на столе в надежде, что Хасар потом найдет его и возьмет деньги себе. Помнится, Хасар наткнулся на

этот платок, подумал тогда, что расстроенный старик забыл его на столе, но не придавал этому никакого значения. А потом и вовсе забыл о нем.

Начальник госпиталя тогда сам посоветовал старику поступить именно так, пообещав освободить его внука от воинской службы, если ему будет сделана операция. Заметив, что Хасар стал более внимательно относиться к юноше, начальник поверил, что это результат взятки, которую ему дал старик. С удовлетворением вспомнил деда, который любил повторять слова Сталина: «Нет людей, которые бы не брали взятку, а если не берут, то в том виновата не взятка, а ее размер».

И опять его надежды не оправдались. На консилиуме директор НИИ туберкулеза академик Чары Назарович, осмотрев юношу, решительно заявил: «Это наш больной, причем, у него есть все шансы вылечиться, не ложась под нож». И добился того, чтобы больного перевели в его институт. Это полностью подтвердило мнение Хасара о том, что делать ненужную операцию нет необходимости. Начальника госпиталя, вынужденного вернуть деньги, полученные за освобождение юноши от службы в армии, все это очень сильно разозлило. Поэтому, разве мог он упустить такой удобный случай?! Он тотчас же нашел свидетелей — понятых и немедленно запротоколировал находку, а затем, словно показывая ищейке след, пустил по следу контрразведчика.

На следующий день после возвращения Хасара из Мары следователь начал интересоваться узелком с деньгами.

Хасару пришлось несколько раз, будто оправдываясь, рассказывать следователю о том, как к нему приходил старик, как он достал из кармана платок и обтирался им, а потом оставил его на столе. Решив, что старик забыл свой платок, Хасар впопыхах забросил его на шкаф, с тем, чтобы при случае вернуть, а потом совершенно забыл об этом.

Следователь внимательно слушал Хасара, пристально глядя ему в лицо, и во взгляде его сквозило недоверие.

Когда в госпиталь прибыл следователь прокуратуры, начальник госпиталя, чьим мнением на сей счет интересовались, не преминул воспользоваться удобным случаем, чтобы очернить Хасара: «До меня и раньше доходили слухи, что он не прочь воспользоваться чужим несчастьем, что берет взятки». И поэтому следователю, который не знал об их натянутых отношениях, стало казаться, что Хасар пытается что-то скрыть, не говорит правды. Следователь был молодым человеком лет двадцати пяти – тридцати, среднего роста, на продолговатом лице маленькие глазки, лицо серое, как у человека, знающего вкус наркотиков. Когда он задавал вопросы, на его темном лице вспыхивали не гармонирующие с его обликом серые глаза, он словно не верил ушам своим и смотрел на подозреваемого сквозь стекло. При первой же встрече Хасару не понравился этот хмурый молодой человек, смотревший на него свысока, словно перед ним сидел преступник, а не достойный уважения человек.

Еще больше нервировало Хасара то, что следователь не верил его словам и без конца задавал одни и те же вопросы. Однажды, когда вопрос был задан в третий раз, Хасар перебил следователя: «На этот вопрос я уже дважды отвечал, надо еще?» Следователю не понравилось, что его перебили, он показал это всем своим видом, нахмурившись, недовольно произнес:

– Яшули, здесь вопросы задаю я!

Слова следователя задели Хасара за живое, больно ранили его, унизили его достоинство. Всю жизнь он гордился тем, что помогает больным, лечит их и возвращает к жизни. Он готов был и дальше служить Родине, народу, гордиться своей профессией, считал, что помогать людям – его миссия на этом свете.

Но сейчас он понял, что следователь и не думает учитывать его заслуг, напротив, всячески старается обкнуть его в грязь, очернить, уличить во лжи, оклеветать. Это обстоятельство родило в нем чувство случайного поражения опытного борца от невзначай оказавшегося на ринге неведомого юнца и заставило всерьез задуматься о происходящем.

Он вспомнил рассказ человека, оказавшегося в схожей ситуации, когда его незаслуженно оклеветали. «...Замучили бесконечными вызовами в прокуратуру. Иногда в такие тиски зажимали тебя, выколачивая из тебя признание, что ты готов был сознаться даже в том, чего не совершал, лишь бы покончить с этим позорным допросом. Хорошо, у моего брата в прокуратуре оказался хороший знакомый, он и пришел мне на помощь. Однажды знакомый моего брата пригласил меня с тем следователем к себе в кабинет и спросил у того: «Ты знаком с этим человеком?» По тону вопроса следователь сообразил, что речь идет о человеке, взятом под защиту, поэтому заговорил нормальным языком. Внимательно смотрел на меня, словно не мог вспомнить, где он раньше видел меня. Тогда наш знакомый бросил ему дело, которое лежало перед ним, и велел: «Перестань третировать этого человека!»

Следователь схватил дело и сразу же «поумнел»: «Понял, начальник!» – и ушел с ним.

Сколько ни думал Хасар, не мог вспомнить среди своих знакомых ни одного человека, который мог бы вступить за него и избавить от этих унижительных встреч со следователем. Возможно, в его окружении такого человека и вовсе не было.

Поскольку до сего дня Хасар был занят только своей работой, своей профессией, никогда не интересовался прокуратурой, пока та сама не заинтересовалась им. Всего лишь раз в семье зашел разговор об этом. Когда Арслан оканчивал среднюю школу и собирался поступать в вуз и

получить специальность, его дед Айназар ага посоветовал внуку: «Сынок, ты никуда не ходи, иди учиться на юридический факультет, вооружившись законом, ты будешь защищен, и всегда будешь знать, что тебе делать и куда идти. Станешь судьей или прокурором». Но Арслан, мечтавший стать туркменским Гагариным, деда не послушался. «Я хочу и буду летчиком!» Хасар тогда думал, что дед печется о безопасности внука, потому что знает, как рискованна профессия военного летчика, сколько опасностей она таит, поэтому и хочет, чтобы внук выбрал какую-то иную—мирную профессию.

И вот теперь он вспомнил тот разговор и подумал, как прав был его тесть. Испытал запоздалое раскаяние в том, что не поддержал тогда старика, не уговорил сына пойти по другому пути. А ведь сейчас он мог иметь собственного судью или прокурора, который защитил бы его от клеветы и избавил от позора, который ему приходится переживать теперь.

Как-то раз Дунья в разговоре упомянула: «Отец нашего юриста – ответственный работник Генеральной прокуратуры, ради сына он оберегает фирму от нападков органов». Но разве станет Хасар обращаться к ней за помощью, не захочет он прятаться за юбкой жены, а тем более теперь, когда их отношения дали трещину и в них появился заметный холодок. Нет, не станет он унижать себя обращением к Дунье!

Бесконечные вызовы в прокуратуру, следствие и допросы все больше угнетали Хасара и стали тяжелым бременем для его израненной души, бременем, которое давило на его плечи. Жизнь потеряла равновесие и стала похожа на утлую лодчонку, мчащуюся по морским волнам в неизвестность.

Но как бы там ни было, Хасар не хотел верить, что все хорошее, что было в его жизни, уходит от него навсегда. В это трудное для него время он изо всех сил старался держаться

на плаву, устоять перед свалившимся на него несчастьем, напоминая себе, что он – полковник Мамметханов, человек во всех смыслах достойный. Каждый раз после таких мыслей ему казалось, что в следующий вызов к молодому следователю он сумеет на каждый его вопрос дать достойный ответ и выглядеть человеком, взявшим себя в руки.

* * *

Похоже, переменившаяся эпоха переменила и свое отношение к Хасару: не желая того, Дунья уже не грела его душу, как прежде, она становилась все холоднее, как гаснущий очаг, в который не подбрасывают дров и не поддерживают в нем огонь. Поведение начальника госпиталя, недовольного тем, что ему не удалось с ходу обезвредить противника, также угнетало Хасара, лишало его покоя и вынуждало думать, что не только новая страна, но и новая работа приняли его без особой охоты, да еще этот случай с узелком, переросший в клевету о взятке, стал для него ударом в спину. Хасару стало казаться, что грязь, которая прежде обходила его стороной, липнет к нему со всех сторон, он невольно вспоминал слова одного снятого с поста начальника, говорившего: «Теперь камни, пущенные в других, почему-то со всех сторон летят в меня». Мысли о неожиданном повороте его судьбы не оставляли его ни днем, ни ночью.

Хасар пришел в прокуратуру раньше назначенного времени, чтобы поскорее покончить с сегодняшним допросом и спокойно заняться текущими делами. Однако следователь, то и дело куда-то выходивший из своего кабинета и видевший его, не спешил приглашать его на разговор. И даже человек, пришедший гораздо позже, побывав в кабинете следователя раньше Хасара. Хасар понял, что следователь специально ведет себя так, чтобы разозлить подозреваемого и вынудить его признаться в деянии, которого не совершал, что это их обычная и часто

применяемая тактика. Тогда он смирился со своей участью и стал терпеливо ждать вызова. А сам тем временем размышлял над сложившейся ситуацией и, хотя и не знал, чем все это может закончиться, догадывался: следовательно, скорее всего, действует заодно с начальником госпиталя. Хасар вспомнил, как тот посадил парня из 6-го отделения, обвинив его в приеме 100-рублевой взятки, что сейчас тоже замышляется нечто похожее, и если своевременно не принять надлежащих мер, эти никого не пощадят.

Чтобы как-то избежать худшего, он даже думал о том, чтобы уйти с работы, уволиться из госпиталя. В конце концов, свет не сошелся клином на этом госпитале, а с другой стороны, в наше время найти работу не так-то просто, тем более в его возрасте, ведь он уже считается врачом уходящей эпохи. Неужели и ему придется сидеть без работы, как академику Корпаеву, и кормиться частным извозом? Но он тут же отгонял от себя эти мысли и начинал думать о том, что это не выход из создавшейся ситуации, что такие, как он, опытные врачи нужны молодому государству, нужны и в качестве примера для молодой поросли, и для того, чтобы делиться с молодыми накопленным опытом, что в госпитале и сегодня основной воз везут такие же, как он, опытные врачи, которые были разлучены со страной, но никогда не разрывали отношений со своей профессией. Но потом его снова посещали сомнения, и он и эту мысль начинал считать не совсем правильной.

В последнее время Хасар часто с благодарностью вспоминал капитана Чарли, своего бывшего ученика, а ныне владельца частной клиники в России, клиники, соперничающей с государственными лечебными заведениями, человека, прославившегося в народе и во всех отношениях уважаемого. Каждый раз во время общения с ним тот неизменно приглашал Хасара к себе: «Приезжайте, товарищ полковник, здесь есть для вас место, приезжайте и занимайте его,» – и предлагал хорошо оплачиваемую работу.

Хасар познакомился с Чарли в годы службы в Германии, когда был там начальником госпиталя, во время одного из военных учений. В то время Чарли, имея специальность хирурга, работал рядовым военврачом в одной из воинских частей. Хасар тогда обратился к нужным людям, добился его перевода в свою часть и взял на работу в госпиталь хирургом, вырастил и выпестовал его. Многие годы они вместе делали операции и тесно сотрудничали друг с другом.

Хасар знал, что там он встретит со стороны Чарли понимание, что тот будет ценить его, и все равно ему почему-то не захотелось уезжать из своей родной страны. Хватит, почти тридцать лет находился за пределами Родины, и служил, и жил достойно. Но вот позвала Родина, и мы вернулись, чтобы служить ей. И служим ведь... Ему вдруг вспомнились высказывания поэта о Родине, которые очень перекликались с его нынешней ситуацией.

«Пусть хоть бьет, хоть ругает, все равно свой народ ближе».

Хасар понял, что вспомнил о приглашении своего друга только после того, как начальник госпиталя стал плести вокруг него интриги, а следователь начал давить на него и выбивать из него признание, и снова воспротивился себе.

«Эй, Хасар, на кого ты обижаешься? Разве эти люди представляют твою Родину? – подумал он, а потом сам же высмеял свою предыдущую мысль. – Как тебе в голову могла придти мысль соотносить этого негодяя – начальника госпиталя с Родиной?»

Продержав Хасара у дверей своего кабинета больше часа, следователь еще сходил в соседний кабинет, после чего велел стоявшему у дверей солдату позвать Хасара. С недоверием глядя то на лежащие перед ним бумаги, то в лицо Хасара, произнес:

– Яшули, вы все еще не можете вспомнить, как узелок с деньгами попал в ваш кабинет? – издевательским тоном спросил он.

– Мне нечего добавить к тому, что я уже говорил, – ответил Хасар и увидел в помутневших серых глазах следователя холодное недоверие.

– Так вы только прибавляете нам работы, яшули. Вон и руководство сообщило, что звонили сверху и велели не затягивать дело, как можно лучше расследовать его, а если потребуется, то и допросить яшули.

Когда следователь произнес «звонили сверху», Хасар сразу же предположил, что этим «верхом» является начальник госпиталя.

Следователь вдруг вспомнил, что Хасар приезжает к следователю на «Мерседесе» и подумал, что без взяток на одну зарплату такую дорогую машину не купить, эта мысль заставила его язвительно улыбнуться:

– Яшули, вы, значит, и на «Мерседесике» разъезжаете?

– На «Мерседесе», брат, я уже лет пятнадцать «разъезжаю». – Ему хотелось добавить: этот «Мерседес» заработан вовсе не тем путем, на который ты намекаешь, но вовремя понял, что его слова будут восприняты как выпад против следователя, что сейчас не время для таких выпадов, поэтому, с трудом сдержав себя, смолчал.

– Однако он совсем новеньким выглядит!

– Эти автомобили, если за ними хорошо ухаживать, долго служат. Я его купил в годы службы в Германии, перед самым возвращением в Союз.

– В масле?

– Там сильно подержанные машины не продают, такие машины хозяева сдают в утиль.

Похоже, следователь был любителем авто, он и сам не заметил, как увлекся разговором о «Мерседесе». В этот момент даже его надменное лицо словно разгладилось, стало светлее, в его жестах появилась мягкость. Неожиданно он забыл о том, кто сидит перед ним, полностью предался патристическому чувству и переполнился гордостью.

– Неужели в то время в Германии и еще где-то трудились туркмены, да так достойно?

– Да, трудились.

Хасар, сам того не замечая, тоже предался воспоминаниям. Но потом, вспомнив, где находится, тяжело вздохнул. Этот диалог заставил его на короткое время поверить, что между ним и следователем появилось некоторое взаимопонимание.

Но когда следователь вспомнил, кто перед ним сидит, и для чего он вызвал Хасара к себе, снова начал обычный сухой и малопривлекательный допрос.

Выйдя от следователя, Хасар не стал спешить с возвращением на работу. Душа была изломана. Ему и в самом деле не хотелось идти на работу, пугала сама мысль, что при виде его люди начнут шептаться по углам и думать, что он действительно оказался взяточником. Клевета тяжелым камнем лежала на сердце, ему было и больно, и обидно. Ему было невыносимо трудно, и сейчас ему, как никогда, нужны были дружеский совет и поддержка близких ему людей, он нуждался в поддержке и совете Дуньи. В прежние времена, когда они жили вместе, Дунья всегда была его близким другом и добрым советчиком. Но сейчас, когда она выбрала для себя иную жизнь, можно считать, что для него ее нет. В голову его лезли разные мысли, он представлял, как Дунья вначале раздует все случившееся, а потом начнет звонить по знакомым и добьется закрытия дела, зато после, при любом удобном случае, сможет упрекнуть его: «Не я ли помогла тебе в трудную минуту? Если бы не я, сидеть тебе сейчас за решеткой!» Пусть вслух она не скажет об этом, но подумает обязательно, а для Хасара сама эта мысль была невыносима. Поэтому сейчас он предпочел даже обвиняемым оказаться, лишь бы ни о чем не просить Дунью.

В другой раз Хасару казалось, если он уйдет с работы, проблема разрешится сама собой, он даже подумал, что начальник госпиталя, избавившись от него, успокоится

и больше не станет терзать его. Да и зачем ему мстить Хасару, который и так окажется поверженным, а начальник госпиталя – победителем, одолевшим ненавистного врага.

Хасар решил написать рапорт об увольнении, и с этой целью прямо из прокуратуры отправился в Министерство обороны. Поздоровавшись с ребятами из охраны, прошел к начальнику отдела, ведающего кадрами воинских частей.

Выходя из отдела кадров министерства, в коридоре Хасар лицом к лицу столкнулся с начальником госпиталя. Одарив друг друга неприязненными взглядами, оба молча поднесли руки к козырьку и отдали друг другу честь. Капитан взглядом спросил: «А ты что тут делаешь в рабочее время?», но Хасару не захотелось отчитываться перед ним в этом месте.

Входя в отдел кадров, начальник госпиталя посмотрел вслед уходящему Хасару и спросил у работника отдела с многозначительной ядовитой улыбкой на лице:

– А этот что здесь делал, жаловаться приходил?

– Не знаю, подождал немного, а потом зашел к начальнику отдела.

– Что же он тогда шляется здесь?

Встретив Хасара в министерстве, капитан подумал, что тот приходил жаловаться на него. Работник отдела кадров, майор, понял, что тот именно так и подумал, и по его тону догадался, что между ними двумя есть какие-то разногласия.

– Наверняка ты своим командирским поведением вынудил его жаловаться. – Сказав это, он внимательно посмотрел на начальника госпиталя и вспомнил еще кое-что, связанное с Хасаром и начальником госпиталя. – Я не очень хорошо знаком с ним, только знаю, что на твое место он не претендует. Все назначения проходят через наш отдел, поэтому я помню, что после ухода начальника госпиталя полковника Розыева на эту должность искали опытного врача, поэтому ему первому предложили занять этот кабинет. Помню, он тогда отказался от предложения,

сославшись на то, что является практикующим хирургом и хотел бы оставаться им. И только после этого где-то откопали и привели тебя.

Начальник госпиталя с некоторым недовольством и едва заметной на лице иронией выслушал сидящего напротив него худощавого майора, всем своим видом показывая непонимание сказанного им. Он видел, что из сказанных им в адрес Хасара ядовитых слов тот сделал для себя вывод. «Может, он родня ему или кто-то из близких?»- опасливо подумал про себя.

– Ай, вряд ли это место было предложено ему на полном серьезе, иначе вряд ли он отказался бы. Мало кто по собственному желанию отказывается от красивой женщины и престижной должности. – Начальник госпиталя многозначительно улыбнулся, стараясь придать своим словам шутливый тон.

Выслушав его, майор понял, что начальник госпиталя остался при своем прежнем мнении о Мамметханове и немного повысил голос:

– Капитан, как старший по возрасту человек хочу дать тебе один совет. Хасар Мамметханов – уважаемый врач и достойный человек. – Потом он посмотрел на стоявший напротив свободный стол. – Он оперировал и этого молодого парня, который сидел со мной в одном кабинете и который недавно получил новое назначение – заместителя командира одной из воинских частей и отправился к месту службы. От его коллег я много раз слышал, что самые сложные операции госпитале доверяют именно Хасару Мамметханову.

– Господин майор, это не совсем так, у нас есть и другие хирурги, отлично справляющиеся со своими обязанностями. Пуп земли не он один, – начальник госпиталя перебил майора, давая понять, что он совсем иного мнения о своем подчиненном.

Майор одарил хвастливого начальника госпиталя неприязненным взглядом и спокойно продолжил говорить.

– На твоём месте я бы постарался сблизиться с такими людьми и перенимать их богатый опыт, чему-то у них научиться. Такие люди, влюбленные в свое дело, чаще всего наивны и доверчивы. Некоторые используют их в собственных корыстных целях. А они, эти люди, как кузнечики, порхают себе и никому не наносят вреда. Зато есть хулиганы, которые ловят этих кузнечиков, отрывают им заднюю часть и вставляют туда прутик. Пользуются их бесхитростностью и безвредностью. А ты попробуй у пчелы оторвать часть туловища и воткнуть в нее прутик, так она сразу так тебя отделает, мало не покажется...

Из соседнего кабинета его позвал к себе начальник, и он не успел договорить свою мысль до конца.

Начальник госпиталя спешно распрощался с ним, сославшись на дела в других кабинетах. После слов майора начальник госпиталя решил, что в министерстве уже известно о том, что он впутал Хасара в сети прокуратуры, что они именно его винят в случившемся. И ему начало казаться, что за спиной Хасара стоит слишком много покровителей и защитников.

* * *

Дунья не ожидала появления сына. Тем более на рабочем месте. Она только увидела, как в приемную входит ее сын Арслан. А она в это время сидела рядом с секретаршей, принимала от нее листки с факса и просматривала их.

Увидев в дверях статного юношу в военной форме, девушка-секретарша подумала: «Не за мной ли он пришел?» – подобралась и вопросительно посмотрела на него. Чувствовалось, что молодой человек произвел на девушку впечатление. «Это ко мне», – сказала Дунья с ласковой улыбкой на лице и встала из-за стола, чтобы встретить сына. Ей не очень-то понравилось, что сын пришел к ней без предупреждения, не позвонив предварительно, но она тут же подумала: «Может, дома что-то случилось?» Внимательно посмотрела на сына.

До этого дня Арслан ни разу не был на работе матери. Дунья знала отношение сына к ее работе, но не думала, что он может вот так вот запросто прийти к ней на работу. Знала она и то, что сына привело сюда не простое любопытство, желание увидеть место работы матери. Тогда каким же ветром занесло его сюда?

Когда Дунья сказала о своем желании работать, против этого первым выступил Арслан. «Тебе мало нашей с отцом работы? Разве ты до сих пор кормила семью? Работаем же мы...» Но потом стал думать, что решение о том, работать или не работать матери, в конечном счете будет принимать отец, поэтому ему неприлично вмешиваться и высказывать свое мнение.

В итоге все решили слова Хасара: «Если ей так хочется, пусть идет работать». Его согласие дало возможность Дунье, выполнявшей до того роль маленькой рыбки из домашнего аквариума, выплыть в открытое море и попытаться выбиться в киты.

Дунья пошла навстречу сыну:

– Арслан, какими судьбами? Дома все в порядке?

– Да.

– Как бабушка?

– Хорошо.

– С Айназаржаном я вчера пообщалась. Работой завалена, ни вчера, ни позавчера даже навестить внуков не могла. Думала сегодня немного разобраться с делами и заехать к ним.

Слушая оправдание матери, Арслан думал про себя: «Тоже мне нашлась деловая женщина, не за отцовской ли спиной ты превратилась в жену военнослужащего, не знавшую, что такое работа? Да еще в Германии вместе с такими же бездельницами создала клуб «Достойных жен военных», где вы занимались самовосхвалением,» – но вслух ничего не сказал.

Говоря о том, что не нашла времени провести своих любимых внуков и престарелую мать, Дунья виновато улыбнулась, вокруг ее глаз проступила сеточка морщин, верхняя губа раздвинулась, приоткрыв слева ряд блеснувших золотом зубов. В эти минуты она снова превратилась для Арслана в прежнюю любящую мать и бабушку.

И хотя Арслан ни о чем не говорил прямо, Дунья догадалась, что сюда его привело не праздное любопытство, а желание поговорить с матерью начистоту. Сначала она хотела позвать его к себе в кабинет. Сейчас он был свободен, но в любое время мог вернуться Аннов, и тогда ей не удастся переговорить с сыном в спокойной обстановке. Зная, что и сыну хотелось бы остаться с матерью наедине, Дунья решила выйти с ним во двор, где в садике перед офисом были поставлены скамейки для курящих.

Дунья вдруг вспомнила о своей работе и повернулась к девушке-секретарше, внимательно наблюдавшей за ними, воспринимая их не как мать и сына, а как двух влюбленных.

– Ты, Ширинджан, принимай пока продолжение договора, а я пойду, переговорю с этим молодым человеком и скоро вернусь!

Понимая, что разговор предстоит нелегкий, Арслан был благодарен матери за ее желание уединиться.

Хотя Хасар и Дунья старались не показывать большому дому (так семья именovala дом Айназара ага) возникшее между ними отчуждение, старшие члены семьи в какой-то мере знали об этом. Теща, чтобы как-то исправить ситуацию, даже сходила тайком к известному мулле, о котором была много наслышана, и принесла от него талисман согласия, а соль от мุลлы добавляла в еду супругов. Вчера, уже выключив свет и лежа в постели, они долго не могли уснуть, все обсуждали с Мяхек сложившуюся ситуацию, переживая

за родителей, которые все больше отдалялись друг от друга. Он пришел к решению: завтра же сходить к матери, переговорить с ней и все до конца выяснить.

Арслан знал, что причиной всех нынешних бед семьи стала новая работа матери. Он чувствовал, что над семьей нависла какая-то угроза, и думал, что ее можно будет избежать, если вовремя приструнить мать. Именно с этой целью он и пришел сегодня к ней на работу.

Как только Дунья с сыном стали спускаться по лестнице, у подъезда остановилась машина, из которой вышел Аннов и стал подниматься по ступеням. Он увидел спускающуюся сверху с каким-то военным Дунью и замедлил шаг. Поначалу он принял военного за Хасара, который по каким-то делам пришел к жене на работу. Поднявшись на пару ступеней, он спустился обратно и отступил в сторону, чтобы поздороваться и пропустить идущих сверху.

Но когда они приблизились, Аннов увидел, что военный рядом с Дуньей не Хасар, но очень похож на него, значит, это либо его младший брат, либо сын.

Увидев человека, который посторонился и стоял, пропуская их, по тому, как мило улыбнулась ему мать, Арслан догадался, что это и есть бизнесмен Аннов, который всегда знает, что ему надо и что делать. При этом он испытал какое-то неприятное чувство. Спустившись с лестницы, Дунья представила незнакомца:

— А вот и глава нашей компании идет! — Когда она знакомила Арслана с Анновом, в ее голосе прозвучали угодливые нотки. Арслан много раз слышал имя этого человека, но видел его впервые. «А-а, так это он...» — молодой человек внимательно взгляделся в лицо Аннова, словно пытаясь что-то прочесть на нем, потом, держась руками за перила, склонил голову и сощурил глаза, словно к чему-то прицеливаясь, поздоровался с ним кивком головы.

Дунья видела, как Аннов старается держать марку, хотя и сильно волнуется, видела, как трудно устоять ему

перед тяжелым взглядом Арслана, на лбу его проступили капельки пота. Дунья сразу же почувствовала это, поэтому на официальное предложение Аннова пригласить сына в офис и угостить чаем или кофе, – ответила отказом:

– Спасибо, он спешит на работу, – и быстро прошла мимо. Потом обернулась и добавила: – Шеф, я сейчас провожу гостя, факс мы приняли, так что я сама принесу его вам.

Оттирая пот, Аннов еще некоторое время смотрел вслед уходящим матери и сыну, после чего стал подниматься вверх по ступеням.

Пройдя с матерью в садик и переговариваясь с ней на отвлеченные темы, Арслан не спешил заводить разговор о главном, ради чего пришел сюда. Вернее, он все никак не мог выбрать удобный момент, чтобы начать говорить о том, что так тревожило его в последнее время. А мать ни о чем его не спрашивала. Им обоим было приятно говорить о детях, вспоминать их поведение и высказывания, их нежные голоса. О детях больше говорила Дунья, Арслан лишь поддерживал разговор, отвечая на редкие вопросы, сам же шел рядом, время от времени нервно снимая и надевая форменную фуражку. Мысли его были путанными и несколько напряженными.

С Востока, там, где солнце ранним утром пробило завесу ночи и образовало в ней дырку, дул ветерок с примесью влаги. По небу нехотя плыли маслянистые кучевые облака. Глядя на них, можно подумать, что к ночи облака обоснуются где-нибудь на вершинах Копетдага, чтобы набраться сил и пролиться на землю дождем.

Будучи любимым сыном матери, Арслан думал о том, что ему придется говорить с матерью так, словно подвергая сомнению ее поведение, что мать может совсем иначе растолковать его слова и обидеться. Словом, он знал, что разговор предстоит малоприятный, что будет он тяжелым.

Напротив, Дунья была очень довольна своей работой, считала, что выполняет работу, которая не многим по плечу,

что достойна того места, которое занимает, а главное, ее грела мысль об ожидаемых крупных дивидендах, поэтому от своего нынешнего положения она получала особое удовольствие.

Арслана же привело к матери желание видеть семью прежней – дружной и сплоченной, с любящими родителями, детьми, внуками и бабушками с дедушкой. Он просто не мог не прийти к матери, потому, что не мог делать вид, что ничего не происходит.

Временами его ужасала сама мысль о том, что все самое страшное случилось и уже ничего нельзя исправить. Но все равно он старался думать о хорошем, и верил, что, если ему удастся спокойно поговорить с матерью и убедить ее в чем-то, она услышит его и вернется к семье, чтобы остаться прежней – доброй и любящей матерью детям и любимой бабушкой внукам. Он еще долго болтал с матерью на отвлеченные темы, но так и не решился заговорить о том, что так тревожило его в последнее время.

А Дунья, прохаживаясь с сыном, говорила о внуках, временами представляла их, и тогда на лице ее появлялась радостная улыбка. С таким же восхищением смотрела она и на сына, одаривая его своей материнской любовью.

Хасара в разговоре она называла то дедом, то отцом, увязывая его имя то с внуками, то с сыном, но ни словом не обмолвилась о том, что их с мужем отчуждение уже давно вышло за рамки обычной размолвки между супругами и длится дольше положенного. Арслан понимал, что как любимый сын своей матери должен поговорить с ней откровенно, как с близким человеком, понимал, но, как ни старался, не мог подступить к трудному для них обоим разговору. А потом и вовсе понял, что вести такой разговор с дорогими тебе людьми, будь то мать или отец, невозможно, что мать может обидеться на него и никогда не простит ему этого.

Перед уходом Арслан многозначительно посмотрел на мать и невесело распрощался с ней. А потом на большой скорости погнал машину в сторону своей части, расположенной на окраине города. Выежая из города, остановил машину и в первом попавшемся ларьке купил пачку сигарет.

Вернувшись в машину, он жадно затянулся сигаретой, хотя давно бросил курить. Некоторое время сидел в машине, выпуская кольца дыма и глядя куда-то в пространство, забыв, куда и зачем ехал.

На какой-то миг ему показалось, что дымит не сигарета, а что-то внутри него начало разгораться и дымиться.

Вернувшись в приемную, Дунья увидела стоявшую у окна секретаршу, которая задумчиво смотрела на улицу, и поняла, что все это время девушка сверху наблюдала за ними. Вспомнив, как подтянулась та при виде ее сына, как старалась понравиться ему, Дунья по-женски отнеслась к этому с пониманием. Ее охватили приятные воспоминания: «... Когда я только-только вышла замуж, я не могла спокойно смотреть на Хасара, которому так шла военная форма! Даже проведя с ним ночь в одной постели, утром, когда он начинал одеваться на работу, я не могла совладать со своими чувствами, смотрела на него влюбленными глазами. Видно, и этой девочке, у которой пока еще нет парня, понравился мой Арслан», – с удовлетворением подумала Дунья. Тем временем девушка повернулась к ней лицом:

– Дунья Айназаровна, какой у вас красивый сын!- восхищенно произнесла она, но чувствовалось, что ей хочется еще о чем-то спросить.

От этих слов Дунья еще больше прониклась материнской гордостью за сына, ласково улыбнулась:

– Что, понравился он тебе, милая? – спросила Дунья, а потом шутливо добавила – У него уже два сына подрастают. В этих словах ее можно было прочитать, опоздала ты милая!

Однако девушка никак не отреагировала на эти слова, словно ожидала услышать именно их. Шутливый тон Дунья не тронул ее. На лице все еще было какое-то непонимание.

– Дело не в этом, – как-то загадочно ответила девушка, давая понять, что она думает совсем о другом.

Дунья не очень-то поняла, что хотела сказать девушка, но догадалась, о чем та думает: «... Тебе такое счастье привалило, а ты его размениваешь.»

Двусмысленные слова девушки задели Дунью за живое. Она считала себя вне всяких подозрений, поэтому ей не понравилось, что эта девчонка пытается ее в чем-то уличить. Дунья пристально посмотрела на девушку, и во взгляде ее можно было прочесть вопрос: «Что все это значит?». Всем своим видом показывая неприязненное отношение к девушке, недовольство ее поведением, Дунья скривила губы, отвернулась от секретарши, схватила с соседнего стола приготовленные для нее бумаги и пошла в соседний кабинет к Аннову.

* * *

Спустя пару дней после неожиданного прихода Арслана к матери на работу, Аннов вдруг сказал, обращая свои слова к Дунье, которая рылась в каких-то бумагах:

– Сын-то твой до сих пор ездит на «Жигулях»!

Дунья отодвинула бумаги в сторону и внимательно посмотрела на начальника, пытаясь понять, что он хотел сказать этими словами.

Понятно, что Аннов не забыл встречи с Арсланом и даже временами думал о ней.

– Отец предлагал ему взять «Мерседес», но сын отказался, сказал, пусть отец ездит на своем привычном авто, – ответила Дунья.

– Ну, тогда надо было тебе самой купить сыну иномарку!

Дунья хохотнула и вопросительно посмотрела на Аннова, спрашивая: «Что ты такое говоришь?» А потом с материнской гордостью и некоторым упреком ответила:

– Арслан? Да этот сын никогда не будет ездить на иномарке, купленной на деньги матери!

Немного помолчала, углубившись в какие-то воспоминания, связанные с сыном, потом, словно очнувшись ото сна, глубоко вздохнула. Аннов понял, о чем подумала Дунья. Этот неожиданно начавшийся разговор, вызвав у обоих чувство смутения, закончился так же неожиданно.

* * *

Придя утром на работу, Хасар первым делом отправился к больным, которых лечил. На самом деле он пришел сюда для того, чтобы попрощаться со своей работой и своими пациентами. Для себя он решил, что возьмет отпуск с последующим увольнением, и с тех пор старался поменьше показываться на глаза людям, чтобы они не шептались по углам и не думали, что он вернулся с очередного допроса в прокуратуре. Решил побыть дома, чтобы ни у кого не отпрашиваться, когда будут вызывать к следователю. А там, глядишь, вся эта история потихоньку забудется.

Сегодня он уже находился в отпуске. Хасар подошел к каждому больному по отдельности, осмотрел их, некоторым сделал новые назначения. Он сам оперировал всех этих больных, поэтому и послеоперационную реабилитацию вел сам, зная, какое это непростое дело – долечивать оперированных больных. Закончив обход, Хасар вернулся в свой кабинет и пригласил к себе молодого военврача, назначенного недавно его заместителем. До прихода зама собрал все свои вещи и уложил во вместительную сумку, с которой никогда не расставался. Когда пришел врач, Хасар сообщил ему, что с сегодняшнего дня находится в отпуске, и передал ему своих больных.

– Ты остаешься за меня заведовать отделением.

– Но начальник госпиталя мне ничего не говорил, – удивился врач.

– Если еще не говорил, скажет, – уверенно заявил Хасар, демонстрируя свою осведомленность обо всем, что происходит в госпитале. Этого молодого врача, недавнего выпускника института, начальник госпиталя перевел из другого отделения и как своего человека приставил к Хасару, чтобы тот мог докладывать начальнику обо всех делах заведующего отделением, а когда он избавится от него, поставит этого мальчишку на его место.

Затем Хасар отправился к начальнику госпиталя, чтобы напомнить ему о том, что с сегодняшнего дня находится в трудовом отпуске.

В приемной его встретила секретарша, полная девушка. Только что откуда-то вернувшись, она повесила в шкаф верхнюю одежду и стала прихорашиваться перед зеркалом.

– Начальник занят, у него люди!

– Кто-то из наших? – спросил Хасар в надежде, что своих работников начальник не станет надолго задерживать и скоро освободится.

– У начальника сидят три человека из министерства, которые вчера проводили проверку. Мне было велено никого не пускать.

– В таком случае, если начальник спросит, передай ему, что я с сегодняшнего дня в отпуске.

При напоминании Хасара об отпуске, девушка задумалась, о чем-то вспоминая, потом сказала:

– Да, начальник в тот день вспоминал о вас, сказал: «Надо выяснить, можно ли отправлять его в отпуск до окончания расследования, надо бы позвонить следователю прокуратуры», – сделал на вашем заявлении какую-то пометку и отложил его в сторону. А вчера долго искал ваше заявление, никак не мог вспомнить, куда он его положил, да так и не нашел, – двусмысленно заявила она.

Хасар удивленно пожал плечами, хотел было сказать: «Не улетело же оно куда-то, поищите хорошо, найдете!», – но потом раздумала и решительно произнес:

– Вот что, милая, дай-ка мне лист бумаги, я напишу новое заявление, да так, чтобы начальнику понравилось. А в министерство он сам отвезет его.

К заявлению с просьбой предоставить трудовой отпуск Хасар добавил следующие слова: «Прошу считать меня вышедшим после отпуска в отставку». Знал, что именно этих слов ждет от него начальник. Неспешно перечитал заявление и подвинул его к секретарше.

– Дочка, когда твой начальник освободится, отнеси ему это! Думаю, он не станет возражать, я тут все понятно написал.

Исполнив задуманное, Хасар быстро вышел из приемной. Но сам он еще толком не верил, что сейчас уходит из профессии, которой отдал почти тридцать лет своей жизни. Потому что никогда не думал, что будет уходить вот так, даже если вынужден будет это сделать. Видно, судьбе угодно было обойтись с ним именно так, как она обошлась. «Ну, что ж, будь, что будет!» – сказал он себе и пошел в кабинет, чтобы забрать оттуда свои собранные и уложенные в сумку вещи. Не успел он войти в свой кабинет, как раздался телефонный звонок. Подумал, что звонит начальник госпиталя, чтобы позвать к себе и объясниться в связи с только что оставленным им заявлением. Хасар поднял трубку и на том конце провода услышал голос коллеги.

– Хасар Мамметханович, к вам хочет зайти одна женщина. Говорит, у нее есть к вам дело, может, примете ее, всего на пять-десять минут? – тон его был просительным.

Хасару хотелось ответить, что он уже в отпуске, но, чтобы не ронять авторитет коллеги в глазах посторонних, не без труда согласился:

– Ну, хорошо, заходите, коли на несколько минут.

Спустя короткое время коллега привел в его кабинет статную красивую женщину.

При виде женщины Хасар сразу же вспомнил, где видел ее раньше. Это была та самая женщина, которая, волнуясь и плача, встретила его по пути в операционную, где он должен был оперировать лейтенанта из Президентского полка, привезенного в госпиталь в тяжелом состоянии – у того лопнул загноившийся аппендикс и начался перитонит. В тот день ее сопровождал начальник госпиталя, который не каждого больного удостоивал таким вниманием. Хасар тогда подумал, что начальник госпиталя сопровождает женщину не просто так, что она, скорее всего, является супругой какого-то влиятельного чиновника. А она со слезами на глазах молила его:

– Говорят, что дела его плохи, помогите нам, доктор, спасите его! – и с надеждой заглядывала в его глаза.

– Сделаем все возможное!- коротко ответил Хасар и поспешно прошел мимо плачущей женщины.

Операция тогда прошла успешнее ожидаемого, хоть и длилась довольно долго. Хасар вместе с ассистентами сумел вовремя удалить нагноившую часть кишки и сшить ее, аккуратно прочистить и вернуть на место внутренние органы. В тот день Хасар долго не уходил домой, и даже после того, как прооперированный юноша отошел от наркоза и пришел в себя, он еще раз проведаль его и удостоверился, что с ним все в порядке. Когда из отделения сообщили, что больной начал приходить в сознание, Хасар, зная, что юный лейтенант еще не совсем отошел от наркоза и сознание у него спутанное, все же поспешил к нему. Подходя к реанимационному отделению, он увидел выходявших из палаты в накинутых на плечи белых халатах начальника госпиталя с той женщиной.

Пару недель назад больного выписали и отправили домой, чтобы он перед тем как выйти на работу, мог хорошенько отдохнуть и отойти от лекарств. Увидев женщину, Хасар почему-то подумал, что больного беспокоят боли, и она пришла просить осмотреть его еще раз. Но во взгляде

женщины не было никакой тревоги, напротив, она смотрела на Хасара с какой-то особой благодарностью. Причем, эта благодарность была искренней и отражалась в лучистых глазах и на милом лице этой приветливой женщины, и в душе Хасара поднялись теплые волны ответной благодарности. Хасар знал, как смотрят родственники вылеченного больного на спасшего его врача. В таких случаях их слова и взгляды бывают только искренними, идут от самого сердца.

Хасар предложил гостям сесть, но врач, сопровождавший женщину, улыбнулся и обратился к ней:

– Вы пока спокойно поговорите с Хасаром Мамметхановичем, а я сейчас! – он сообщил, что ему надо сделать срочный звонок, но он скоро вернется сюда. Понятно, что доктор оставил их вдвоем, чтобы они могли поговорить наедине.

Оставшись вдвоем с Хасаром, женщина не стала скрывать своих намерений и от души поблагодарила Хасара за его внимание к больному юноше. Сообщив, что сейчас он чувствует себя хорошо, она достала из своей сумочки белый конверт, положила его на стол, а потом своими длинными пальцами проворно подвинула его в сторону Хасара.

– Доктор, дай вам Бог здоровья, пусть руки ваши не знают боли, вы беду нашу своими руками развели, вы праздник в наш дом принесли, поэтому, пожалуйста, примите от нас этот небольшой знак благодарности!

Увидев движущийся в его сторону конверт с деньгами, Хасар вздрогнул и пришел в ужас. Он ждал от женщины чего угодно – просьб о повторном осмотре больного, каких-то дополнительных назначений, но только не этого. В этот миг в голове его пронеслись разные мысли. Он почему-то подумал, что эта женщина пришла не как родственница обычного вставшего на ноги больного, он видел ее в тот день рядом с начальником госпиталя, поэтому усмотрел в ней человека, чьими руками начальник решил расправиться с ним окончательно. Эта мысль испугала его еще больше.

В изящной женской руке, двигавшей в его сторону конверт, он, сбитый с толку своими мыслями, видел сейчас подкрадывающуюся к нему ядовитую кобру. В предчувствии беды сердце бешено колотилось к груди. Переведя взгляд с двигавшегося в его сторону конверта на женщину, дал понять, что задет за живое, потребовал:

– Если вы хоть чуточку уважаете меня как доктора, немедленно уберите конверт!

– Доктор, но я от чистого сердца!..

И в самом деле, во взгляде женщины не было ничего, кроме мольбы понять ее правильно.

Но видя, как испуганно Хасар смотрит на конверт, какой ужас отразился на его лице, женщина попыталась понять причину такой его реакции. «Что это с ним, как с луны свалился? Понятно ведь, что и ему не хватает той зарплаты, которую платит государство. И потом, редкость большая, чтобы кто-то из докторов не брал! Мы-то видим, как живут эти взяточники – дома, что тебе дворцы, иномарки. А может, его напугали, предупредив, кто стоит за мной? Несчастный перепугался до смерти, даже если он раньше и брал, сейчас будет делать вид, что никогда этого не делал, станет изображать из себя невинную овечку. Как знать, однако, хоть это и большая редкость, и среди них есть честные и порядочные люди. Похоже, именно на такого я и нарвалась...» Женщина перевела разговор, в надежде, что Хасар в конце концов согласится с ней, не спешила убирать конверт со стола. Она смотрела на Хасара, всем своим видом показывая, как ее обидел отказ доктора принять ее искреннюю благодарность.

– Доктор, кем бы вы ни были, не стоит отказываться от того, что само идет вам в руки! Это и Богу не понравится. – Голос женщины становился все обиженнее. – Наш народ испокон веку давал знахарю за лечение больного аклык – вознаграждение, это в традиции нашего народа...

Хасар видел, как расстроена женщина, и по-человечески сочувствовал ей, поэтому, стараясь найти для нее успокаивающие слова, произнес виноватым тоном:

– И вы меня тоже поймите! Мне более чем достаточно вашей устной благодарности. И потом, я не приучен брать, мы в другое время жили и работали, а тогда не было принято благодарить таким образом. Да, иногда и я не отказывался от букета цветов, коробки конфет и даже бутылки коньяка, которые дарили доктору от всего сердца. Да и то в том случае, когда отказаться было невозможно, когда тебя вынуждали принять эту благодарность. Но сейчас, когда меня впутали во всякие непристойные дела, я не смогу принять от вас даже такой скромной благодарности. И не сравнивайте нас с табирами тех времен! Те люди жили за счет аклыка. А нам государство оплачивает наш труд ежемесячно. Оперировать и лечить больных – мой долг. И моя любимая работа...

Как ни старался Хасар не обидеть и вежливо объяснить женщине, что не возьмет конверта, по ее побледневшему лицу видел, как та недовольна, и от этого расстроился еще больше. Постарался найти еще какие-то слова утешения:

– Вы, пожалуйста, не обижайтесь на меня. Для врача самая большая благодарность – это вылеченные им больные. От осознания этого врач получает такое же удовольствие, как и парашютист, когда видит, как после прыжка с самолета в небе раскрылся его парашют.

Поняв, что ей не удастся убедить доктора, женщина нехотя убрала конверт со стола. С видом человека, застигнутого на месте преступления, с трудом выдавила из себя улыбку и уныло распрощалась с доктором, всем своим видом показывая, как она обижена.

Через некоторое время, выйдя из кабинета, Хасар увидел, как та женщина, разговаривая со знакомым врачом, в плохом настроении направляется к воротам госпиталя.

Перед уходом, запирая дверь, Хасар услышал, как в доме зазвонил телефон. Ему не хотелось возвращаться – плохая примета, подумал, что кому надо, перезвонят, но любопытство взяло верх: кто бы это мог быть? Он вернулся и поднял трубку.

– Слушаю.

– Это квартира Хасара Ханмурадова?

– Да, квартира Мамметхановых, – ответил Хасар, на ходу исправляя ошибку, допущенную женщиной на том конце провода.

– Так вы и есть Хасар? – голос женщины стал еще ласковее, словно она встретила мужчину своей мечты.

– Да, Хасар.

– Если вы Хасар, у меня к вам разговор.

– Может, вы тоже представитесь?

– Честно говоря, пока мы переговариваемся, знакомство не имеет такого уж большого значения. Что касается имени, то его тоже можно назвать.

Витиеватая речь женщины, ее хождение вокруг да около, говорило о том, что она никак не решается заговорить о чем-то таком, о чем трудно говорить. Это еще больше напрягло Хасара.

– Очень хорошо. В таком случае, что вы мне хотите сообщить? – спросил Хасар, одновременно пытаясь понять, кто бы это мог быть. Тем временем женщина произнесла:

– Хасар, ничего хорошего тебе сообщить не могу...

Женщина замолчала, словно слова ее споткнулись обо что-то, выждала немного, заставляя Хасара сосредоточиться и приготовиться услышать неприятное сообщение, потом произнесла:

– Тебе хоть известно о происходящем? – она снова заговорила загадками. – Знаешь ли ты, что твоя жена

слишком тесно общается со своим начальником?! Неужели ты этого не знаешь?

— Кто ты? — требовательным голосом спросил разозленный этим неприятным разговором Хасар, решив, что кто-то разыгрывает его, чтобы больше задеть.

— Хасар, не спеши, выслушай меня до конца! Не вешай трубку. Ты все равно узнаешь это, если не от меня, то еще от кого-то!

— Если ты не представишься, я кладу трубку!

— Дженнет, я Дженнет... Ты меня не знаешь. Но я тебя видела со стороны. Такие как ты мужчины нравятся женщинам. Видно, и жена твоя за внешность твою тогда на тебе повисла... Недавно я приходила к тебе на работу, чтобы познакомиться ближе, но мне сказали, что ты в командировке.

После этих слов Хасар понял, что эта женщина всерьез преследует его. Не дай Бог, если она еще раз придет к нему на работу, сплетен не оберешься. И он решил выслушать женщину, чтобы не допустить дальнейших действий с ее стороны.

— А вам не кажется, что вы лезете не в свое дело? Какое вы имеете право лезть в чужую жизнь? Или пытаетесь шантажом чего-то добиться?

— А откуда вам знать, имею я право или нет? Может, имею!

— Вон как!..

— Да, так. А что, если поговорить с тобой меня уполномочила жена начальника твоей жены? И если твоя жена разрушает ее жизнь, почему она не имеет права разрушить твою жизнь? Или хотя бы открыть тебе глаза на все происходящее?

— Нет. Не хочу я с тобой обсуждать эту тему.

— Его жена хорошо тебя знает. Говорит, видела со стороны. Говорит: статный, видный мужчина. Понравился ты ей. Если

хочешь, я могу свести вас. Если ее муж сблизился с твоей женой, разве ты не имеешь права поухаживать за его женой?

Когда женщина произносила эти слова, голос ее стал мягче, в нем появились нотки сочувствия и ласкового укора.

– Теперь послушайте вы меня! Коли вы Дженнет, так и оставайтесь ею, тем более, что ваше имя переводится как рай! – Хасар разозлился не на шутку и не смог сдержать своего гнева. – Ни с чьей женой я ни знакомиться, ни встречаться не собираюсь! И в чьих-либо советах я тоже не нуждаюсь!

– Жаль! – теперь голос женщины прозвучал обиженно. Но потом она снова пошла на него в атаку. – Ты ведь туркмен, или же, вернувшись из Европы, честь и достоинство там оставил? О самолюбии забыл? Говорят, там другие нравы, мужчины спокойно уступают другим своих жен, а жены – мужей.

– Замолчи, женщина! Не тебе меня судить!

– Судя по твоим речам, в тебе ничего такого не осталось, чтобы можно было судить. Муженёк, выпустивший из рук узду жены. Почему нельзя поговорить с женой Аннова и объединить свои усилия, чтобы не дать разрушиться двум семьям?

– Я ни чужую жену, ни еще кого-то видеть не хочу. И больше мне не звоните, понятно?

– Но от позора никуда не убежишь, уважаемый! – на этот раз в голосе женщины прозвучало искреннее сожаление.

Хасар был задет за живое, его трясло от злости, он чувствовал, как внутри него вспыхнул и разгорается огонь ненависти. Не желая продолжать разговор с незнакомкой и жалея, что не сделал этого раньше, он швырнул трубку на рычаг.

Забыв, что куда-то собирался идти, резко опустился вниз и сел. Он долго не мог придти в себя, чувствовал себя как змея с перебитым хребтом.

Звонок женщины лишил Хасара последней надежды на то, что Дунья может вернуться к нему и все у них еще

образуется. Она вынудила его поверить в то, во что он ни за что не хотел верить.

Хасар целый день провел как в тумане, он находился под впечатлением от разговора с незнакомкой, не желая верить в то, что Дунья, его любимая женщина, дала кому-то повод осуждать его и подвергать такому унижению.

* * *

Теперь Хасар, где бы он ни был, постоянно возвращался к мыслям о Дунье, а вернее, к тому, что произошло в его еще совсем недавно благополучно жизни, которая сейчас дала такую большую трещину. Он все еще не мог поверить, что его любимая женщина, добропорядочная мать, больше жизни любящая своих детей, любящая бабушка, души не чаявшая во внуках своих, женщина, во всех смыслах достойная, могла за столь короткий срок измениться до неузнаваемости. Вообще-то он и своей жизни без Дуньи не представлял. И все же Дунья, твердо решив материально окрепнуть и разбогатеть, менялась на глазах. С ней что-то творилось, а он не мог найти этому объяснения. Мучительнее всего ему было видеть, как Дунья начала молодиться, одеваться в дорогие платья европейского кроя, но в национальном стиле. Она будто хотела показать, что принадлежит к сословию богатых, ни в чем не знающих нужды людей, у нее даже взгляд изменился, стал высокомерным. Словно забыв о своих обязанностях жены и матери, хозяйки, она теперь редко бывала дома. Стала часто выезжать в командировки. Хасару все это было не по душе. Но он изо всех сил старался выдержать, терпел, надеясь, что после заключения очередного контракта Дунья наконец-то успокоится и вернется в лоно семьи. Лишь только раз, когда Дунья вернулась из поездки, и он увидел, как похудела и осунулась она, не выдержал, сказал:

– Дунья, ты теперь всегда будешь гостем в своем доме?

Дунья тогда на его вопрос ответила шуткой, напомнив ему о былых временах:

– Раньше ты на неделю – на десять дней пропадал, когда уезжал на учения, а теперь я. Работа у меня такая.

Говоря так, Дунья вложила в свои слова следующий смысл: "Теперь я, если потребуется, буду и на работе задерживаться, и в командировки выезжать, а тебе придется с этим смириться", но Хасар услышал в ее словах совершенно другой подтекст, тот, который ему был больше по душе: "Вот доведу дела до конца, потом вернусь к своим женским обязанностям". Поначалу, возвращаясь из поездок, Дунья рассказывала Хасару обо всем, о чем хотелось рассказать, словно отчитывалась перед ним. Приняв душ и отдохнув с дороги, она бралась за домашние дела, стирала, готовила обед: «Ну, а теперь я с удовольствием похозяйничаю», – говорила она и возилась до поздней ночи. А потом надевала просторную ночную рубаху и, если Хасар был чем-то занят, окликала его: "Эй, ты сегодня не собираешься ложиться?", начинала кокетничать и заигрывать с ним, зазывая в постель.

Но в последнее время, словно устав от своих женских обязанностей, она перестала радоваться возвращению домой и все реже бралась за домашние дела. Кто знает, может, это и в самом деле связано с возросшей на ее работе нагрузкой.

Теперь Дунья, вернувшись с работы, сразу же раздевалась и ныряла в постель, ее то и дело, порой в самое неурочное время, вызывали по служебным надобностям на работу. После таких возвращений от нее иногда пахло выпивкой и табачным дымом.

Все это и стало причиной того, что в последнее время Хасар лишился покоя и сна.

Независимо от того, сколько в ней человек, семья становится крепким монолитом только в том случае, если все ее члены связаны между собой прочными невидимыми нитями и имеют общую цель. Заболит один палец, а боль

испытывает весь организм, в этом месте и душа находится. Хорошо, когда удастся вовремя купировать эту боль, не допустить ее распространения на все остальные органы. Считая Дунью больным органом семьи, Хасар все же не терял надежды, что еще не поздно вернуть ее в семью, а вместе с ней и прежние добрые времена.

Сегодня Дунья пришла с работы раньше обычного. А Хасар, находясь в отпуске, уже давно не покидал дома. Демонстрируя приподнятое настроение, Дунья с порога игриво произнесла: «Ой, дома чем-то вкусным пахнет,» – и бросила взгляд в сторону кухни.

По поведению жены Хасар догадался, что что-то стало причиной ее хорошего настроения. Скорее всего, это было связано с ее работой. Видно, проголодалась, она положила в тарелку отваренные Хасаром макароны, сверху пару котлет и стала с аппетитом поедать ужин. «Дорогой, иди же сюда, поешь со мной, а хочешь, выпей немного, я поставила в холодильник дорогой коньяк, который только состоятельные люди пьют. Если ты будешь, то и я с тобой пару рюмок подниму», – позвала она мужа, приглашая его разделить с ней ее радость.

– Поешь сама, я недавно перекусил, у меня что-то аппетита нет, – сухо ответил Хасар и продолжил смотреть телевизор.

– А что это ты ни о чем меня не спрашиваешь? – капризно произнесла Дунья, полуобернувшись к мужу и делая обиженный вид. В эти минуты она снова была похожа на женщину, влюбленную в своего мужа и жаждущую его внимания. Вместе с тем она выглядела восторженной молодой, которая только что родила сына. – Ты можешь поздравить нас с большой победой! – чувствовалось, что сейчас ей больше всего хочется с кем бы то ни было поделиться своей радостью. – Наши сегодня вылетели в Лебап, чтобы принять «Рудник». Меня тоже звали с собой,

но я сказала: вначале летите вы, обзаведитесь там офисом, обоснуйтесь...

Но Хасар, продолжавший смотреть телевизор, даже ради приличия не отозвался на ее восторженную речь, ни слова в поддержку не сказал, не поздравил. Он и без того был равнодушен к работе Дуньи, потому что ему не нравилось, что она с головой ушла в эту работу и забросила семью. Никогда не спрашивал у нее, как дела на работе, не хотел. А если Дунья сама о чем-то рассказывала, мог хмыкнуть, а мог и вовсе промолчать, никак не отреагировать. Жестами показывал, что ему не хочется говорить об этом. В такие минуты ему казалось, что Дунья, увлекшись бизнесом, все больше отдаляется от семейного берега и уплывает из его мира.

– Дунья, что с тобой творится в последнее время? – произнес Хасар, повернувшись к Дунье и давая понять, что ему не нравится образ ее жизни, что в ее возрасте не бизнесом надо заниматься, а своей большой семьей, жить, радуясь успехам детей и внуков.

– А что со мной происходит? – недовольным тоном произнесла Дунья, которой не удалось передать мужу свое настроение.

Сквозь вырез халата виднелись ее разделенные ложбинкой груди, в эту минуту они казались полнее обычного.

– В последнее время мы похожи на людей, принявших крепкий алкоголь, от которого никак не можем опомниться и прийти в себя! – Хасар и себя включил в это «мы», рассчитывая найти в жене единомышленника.

По тону мужа она сразу же поняла, о чем он хочет говорить с ней. Дунья понимала, что если не сейчас, то когда-нибудь потом этот разговор все равно должен состояться, понимала, что в дальнейшем их жизнь может пойти совсем по другому руслу, и вполне может стать, не обойдется и без больших потерь.

Дунья и раньше не раз видела, как Хасар пытается поговорить с ней серьезно. Она боялась этого разговора, потому что знала, что речь пойдет не только о ней одной, но и обо всей семье, знала она и мнение семьи на этот счет, и оно было не в ее пользу, потому что в этом вопросе вся семья была на стороне Хасара. Она всячески избегала этого разговора. И даже когда казалось, что разговора не избежать, на помощь ей приходила женская интуиция, и тогда ей удавалось уйти от трудного разговора. Но и Аннов все больше привязывал ее к себе, втянув в свою предпринимательскую деятельность и обещая скорые большие прибыли, притягивал своим вниманием и нежным обращением. Он делал все для того, чтобы она в любом месте чувствовала себя состоятельным и достойным уважения человеком, могла гордиться этим. Главное, ей такая жизнь нравилась, это и было причиной напряженности в семье. Свою сегодняшнюю жизнь бизнес-леди Дунья зачастую сравнивала с тогдашней, когда она училась в Ленинграде, и рядом с ней постоянно был Хасар, окружавший ее своей любовью и заботой, которой она так жаждала тогда. В те дни она была одухотворена и с радостью принимала свою женскую долю. Верила, что так будет всегда. Но сегодня волны подхватили лодку ее жизни и, оторвав от одного берега, стремительно уносили в неизвестном направлении.

Давая понять, что слова Хасара задели ее, Дунья произнесла обиженным тоном:

– Знаешь что, Хасар? Вот ты говоришь, что со мной что-то происходит, – подумав немного, она продолжила в том же тоне, – и я пытаюсь понять, что ты имеешь в виду. А может, все вовсе не так, как думаешь ты?

- Возможно.

- Сам ведь видишь, как сегодня живут многие некогда обеспеченные семьи, тысячи людей оказались не у дел и живут на грани нищеты, даже не живут, а выживают.

Она хотела сказать: вот и мы одна из таких семей.

– Ваших зарплат ни на что не хватает, это пустые деньги. Вот уже много лет мы, даже если что-то покупаем детям, себе ничего позволить не можем, ходим в обносках. Почему же мы не должны воспользоваться шансом, данным семье, чтобы твердо встать на ноги? Люди ищут, да не могут найти такой выход.

Хасар не мог согласиться с тем, как Дунья, пытаясь доказать свою правоту, всех под одну гребенку стала чесать.

– В каком таком безвыходном положении ты оказалась?

Не соглашаясь с мнением Дуньи об упавшем уровне жизни семьи, Хасар недовольным тоном перебил жену. Пусть она не говорила об этом открыто, но в самих словах ее таилось обидное для него значение, она как бы настаивала на том, что семья стала жить много хуже прежнего. Но Дунья с присущим женщинам упрямством продолжала стоять на своем, пытаясь доказать собственную правоту.

– Признайся, Хасар, мы живем не настолько хорошо, как бы нам хотелось! Смотри, у нас выходит по поговорке: «Пока здоровый надумает, сумасшедший женит сына дважды». Пока это государство разберется, что к чему, шустрые иностранцы да новые туркменские олигархи разберут его по кирпичикам. В руках этих богачей мы постепенно превращаемся в рабов. Да оглянись же ты, наконец, по сторонам! Ты видишь, чем вынуждены заниматься люди ради куска хлеба? Если помнишь, я тебе говорила про женщину, которую встретила во время последней поездки в Стамбул. Она сама рассказала мне о пережитом. В поисках работы она отправилась в Турцию и попала в одно из тамошних селений. Так вот, эта Айнахала и коров доила, и стирала, и убирала, и за детьми присматривала. Хозяин, при желании, мог ее и в постель к себе затащить. Она попыталась вырваться из этого плена, но ей не отдавали документов, не заплатили за работу. Хорошо еще на помощь пришла хозяйка, приревновавшая ее к мужу, она и помогла ей с деньгами на обратную дорогу. Посмотри, сколько наших женщин вот так

же мотаются по миру в поисках хлеба насущного, в рабство попадают, вырваться не могут, терпят насилие и унижение. Эта женщина рассказывала мне, что таких мучениц много...

Хасару не понравилось, что Дунья уводит разговор от главного. Ему хотелось вернуть разговор в прежнее русло и говорить о том, что наболело. Но и Дунья, интуитивно чувствуя это, изо всех сил старалась не допустить такого диалога. И когда она дошла до этого места своего сбивчивого рассказа, Хасар недовольно нахмурил брови и перебил ее:

– Дунья, ты хоть не говори о независимости, не трогай ты ее! Не каждому дано понять ее истинной ценности для народа, для его свободной жизни. К сожалению, пока что большинство воспринимает новый строй как возможность личного обогащения. Еще раз повторяю: тебе не стоит клеветать на независимость, на нашу свободу, потому что ты еще не доросла до понимания этой великой идеи. Сейчас ты сама себе противоречишь. Ведь если бы мы не обрели независимости, кто бы вам сейчас позволил распоряжаться государственным имуществом, делить его между собой?! В прежние времена вас с начальником как нарушителей закона давно бы упрятали за решетку. Да и капиталистическое общество далеко не то, как понимают его наши, считая, что им все дозволено, что надо все грести под себя, любой ценой, даже идя по трупам, короче, только о собственной выгоде заботясь, а народ пусть живет, как может. Эти люди считают себя умнее других, выше других, чувство превосходства над другими преобладает в них. Мы при другом строе выросли, поэтому нам трудно понять многое, мы не в состоянии осмыслить мир капитала, хотя и кажется, что нам все понятно. И все же главной целью капиталистов не должно быть единоличное обогащение за счет обнищания масс и подчинения их себе. Так что, если при этой жизни не отыщется личности, способной обогреть всех, обязательно появится еще один Ленин и снова перевернет мир.

А нынешние трудности естественны, потому что древняя страна встала на новый путь развития и пока что делает первые шаги. Она похожа на ребенка, еще не научившегося ходить, поэтому спотыкается, падает, но затем встает на ноги и упорно идет вперед. Трудности, конечно, есть, а как же без них? А когда их не было? Отделившись от СССР, наше государство должно постепенно обустроиваться, это как молодая семья, вылетевшая из родительского гнезда. Вот увидишь, встанет она твердо на ноги, окрепнет, и тогда все расставит по местам и догонит развитые государства с рыночной экономикой...

Разозлившись, что Хасар растолковал ее слова не так, как хотелось ей, Дунья привела пример из жизни своей семьи, которая была близка им обоим, веря, что этим примером ей удастся загнать мужа в угол. Напирая на него, она заговорила с еще большим пылом:

– Посмотри, кем стал наш сын, какой у него высокий чин военного! Редкий для нашей страны летчик. Он мог бы быть министром обороны. Но ты сам видишь, его даже замом не поставили, хотя и выдвигали на эту должность. Я слышала, что на это место поставили сыночка какого-то состоятельного человека.

– А ты откуда это знаешь?

– А что здесь такого, чтобы не знать? Сегодня сделаешь что-нибудь такое, и завтра же об этом будут знать все.

– Не спеши, если твой сын заслуживает, то рано или поздно его оценят по достоинству! А разве сейчас у него низкая должность? Целая часть в подчинении. Прежде времени удостоился звания полковника. Одним из двух первых в стране получил звание Заслуженного летчика Туркменистана, и это тоже твой сын! – Хасар сделал злое лицо, показывая, что он все равно не согласен с выводами Дунья.

– Назначили, – упрямо продолжила Дунья. – Если бы мы своевременно подсуетились, повидали бы нужных людей и сунули, кому следует взятку...

– У тебя все сводится к знакомству и деньгам.

– А разве без этого сейчас можно чего-то добиться? Понятие рыночной экономики означает, что все выставляется на рынок и имеет цену. Без денег на этом рынке вообще нечего делать. И долю твою отнимут, и имущество твое поделят меж собой. Не зря же поэт говорил: «Помимо бед других терпеть труднее всего нищету». Посмотри, вон внуки уже подрастают. Попробуй сегодня выучить их без денег, даже если они семи пядей во лбу!

– Что ж ты все в черном цвете рисуешь!

Хасару не понравилось, что Дунья представляет себя спасительницей прежде состоятельной, но теперь якобы гибнущей семьи. Разговаривая, она все больше возбуждалась и напирала на него, он слышал в ее речи упрек: «Ты, хоть и мужчина, но не в состоянии как следует обеспечить семью. Уж коли отдал бразды правления в руки жены, будь добр, терпи и не высовывайся!» Он чувствовал, что, устраивая истерику, она пытается скрыть от него какие-то свои неблагоприятные поступки, обелить себя, поэтому и закатила ему скандал.

– Тебя, быть может, и устраивает такая жизнь, а меня – нет. Разве не сказано мудрецами «Вырви долю свою, даже если она в пасти льва»? Мне хочется быть среди богатых людей и жить так, как мне хочется, не отказывая себе ни в каких удовольствиях.

Обеспеченные люди не только живут, но и отдыхают иначе. Они с семьями выезжают в Италию, Анталию, отдыхают на Лазурном берегу, живут в фешенебельных отелях. А наши дети до сих пор, даже выезжая на море, вынуждены ютиться в той старой халупе.

Когда Дунья позволила себе пренебрежительно отозваться о дачном доме, построенном его отцом на берегу

моря для отдыха детей, Хасар снова не смог сдержать себя.

– Дунья, но раньше-то тебе там нравилось?

– А теперь в таких местах отдыхают только нищие, люди, не способные зарабатывать.

Хасара задело, что Дунья покусилась на семейную святыню, посмела презрительно отозваться о месте, напоминавшем ему родного отца и счастливые минуты отдыха с детьми.

– Прекрати, Дунья! – побледневший Хасар, сам того не замечая, изо всех сил махнул рукой и вскочил с места. – Тоже мне нашлась богачка, человеком стала, знаешь, что делать...

Хасар видел, что Дунья совершенно отдалилась от него, боязливо думал об этом, но верить в это все равно не хотел. Однако сейчас, слушая ее запальчивую речь, он лишний раз убедился в том, что остановить ее уже будет невозможно.

Поведение Дуньи, считавшей себя бизнес-леди, пугало Хасара, потому что сбывались его худшие опасения: занявшись предпринимательством, Дунья забросила свои обязанности матери и жены, она уже жила в ином мире и стала чужим человеком.

Хасар вдруг с удивлением и запоздалым раскаянием подумал: как же я мог допустить все это и оказаться в таком незавидном положении? Разве я думал, что все так обернется, а теперь посмотри, вон с какой она стороны зашла. Что мне тогда стоило возразить ей, когда она спрашивала совета, идти ей на работу или нет? Надо было тогда сказать: сиди дома, занимайся внуками. Именно тогда мне надо было проявить твердость характера и настоять на своем, тем более, что она и сама колебалась. Но разве мог я подумать, что женщина далеко не первой молодости, а тем более Дунья, может так перемениться! Но это стало реальностью. Теперь это не прежняя Дунья, гордая и счастливая, любящая дочь и мать, добрая бабушка своих любимых внуков.

... Говорил же Арслан тогда: «Папа, разве маме так необходимо работать?» Похоже, он лучше меня знал свою

мать, понимал, что она может перемениться. Но самое грустное заключается в том, что мы изо всех сил стараемся изображать дружную семью и не показывать людям виду, хотя они уже давно видят и знают, как Дунья изменилась и отдалилась от нас, а мы покрываем ее недостойное поведение. А ведь о нем уже известно и Арслану, и невестке, думаю, что и мама догадалась, я ведь видел, какой растерянной она была, когда уезжала...

Прожив вместе более тридцати лет, до сего дня ни Дунья, ни Хасар ни разу грубого слова друг другу не сказали. Конечно, как и в любой семье, между супругами бывали разногласия, как без этого? Но их ссоры никогда не были долгими, семейный конфликт не перерастал во вражду, потому что они любили друг друга, а потому все друг другу прощали. И вскоре Дунья снова начинала смотреть в окно и с нетерпением ждать возвращения Хасара с работы. А когда он приходил, прямо у порога кидалась ему на шею, обнимала. Для того, чтобы забыть все обиды, им было достаточно обнять друг друга.

Когда Дунья начала препираться с Хасаром, у нее возникло чувство, будто за ее спиной стоит Аннов, готовый в любую минуту поддержать и защитить ее.

Ободряющий облик Аннова, возникший перед ее мысленным взором, еще больше распалил Дунью и подлил масла в огонь ее непримиримости с Хасаром. В конце концов, она сама устала от собственного скандала, ей больше не хотелось разговаривать с Хасаром и что-то ему доказывать. Чтобы как-то закончить этот разговор и остаться при своем мнении, Дунья сделала обиженный вид и заплакала.

– Хоть не приходи в этот проклятый дом! Ведь специально пораньше пришла сегодня, чтобы спокойно отдохнуть, и вот тебе, выслушивай... – она дернулась и ушла в спальню. Громко захлопнула дверь, давая понять мужу: «Я ни видеть тебя, ни слышать не хочу!»

После этой выходки жены Хасар понял, что у них с Дуньей не то что душевного, но и вовсе никакого разговора не получится. Потому что то, что он услышал, со всей очевидностью показало, что Дуня уже не представляет себе жизни без бизнеса, без Аннова, что какая-то неведомая сила тянет ее в ту сторону. Ее поведение полностью утвердило Хасара в его пугающей мысли: "Неужели же я потерял Дунью?"

Конечно, разговор хоть и непонятным казался, на самом деле был предельно ясен. Собственно, в нем не было ничего непонятного, никаких секретов он не таил. Своим высказыванием Дуня показала, что теперь ее совершенно не интересуют ни ее дом, ни ее прежняя жизнь.

Хасар долго думал, но все никак не мог понять, как такое вообще могло случиться, да еще за столь короткий срок. Разве можно так быстро все с ног на голову поставить?

Сейчас у Хасара было единственное желание, чтобы все это оказалось дурным сном, чтобы после пробуждения к нему вернулась прежняя жизнь – добропорядочная Дуня, хранительница семейного очага, любящая жена и мать.

Однако это был не сон, все происходило наяву – и этот поворот судьбы, и эта сломанная жизнь, и это растущее с каждым днем напряжение.

После ухода плачущей и недовольной Дуни Хасар еще какое-то время сидел в комнате, предаваясь тяжелым мыслям. Он понял, наконец, что случилось непоправимое. Несмотря на присутствие Дуни в доме, Хасару впервые не захотелось идти к ней. Он прошел в соседнюю комнату.

* * *

После вчерашнего разговора у Хасара пропало всякое желание остаться в этом доме. Сейчас квартира, прежде казавшаяся слишком просторной для них двоих, стала для него тесной, холодной и неприветливой, как тюремные стены.

Ему хотелось уйти, куда глаза глядят, подальше от этого дома. Утром каждый из них проснулся в своей постели. Похоже, обоим было ясно, что между ними состоялся окончательный разговор.

Вчерашний разговор задел Дунью за живое, она была обижена и недовольна непониманием со стороны мужа, который не пошел ей навстречу, напротив, все время возражал и в чем-то упрекал ее, поэтому сегодня утром она встала ни свет, ни заря, быстро оделась и ушла. Хасар только увидел силуэт ее удаляющейся фигуры и понял, как она раздражена. «Что ж, ушла, так ушла... хвостом вильнув...»

Теперь уж точно в этом доме нечего делать.

Выпив по привычке утреннюю пиалу горячего чая с медом, Хасар не спеша собрал одежду, постоял немного, вспоминая, что еще из вещей ему может понадобится, находил их и аккуратно укладывал в два чемодана. Перелистав семейный альбом, вынул оттуда фотографии детей и внуков, и в самом конце снял со стены увеличенное фото в рамке, на котором он был изображен вместе с Дуньей, отрезал ту сторону, на которой был он сам, а вторую часть, бросил на диван. Отнесся в машину и разместив в ней свой багаж, он снова вернулся домой. Осмотрел все вокруг, проверил все краны и задвижки, чтобы не случилось протечки или пожара, убедившись, что все в порядке, еще раз окинул печальным взглядом свой дом. Какое-то время сидел в расстроенных чувствах.

Он чувствовал, что какая-то сила пытается удержать его, и не совсем понимал, что это за сила, но точно знал, что не любовь и привязанность Дуньи. Раньше Дунья была для него притягательной силой, она тянула его домой, затем в разные времена к ней присоединились дети и внуки, семья с каждым годом разрасталась, жизнь становилась слаще, интересней, а дом – желанным приютом.

Встав с места, Хасар никак не мог расстаться с домом, долго стоял, озираясь по сторонам. Когда же в голову пришла

мысль, что вот сейчас расстанется с детьми и внуками, губы его невольно дрогнули, будто он только теперь осознал всю тяжесть своего положения. Хасар представил, с какой ненавистью смотрит на него Дунья, будто он должен ей и не хочет рассчитаться с долгом. Подумав о том, что сейчас в последний раз запирает дверь своего дома, Хасар гнал от себя эту мысль, потому что ему казалось, что через некоторое время он снова вернется сюда.

Хасар оставил на столе коротенькую записку для Дуньи. Дунья, я ухожу.

Я пока еще не знаю, как буду жить вдали от детей и внуков. Только знаю, что скучать по ним буду очень сильно. Но после вчерашнего разговора мне стало понятно, что ты давно уже отвернулась от меня, хотя я от тебя и не отказывался. Теперь у меня нет никакой необходимости оставаться здесь, и смысла в этом я тоже не вижу. Сколько лет мы прожили в мире и согласии, на зависть всем были дружной семьей, достойной семьей. Видно, судьбой так предначертано... Дети как-нибудь сами решат, что им делать, об одном лишь переживаю: как бы твое нынешнее не совсем пристойное поведение не обернулось большой бедой для семьи. Я благодарен тебе за детей, за вместе прожитые счастливые годы. И ты на меня не обижайся!

Хасар.

Подойдя к машине с сумкой на плече, Хасар увидел, как только что взошедшее солнце, поднимаясь все выше, ослепляет его блеском лучей, расходящихся от солнечного диска, как от золотого слитка. Наступление осени чувствовалось по прохладному, пронизанному влагой воздуху. Выныривая из-за деревьев и домов, холодный ветер шершавыми ладонями гладил лицо и руки.

Хасар сел в машину и поехал в отчий дом Дуньи, чтобы попрощаться с семьей. Представил, как внуки окружают его и будут жаться к нему, как это делали обычно. При мысли о расставании с ними сердце больно защемило.

На его счастье, внуки, невестка и теща были дома. Из тех, кого он хотел бы видеть, здесь не было только сына Арслана и замужней дочери с детьми. Он знал, что Арслан уезжает на работу рано, потому что уже много времени занимался решением каких-то служебных проблем.

Стараясь не показывать своего настроения и внутренних переживаний, Хасар шумно общался с внуками, любуясь ими и наслаждаясь их детской болтовней. Выпил настоящий под колпаком чай, который подала теща. Между делом сообщил, что его переводят на работу в Балкан, таким образом, объяснив причину своего срочного отъезда.

Старухе этот разговор не понравился. Она догадывалась, что дело не в работе, что за всем этим кроется что-то другое. Теща смотрела на Хасара грустными глазами, слезы сами наворачивались на глаза. Ее уже давно не устраивало поведение Дуньи, она постоянно думала об этом и переживала. Мать поняла, что причиной отъезда Хасара является не работа, как он пытается ей внушить, а ее дочь Дунья. Слеза покатилась по щеке женщины.

– Семейю тоже забираешь?

– Нет, я один еду.

– Но у меня никого, кроме вас, нет, сынок... Ты стал мне сыном, давшим счастливую жизнь. Как же я радовалась вашему счастью! – Женщина не удержалась, снова расплакалась и стала вытирать слезы концом головного платка.

Хасар понял, что мать жены уже давно обо всем знает. Он подумал, что Дунья могла прийти к матери и все ей рассказать, или же сделать это по телефону.

Вместе с внуками она проводила Хасара до самой машины.

– Ты только не пропадай, дети будут тосковать без тебя, – сказала она, давая понять, что всегда была довольна своим зятем. Да, материнское сердце не обманешь, она уже давно поняла, какая большая беда пришла в этот дом.

Хасар крепко обнял и расцеловал каждого из внуков, так он делал всегда, отправляясь в долгую поездку. Затем сел за руль машины и стал удаляться от самых дорогих на свете людей, которые провожали его, маша ему вслед руками. Покружив по городским улицам, он выехал на окружную дорогу и направил машину в сторону Балкана. Некоторое время вел машину на небольшой скорости, когда же пошли городские окраины, остановился на возвышенности, чтобы проститься с Ашхабадом. Выйдя из машины, глядел на оставшийся позади Ашхабад и с грустью вспоминал лучшие дни своей жизни, прощался с городом, из которого вынужден был уезжать в такой спешке. Ашхабад казался ему еще красивее и роднее. Ему так хотелось удержать эту отказавшуюся от него жизнь, ухватиться хотя бы за ее краешек, как тонущий хватается за соломинку...

Но что делать – против судьбы не поперешь, а у нее свои игры, вон в какой водоворот бросила она его! И в каком месте он теперь выплывет, одному Богу известно. Разве может человек знать заранее, где потеряет, а где найдет?!

И как теперь люди будут на него смотреть, ведь он как воин поверженной армии вернется с поникшей головой? Но кто бы то ни было и как ни смотрел на него, мать его будет искренне радоваться возвращению сына домой, пусть даже переживая за то, что он разлучился с детьми и внуками, что потерял семью. Море также обрадуется ему. Оно радостно встретит его, готовое вновь обнять и ласкать его водами своими. И Хасар снова поверит, что его мечты вновь оказались на гребне волн.

Когда Хасар распрощался с Ашхабадом и тронулся в путь, солнце уже было в зените. Проехав какое-то расстояние, Хасар на одном из поворотов обернулся и увидел, что солнце не оставая, мчится вслед за его машиной и догоняет ее.

– Вай, подруга, почему ты раньше не сказала мне об этом!– Дунья показалось, что в словах звонившей Гулендам звучат некоторое недовольство и даже упрек.

Поначалу Дунья никак не могла понять, о чем она не сказала подруге и о чем умолчала, тщетно пыталась припомнить. Сегодня она совсем не ждала звонка от Гулендам. Они только вчера договорились по телефону, что в грядущую субботу встретятся и сходят в сауну, обмажутся медом и от души попарятся в баньке. Поэтому этот неожиданный звонок и недовольный тон подруги сбили Дунью с толку. Она так и не смогла вспомнить, о чем идет речь, поэтому вынуждена была обратиться к той со встречным вопросом.

– Слушай, ты о чем говоришь, чего такого я не сказала тебе, что ты так разошлась?

– Ладно тебе, не притворяйся непонимающей, Дунья Айназаровна! Это не телефонный разговор. Давай, сегодня где-нибудь вместе пообедаем. У тебя найдется немного времени?

– Найдется.

– Тогда договорились. Рядом с моей работой есть тихое кафе, там и встретимся. Я позвоню туда и закажу столик, а ты подходи, лады?

В обеденное время подруги уже сидели за накрытым столом и оживленно беседовали. Гулендам заговорила первой:

– Послушай, подруга, твой муж не простой военный врач, как ты говорила мне, он оказался классным хирургом! Почему не познакомила нас раньше, боялась, что я отобью у тебя мужа?! – весело пошутила она.

Гулендам с благодарностью вспомнила, как Хасар блестяще прооперировал сына ее брата и вытащил его с того света.

Дунья никак не могла понять, что же хочет сказать ее подруга, она размышляла, о чем может пойти речь, если та в разговоре все время упоминает Хасара. Не перебивая, молча слушала Гулендам. Когда та стала нахваливать Хасара, Дунья сложила на краю тарелки вилку и нож, при помощи которых отрезала кусочки мяса, и прекратила есть, взяла наполовину опустошенный стакан с соком, поднесла его к губам и потихоньку цедила его, пытаясь вникнуть в суть разговора подруги.

Упоминание имени Хасара заставило ее вспомнить состоявшийся на прошлой неделе разговор, но сейчас она меньше всего хотела бы вспоминать о нем. В отъезде Хасара семья винила одну лишь Дунью, которая, желая жить не так, как прежде, изменила свое отношение к мужу. Сын не разговаривал с ней и отворачивался от нее при встрече. Мать впервые за всю жизнь прокляла родную дочь: «Ах ты, сучка, лучше бы ты в детстве умерла от кори, скарлатины или еще какой болезни, только бы не знать сегодняшнего позора!» Старая женщина плакала от горя, для нее некогда счастливый дом превратился в сущий ад.

Когда Гулендам спросила: «Почему ты мне не сказала?», Дунья подумала, что она именно их ссору имеет в виду. «Неужели она уже прослышала о нашем скандале? Как быстро разлетаются дурные вести! Нам-то казалось, что об этом никто, кроме нас, не знает, а уже всем известно о нашем семейном кризисе. И эта встала на сторону Хасара, потому что он прооперировал и поставил на ноги ее племянника». Ударившись в воспоминания, Гулендам рассказала, как при помощи знакомого врача хотела отблагодарить Хасара, вручив ему конверт с деньгами, и как тот при виде денег отпрянул словно испуганный конь, что она ушла оттуда обиженная и недоумевающая.

– Оказалось, бедняга неспроста так перепугался при виде конверта. Мне об этом рассказал знакомый врач, когда

я вернулась в расстроенных чувствах от хирурга, который не захотел принять моей благодарности. Оказывается, его оклеветали, обвинив в том, что он принял взятку! В те дни его без конца таскали к следователю, чтобы заставить признаться в том, чего он не делал. А тут еще я со своей благодарностью некстати подвернулась. Обжегшись на молоке, человек дует на воду, это понятно всякому. – Дойдя до этого места, Гулендам снова недовольно посмотрела на Дунья. – Почему ты не сказала мне, что твоего мужа так третируют! – Дунья пожала плечами и постаралась улыбнуться, но на лице вместо улыбки проступила болезненная гримаса, она не могла смотреть в лицо подруги, прятала от нее глаза. То, о чем она должна была бы знать раньше других, она узнала сейчас, да еще от постороннего человека.

– А я рассказала о случившемся Гарабашову, сказала, что на такого хорошего доктора клеветают, обвиняют во взяточничестве. Ему не понравилось преследование порядочного человека, и он сразу же позвонил Генеральному прокурору и приказал: «Оставьте этого человека в покое и не смейте больше никакого следователя к нему подсылать!» Наутро Генеральный прокурор сам позвонил ему и доложил: «Яшули, вы оказались правы, я уже разобрался и со следователем и с его начальником!»

У Дуньи и так-то не было особого аппетита, она только делала вид, что ест, ковыряясь в поданном блюде, а после рассказа подруги желание есть пропало совсем.

Она размышляла над тем, как должно быть тяжело Хасару пережить свалившиеся на него беды: мало того, что она ему устроила, так еще и неприятности на работе. Она вдруг поймала себя на мысли, что сейчас воспринимает проблемы мужа не так остро, как в прежние времена, что и рассказ подруги выслушала спокойно, словно речь шла не о близком ей, а о постороннем человеке.

В последних словах Гулендам звучало удовлетворение: «Хоть доктор и не принял моей благодарности, я

другим способом отблагодарила его за его доброту!» Чувствовалось, как она гордится своим поступком.

Пообедав, подруги еще какое-то время сидели за чашкой кофе.

Пока они болтали, Дунья не раз думала о том, что ее муж, разочаровавшись в ней, покинул дом и работу и уехал, но вслух об этом не стала говорить, словно надеялась сохранить это втайне от подруги.

* * *

После спешного отъезда Хасара в родные пенаты – в Красноводск – прошло больше месяца. Однажды Дунья, возвращаясь из дома с обеденного перерыва, зашла на близлежащий рынок и у самых ворот лицом к лицу столкнулась со старыми знакомыми – дядей Каковым и его женой Джахан. Они выходили с рынка с полными сумками и пакетами. Старые знакомые остановились и на ходу стали расспрашивать друг друга о делах. Говорили в основном Дунья и Джахан. Каков нехотя ответил на приветствие Дуньи и отошел в сторонку. Стоял, продолжая держать сумки на весу и тем самым рассчитывая на быстрое завершение разговора женщин. В затянувшемся ожидании недовольно думал: «Ну, сколько можно болтать!» – и требовательно смотрел на жену.

Дунья понимала, отчего ее дядя, всегда такой приветливый и внимательный, сейчас сторонится ее. Прослышав о семейных неладах, Каков первым пришел к ним, надеясь как-то примирить супругов и погасить конфликт. Он даже пытался внушить Дунье, что она должна отказаться от своей работы, если та негативно сказывается на семейной жизни, и даже потребовал от нее этого.

Но Дунья, которая уже давно пребывала во власти ожидаемого безразмерного капитала, лишь ответила: «Поздно уже!..» Задумавшись об известных только ей одной обстоятельствах своей работы, она поняла, что не очень-то

и жалеет о распаде своей семьи, а потому не вняла словам дяди, не пошла на примирение с мужем.

Каков тогда сильно обиделся на Дунью. Хорошо зная Хасара, понимал, что причиной всех бед семьи стала его племянница. И вот уже почти два месяца Каков не переступал порога их дома, хотя до того чуть ли не каждую неделю навещал ее мать и справлялся об ее здоровье, любил поболтать с ней за пиалой чая. Он даже не отозвался на приглашение по случаю садака, которое они устраивали в день памяти отца. Вернее, ноги Какова отказывались идти в этот дом. А ведь прежде он раньше других приходил в дом, если там устраивались какие-либо мероприятия, торжества, и уходил последним.

Рынок был неподалеку от дома, поэтому Дунья пригласила старых знакомых зайти к ней, передохнуть, выпить чаю, однако те, сославшись на неотложные дела, вежливо отказались, пообещав зайти в другой раз.

Пройдя немного, Дунья обернулась и увидела, как ее родственники, отойдя на некоторое расстояние, поставили свои сумки и пакеты на землю и, глядя друг другу в лицо и размахивая руками, что-то бурно обсуждают. Не слыша их голосов, Дунья догадалась, что говорят они именно о ней. Ну, о ком же еще можно говорить так горячо, да еще на улице!

С Ы Н

На следующее утро после приезда к матери в Краснодарск Хасар одевался, чтобы прогуляться к морю, но тут раздались частые телефонные звонки, и было в них что-то тревожное. В трубке он услышал знакомый голос, который сейчас звучал глухо и озабоченно.

– Отец, это ты?

– Да!

– Здравствуй, отец! Как бабушка? Как дядя, как дети его, семья?

– Все хорошо. А ты что так рано звонишь, ничего не случилось?

Накануне отъезда Хасара младший внук заболел и уже несколько дней ему делали уколы. Поэтому, услышав междугородний звонок, Хасар первым делом подумал о внуке и встревожился из-за него: «Уж не случилось ли чего с малышом?» По голосу отца Арслан понял, что тот испугался из-за внука и постарался успокоить его, сообщив, что мальчику уже лучше, что он звонит не из-за него.

– Отец, что же вы так неожиданно уехали? – тихим голосом спросил он у Хасара.

– Да... – только и сказал Хасар.

– Я был на работе... Вечером спрашиваю у бабушки, не приходил ли отец, а она заплакала и рассказала все...

– Мне пришлось так поступить, сынок!

Эти слова он выдавил из себя с трудом, рассчитывая на понимание со стороны сына.

– Ну, да, – Арслан тоже не знал, что еще сказать, он только тяжело вздохнул. Помолчал немного, потом добавил: – Отец, я приеду навестить вас!

– Не беспокойся. Если я и уехал из дома, это вовсе не означает моего отказа от вас, сынок. Да я без вас жизни своей не представляю...

– Я приеду, папа... – давая понять, что тогда и поговорим, Арслан коротко распрощался с отцом.

Прохаживаясь по берегу моря, Хасар думал о звонке сына, в ушах его все еще звучал грустный голос Арслана.

А вечером над морем сгустился темно-серый туман. Сейчас оно было похоже на стоящий на костре гигантский котел, из которого валит густой пар. Временами со стороны рыбокомбината доносился знакомый глухой гудок рыбацкой лодки. В такие туманные дни сейнеры из предосторожности включали фары, как это делают автомобили, двигаясь в темноте.

Укрытое дымкой тумана море казалось тоскливым и даже каким-то обиженным. Сейчас большинство волн, проведя бурную ночь, успокоилось и поутихло, съежившись под завесой тумана.

Услышав гудок сейнера, Хасар представил отплывающий от берега в дымке тумана белый пароход. За спиной у подножия горы раскинулся еще толком не проснувшийся город, он казался накинутым на себя вуаль и едва просматривался сквозь туманное покрывало. Этот берег, известный горожанам как кладбище погибших судов, был излюбленным местом детских игр Хасара.

На этом пустынном и тоскливом месте нашли последний приют вышедшие из строя, проржавевшие и развалившиеся на части большие и малые суда с выцветшими от времени красками.

В те дни Хасар и его товарищи постоянно бегали сюда, они залезали на одно из этих брошенных судов и воображали себя морскими капитанами. Верили, что приплыли издалека и пришвартовались к родным берегам.

Приезжая на каникулы в годы студенчества, он бросал свои вещи, здоровался с родными и сразу же спешил к любимому берегу моря. Не понимая причин такой привязанности, он чувствовал, что какая-то неведомая сила тянет его к этому берегу.

После женитьбы он сразу же привез Дунью сюда, чтобы сводить ее в любимое место и приобщить к морю. Любуясь, как она, похожая на русалку, весело плавает рядом с ним, он думал о том, что все, что соприкасается с морем, обретает особую красоту и смысл, гордился этим.

Еще больше полюбил он море после того, как подросли дети, с которыми они стали приезжать сюда на отдых. В те дни Дунья напоминала утку, ведущую свой выводок к воде, чтобы обучить детей плаванию.

В последний раз Хасар приезжал сюда этим летом с двумя внуками – сыновьями Арслана – и провел с ними здесь две недели.

Дойдя до «кладбища судов», Хасар остановился и задержал взгляд на судне, которое стояло прямо перед ним. Это судно с облупившейся краской стояло здесь очень давно. Глядя на него, Хасар представлял, как бороздило оно морские просторы в то счастливое время, когда оно еще было полно сил. Он стоял и смотрел, как серые от тумана волны набегает на берег.

Почему-то именно это величественное судно, несмотря на присутствие здесь и других судов, казалось Хасару выделяющимся среди всех остальных своим одиночеством.

Часть волн, мечущихся между судами и бьющихся об их борта, отливала серебристым блеском и казалась замутненной.

Отойдя от берега на приличное расстояние, Хасар обернулся и увидел, что одинокое судно, став миражом и окруженное дымкой тумана, плывет следом за ним.

Погруженный в мысли о семье Хасар бродил по знакомым с детства улицам города и все еще не мог поверить, что счастливая пора его жизни осталась позади, и он вернулся обратно, в отчий дом. В его голове роились смутные мысли, ему казалось, что он приехал сюда на отдых, что погостит немного и вернется обратно, в прежнюю

жизнь. Но потом мысли его текли в другом направлении, и он начинал думать, что навсегда прибил к этому берегу, как те погибшие суда, что навсегда бросили здесь якорь и обрели вечный покой. Мать и брат, как самые родные люди, сразу же поняли, что с ним случилось. Мать, конечно, переживала за сына, который оказался в таком трудном положении, но и радовалась тому, что отныне ее ненаглядный сын будет находиться у нее на глазах, что она не будет разлучаться с ним.

Конечно, даже родным людям непросто общаться с человеком, у которого ранена душа, трудно подбирать слова, потому что не желаешь ненароком причинить ему еще большую боль. Младший брат Хасара, который так же сильно, как и мать, переживал за него и сочувствовал ему, старался не касаться больной темы и вел себя как обычно.

Однако Хасар, несмотря на заботу и старания матери и брата, чувствовал себя здесь неуютно, ночи не спал, тоскуя по прошлой жизни, по детям своим и внукам, которые все время стояли перед его глазами.

А с другой стороны, не давало покоя его положение безработного. И потому казалось, что его жизнь не становится лучше, напротив, она день ото дня ухудшается. И лишь возле моря душа его немного успокаивалась. Наблюдая за порхающими чайками, за движущимися судами, он безмолвно разговаривал с морем.

В такие минуты он, хоть и ненадолго, но верил, что находится не в чужом месте, а у себя дома, среди членов своей семьи.

... Дома вся семья в сборе. Невестка снует по дому и, как обычно, заставляет расстеленный на полу сачак всевозможными блюдами. Как всегда в такие минуты, Хасар с тещей и внуками, полулежа, смотрит телевизор. Внуки подходят то к прабабушке, то к деду, о чем-то спрашивают, что-то просят, радостно щебечут, обращаясь к матери,

которая носит еду, мешают ей, а она иногда покрикивает на них, словом, все происходит так, как всегда.

- А ну-ка, несите тарелку Сердарджана к бабушке, он будет возле бабушки кушать, – любовно произносит прабабушка, вставая на защиту малыша. Дуньи нет, но ее голос доносится из кухни. Она там распоряжается, раскладывает еду, хозяйничает. Позже всех приходит Арслан. Семья рассаживается вокруг сачака.

Теперь Хасар только во сне видел такие картинки из прошлой семейной жизни, о которой так тосковал.

Очнувшись от грустных мыслей о разлуке с домом и семьей, он чувствовал себя униженным игроком, которого обвинили в плохой игре и вывели за пределы поля.

Зная, что избавиться от гнетущих мыслей можно только занявшись каким-то серьезным делом, Хасар, недолго думая, занялся поисками работы. Найти работу было делом непростым, он знал это, но, следуя русской поговорке «дома и стены помогают», верил, что уж в родном-то городе ему будет нетрудно найти работу.

Пару дней назад он начал поиски работы с центральной городской больницы. Ему сказали, что главврач больницы уехала в Ашхабад на совещание, но через пару дней вернется. Там он встретил нескольких знакомых врачей, переговорил с ними, разведал обстановку. Он выяснил, что главврачом больницы пару лет назад назначили женщину. В этой больнице Хасара хорошо знали и раньше. Прежде главным врачом больницы был старый еврей Яков Лазаревич Аким – человек, пользовавшийся большим уважением горожан. Он попал сюда в годы войны, привез раненых бойцов, да так и остался здесь.

Хасар знал это имя с детства, но близко познакомился с врачом будучи студентом медицинского института, когда из Ленинграда приехал домой на летние каникулы. Хотя и недолго, но находился рядом с этим опытным врачом

с острым подбородком, учился у него лечить больных, ухаживал за больными и зарабатывал немного денег на обратную дорогу. Хасар тогда пришелся по душе этому корифею медицины.

Пока Хасар учился в Ленинграде, Яков Лазаревич возлагал на него большие надежды, считал, что он должен учиться у опытных врачей и стать нужным людям хорошим специалистом, видел в Хасаре своего преемника.

Каждый раз при встрече старый врач расспрашивал Хасара о Ленинграде, говорил, как тоскует по родным местам, вспоминал счастливые годы учебы в том же вузе, где теперь посчастливилось учиться Хасару, и с некоторой завистью расспрашивал его о своей альма-матер.

Он намеревался после окончания учебы взять Хасара на работу и передать ему свой опыт и знания. Ему хотелось доверить свое место одному из местных парней вроде Хасара – уверенных в себе, способных набираться опыта и знаний – и стать хорошим врачом.

Но мечтам старого врача не суждено было сбыться, потому что судьба распорядилась иначе, и Хасар оказался совсем в другом месте. Со своим наставником Хасар встречался только во время отпусков, когда приезжал домой повидаться с родными.

Вот уже семь-восемь лет минуло, как старый Яков Лазаревич покинул этот свет. С тех пор в этой больнице главврачи менялись, как перчатки. В прошлый приезд Хасар узнал, что клинику вот уже немногим более года возглавляет женщина, прежде работавшая в одной из городских больниц.

Сегодня Хасар собирался пойти к этой женщине, чтобы решить вопрос с трудоустройством. Через знакомых выяснил, что там есть вакансии, поэтому был уверен, что его примут на работу.

Вчера вечером за ужином он сообщил о своем намерении с завтрашнего дня выйти на работу, но его младший брат,

словно не веря, что его могут взять на работу без протекции, предложил:

- Ага, в хякимлике есть знакомые ребята, занимающие ответственные посты, давай с кем-нибудь из них предварительно созвонимся. И потом, сейчас, когда так мало стало рабочих мест, устроиться на работу не так-то просто. – Ему хотелось помочь своему старшему брату.

Но Хасар не желал, чтобы его брат ради него кому-то звонил и просил за него.

- Разве я на руководящую должность буду проситься? – недовольно высказался он.

Хасар не торопясь одевался, когда мать увидела, что он собирается на работу, Вспомнив его вчерашний разговор с братом, озабочилась:

– Как дела, сынок?

– Хорошо.

– Ты что ж, даже не подождешь, пока Ходжа позвонит своему другу из хякимлика?

– Мне кажется, в этом нет необходимости. И потом я, нене, иду туда не за большой должностью, меня вполне устроит место рядового врача, – ему хотелось убедить мать в том, что звонить и устраивать ему протекцию нет никакой необходимости.

– Может, ты и прав, – нехотя согласилась мать.

Выйдя из дома, Хасар увидел, как солнце, похожее на нарядную молодую невестку-гелин, красиво поднимаясь над горой, разглядывает лежащий внизу город.

Он вспомнил, что его машина стоит в гараже. Но расстояние до больницы было небольшим, поэтому он решил пойти пешком, по пути обозревая город.

Сейчас улицы, обычно полные спешащего на работу народа, опустели.

Дующий с моря ветер был несильным, но неприятным, своим холодным дыханием он лизал лицо и руки, вызывал в теле дрожь.

Дойдя до стоящей в конце их улицы четырехэтажной гостиницы, повернул за угол и, не доходя до вокзала, повернул на север и спокойно пошел дальше. Проходя мимо гостиницы, он почувствовал доносящийся оттуда знакомый приятный запах кофе.

Хасар подумал, что неплохо бы утром перед работой выпить чашечку кофе, тем не менее, ему не захотелось сворачивать с пути и задерживаться.

Когда идешь в такое прохладное время, хорошо думается, кажется, что ты присоединяешься к этим пришедшим в голову мыслям и шагаешь вместе с ними.

Хасар с удовлетворением думал о том, что очень скоро приступит к работе, что сейчас работа станет для него спасением, потому что он будет чувствовать себя защищенным.

Неисповедимы пути Господни, а в жизни всякое бывает, дороги жизни и к хорошему выводят, но, бывает, и до плохого доводят, с неудачами сталкиваются. Вот уж точно сказано: «Много ходящие ноги могут и на дерьмо наступить»!

Предаваясь мыслям и пройдя еще немного, Хасар поверил, что жизнь снова повернется в сторону добра.

По собственному опыту он знал, что у любого руководителя с утра бывает много дел, связанных с приказами, подписями документов, встречами с деловыми партнерами, поэтому шел неспешным шагом, чтобы прийти на место именно тогда, когда руководитель освободится от суеты срочных дел.

Верил, что если будет идти вот таким медленным шагом, к месту придет как раз вовремя.

Войдя в кабинет главврача больницы, Хасар увидел сидящую за т-образным столом красивую женщину лет сорока - сорока пяти. Ее блестящие волосы были аккуратно собраны в пучок, в сверкающем белизной халате, надетом поверх нарядного платья, с искрящимся взором она была похожа на охапку красивых красных роз.

Увидев Хасара, сначала женщина вознамерилась встретить его сдержанно, как подобает начальству, не показать виду, но почему-то вдруг стала гладить лицо, шею, да так разволновалась, что потеряла дар речи. Она явно о чем-то думала, потому что пристально посмотрела на Хасара и занервничала еще больше.

Хасар заметил, что женщина, улыбнувшись при его появлении, вдруг прикусила левый угол нижней губы и спрятала его между зубами, словно желая взять свою улыбку обратно, стала серьезной. Когда она заговорила, в тоне женщины зазвучал непонятный упрек, замешанный на торжестве, как это бывает у всадников, чей конь опередил противника. Хасар никак не мог понять причины такой перемены, произошедшей в женщине на его глазах, ведь он впервые видел ее. Ему стало как-то не по себе.

Женщина, вовремя взяв себя в руки, вопросительно посмотрела на Хасара:

– Хасар-мугаллым, какими судьбами вы здесь? И только теперь Хасар догадался, что перед ним сидит одна из его бывших студенток.

– Да вот, судьба забросила меня сюда, так уж случилось...

– Хасар Мамметханович, похоже, вы не узнали меня? – едва заметно усмехнувшись, произнесла женщина, обращаясь к своему визави.

– Мне ваше лицо показалось знакомым.

– Конечно, ведь я одна из ваших многочисленных студенток, – говоря это, главврач, похоже, вспомнила свои студенческие годы, почему-то покраснела и снова разволновалась.

– Да, и такой период в моей жизни был, – Хасар вспомнил, что в ту пору, заочно учась в аспирантуре, пару лет преподавал в медицинском институте в Ашхабаде. Понял, что и эта женщина была его тогдашней подопечной.

** Мугаллым – учитель*

Вчера, вернувшись из Ашхабада, Тоты по пути домой заехала на работу, чтобы узнать, как идут дела. Ей сообщили, что заходил Хасар. Она тогда ушам своим не поверила, потому что знала понаслышке, что Хасар работал за границей и был на хорошем счету. Она была одной из тех женщин, кто, хоть и заочно, завидовал счастьем Дуньи. Тоты считала себя силками на земле, в то время как Хасар был недостижимым журавлем на небе. И вот сейчас ей стало ясно, что она так и не смогла забыть Хасара. При упоминании его имени перед ее мысленным взором тотчас же ожил статный смуглый кареглазый мужчина, читавший лекцию в актовом зале института. Это был Хасар.

Воспоминания, связанные с Хасаром, лишили ее покоя на всю ночь. Лежа с открытыми глазами, она успела вернуться в студенческую пору и мысленно сдавала экзамен Хасару, ревнуя его к девчонкам, которые жадно разглядывали его. Она успела снова влюбиться в него и гордилась им как своим земляком...

В те дни она призналась своим подругам по комнате в общежитии: «Девчонки, я, кажется, влюбилась в нашего преподавателя Хасара Мамметханова, места себе не нахожу, если не вижу его хотя бы один день. Знаю, у него есть симпатичная жена, и ребенок есть, а я все равно симпатизирую ему... Если бы только он позвал меня! Я бы последовала за ним без оглядки, как Джамиля за своим Данияром, я бы через все переступила. Но в жизни такое счастье выпадает редко, оно бывает только в книгах...» - жаловалась она.

В выходные дни, когда Хасара не было в институте, она не знала, куда себя деть. «Неужели я не встречу его?» — с этими мыслями она по нескольку раз на дню ходила на Текинский рынок якобы за продуктами, а сама бродила вокруг его дома, расположенного неподалеку.

** Герои повести Чингиза Айтматова «Джамиля»*

Подруги, видя, как она страдает от неразделенной любви, советовали ей:

– Послушай, если тебе так хочется любви, заведи себе какого-нибудь парня, разве мало парней, восхищенных твоей красотой, ради тебя готовых на все? Что, свет клином на Хасар-мугаллыме сошелся? Видишь же, что он не обращает на тебя никакого внимания, и не обратит, не надейся. Этот человек никого, кроме своей жены, не видит вокруг себя, ему никто не нужен, они любят друг друга и живут очень дружно. Так что не мучай себя понапрасну. – Они говорили так, зная, что от неразделенной любви люди иногда сходят с ума.

Но она упорно стояла на своем:

– Знаю, что женат, ну и пусть. Все равно никто и никогда не будет любить его так, как люблю его я. Я только о нем и думаю, он Огурджалинский, из племени дуеджи. Если бы женился на мне, я бы так ухаживала за ним, да еще нарожала бы ему чудесных дуеджиков, он бы от счастья на седьмом небе был и песни распевал. – Тоты призналась подругам, что не сможет отречься от своей любви.

А Хасар обращал на нее внимания не больше, чем на других студенток, кивком головы отвечал на приветствие, если же задавался вопрос, отвечал на него как преподаватель.

Как-то раз, приехав домой на каникулы, Тоты прослышала о том, что один из ее двоюродных братьев учился вместе с Хасаром в школе и был дружен с ним. Вернувшись на занятия после каникул, она передала Хасару привет от своего двоюродного брата в надежде на то, что он обратит на нее внимание, и у них начнутся более тесные отношения. Но и из этого ничего не вышло, дальше приветного дела не пошло.

Вспомнив какой-то эпизод из школьной жизни, Хасар радостно улыбнулся, горячо принял привет от своего одноклассника и попросил Тоты при случае и ему от него передать привет.

И снова надежды Тоты на Хасара не оправдались. Но она и не думала отступить.

Как-то раз, узнав о дате рождения Хасара, Тоты купила на рынке букет цветов и решила, во что бы то ни стало вручить его своему любимому преподавателю и поздравить с днем его рождения. Ей казалось, что, вручив букет, она намекнет Хасару, что и сама готова стать букетом и оказаться в его руках, и он обратит на нее внимание. Каждый день она стояла на его пути, если же шел дождь, пряталась под деревом, выжидая, когда пройдет Хасар.

Хасар жил неподалеку от места работы, а потому никогда не садился в общественный транспорт и шел на работу пешком.

Как и всегда, когда она вспоминала о Хасаре, Тоты и в этот раз снова вспомнила тот эпизод из своей студенческой жизни...

Как только Хасар оказался поблизости, она вышла из своего укрытия и пошла ему навстречу:

— Мугаллым, поздравляю вас с днем рождения! — с этими словами она протянула ему букет цветов. Она помнит, как растерялся от неожиданности преподаватель. Он сказал ей тогда:

— Тоты, вы ведь студентка, могли бы и не покупать такие дорогие цветы, а просто при встрече на словах поздравить меня с днем рождения. Мне бы и этого было достаточно,— он виновато улыбнулся, и вид у него был такой, словно он собирался вернуть букет обратно. Тоты до сих пор помнит, как пристально посмотрел он на нее тогда.

В любом случае, и этот эпизод ничего не изменил в их отношениях. Зато в душе юной девушки любовная страсть разгоралась с большей силой, она металась и не находила себе места. В тот год, приехав домой на каникулы, Тоты решила встретиться с Хасаром здесь, памятуя о том, что в это время он всегда вместе с семьей приезжает на отдых в

приморский город. Ей только надо было придумать какой-то повод для встречи.

В ожидании Хасара Тоты то и дело наведывалась в дом его матери и брата.

Она очень расстроилась, узнав, что на каникулы приедут только жена и дети, а сам Хасар приехать не сможет. Что-то помешало ему поехать в отпуск. Тоты подумала, что его не отпустили с работы, но потом выяснилось, что Хасара призвали на военную службу. И снова судьба распорядилась по-своему...

Начало нового учебного года ознаменовалось для Тоты неожиданным известием. Она узнала, что Хасар в качестве военврача служит где-то в России, что его жена и сынишка недавно уехали к нему.

Только теперь Тоты наконец-то поверила в то, что мечтам ее не суждено сбыться, что все ее старания были напрасными. Лишь одного она не могла понять: отчего судьба так жестоко обошлась с нею, толкнув ее в костер безнадежной любви?!

С тех студенческих лет Тоты практически не встречала Хасара, лишь лет десять-двенадцать назад мельком видела его на одной свадьбе в Красноводске. Он тогда на побывку домой приезжал. Рядом с Хасаром была Дунья, на голову ее была накинут легкий платок, как подобает невестке, находящейся в доме свекрови.

Она тогда с завистью и женской ревностью отметила про себя, что высокая и стройная Дунья под стать своему видному мужу, которому так шла военная форма. Очень она ему подходила!

Тоты хотела подойти к ним, поздороваться и напомнить о себе, но все никак не представлялось удобного случая, он все время находился в окружении людей. Случай встретиться с Хасаром не представился ей и после.

И вот теперь новый поворот судьбы! Человек, которого так страстно любила Тоты в юности и искала с ним

встреч, человек, сам того неведая не ответивший ей тогда взаимностью, растоптавший и унизивший ее чистые девичьи чувства, теперь сидит перед ней и просит взять его на работу!

О том, что Хасар оставил жену и ушел из дома, взяв с собой только личные вещи, ей рассказали вчера, когда она, вернувшись из Ашхабада, по пути заехала на работу, сообщив, что Хасар приходил проситься на работу.

Узнав обо всем случившемся с Хасаром, она вдруг поняла, что все еще думает о нем, хотя и очень много лет прошло, что она по-прежнему не может смотреть на него как на обычного человека. Поняла она и то, что узелок обид, завязавшийся в далекой юности, все еще остается не распутанным и таится где-то в закоулках ее души.

Вторичное появление Хасара в судьбе Тоты содрало присохшую корку с ее застарелой раны.

Однако теперешнее поведение Хасара говорило о том, что он даже не догадывался о страстной любви Тоты к нему. Вел себя как обычно, спокойно и с достоинством. Он был удивлен поведением Тоты: она вроде бы и обрадовалась встрече с ним, но потом ее настроение резко изменилось, и он никак не мог понять причины такой перемены.

После знакомства они какое-то время вспоминали медицинский институт, в котором она была студенткой, а он преподавателем, и эти воспоминания, вернувшие их в те годы, были приятны для обоих. Тем не менее, Тоты никак не могла отделаться от замешанного на упреке высокомерия, затуманившего ее сознание в тот миг, когда Хасар вошел в ее кабинет.

Тоты не верила, что Хасар мог не знать о ее любви, хотя об этом говорило его поведение. Да неужели же такие чувства можно было не заметить?! Ведь в те дни не кто-то другой, а именно Тоты не могла оторвать глаз от Хасара. Она оставалась после занятий, задавала ему кучу вопросов, наряжалась для него и встречала его с цветами, она крутилась

возле него, стараясь привлечь его внимание и понравиться ему. Ее страстная любовь к Хасару чуть было не довела ее до сумасшествия. Словом, она делала все возможное, что делают в таких случаях влюбленные люди.

Единственное, чего она не сделала тогда, не встретила его в укромном месте и не сказала прямо: «Я люблю тебя, неотесанный, почему ты не обращаешь на меня внимания?» Тоты, возможно, и на этот шаг решилась бы, не стой между ними стеной его семья. Любовь мучила ее и терзала. В те дни сердце Тоты так билось в отчаянии, что готово было выскочить из груди, она сама слышала его стук. Сегодняшняя встреча с Хасаром стала для Тоты своего рода акцией отмщения за все причиненные ей страдания, актом расплаты, вот почему на ее лице отобразилось холодное высокомерие.

Вообще, мстительность присуща любой женщине, похоже, она впитывается ее с молоком матери. Если им не удастся привязать к себе желанного мужчину, они начинают мстить ему и наслаждаться этим.

Тоты была женщиной, не забывшей свой давний проигрыш, который тогда так сильно ее обидел.

Их мирная беседа студентки и преподавателя, казалось, затянется надолго, но закончилась гораздо раньше ожидаемого.

В дверях появилась секретарша и напомнила о времени, когда главврач должна быть в хякимлике. Тоты посмотрела на Хасара виновато, засуетилась:

– Понадобилась! Надо ехать!– пожала плечами, давая понять, что она бессильна. Глядя куда-то мимо Хасара, положила обе руки себе на плечи и развернула их крыльями, стала похожа на птицу, готовую немедленно взлететь. В эту минуту она вспомнила, для чего Хасар приходил к ней. Взвешивая каждое слово, спокойно произнесла заготовленную речь:

– Елдаш мугаллым! Мне известно, что вас привело сюда. Мне сказали вчера, когда я заезжала на работу. Честно говоря, прямо сейчас у нас нет ничего подходящего, что можно было бы предложить вам. И потом, сейчас такое время, когда начали избавляться от старых работников и заменять их новыми. Но вы подождите недельку-другую, мы кое-кого будем на пенсию провожать. Попробуем найти для вас работу.

Поспешно собрав со стола бумаги и сложив их в сумку, Тоты коротко распрощалась с Хасаром и заспешила к выходу, побежала как на пожар, вскочила в стоявшую у подъезда машину и спешно уехала.

* * *

Выйдя от Тоты, Хасар той же дорогой пошел обратно. Облака на восточной кромке неба истончились и пришли в движение, совсем скоро на небе появится и солнце, которое выкатится из жерла раскаленной печи. Воздух кажется пропитанным пылью, но погода, как и рано утром, была прозрачной и прохладной.

Приезжая в родной город, Хасар не любил ездить по нему на машине, поэтому сейчас, вдыхая утреннюю свежесть и получая удовольствие от пешей прогулки, думал о том, как хорошо, что не сел за руль машины. Всегда, гуляя по городу, он испытывал приятное чувство встречи со знакомыми после долгой разлуки. В хорошем расположении духа оглядывал окружающий его мир.

При мысли о женщине, которая оказалась его бывшей студенткой и вроде бы с уважением отнеслась к нему, но на работу все равно не взяла и вежливо выпроводила его, Хасара охватило непонятное, смешанное чувство.

Тоты показалась ему уверенной в себе и успешной женщиной, которая хорошо знает и свою работу, и цену

своей женской красоте, женщиной, всегда знающей, что ей надо, и умеющей использовать все свои достоинства, чтобы твердо стоять на ногах.

Глаза женщины показались Хасару печальными. У нее были большие и красивые глаза, как у большинства западных туркменок. Но он почему-то не обратил на эти глаза внимания в те годы, когда она была студенткой мединститута. Да разве в те годы у кого-то были глаза краше, чем у Дуньи?

Но эти глаза напомнили Хасару застрявшие в его памяти глаза другой женщины, связанной с не таким уж и близким прошлым. Хотя эти глаза и не были похожи друг на друга. Он оживил в памяти голые каменные ступени перед входом на городской пляж...

Хасар тогда только что окончил первый курс мединститута и приехал на летние каникулы домой.

Он и в те дни страстно любил море.

Каждый день рано утром он отправлялся на море искупаться.

Утром морская вода настолько приятна, что, окунувшись в нее, ощущаешь себя на верху блаженства, словно в молочное озеро нырнул.

Хасар легко пробежал по тропинке сбоку от железнодорожного вокзала, сворачивал направо по дороге, ведущей на городской рынок, пересекал площадь перед историческим музеем, поворачивал налево и шел к морю.

С этого места к морю шли голые каменные ступени, проложенные Бог знает когда для облегчения спуска купальщиков.

В первый раз Хасар увидел эту девушку, когда она вышла из моря, отжала мокрые волосы и стала подниматься по этим ступеням вверх. Она ему понравилась. Эта девушка любому могла понравиться, потому что была красива, но самым большим украшением были ее голубые глаза. Когда девушка подошла ближе, Хасар с охотничьим азартом посмотрел на нее и окликнул.

– Вы, наверно, и есть русалка?

– Ну, да, – ответила девушка, поравнявшись с Хасаром, они оба вдруг замедлили шаги и окинули друг друга быстрым взглядом. Девушка прыгала по ступеням, как козочка, поднявшись вверх, смущенно улыбнулась и проскакала мимо Хасара. Не получилось у Хасара познакомиться с девушкой поближе, поболтать с ней. Ему не оставалось ничего другого, как с интересом смотреть ей вслед и надеяться на будущую встречу. Его тогда целый день преследовали глаза девушки, улыбнувшейся ему и одарившей пронизывающим взглядом.

По тому, что девушка успела с утра пораньше искупаться в море, Хасар заключил, что она не местная, явно откуда-то приехала. Потому что местные никогда не ходят на море рано утром, только в редких случаях. Он решил, что завтра утром придет к морю раньше девушки и непременно увидится с ней, но опять ничего не вышло. Вечером он засиделся на дне рождения у одноклассника, поэтому встать так рано, как думал, ему не удалось. Поспешив к морю, он увидел на голых ступенях каменной лестницы еще не успевшие просохнуть мокрые следы девичьих ног и понял, что девушка только что прошла тут.

– Эх, опять я опоздал! – грустно подумал он, поняв, как непросто ему совместить утренний поход на море и встречу девушки.

На следующее утро Хасар решил пойти к морю еще раньше и застать русалку плавающей в море, надеясь познакомиться с девушкой ближе.

Но стоило Хасару подойти к морю, как он понял, что опять опоздал. Увидев незнакомку с полотенцем на шее, поднимающейся по каменным ступеням лестницы, Хасар на миг представил, что эти ступени устелены не камнем, а частицами его души, и девушка, поднимается вверх, наступая на них.

Хасар смотрел на девушку, улыбаясь, он придал своим словам шуточный тон в надежде, что это в какой-то степени станет началом их диалога.

– Русалка опять меня опередила?

Девушка подняла голову:

– Это вы? – Потом продолжила: – Да, вы опоздали! – и хотя она улыбнулась, в ее тоне явственно прозвучал упрек.

С этими словами она пронеслась мимо него, не сбавляя скорости.

Хасару не оставалось ничего иного, как смотреть ей вслед и думать, что завтра надо будет встать еще раньше. Назавтра он с рассветом был на берегу моря. Уж теперь-то он точно не пропустит ее. Но и сегодня ему снова не повезло. Девушка, с которой он намеревался завязать тесное знакомство, не появилась ни ранним утром, ни потом, когда солнце уже было в зените. Вот тогда-то Хасар понял окончательно, что она не местная, что приезжала погостить к кому-то из своих родных или знакомых. И хотя они никогда больше не встречались, поднимающаяся по каменным ступеням лестницы девушка навсегда запечатлелась в памяти Хасара.

Вот и взгляд Тоты, как и взгляд той незнакомки, показался ему жгучим, но вместе с тем и загадочным, как будто за ним таилось что-то такое, чего ему не дано было знать. Он задумался.

Хасар пересек пустырь, раскинувшийся с обратной стороны Дворца нефтяников, и вышел на узенькую тропинку, ведущую в южном направлении. Вскоре показался красивый купол железнодорожного вокзала, а если смотреть поверх него, то можно увидеть морской залив, огибающий край города.

Он немного задержался в больнице, куда пытался устроиться на работу, но и дома у него не было каких-то особенных дел, поэтому решил пойти к морю и немного прогуляться вдоль берега.

Дома в этом районе города были выстроены привезенными сюда после войны японскими военнопленными. Эти дома стояли в центре города, рядом с вокзалом и Дворцом железнодорожников, образовав своеобразный микрорайон, и были крепкими и красивыми. Дома эти выросли на глазах городских ребят, рожденных после войны, таких, как Хасар. Каждый раз, видя эти дома, Хасар вспоминал свою первую встречу с теми пленными.

Погружаясь в мысли, он на какое-то время представил себя живущим в то время, когда работали японские военнопленные.

...Японские военнопленные покрывали головы разноцветными – белыми, синими, какие под руку попадутся – кусками материи, их речь была быстрой и непонятной, но работали они, как волы, в любую погоду. Им нипочем были и обжигающий зной, и дождь, и ветер, и трескучие морозы. Они выпиливали блоки из горного камня и аккуратно укладывали их в стены будущих домов.

Все они были японскими воинами, попавшими в плен после разгрома Квантунской армии советскими войсками. Судьба вырвала их с Востока и забросила на южный берег Хазара, на туркменскую землю.

Большинство из них были юными парнями, которые только начинали жить, многие из них еще не познали женщин, хотя некоторые уже были женаты.

Среди пленных были и парочка-тройка мужчин старшего возраста, с присыпанными серебром висками. Японские военнопленные, словно не замечая окружающей их жизни, с присущей их природе серьезностью строго придерживались своих военных порядков.

Поначалу к японцам приставили военную охрану, но потом поняли, что в этом нет необходимости, и отдали их под присмотр их собственного командира. Пленные жили в бараке на окраине города, работали, разделившись

на несколько бригад. Большинство из них занималось строительством.

Среди людей, видевших, как упорно трудятся японцы, поползли слухи: «Если они хорошо отстроят город, их отпустят досрочно». Считалось, что именно такое обещание заставляет этих людей работать так хорошо и добросовестно.

Как-то летом мальчишкой шести-семи лет Хазар возвращался с матерью с рынка, и их путь пролегал как раз рядом с тем местом, где работали японцы. В те дни пленные строили шикарные четырехэтажные каменные дома рядом с вокзалом. В одной руке у матери была авоська с продуктами, а в другой руке она несла, прижав к правому боку, большой арбуз.

Поблизости работали японские пленные, они по двое-трое, согнувшись, и подталкивая друг друга, перетаскивали на свою сторону тяжелые бревна, рассыпанные на другом конце строительной площадки. Когда они приблизились к ним, мать Хасара замедлила шаг, выжидая удобного момента, чтобы пройти по пустоши. Вот тогда-то Хасар и увидел, что эти японцы в черных робах похожи на казаха Куйкула, коллегу отца, который иногда приходил к ним почаевничать с отцом, только они были еще костлявее его. Мальчик заметил, как приветливо улыбаются ему японцы, как любят его. Кто знает, может, он напомнил им об их оставшихся в далеких краях детях. Но такая мысль пришла в голову Хасара гораздо позже, когда он вспоминал о них.

Он помнит, с какой завистью смотрели они на полосатый арбуз, зажатый под мышками матери, наверно, мечтали: «Вот бы в такую жару поесть арбуза!» Мать Хасара вроде бы и не смотрела по сторонам, но заметила их жадные взгляды, брошенные на ее арбуз. Пройдя несколько шагов, она остановилась, будто хотела поменять грузы местами, взять в другую руку. Опустила авоську на землю и прислонила ее к ноге, после чего осторожно, чтобы не уронить, положила арбуз на землю.

Отдохнув немного, мать Хасара подняла с земли сетку с продуктами, а про арбуз как будто забыла, даже и не подумала поднять его. Свободной рукой взяла за руку сына и пошла, ни разу не оглянувшись.

Хасар помнит, с какой благодарностью во взглядах провожали их японские военнопленные, поняв, что этот арбуз оставлен специально для них.

Кажется, они пробыли в этом городе лет десять-пятнадцать, и за это время построили много домов.

Лет через пять неподалеку от того места, где жили японские военнопленные, появились каменные плиты с непонятными надписями, это было их кладбище.

Пленные подчинялись своему командиру, они шли на работу строем, старались идти в ногу, при этом играли на свирелях, а иногда и песни пели. Их песни были протяжными, печальными, они брали за душу, и хотя язык песен непонятен, нетрудно было догадаться, что в них звучит тоска по далекой Родине.

Всегда ты в памяти моей.*
В сердце ты моем,
Где бы ни был я!
Где бы я ни воевал,
В мыслях своих я всегда
К тебе возвращаюсь,
Родимый дом!

Видимо, в такие минуты они представляли свой дом, детей, родителей, представляли, с каким нетерпением те ждут их.

Эту песню японцы пели, вытянув шеи и глядя куда-то вдаль...

Расхаживая по берегу моря, погруженный в воспоминания, в какой-то миг Хасар повернулся лицом к

** Слова из японской песни о Родине*

городу, и ему почудилось, что он видит на тех домах лики японских военнопленных. Сейчас эти дома напоминали толпу состарившихся пленных японцев, пришедших к причалу и с надеждой во взгляде смотрящих куда-то вдаль в ожидании судна, которое заберет их домой.

* * *

Сумерки сгустились, и уже начало смеркаться. Хасар находился в своей комнате, и поскольку особых дел у него не было, просматривал выписанные братом свежие газеты. В прежние времена Хасар не расставался с книгой, читал он запоем, причем, не только на туркменском языке, но и на русском и немецком языках. У него это было привычкой. Жена брата, переговариваясь с дочуркой, готовила на кухне ужин. Каждый раз, когда открывалась дверь, оттуда доносился дразнящий запах вкусной еды. Скоро вернется с работы и его младший брат Ходжа.

Со двора доносились голоса матери и еще кого-то, и Хасар предположил, что это вернулся с работы брат, а мать, увидев его, пошла навстречу и, хотя в том не было нужды, стала открывать ворота, чтобы брат мог загнать машину во двор. А Ходжа, чтобы не беспокоить мать, отвечает: «Я сам открою!»

Но когда машина заехала во двор, Хасар услышал, что голос матери стал громким и радостным. По тону разговора можно было догадаться, что приехал не брат, а кто-то другой, не менее желанный.

Услышав знакомый мужской голос, Хасар вышел из дома и увидел, как его мать разговаривает с только что прибывшим из Ашхабада Арсланом, он как раз выходил из машины, а бабушка бурно радовалась появлению внука. Когда в недавнем телефонном разговоре Арслан сказал, что приедет, Хасар не захотел, чтобы сын отправлялся в столь

дальний путь на машине и сказал, что приезжать совсем не обязательно. Но сейчас, увидев сына, очень обрадовался. Он словно увидел защитника, пришедшего ему на помощь в трудную минуту.

Зайдя в дом, Арслан поздоровался с дядиной женой и детьми, поговорил с ними немного о жизни, после чего пришел в комнату отца.

Со дня приезда Хасар занимал эту самую большую комнату в доме, предназначенную для гостей. Эта комната была обставлена на европейский лад, в ней стояли большая двуспальная кровать, диван и мягкие кресла, стол и стулья. Так захотели сначала отец, а потом и брат Хасара. Они говорили: «В этой комнате во время приезда будут жить наши ашхабадцы, в Ленинграде, да и в Германии они привыкли жить по-европейски, вот пусть и здесь живут так, как привыкли».

С самого начала, когда Дунья еще была молодой невесткой, они облюбовали для себя именно эту комнату. В те дни, просыпаясь утром, Хасар каждый раз видел рядом с собой Дунью, после ночных любовных утех она крепко спала, разметав по мягкой подушке свои шелковистые волосы, из-под задравшейся полы просторной ночной рубахи выглядывали ее стройные белые ноги, чуть полноватые в верхней части.

Но даже если Дунья вставала раньше него, ее подушка продолжала хранить запах ее прекрасного женского тела.

Каждое утро, очнувшись от сна, Хасар понимал, что находится не в Ашхабаде, а в Красноводске, и тогда его жизнь всякий раз начиналась заново именно с того места, где он жил сейчас.

Во время обеда Хасар и Арслан находились вместе со всей семьей на глазах у бабушки, здесь были и Ходжа с женой и детьми. Они вели общие беседы. Матери нравилось видеть своих детей и быть рядом с ними, но сейчас она

переживала за тех, что находились вдали, и очень хотела бы видеть всех вместе и радоваться им. Обычно во время таких встреч Мамметхановы выпивали бокал-другой вина, но в этот раз, помня о предстоящем нелегком разговоре, пить не стали. Они продолжали вести задушевный разговор, как будто ничего не случилось, и все никак не решались подойти к главному. Ведь на самом деле случилась беда. Переживая за случившееся, после обеда Хасар с младшим братом и сыном остались одни в большой комнате. Какое-то время они пили чай, изредка перекидываясь ничего не значащими словами.

Чаще всего вспоминали оставшихся в Ашхабаде внуков. Не прошло и недели, как Хасар начал тосковать по ним, представляя, как они растут, балуются, что они делают и говорят.

Как мужчина Арслан понимал, отчего его отец все бросил и уехал, но он никак не мог понять, почему это вообще могло случиться. Ему казалось, что отец, даже разведясь с матерью, не должен бы был уезжать, он мог бы остаться и жить в одном из их домов рядом с детьми и внуками. На самом деле все вышло совсем наоборот. А с другой стороны, останься отец в Ашхабаде, он то и дело сталкивался бы с матерью, это стало бы для него тяжелым испытанием, не говоря уже о том, что такое положение дел было бы унижительным для этого достойнейшего человека...

Арслан приехал сюда, чтобы в спокойной обстановке обсудить с отцом все эти вопросы.

Ходжа – младший брат Хасара, но внешне они не очень похожи, Хасар похож на отца, а тот – сорокалетний мужчина невысокого роста, крепкого телосложения с сединой в висках. Внешне больше походит на мать, к тому же замкнут. Он был не только младшим братом Хасара, но и его другом. У него душа кровью обливалась за брата, вынужденного на склоне лет бежать из собственного дома. Посидев еще

какое-то время с братом и племянником, он сослался на то, что завтра на работу, рано вставать, и ушел, не желая быть третьим лишним и мешать общению отца и сына, которым было о чем поговорить.

Надо было смотреть правде в глаза, а это было делом нелегким. Особенно, когда тебе близки обе стороны – и отец, и мать. Жизнь порой кажется простой, но на самом деле это не так, иногда такие сюрпризы преподносит, что попробуй, разберись. Но чаще всего люди многим вещам не придают значения до тех пор, пока сами не запутаются в кем-то умело расставленных сетях ...

И чаще всего это случается с женщинами, познавшими позднюю любовь. Разочаровавшись в своей прежней жизни, они подвергают семью таким испытаниям, каких никому не пожелаешь.

Разве не говорят у нас в народе: «То, что запутала женщина, и Богу не распутать»?

Жалея отца и сочувствуя ему, Арслан приехал сюда, чтобы разделить с ним его переживания, поддержать его. Его приезд стал радостным и одновременно грустным событием. После ухода Ходжа отец и сын остались в комнате вдвоем. Через какое-то время Хасар заговорил, словно оправдываясь и пытаясь что-то объяснить сыну:

– У меня, сынок, к твоей матери нет никаких претензий. Прожив вместе тридцать лет, мы грубого слова друг другу не сказали...

Слова отца болью отзывались в сердце Арслана. Он сидел, опустив голову и молча слушая его, словно пытаясь осмыслить услышанное.

– Отец, я не виню вас.

– Тогда и маму не вини!

Арслан съежился и даже как-то усох от этих слов отца, он не был с ним согласен. В тоне отца он почувствовал не только боль, но и какую-то скрытую иронию.

Желая быть понятым сыном, Хасар стал объяснять, что, занявшись бизнесом, Дунья изменилась и перестала быть прежней, изменилось не только ее поведение, но и само мышление. Поначалу он старался примириться с этим, думая, что таковы требования ее работы, но потом понял, что дело не в работе, переменилась сама Дунья, а с такой женщиной он не может и не будет жить, потому-то приехал сюда.

Чем больше Арслан слушал отца, тем тяжелее становилось у него на душе.

В разговоре Хасар не преминул заметить, что до самого последнего времени жизнь его была достойной, он гордится тем, что работал в таких местах, о которых и мечтать не мог, что пользовался уважением людей.

И хотя он не произносил ее имени, чувствовалось, как он благодарен Дунье за то, что она была достойной женой военного командира, ни разу не подвела его и не дала повода усомниться в ее чувствах.

Арслан и раньше чувствовал, что отец, хоть и не говорил об этом вслух, очень сильно любит мать, что благодарен ей за то, что она честно исполняла свои обязанности жены и матери. После этих слов Арслан понял, что отец, хоть и ушел из семьи без оглядки, по-прежнему любит его мать.

Арслан говорил очень мало, зато курил одну сигарету за другой. Его мучило непонимание, как могло случиться так, что его мать после стольких лет счастливого брака вдруг все поставила с ног на голову. Он вообще не понимал, почему это случилось именно в их образцовой семье!

Достоинство растоптано и унижено, а позор гадкой змеей вполз в их семью...

Арслана случившееся больно задело. В душе его кипел гнев, он жаждал мести, с тех пор он не находил себе места, страдал и мучился. Какие только мысли не лезли ему в голову, когда он думал о мщении. И даже кровавые. Он и

к отцу приехал с этими мыслями, приехал, потому что в Ашхабаде не находил себе места. Конь бежит без оглядки с того места, где его спугнули. Вот и ему не хочется там больше оставаться. Наутро, совершая с отцом пробежку по берегу моря, Арслан вдруг сказал:

– Папа, как ты смотришь на то, чтобы я перевелся в эти края и переехал к тебе?

Но Хасар не одобрил его намерения.

– Ты хоть не разорьй своего гнезда! – вздрогнув, испуганно ответил ему отец.

На следующее утро они оказались на берегу моря. Оказывается, здесь дует холодный ветер с моря. Барашки волн, вскипая белой пеной, с силой бьются о берег, будто кто-то хватает их за ноги и вышвыривает из воды. В воздухе пахло соленой водой. Отец и сын по очереди терли ладонями замерзшие лица. Ветер усиливался, холод уже пронизывал до костей, поэтому надо было поскорее уходить отсюда, все равно никакого удовольствия не получишь.

Они еще немного постояли на берегу, разглядывая, как волнуется море, как сливаются друг с другом подхваченные ветром волны, а потом пошли обратно.

Хасар подумал, неплохо было бы найти укромное местечко и выпить с сыном кофе. И тут же вспомнил такое место – кафе на первом этаже высокой гостиницы напротив железнодорожного вокзала. Хасар и прежде иногда заходил в это кафе, чтобы выпить чашку-другую кофе. Там за стойкой бара обычно стояла бойкая женщина лет сорока, сорока пяти по имени Тавус.

Прикусив зубами яшмак и чуть наклонив голову, она ловко обслуживала посетителей, подавая им заказанные блюда. За ней приятно было наблюдать, приятно получать из ее рук еду и с удовольствием ее поглощать.

Наблюдая за уверенными действиями женщины, посетители понимали, что именно она является самым

дорогим блюдом этого заведения. Им казалось, что эта женщина поставлена здесь для того, чтобы выставить напоказ свои женские прелести и заманивать посетителей.

Как только Хасар с сыном вошли в кафе, Тавус приветливо улыбнулась им и кивнула головой, продолжая обслуживать клиентов.

В этот час людей в кафе было немного. За столиком в центре зала обедала шумная семья с несколькими детьми. Рядом с ними на полу стояли сумки разных размеров, из чего можно было заключить, что это пассажиры. Скорее всего, семью в этот город привела какие-то дела, возможно, они жили в гостинице и решили перед отъездом подкрепиться. Дети, смачно поедавшие чебуреки, запивая их кофе, который стекал по их губам, напомнили Хасару его внуков. Проходя мимо семьи, он с завистью посмотрел на них, испытывая какое-то приятное чувство, и занял с сыном один из свободных боковых столиков.

Не успели они расположиться, как к ним, вся светясь и приветливо улыбаясь, подошла Тавус. Сунув руку в карман белого халата, дала понять, что готова обслужить их.

– Похоже, к нам вместе с доктором Хасаром пришел новый гость.

– Нам бы, сударыня, пару кофе.

Тавус с жадным интересом разглядывала сидящего рядом с Хасаром хмурого молодого человека в военной форме, который, несмотря на юный возраст, уже имел большое звание, а потом спросила:

– Доктор, этот юноша ваш сын?

– Да.

– Похож. Он тоже доктор?

– Нет, летчик.

– Так и скажите: человек, который смотрит на мир сверху, – ласково улыбнулась женщина и легко пошла обратно, чтобы приготовить и принести им кофе. Спусти

мгновение она уже шла к ним, держа в каждой руке по чашке дымящегося кофе. Арслан понял, что его отец является завсегдатаем этого заведения. И по тому, с каким энтузиазмом обслуживала их эта женщина, сделал вывод, что тут кроется еще что-то, правда, понять, что именно, не мог. Арслан не ошибался.

Впервые Хасар познакомился с этой женщиной, зайдя в кафе вскоре после приезда.

Вернее, женщина сама узнала его:

– Вы не доктор Хасар?– спросила она, подходя к его столику. Тогда-то и выяснилось, что лет двадцать назад Хасар оперировал ее в городской больнице по поводу аппендицита.

Это воспоминание было связано с той порой, когда здешнюю больницу возглавлял всеми любимым дядя Яша – Яков Лазаревич Аким.

Прослышав о приезде Хасара, дядя Яша никогда не давал ему сидеть дома. Считая, что за границей он набрался достаточно опыта, говорил:

- А ну, послужи немного и своему народу! Хирург как любой мастер должен постоянно тренировать свои руки, чтобы не потерять квалификацию, он должен даже во сне делать операции.

Дядя Яша приглашал его на операции. В те дни старый доктор любил вместе с Хасаром не только вспоминать места, где он учился, жил, воевал, но и вместе с ним, засучив рукава, как учитель и ученик оперировать больных. «Идя на операцию с тобой, военным врачом, я снова верю, что помогаю раненым, доставленным с поля боя. Тот период жизни, когда я лечил воинов, считаю самым содержательным в своей жизни»,– говорил старик, гордясь и любуясь работой Хасара.

– Я тогда была намного худее, – стесняясь своей теперешней полноты, продолжила женщина. – У меня были длинные волосы. Однажды, зайдя в палату, чтобы провести

меня после проведенной операции, вы увидели мои волосы и восхитились ими: «Какие у вас красивые волосы!», – сказали вы тогда, – вспомнила она.

Разве упомнишь всех, кого ты оперировал в самых разных местах за прошедшие тридцать лет?

В тот раз Хасар так и не вспомнил прооперированную им худошавую женщину с длинными волосами, хотя и очень напрягал память. Несмотря на то, что он не вспомнил ее, женщина, благодарная за свое спасение, не изменила своего доброго отношения к Хасару. Каждый раз, завидев его входящим в кафе, она мило улыбалась ему и радовалась встрече.

Вернувшись за стойку бара, Тавус крикнула:

– Аннатаган, что ты там застрял? – голос у нее был недовольным и сердитым.

Справа от входа сидел хлюпкий мужчина с усиками на тощем лице, вид у него был изможденный, словно он в детстве недополучил материнского молока.

Рассыпав по столу семечки, он беспрестанно щелкал их, с пристрастием разглядывая каждого вошедшего в кафе. Временами лениво перекидывался с Тавус ничего не значащими фразами. Хасар как-то раз уже видел его на этом месте. А когда узнал, что этот человек является мужем Тавус, удивился тому, насколько они не подходят друг другу, сравнивая их, думал: «Неужели правда, что лучшую дыню съедает шакал?» Ему было непонятно, как у такой красивой женщины мог оказаться такой плюгавенький и малопрятный муж. Ему тогда вспомнилась работа одного иностранного художника, которая называлась «Красавица». На картине была изображена красивая обнаженная женщина, она полулежала, обнажив все свои женские прелести, а рядом с ней находился чернокожий кудрявый мальчик лет десяти-одиннадцати, ее служка. Хасар видел эту работу в одном из музеев и помнит, как на вопрос посетителя

«А для чего здесь нужен этот негритенок?» – экскурсовод ответила: «Через этого чернокожего мальчика художник хотел подчеркнуть красоту этой женщины».

Видать, Господь Бог, чтобы подчеркнуть красоту Тавус, послал ей в мужа вот этого ничемного усатенького мужичка.

Женщинам такие низкорослые мужчины, изображающие из себя секс-символов, не нравятся. Они предпочитают идти в обнимку с высокими статными мужчинами, чтобы все вокруг смотрели на них с восхищением и завистью.

Понятно, что Тавус не очень-то нравится, что ее муж сидит здесь и ревнует ее к каждому посетителю.

После этого коротышка, вращая глазами, рукавом смел в сторону шелуху от семечек, а оставшиеся семечки ссыпал в карман и шумно встал из-за стола. С видом обиженного ребенка спросил:

– Мне сейчас уйти?

– Сейчас уходи, для тебя здесь больше нет никаких дел.

– Ладно, уйду я... – недовольно произнес он, выходя из-за стола. – Готово то, что надо забрать с собой?

– Пройди сюда, я сейчас все тебе приготовлю.

Не прошло и пяти минут, как темнокожий коротышка вышел из подсобки, неся в одной руке полное ведро, а в другой – мешок и пакеты. Выходя на улицу, он нахмурился и кинул недовольный взгляд на столик Хасара, чтобы еще раз посмотреть на людей, с которыми его жена только что так мило разговаривала.

Выпив вкусного кофе, отец и сын поблагодарили женщину. Выйдя из кафе, они увидели, что муж Тавус все еще стоит перед гостиницей, делая вид, что не может найти такси, на самом же деле, не желая уходить от красавицы жены, которую безумно ревновал ко всем посетителям мужского пола.

Вместе с сыном Хасар повернул за гостиницу и направился домой. Ему показалось, что его сын с каким-то

недоумением воспринял его знакомство с Тавус, и он снова стал думать над превратностями судьбы, которая свела эту красивую женщину с таким мужем. Эта красавица, несмотря на то, что имела такого мужа, на самом деле жила так, как ей хотелось, то есть была свободна от каких-либо обязательств, могла позволить себе отдохнуть в ресторане в компании шумных знакомых. Хасар вспомнил, как он однажды зашел в ресторан и увидел там Тавус в окружении веселых людей, его тогда тоже пригласили к столу.

Слушая рассказ отца, Арслан, хотя отец о том и не говорил, сделал вывод, что тот намекает на его мать: «Теперь твоей матери тоже нужен муж, который бы ходил по струнке и молчаливо сносил все ее выходки, но от меня она такого не дождется!»

Арслан видел, как обрадовалась женщина и начала издали приветливо улыбаться им, видел, с каким жадным интересом смотрит она на его отца, как раскованно ведет себя с ними. Чем больше он думал о ней, тем больше она становилась похожей на его мать.

Хасару труднее всего далось прощание с сыном, когда на следующее утро тот заводил машину, чтобы тронуться в обратный путь. Обычно он приезжал к матери вместе с ними, вместе и обратно уезжал. И поэтому до самой последней минуты ему казалось, что он тоже сядет в машину и вместе с сыном отправится в Ашхабад.

Арслан вообще хотел вчера ночью ехать, он сказал отцу: «Поеду неспеша и за 7-8 часов доберусь до Ашхабада». Но бабушка отговорила его: «Не стоит, сынок, ехать ночью, потому что ночью все бедствия усугубляются. Вот наступит рассвет, тогда и поедешь навстречу занимающемуся дню.»

Помня, что вставать придется очень рано, Арслан лег раньше и вроде бы должен был выспаться, но его сон был неглубоким и беспокойным, поэтому сейчас, даже умывшись холодной водой, он все еще не мог до конца отойти ото сна.

Он пожал руки вышедшим проводить его отцу и дяде и крепко обнял и расцеловал бабушку.

– Бабушка, до свиданья и будьте здоровы!

– И тебе, детка, счастливого пути! Смотри, не гони машину. Вот тебе на дорогу пару лепеше, и немного рыбы гостинца. Передавай привет той бабушке, жене и детям!

Сделав несколько шагов в сторону заведенной машины, Арслан обратился к провожающим:

– Но оттого, что папа там больше не живет, вы не должны про нас забывать! Приезжайте, навещайте нас! Там вас всегда ждут. Кому бы ни принадлежал дом, все, кто внутри него, принадлежат вам, там ваши внуки и правнуки живут.

Бабушка растрогалась, по щекам ее потекли слезы, и она машинально отерла их ладонью, хотя всегда делала это уголком головного платка. Хасар постарался не выдать своего внутреннего волнения:

- Ну, езжай, сынок, с Богом! Путник в дороге хорош!

Всем – и провожающим, и отъезжающему – было грустно и больно, словно они расставались навсегда...

* * *

Потягиваясь у окна после пробуждения, Хасар понял, что все еще находится под впечатлением от недавней встречи с сыном. Мысленным взором видел, как машина Арслана приближается к Ашхабаду.

Из открытого окна тянуло свежестью, в воздухе стоял запах дождя, смешанного с запахами нефтепродуктов, которыми были богаты здешние места.

Дом родителей Хасара был одним из множества домов частного сектора, раскинувшегося у подножия горы, окаймляющей Красноводский залив Хазарского моря. Несмотря на заросли вытянувшихся вверх кустов можжевельника перед домом, отсюда просматривался кусочек моря, похожий на озеро. Сейчас там от берега

отчалило какое-то судно и спокойно поплыло вдоль кромки горизонта. Поравнявшись с краном, стоящим на берегу с вытянутой, как шея журавля, стрелой, на какое-то время скрылось из виду, но потом снова вынырнуло с другой стороны и, похожее на белый месяц, снова появилось на горизонте.

Сделав в комнате несколько упражнений для разминки, Хасар снова подошел к окну, но судна, которое, казалось, еще долго будет находиться в этой акватории, уже не было видно.

Беснующиеся, словно шумные дети, волны в белых шапках издалека напоминали пятнистое поле с кучками нерастаявшего снега.

Ходжа уже ушел на работу. Вместе с ним в машину с удовольствием садились сын и дочь, он по пути завозил их в школу.

Занимаясь гимнастикой в комнате, Хасар отметил про себя, что делать упражнения на свежем воздухе, – на берегу моря все же приятней и полезней. Сегодня он встал позже обычного, поэтому решил не ходить к морю, ограничиться домашней разминкой. Выдавив на лицо пену для бритья, он подумал было снова навеститься к главврачу больницы, чтобы решить вопрос с трудоустройством. Глядя в зеркало, он поймал себя на мысли, что думает о том, чтобы понравиться женщине-начальнику. И в ту же минуту она появилась перед его мысленным взором – в белоснежном халате, с плавными движениями, смотрящая на него непонятным взглядом.

Он услышал приглашающий голос матери: "Хасар, сачак накрыт, ты бы позавтракал, пока чай не остыл!"

По тому, как приветливо, как старого знакомого, встретила его главврач больницы, Хасар думал, что она не станет ждать неделю-другую, как сказала, а решит его вопрос гораздо раньше. Однако женщина не связалась с ним ни через три дня, ни через неделю. Тем временем дни, словно всадники, проносились мимо него.

Вроде бы только что было утро, а уже снова наступает вечер. Хасару не оставалось ничего другого, как думать, что его студентка настолько завалена работой, что ее руки попросту не доходят до него.

Он со вчерашнего дня думал о том, чтобы не ждать приглашения, а самому снова навестить в больницу, по принципу: «Если Магомед не идет к горе, гора сама идет к Магомеду».

Хасар оделся и вышел на улицу. Пройдя немного, он оказался возле вокзала. Толпа народу на привокзальной площади, пассажиры только что прибывшего Ашхабадского поезда, выходящие из здания вокзала, напомнили ему площади перед выходом из метро, коих повидал он немало, работая за границей.

Наблюдая за пассажирами, он представил, как его сын Арслан, одолев немалое расстояние, приближается к Ашхабаду. Когда к Ашхабаду подъезжаешь ближе, кажется, что он взмывает в небо, чтобы встречать путника с распростертыми объятьями...

Поначалу давняя студентка показалась Хасару чужой, но потом, порывшись в памяти, он понял, что это не совсем так.

...В памяти его, словно из тумана, всплыла бойкая девушка с горящими глазами, в дождливый день перехватившая его по дороге на работу, чтобы вручить букет цветов. Взгляд у нее был каким-то обжигающим.

А вон она легкой прыгающей походкой уже подходит к зданию института. Связанные с днем его рождения воспоминания о Тоты напомнили ему и об одном другом эпизоде этого же дня...

Позавтракав на кухне и собираясь на работу, Хасар оделся и перед зеркалом повязывал галстук. Он не заметил, как у него за спиной появилась заспанная Дунья в ночной рубашке. Обняв Хасара за талию, проворковала:

– Милый, у тебя ведь сегодня день рождения!
– С самого утра! – в тон ей ответил Хасар.
– Постарайся не задерживаться на работе. Я тебе такой ужин приготовлю – пальчики оближешь!

Этого ей показалось мало, она развернула Хасара лицом к себе и крепко прижалась к его груди. Из распахнувшегося халата жены потянуло таким родным женским запахом, который всегда сильно волновал и возбуждал Хасара.

Вспыхнувшее желание заставило Хасара забыть обо всем на свете, он схватил жену на руки и готов был нести ее обратно на кровать. Кто знает, чем бы закончились любовные игры мужа и жены, если бы не теща, неожиданно вышедшая из комнаты.

Мать Дуньи, увидев, как ее дочь обвила шею мужа, всплеснула руками:

– О, Боже, они все еще ведут себя как новобрачные! – она понимающе улыбнулась, вероятно, вспомнив свои молодые годы, что-то пробормотала и быстро пошла обратно.

Дунья тогда смутилась, сняла с вешалки зонт и подала мужу. Провожая его на работу, словно оправдываясь, произнесла, отвечая на удивленный возглас матери:

– Можно подумать, что они в нашем возрасте не обнимались!

... А Тоты в тот день была довольна своим поступком, запыхавшись, забежала в аудиторию и с порога выпалила подругам: «Албатрос мой обратила на меня внимание. И букет от меня принял. Так что недалек тот час, когда эта птичка прилетит и сядет на мое плечо». Подруги одобрили ее поступок и поздравили с первой победой: «Ах, Тоты, ты со своей решимостью любую крепость возьмешь!»

С тех пор, как он решил заняться поисками работы, Тоты все время стояла перед глазами Хасара. Она, как и подобает руководителю большого коллектива, с серьезным выражением лица сидела за большим столом и

просматривала документы, при этом какие-то из них визировала, а какие-то подписывала. Хасар представлял, как изменится ее лицо, когда он войдет в кабинет, как засветятся ее глаза.

Во время задушевной беседы, пока они интересовались делами и здоровьем друг друга, женщина, улыбаясь ему, временами смотрела на него как-то загадочно. А иногда смотрела поверх его головы, словно разговаривала с кем-то стоящим за его спиной.

Тогда Хасар не придавал этому значения, потому что женщина смотрела на него с пониманием. Да и не делал попыток понять, что означают эти ее взгляды. Слова Тоты были мягкими и дружелюбными, в то время как взгляд был далеко не так прост. Ничего не говоря, эти глаза о многом говорили. Этот взгляд словно предупреждал: не всегда стоит верить словам, даже если они кажутся искренними, потому что на самом деле они могут означать совсем другое, таить иной смысл.

Ему не приходило в голову, что его бывшая студентка ведет с ним двойную игру.

И вот только сейчас Хасар начал задумываться об этом, и у него сразу же появились сомнения.

Он начал разматывать клубок давних событий и, кажется, ухватил его конец, а вместе с ним пришло понимание непонятого торжества во взгляде Тоты.

Кажется, у него нет никаких причин сомневаться в Тоте, но, посмотрев на ситуацию с другой стороны, он сумел-таки отыскать такие причины...

После этих мыслей Хасар остановился посреди дороги, словно кто-то дал ему знак. Закурив, отошел в сторонку и стал разглядывать стоящий напротив двухэтажный дом, утопающий в зелени деревьев. Он стоял в задумчивости, порциями выпуская изо рта колечки дыма.

Ему никак не удавалось собрать воедино разрозненные мысли, похожие на клочки весенних туч, которые не могли

пролиться дождем, напротив, они, будто чем-то напуганные, все время разбегались по сторонам.

Такие мысли, будто специально наведенные в его голову, редко обманывали Хасара. И тогда он становился свидетелем того, как его мысли находили подтверждение. "Да разве можно женщине смотреть прямо в глаза?" – думал Хасар, считая это неприличным. Но потом, проанализировав большинство пришедших в голову мыслей, он укорил себя в том, что тогда не рассмотрел Тоты как следует, не заглянул ей в глаза.

Мысль о том, что он пошел туда, куда ему ходить не следовало, все больше завладевала им, а потом и вовсе прочно засела в его голове.

Хасар понял, что за странным взглядом Тоты таится что-то такое, о чем он не догадывался, но что это каким-то таинственным образом связано с той порой, когда она была студенткой мединститута, в котором он преподавал.

«Что же это может быть? Может, я «завалил» ее на зачете или экзамене? – пытался припомнить Хасар, но ничего такого вспомнить ему не удавалось. – А может, это как-то связано с тем эпизодом, когда она подкараулила меня с букетом цветов, а я никак не отреагировал на ее поступок? Или же чувства? Может, я, сам того не желая, в чем-то еще обидел ее?» Нет, на все эти вопросы Хасар не мог дать сколько-нибудь внятного ответа.

В перерывах между размышлениями он снова видел образ напирательной на него окрыленной Тоты. Сам того не ведая, чувствовал, что как женщина она нравится ему. Понимая, что это может быть связано с тем, что у него давно не было женщины, он пару раз пытался взять себя в руки. Но и устоять перед нахлынувшим на него чувством Хасару было нелегко.

Ему даже показалось, что после этих мыслей воображаемый им образ Тоты как-то приблизился к нему.

И даже ложбинка между полными грудями женщины стала казаться ему притягательной.

После этого воображаемая Тоты, бросила на него быстрый и загадочный взгляд.

Пытаясь разобраться в путанице мыслей, Хасар постоял еще немного, после чего ему почему-то расхотелось идти к Тоты. Хотя ему и казалось, что она сидит в своем кабинете и нетерпеливо ждет его прихода. С полпути Хасар повернул обратно.

* * *

... Прослышав о том, что Хасар сделался военным врачом и куда-то уехал работать, Тоты поняла, что ее чайка улетела навсегда, а она проиграла эту сумасшедшую игру, которую затеяла, не в силах справиться со своей страстью. Постепенно она успокоилась и уже ни на что не надеялась.

Через два года после окончания института Тоты вышла замуж за одного из своих коллег, направленных на работу в их город. Они оба работали в одной больнице, и меньше чем через год у них родился первенец. Молодая мама радовалась и чувствовала себя счастливой, считала это началом всего хорошего, что ждет ее в жизни, и была уверена, что совсем скоро приложит к груди и сыночка.

Все могло бы быть так, как того желала Тоты, если бы года через три-четыре не возникли проблемы, связанные с семьей мужа, живущей вдали от них.

В Мары жил престарелый отец ее мужа, свекор. Он и раньше говорил сыну:

— Сынок, если ты отработал свой долг государству, бери жену и детишек и возвращайся домой, ухаживай за домом и за нами!

А когда у парня умерла мать, и отец остался совсем один, стало ясно, что ему необходимо ехать.

Тоты неплохо относилась к мужу и знала, что за ним она будет как за каменной стеной, но оставить привычное место

и ехать в неизвестность отказалась наотрез. Как ни умолял ее муж ехать с ним, она была непреклонна. «Если хочешь жить со мной, оставайся здесь, и отца твоего перевезем, а я отсюда уезжать не собираюсь!» - решительно заявила Тоты. И даже родители Тоты, видя, как тонет семейный корабль дочери, пытались увещевать ее: «Доченька, мужчина – это иголка, а ты его нитка, ты просто обязана следовать за ним!» Нет, не послушала она своих родителей. Тоты осталась при своем мнении.

В конце концов, муж понял, что не сумеет уломать жену и увезти от ее любимого моря, бросил все и уехал один.

Пару лет он еще лелеял надежду, что жена не выдержит разлуки, что детям тоже нужен отец, и она попросит его забрать их, не заводил новую семью. Приезжал к ним иногда, проводывал жену и двух дочек.

Но даже потом ему не удалось сдвинуть Тоты с места. Когда же понял, что надеяться уже не на что, женился во второй раз.

Он скучал по детям и достаточно часто приезжал к ним. Когда девочки немного подросли, стал летом на месяц-другой забирать их в Мары, чтобы они могли пожить на земле и поесть свежих фруктов и овощей со своего сада-огорода.

Несколько лет тому назад, когда Тоты выходила замуж за вдовствующего чиновника из городского хякимлика, отец девочек приезжал из Мары, чтобы забрать своих детей с собой. Но Тоты опять не уступила ему. Напротив, потребовала от мужа, чтобы он перестал навещать дочерей и травмировать их. Он тогда чуть с ума не сошел.

Но время все расставило по своим местам, причем, не так, как того хотела Тоты. Не прошло и полугода после второго замужества Тоты, как старшая дочь, не поладив с детьми из новой семьи матери, сбежала к отцу в Мары.

Меньше чем через год, не выдержав нападок со стороны детей нового мужа, Тоты заявила ему:

– Вот что, земляк, дай мне развод и ищи себе жену в другом месте. С сегодняшнего дня я буду считать себя свободным человеком. Сколько ни пыталась я терпеть, ничего не вышло. А теперь моему терпению пришел конец.

Не слушая его увещаний, она подхватила младшую дочь и навсегда покинула этот дом.

Но теперь Тоты жалела о том, что не последовала за мужем, как нитка за иголкой, не уехала вместе с ним в Мары. Плакала о неудавшейся своей жизни, думая, что судьба мстит ей за предательство первого мужа. А ведь она всегда хотела иметь полноценную семью!

Больше она замуж не выходила, а сейчас, когда разменяла пятый десяток, у нее и вовсе не было желания устраивать свою личную жизнь.

После окончания института ее старшая дочь вышла замуж за марыйского парня. Когда родился первый внук, Тоты на крыльях полетела в Мары. Взяв на руки малыша в белых пеленках, она произносила ласковые слова, называя его «моя любимая чайка», радостно прижимала маленький сверток к груди.

А теперь уже и младшая дочь учится, она выросла и стала красивой девушкой, на которую заглядывались парни.

* * *

На улице шел дождь. Это был мелкий затяжной дождик, из тех, что может идти и три, и четыре дня. Удивительно, но в этот раз он время от времени прекращался, чтобы потом зарядить по-новому. Жена Ходжа, обсудив со свекровью предстоящие покупки, взяла сумку и ушла в магазин. В доме остались только Хасар с матерью. Мать занималась на кухне приготовлением обеда, обливаясь слезами, чистила лук.

Сидя в своей комнате, Хасар чувствовал себя запертой в клетке птицей. Под стать погоде было и его настроение. Наверно, и в Ашхабаде сейчас идет дождь. На него снова

нахлынули воспоминания, он представил своих внуков, которые очень любили дождливую погоду.

Копетдагские горы напоминали ему сейчас гигантского богатыря, похожего на потного купца, отдыхающего, вытянув ноги, за городом, а раскинувшийся у его ног город превратился в расстеленный для этого пальвана и уставленный яствами сачак.

Хасар встал и выключил свет, и только что ярко освещенная комната стала сумеречной, словно на улице уже начало вечереть. Серый свет комнаты нагонял тоску. Хасар помнил поговорку «В дождливый день лучше спать, укрывшись с головой», он и лежал на диване, мысленно укрыв ноги и часть тела халатом, хотя ему совсем не хотелось оставаться дома.

Увидев одетого Хасара, который уже выходил из дома, заботясь о нем, мать посоветовала:

– Ты бы хоть зонт с собой взял! Там ведь дождь идет!

– Зонт у меня с собой, нене!

– Ты тепло оделся? А то ведь в такую погоду и простыть можно. Зимой за погодой не уследишь, она по нескольку раз на дню может меняться.

– Я тепло одет, нене. Хочу немного пройтись, свежим воздухом подышать.

– А, сынок, знаю я, ты никак не можешь расстаться с этими старыми кораблями! Сходи, излей им свою душу!

Вместо ответа Хасар посмотрел на мать, которая все еще беспокоилась о нем как о малом ребенке, и ласково улыбнулся ей.

– Ты хотя бы к обеду вернись! – крикнула она ему вслед, когда он уже выходил из ворот.

Их небольшая тупиковая улочка, одним концом упиравшаяся в гору, была пустынна. Мимо него шумно, расплескивая лужи, проехала лишь одна машина, с нее потоками стекали пузырящиеся капли дождя.

Лишь рано утром и поздно вечером, когда люди уезжают на работу и возвращаются с нее, на этой улице можно увидеть движение автотранспорта.

Хасар изо всех сил старался оградить близких от своих переживаний. При них он никогда не заводил разговора о своей семье, не хотел, чтобы они жалели его, зная, как он скучает по своим детям и внукам. Он примирился с мыслью, что это испытание Бог послал именно ему и мужественно сносил его. Он понимал: отныне этот груз, каким бы тяжелым он ни казался, нести придется ему одному.

Как ни старался Хасар не показывать своего настроения, не находил себе места даже в отчем доме. Тосковал по семье, постоянно думал о них, и тогда перед его мысленным взором сразу же возникали милые его сердцу внучата. В такие минуты ему начинало казаться, что вот сейчас они начнут радостно прыгать ему на руки, а он будет обнимать и целовать их. Вспоминал, как озорничали они, устраивая в доме шумные игры и переворачивая все вверх дном, как любовно покрикивала на них бабушка: «Да посидите вы хоть немного, чертенята, голова от вас кругом идет!» Вспоминал расстроенное лицо Арслана и самодовольное – Дуньи, так гордившейся своей работой.

Самой невыносимой пыткой для Хасара была разлука с внуками. Но его израненную душу тешила мысль, что они где-то есть, что все равно им никуда от него не деться, и он радовался этому. Хасар всегда любил маленьких детей, не видя внуков, не мог и двух дней прожить, у него сердце разрывалось от тоски и желания видеть их. Но особенно остро он почувствовал это здесь.

Сейчас он радовался тому, что захватил из дома один из семейных альбомов. Большинство снимков было посвящено внукам и связанным с ними семейным торжествам.

Прошлой ночью, уже лежа в постели, он решил, что завтра же позвонит сыну и поговорит с внуками, услышит

их желанные голоса. Хасар мог бы позвонить в Ашхабад с домашнего телефона брата, но тогда его разговор услышит мать и по его тону поймет, что он говорит с малышами, а она не меньше него страдала из-за случившегося, переживала за сына. Хасар не хотел, чтобы его старая мать расстраивалась, не хотел причинять ей боли. Решил пойти на переговорный пункт и позвонить в Ашхабад оттуда, чтобы спокойно поговорить со своими любимцами.

Хасар пересек площадь перед величественным зданием Дворца нефтяников, стены которого выходили на три улицы, и пошел дальше. В конце улицы, на углу стояло трехэтажное здание почтового отделения связи. Сегодня здесь было не так и многолюдно, желающих связаться с другими городами оказалось мало.

Сделав заказ, Хасар отошел от окошка телефонистки, но не стал садиться на стоящий неподалеку свободный стул, а предпочел отойти подальше, в уголок. Там он сел на свободный стул и стал ждать вызова. В этом углу, держа на коленях сумку, одиноко сидела женщина средних лет в коричневом плаще. Ей показалось подозрительным, что Хасар не сел на тот свободный стул, а пришел и сел неподалеку от нее. Она как-то вся сжалась и была очень напряжена.

Обеспокоенная женщина, вытянув шею, стала смотреть на вход, чтобы подозрительный тип понял, что она кого-то ждет. Не успокоившись на этом, встала с места и подошла к окну. Испуганно озиралась по сторонам, готовая в любую минуту пуститься в бег, если Хасар сделает хотя бы одно движение в ее сторону.

На беспокойную женщину обратили внимание и телефонистки, сидевшие за стеклянной перегородкой. Наклонившись друг к другу, и чуть не стучаясь головами, они о чем-то перешептывались, бросая быстрые взгляды то на Хасара, то на женщину, и при этом весело улыбаясь.

Когда по радио прозвучало имя Хасара, он вскочил с места, прислушался к вызову и поспешил в названную кабинку. «Арслана и Дуньи может и не быть дома, но теща и внуки, а также невестка, если только не ушла куда-нибудь за покупками, должны быть дома», – думал Хасар. И не ошибся. В телефонной трубке раздался голос старшего внука. Хасар сразу же узнал его.

– Айназар хан, это ты, детка?

Услышав голос деда, Айназар хан, забыв ответить ему, радостно заверещал, извещая домашних о звонке.

– Дед, мой дедушка звонит!..

Слушая счастливый голос внука, Хасар, живущий вдали от них, немного расстроился. Понимая, что он не должен показывать виду, прокашлялся и тут же взял себя в руки. Разговаривал с внуком ласково, чтобы тот думал, что он скоро вернется домой. Но тут раздался голос младшего внука, требовавшего дать ему трубку: «Я тоже хочу говорить с дедом!» До него донеслись обрывки слов тещи, уговаривавшей мальчика: «Дай ему трубку, детка, пусть он тоже поговорит с дедушкой, а ты потом продолжишь разговор».

Разговаривая то с одним внуком, то с другим, Хасар довольно улыбался, радовался общению с ними, словно они были рядом. Мысленно он и был рядом с ними: пришел с работы, а вечером, желая немного остудить двор, вместе с ними поливает его из шланга.

Хасар вспомнил, как воевали они между собой за право владения шлангом, один конец которого был подсоединен к водопроводному крану. Представил их возню и споры. Он помнит, как потом раздавался требовательный голос Дуньи, призывавший внуков к порядку: «А ну, немедленно прекратите! Уже успели намочить одежду, которую вам только что одели?!»

Хасар долго разговаривал с внуками, радуясь их голосам и общению с ними, а потом трубку взяла теща, терпеливо ожидавшая, пока наговорятся малыши.

– Хасар!

– Здравствуйте, дайза! Как вы там?

– Спасибо, хорошо. Только что заходил Арслан джан, говорит, по делам в министерство приезжал...— она хотела сказать: если бы ты позвонил немного раньше, мог бы и с сыном поговорить.

– А как твои дела, сынок? – голос старой женщины дрогнул. Она молчала, потому что ей было трудно говорить. Потом стала расспрашивать Хасара о матери, брате и его семье. Прощаясь, попросила: – Ты хоть звони иногда! – и снова ее голос дрогнул, в нем появились слезы, дыхание женщины участилось и стало прерывистым.

Пообещав иногда звонить, Хасар распрощался с тещей, он тоже был в расстроен. Представил, как огорчил ее этот разговор, как она стоит и вытирает слезы...

Эта неожиданная размолвка дочери с зятем, напряженность в их отношениях тяжело дались матери, которая жила и радовалась их счастьем. Она не была в обиде на Хасара, напротив, сердилась на дочь за то, что ее поведение стало причиной их расставания. Матери с самого начала не нравилась работа дочери и ее стремление быстро разбогатеть, то, как вела себя в последнее время Дунья, не могло не расстраивать старую женщину.

До сих пор она, не имея сына, считала своим сыном Хасара, верила, что Господь Бог послал его, чтобы он заменил им с мужем сына. Жила, радуясь счастьем дочери, ее дружной семье. Да и разве это не счастье – видеть родителям, как хорошо живет их ребенок? Когда после отъезда Хасара Дунья пришла домой, мать преградила ей путь и непустила в дом.

– Если Хасар больше сюда не ходок, то и ты не переступишь порог этого дома. Ты не только мужа, ты всех нас променяла на какого-то кобеля!

Разговор с внуками так расстроил Хасара, что он забыл заплатить за разговор и стремительно пошел к выходу.

Уже на самом выходе его догнал ироничный окрик телефонистки:

– Мужчина, вы что же, уходите? А заплатить за разговор не хотите? – Хасар остановился, как вкопанный. «Ой!», – воскликнул он и с виноватой улыбкой на лице пошел обратно... Извинился перед девушкой за свою рассеянность и заплатил за разговор.

Девушка, видя, как он расстроен, примирительно произнесла: «Вы человек чужой, если бы кто-то из местных жителей был, я бы не стала беспокоиться, он бы потом все равно пришел и заплатил», – ей было неловко, что она одернула человека из-за какой-то мизерной суммы.

Услышав, что в родном городе его считают чужим, Хасар испытал смешанные чувства. Он только улыбнулся в ответ на слова девушки.

А на улице все еще накрапывал дождь. Город был похож на человека, на теле которого после обильного чаепития проступают крупные капли пота. Мокрым был не только город, даже воздух над ним дышал влагой.

Под дождем овальный купол вокзала был совсем темным и похожим на гигантский перевернутый котел. Перед вокзалом, как всегда, было полно народу. Многие пассажиры, прячась от дождя, стояли под навесом по обе стороны от входа, поставив у ног свои сумки.

После разговора с внуками Хасар вдруг почувствовал нестерпимую жажду, как человек, наевшийся рыбы. Дойдя до монумента жертвам войны перед Дворцом нефтяников, Хасар остановился с мыслью, где бы выпить стакан воды, и поверх снующих по площади машин посмотрел в сторону вокзала: там можно было напиться.

Когда он вернулся домой, в ушах его все еще звучали милые голоса его любимых внуков.

Тоты и сегодня ушла домой позже всех остальных сослуживцев. У подъезда ее уже давно ожидала служебная машина, она стояла в сторонке, растворившись в ночной темноте. Когда Тоты открыла заднюю дверцу и села на привычное место, водитель, откинувшись от подголовника, завел машину со словами: «А, башлык, вы пришли? Едем?»

Машина развернулась и выехала с больничного двора, свернула направо и вышла на большую дорогу. Городские фонари, словно соревнуясь друг с другом, тускло мерцали под струями дождя. Ехать им было недалеко, если идти пешком и напрямую, это расстояние можно одолеть за десять-пятнадцать минут. Но коли ты руководитель, тебе не пристало ходить пешком, да и времени нет, для чего ж тогда служебные машины существуют? Хотя Тоты, каждый раз заглядывая в зеркало и видя, как наливается полнотой ее тело, думала о пользе пеших прогулок для таких, как она, женщин, разменявших пятый десяток. Иногда она говорила себе: завтра же займусь своим здоровьем. Но завтра, как только за ней приезжала машина, она и сама не понимала, как оказывалась на ее заднем сиденье.

В назначенный день Хасар так и не появился, не пришел он и после, и теперь в голове Тоты роились разные мысли, которые не давали ей покоя. Вот уже два дня, выезжая по делам службы, по возвращении, в надежде, что за это время мог появиться Хасар, задавала секретарше один и тот же вопрос:

– Меня никто не спрашивал?

А секретарша вместо того, чтобы сообщить то, что она хотела услышать, начинала перечислять, кто ей звонил по служебной надобности, называть имена совершенно других людей, справлявшихся о ней.

Вчера Тоты ждала появления Хасара с огромным нетерпением и страстным желанием. В этот день она надела

свое лучшее нарядное платье цвета спелого баклажана, которое очень ей шло.

Свои блестящие волосы Тоты красиво уложила на затылке, наложила на ресницы тушь и стала похожа на человека, собравшегося на какой-то праздник. На работе первой на нее обратила внимание худенькая неказистая секретарша с тонкими чертами лица.

- Ба, Тоты Тагановна, вас сегодня не узнать! Вы просто красавица! – девушка проводила ее до кабинета завистливым взглядом.

После многодневных раздумий у нее появилось желание выглядеть в глазах своего бывшего преподавателя, которого она некогда называла «моей чайкой», достойным уважения руководителем, а кроме того, она внушила себе, что ее «чайка» долгое время летала не там, где надо, и вот теперь снова прибилась к родным берегам. Ей хотелось, чтобы он увидел в ней достойную внимания женщину.

Но все ее ожидания оказались напрасными, потому что Хасар так и не появился, ни в тот день, ни следующий.

А взять и позвонить ему она посчитала ниже своего достоинства.

По пути домой, сидя в мягком кресле машины, Тоты размышляла о причинах, заставивших Хасара не появиться в ее кабинете. В конце концов, она пришла к выводу, что он, скорее всего, уехал в Ашхабад, чтобы провести оставшихся там детей и внуков.

Вот уже почти два года прошло с того дня, как Тоты съехала со своей прежней квартиры, в которой прожила почти двадцать лет, и теперь одна занимала просторную квартиру из шести комнат улучшенной планировки в доме, выстроенном для обкомовских руководителей еще в советские времена. Эту квартиру ей выделили после того, как она заняла руководящий пост.

Прежде в этой квартире до самого развала СССР и переезда в Москву жила семья полновластного хозяина области – первого секретаря обкома партии Дмитрина.

Это кресло Дмитрин занимал долго, гораздо дольше положенного благодаря регулярным поставкам в Москву каспийской красной рыбы и черной икры. Каждый раз, когда местные руководители пытались сместить его с этого поста, из Москвы раздавался окрик: «Надо работать, как Дмитрин, если бы секретари и других ваших обкомов работали, как Дмитрин, республика в числе первых приблизилась бы к коммунизму!» После такого звонка всем все сразу становилось понятным. В народе метко подметили: «Пока в Каспии не закончится красная рыба, не найдется силы, которая сможет убрать Дмитрина с этого места».

Приехав домой, Тоты переоделась в просторную и мягкую домашнюю одежду, не стала спешить с ужином, легла на диван, вытянув ноги и прикрыв глаза, какое-то время отдыхала в комнате с выключенным светом. У нее не было аппетита, хотя она и знала, что на кухне ее ждет приготовленный домработницы вкусный ужин.

И все же надо было как-то пересилить себя и хоть что-нибудь поесть, чтобы потом, к ночи, не разыгрался аппетит, который вынудит ее наесться перед сном. Вот уже много времени в этом доме регулярно питались только тогда, когда из Ашхабада на каникулы приезжала младшая дочь или же когда гостила старшая дочь с детьми. В другое время у нее была тоскливая, как звуки давно не бравшегося в руки музыкального инструмента, жизнь, которая состояла из бесконечных командировок и совещаний.

Тоты и раньше, придя с работы, любила полежать на диване, давая отдых ногам и голове, и, бывало, засыпала и спала на нем до утра.

Сейчас, лежа на диване, она мечтала принять ванну. Знала, что стоит ей принять ванну, и она почувствует, как по телу разливается благодать, как силы возвращаются к ней, словно она заново родилась на свет.

После приема ванны она всегда чувствовала себя по-другому. После купания ее грудь снова становилась упругой,

с торчащими как у девочки сосками, а талия словно делалась тоньше. У нее поднимается настроение, она начинает с аппетитом есть, с удовольствием просматривая по телевизору фильмы об отношениях мужчины и женщины. Она верила, что и у нее еще будут такие же отношения с мужчиной.

В самом деле, разве она могла подумать, что Хасар, который еще вчера был для нее таким недостижимым, сегодня у нее же придет просить работу. И вообще, как могло случиться, что известный хирург Мамметханов вдруг опустился до Красноводской больницы? Но ведь это так и было. Появление на пороге ее кабинета известного доктора напомнило Тоты сказку, в которой царь, по какой-то причине прогнавший свою жену, потом был вынужден унижаться перед ней и приходил о чем-то просить.

На какой-то миг она представила себя на месте той царской жены, и в ее душе снова вспыхнули обида и желание быть отмищенной.

В тот момент она еще не знала, возьмет его на работу или нет, поэтому и посоветовала навестить к ней через неделю, чтобы у нее было время хорошенько все обдумать. Поначалу она собиралась не брать его на работу даже после вторичного прихода. Например, она могла сделать вид, что озабочена его проблемой и переживает за него, сказать:

- У меня пока что работы для вас нет, – и для приличия начинать звонить в разные места, чтобы он видел, что она и в самом деле хочет ему помочь. Тоты знала о негласном распоряжении не брать на работу людей старше сорока пяти лет, поэтому была уверена, что Хасару и в других местах откажут.

От этой мысли Тоты испытала чувство мстительного удовлетворения и гордости за свою должность.

Вот уже много лет она связывала свои неудачи в личной жизни с той первой неразделенной любовью к Хасару и

жила с чувством обиды. Нередко, вспоминая о Хасаре, она заново переживала те же чувства.

Зайдя в ванную комнату, Тоты сняла домашний халат и повесила его на крючок справа от входа. Затем она включила горячую воду, чтобы немного согреть воздух в ванной, а через некоторое время, когда пар окутал все пространство, открыла холодный кран и смешала воду до нужной температуры.

Мощной струей воды из душа она массировала тело, испытывая приятную истому и ощущая, как усталость покидает ее. Затем намылила мочалку и старательно вымыла ею все тело.

Намыливая груди, она вдруг вспомнила один эпизод из далекого прошлого, он был связан с ее малыми детьми. Тоты улыбнулась.

Когда в дом принесли вторую малышку, старшая дочь Тоты ревностно отнеслась к появлению сестры. Вначале она говорила: «Она плохая, плачет!», – а потом висла на шее матери и требовала, чтобы та не кормила грудью новорожденную. «Отнесите ее обратно!» – заливаясь слезами, требовала дочка. Мать с отцом тогда весело рассмеялись. Отец взял девочку на руки, стал целовать и гладить ее, убеждать в том, что сестричка еще совсем маленькая, что она не может ходить, вот когда вырастет и начнет ходить, они обязательно отведут ее обратно в магазин, в котором купили. Отец сумел успокоить ребенка, внушив маленькой дочери, что они с мамой любят ее больше, чем сестричку.

Выйдя из ванны, Тоты надела банный халат, закуталась в него с головой, вытерла лицо, шею, грудь, и вернулась обратно в комнату.

Проходя мимо серванта, увидела за стеклом фотографию внука, остановилась и стала с нежностью разглядывать любимые черты.

На фотографии ребенок сидел и тянулся ручками кверху, словно просясь на руки к бабушке.

Тоты вынула снимок из-за стекла и поцеловала его. Ей страстно захотелось увидеть внука, взять его на руки и расцеловать. Фотография ребенка напомнила ей, бабушке, про родителей и младшего брата, она вдруг поняла, как скучает по ним.

Старшая дочь Тоты с головой ушла в свои семейные заботы. Обычно она по три-четыре раза на год приезжала погостить к матери, но после рождения второго ребенка ей не удавалось приезжать больше двух раз. Прежде она оставалась у матери и на неделю, и на десять дней, а теперь уже через пару дней начинала проситься обратно: «Мама, ты отпусти нас, без нас наш папа чувствует себя дома как в гостях!»

Как мать она радовалась, видя, как быстро ее дочь вошла в новую семью и прижилась в ней. Считала, что ее привязанность к мужу и дому у нее от отца, который тоже был настоящим семьянином, не мог долго находиться в разлуке с семьей. Если его ребенок простывал или еще что-то, он не ленился еженедельно приезжать даже из Мары, а это не ближний свет...

Сейчас, видя, как ее дочь старается быть хорошей невесткой для родителей мужа, Тоты с благодарностью подумала о своем бывшем муже. В свое время и сама Тоты, потеряв голову от любви, желала себе такой же счастливой жизни, как у дочери.

Фотография внука в этом доме была не единственной. Их было много, и Тоты развесила снимки в разных местах квартиры, чтобы постоянно видеть их, – в гостиной, на кухне, в спальне. Они висели на стенах рядом с ее собственными портретами, а также портретами ее родителей, брата и дочерей. С одной фотографии на нее смотрела дочь, державшая на руках и обнимавшая сынишку двух-трех лет с пушистыми волосиками.

Зачастую эти снимки напоминали Тоты родных, по которым она всегда очень скучала. И тогда она снимала трубку телефона и звонила в Мары, чтобы услышать родные голоса.

Тоты решила поужинать. Её взгляд упал на стоявший в углу комнаты трехколесный велосипед, который ждал ее внука, и вид у него был скучающий. Настроение велосипеда, грустившего по своему маленькому хозяину, передалось и самой Тоты. Она вспомнила, как во время недавнего приезда из-за внука обидела свою дочь. Внуку было уже три года, а он не был приучен проситься на горшок, каждое утро его постель оказывалась мокрой. Увидев это, Тоты нахмурилась и выговорила дочери:

– Если он постоянно писает в постель, надо показать его врачу или еще что-то делать. Они током лечат таких детишек. Если и дальше так пойдет, скоро мы все задохнемся от запаха мочи.

Дочери не понравилось, что ее мать выговаривает ей за ребенка.

– Свекровь говорит, что когда он вырастет, это само по себе пройдет. Говорит, кто из вас не писался в детстве? Да и папина семья относится к этому спокойно, ни разу не упрекнула меня. Напротив, они, и даже новая жена отца, увидев нас, радуются, встречаясь с нами, отнимают у меня сына: «К нам в гости приехал Гайгысызджан!». А ты, хоть и моя мама, упрекаешь меня из-за ребенка!

В тот день, вернувшись с работы, она узнала, что дочь, которая должна была уезжать через три дня, собралась в дорогу. «Мама, а я поменяла билет!» - сообщила она матери и в тот же день уехала.

Тоты пожалела об обиде, нанесенной ею дочери, ей хотелось плакать, ком подступил к горлу, на глаза навернулись слезы. Она не смогла проглотить кусок хлеба, который был у нее во рту. Понимая, что без них она никто,

сидела и со слезами на глазах представляла дочерей и внуков.

«На что мне одной эта огромная квартира, если вас в ней не будет? – Тоты наконец-то дала волю слезам. Как же я люблю тебя, дитя моего дитяти!» – она прижала фотографию внука к своей груди. Мысли Тоты о детях плавно перетекли в мысли о Хасаре. И она поняла, что все ее обиды на этого человека рассеиваются, как дым, как утренний туман. Все, сказала она себе, завтра же позвоню к ним домой и расставлю все по своим местам.

Вечер пролетел незаметно, и уже настала глубокая ночь. Вспомнив, что завтра с утра надо снова отправляться на работу, Тоты стала собирать небольшой сачак, который каждый раз расстилала, собираясь поесть.

И снова на нее нахлынули тоскливые мысли. У нее две дочери, двое внуков, а она как безродная, проводит время в одиночестве. Но в этом виноваты не ее дети, а ее собственный неуживчивый характер. Ведь ездила же и довольно часто к ней старшая дочь с детьми и мужем, наполняла этот дом жизнью? Да, она снова почувствовала себя брошенной, и обида захлестнула ее. Уткнувшись лицом в подушку, она долго и горько плакала о своей не сложившейся судьбе.

* * *

Назавтра Тоты позвонила в справочную и узнала номер домашнего телефона Хасара, позвонила туда. Но вначале к телефону очень долго никто не подходил. Наверно, возятся во дворе, кто же там будет сидеть у телефона и караулить его? И лишь после второго долгого звонка на том конце провода трубку подняла запыхавшаяся женщина.

Поняв, что трубку поднял не сам Хасар, а к телефону подошла его мать, Тоты некоторое время молчала, раздумывая, как ей лучше поступить. На том конце провода проявили нетерпение:

– Слушаю, говорите же!

Тоты поняла, что если она и дальше будет молчать, женщина подумает, что это звонит кто-то из тех, кто любит баловаться, возмутится и бросит трубку. С бьющимся сердцем, волнуясь, произнесла:

– Здравствуйте, дайза! Как ваши дела, как здоровье? Дома ли Хасар?– она чувствовала себя неловко. Услышав голос Тоты, женщина на том конце провода ойкнула, словно кто-то толкнул ее в бок. Тоты так и не поняла, чем была вызвана такая реакция женщины, только услышала, как та возмутилась, прежде чем швырнуть трубку на рычаг:

– Неужели у этой нахалки хватило совести звонить к нам домой?!

В это время в доме не было ни Хасара, ни его брата с семьей. На хозяйстве оставалась только мать Хасара, которая была и хозяйкой, и сторожем дома. Тоты не знала, что Дунья тоже называла свою свекровь «дайза» – «тетя».

В начале Тоты расстроилась из-за того, что мать Хасара так грубо ответила незнакомому человеку, не попытавшись даже выяснить, кто она, но, поразмыслив, поняла, что мать приняла ее за женщину, разрушившую семью сына, то есть за свою бывшую невестку. Может быть у них голоса похожи.

Тоты пожалела, что не представилась, за что и поплатилась тем, что ей пришлось выслушать неприятные слова, хотя и адресованные совсем другому человеку.

Сердце все еще трепыхалось в груди, как пойманная в клетку птичка. Тоты долго не могла отойти от этого неприятного разговора.

Некоторое время она сидела, держа трубку в руке и забыв положить ее на рычаг. Потом она очнулась, отнеслась к случившемуся с улыбкой, погладила телефонную трубку и положила ее на место.

Зимой на берегу моря даже днем чаще всего бывает пасмурно, как при наступлении сумерек. Зато воздух чист и свеж, и эту свежесть придает морской воздух, окутавший город и окружающие его горы.

Хасар решил, что больше ни за что не пойдет к своей бывшей студентке и не станет просить у нее работы, пока она сама не пригласит его, не станет навязываться ей. В то же время он думал о том, что ему надо искать работу в другом месте. А подумал он так потому, что как-то на днях его мать сказала: «Слушай, оказывается, дочь Ковуса-огурджалы заведует нашей поликлиникой. Я там была на прошлой неделе, и она сама меня узнала. Я-то видела ее совсем ребенком, а она вон уже во взрослую женщину превратилась. Пока был жив отец, мы даже общались с этой семьей, какие-то родственные связи поддерживали. А институт она закончила не так давно, после того, как наша страна обрела независимость. Наверно, попала в струю, ведь сейчас везде молодых продвигают. ...Хасар, может, наведаешься к ней? Другим она, может, и откажет, но если ты напостишь ей о себе, тебя она без работы не оставит, огурджалинец огурджалинца всегда поддержит, а как иначе?» И были в этих ее словах и гордость, и надежда.

На другой же день Хасар пришел в городскую поликлинику, о которой говорила его мать. Узнав от секретарши, что главврач вышла и находится где-то поблизости, он сел на свободный стул среди ожидающих приема больных и стал ждать. Главврач не заставила долго ждать, вскоре она появилась на другом конце коридора, на шее у нее был фонендоскоп, она шла и разговаривала с другой женщиной в таком же белом халате.

Хасар никогда прежде не видел ее, но по тому, как держалась она, как разговаривала с другим врачом, понял,

что эта молодая стройная худошавая женщина и есть та самая огурджалинская девушка, о которой говорила его мать.

Она уже была у дверей своего кабинета, когда Хасар встал с места и обратился к ней.

– Я к вам. Сможете уделить мне пару минут своего времени?

Доктор замедлила шаг и вопросительно посмотрела на незнакомого мужчину. Хасар продолжил:

– Я пришел к вам по вопросу трудоустройства.

Ответ женщины был коротким:

– У нас, яшули, работы нет. У нас сейчас идет сокращение штатов! Мы не знаем, куда устроить своих оставшихся без работы людей. И потом, от нас требуют брать на работу не таких, как вы, людей почтенного возраста, а молодых, недавних выпускников института.

После такого ответа Хасару не пришлось даже знакомиться со своей родственницей.

Хасару хотелось как можно скорее устроиться на работу, он готов был идти куда угодно, лишь бы не сидеть дома. Он чувствовал, что вынужденное безделье заставляет его и к себе относиться иначе, он считал свое положение унижительным и все чаще был недоволен собою.

И еще в одном месте он решил попытать счастья. Пошел на станцию скорой помощи. Хасар знал, что многие врачи относятся к работе на «скорой» несколько скептически, считая ее не настоящей, и потому долго не задерживаются там, стараются найти работу в каком-нибудь стационаре. И все же многие, не найдя работы в другом месте, вынуждены оседать на станции. Что ж, решил Хасар, а вдруг там ему повезет больше?

На этот раз он решил предусмотреть все. Чтобы потом не выслушивать отказ, для начала зашел в отдел кадров и поинтересовался, есть ли какие-то вакансии. Отдел состоял

из одной работницы, которая по совместительству была еще и одним из бухгалтеров. Поэтому она и сидела в кабинете с вывеской «Бухгалтерия».

– Нет ли у вас какой-нибудь работы для доктора? – спросил Хасар, и девушка из отдела кадров посмотрела на него как на ненормального, пожала плечами, не понимая, почему этот вопрос задают ей. «С луны, что ли свалился этот человек?» – читалось в ее взгляде.

Дело в том, что любой, кто устраивался сюда на работу, должен был вначале встретиться с главврачом станции скорой помощи, а уже тот направлял просителя в отдел кадров для оформления бумаг.

– Вас начальник направил?

– Нет.

– Тогда вначале переговорите с ним, а уже потом приходите ко мне!

Во время этого диалога женщина средних лет, напоминавшая мать семейства и сидевшая за просторным столом в углу комнаты, сняла очки, отодвинула в сторону бумаги, подняла голову, давая понять, что слышала часть разговора, и внимательно посмотрела на Хасара. Всем своим видом она изображала удивление и непонимание: как это человек, не побывав у начальства, пришел устраиваться на работу. Со своего места подала реплику: «Башлыка сейчас нет на месте, он уехал на совещание в хякимлик, а оттуда отправится в финотдел», тем самым как бы говоря, что сейчас Хасару не стоит даже искать его. Хасар взглянул на женщину, и ее лицо показалось ему знакомым, в особенности, когда она сняла очки. Но в тот момент он никак не мог вспомнить, где он видел эти глаза.

Спустя какое-то время после ухода Хасара главный бухгалтер, о чем-то вспомнив, с довольным видом посмотрела на работающих женщин.

– Девчонки, знаете, кто к нам приходил? Если я не ошибаюсь, это Хасар Мамметханов, наш земляк...

Женщины вопросительно смотрели на свою начальницу, не понимая, что она хочет этим сказать.

– Я не сразу его узнала. О-о, сколько времени с тех пор прошло! Думаю, и он меня не узнал, иначе точно сказал бы «Сонечка Мармеладова...» – довольно улыбнулась она, вспоминая о чем-то своем. А потом и вовсе погрузилась в воспоминания... – В те годы Хасар Мамметханов был стройным, красивым юношей. У нас в городе работал известный врач Яков Лазаревич Аким, он был его учеником. Про Хасара он говорил, что он его преемник, со временем заменит его на посту главврача. Они вместе делали операции – известный врач и его ученик, который ассистировал ему...

На обратном пути и Хасар вспомнил ту женщину, показавшуюся ему знакомой. Ну, конечно, это же Сонечка Мармеладова, которую приняли на работу помощником бухгалтера при Якове Лазаревиче. Она тогда была тоненькой девушкой, только что окончившей бухгалтерские курсы. Звали ее Сонечка, а отчество, возможно, у нее было другое, но Яков Лазаревич ласково называл ее именем героини одного из романов любимого им Достоевского Сонечкой Мармеладовой.

Хасару было приятно вспомнить этот добрый эпизод из своей прошлой жизни. После такого воспоминания у него появилось чувство удовлетворения, словно он уже устроился на работу.

На завтра он пришел к заведующему «скорой помощи», когда тот был на рабочем месте. Заведующий оказался человеком кавказской национальности, плотного телосложения, с блестящей лысиной и седыми усами.

Не выслушав Хасара до конца, сказал: «Врачи нам нужны», а потом, вместо того, чтобы спросить, какова его специализация, спросил: "Какое образование?"

– Высшее.

– Высшее какое?

-
-
- Хирург.
 - Практик?

Хасар никак не мог понять, что конкретно он хочет узнать от него. Но потом сообразил, что тот интересовался, делал ли он сам операции или занимался перевязками в поликлинике.

– Я оперирующий хирург, – кивнув головой, ответил Хасар.

Руководитель скорой помощи и после этого, не меняя своего хладнокровного вида, шумно выдвинул ящик стола, достал оттуда лист бумаги и протянул Хасару.

– Пиши заявление. Думаю, вам известны условия нашей работы. Если не знаете, сообщаю: сутки работы через двое суток отдыха. Если согласны, приходите завтра к четырем и принимайте смену!

Так Хасар на следующий день после написания заявления приступил к работе на станции скорой медицинской помощи.

Хасар знал, что эта работа больше подходит молодым, что ему будет нелегко, и все равно был благодарен этому руководителю с неприветливым лицом за то, что он без лишних расспросов предложил ему работу и радовался тому, что есть еще люди, которые превыше всего ставят интересы дела. Хасар поверил, что сможет сработаться с этим человеком. И не ошибся.

В тот день, когда Хасар впервые встал на дежурство, заведующий с развешивающимися полами белого халата решительно вошел в дежурку, где в ожидании вызова находились врачи. Он сразу же подошел к Хасару, улыбнулся ему и протянул руку:

– Хасар Мамметханович! Туркмены говорят: не узнавши, не уважит. Я хоть и не видел вас раньше, но слышал, что какой-то парень из Красноводска служит в Германии, работает начальником центрального госпиталя советских

войск. Гордился тем, что у нас такой земляк. Но кому могло прийти в голову, что вы можете появиться у нас? Сколько лет вы возглавляли госпиталь там?

– Двенадцать лет!

– Это генеральская должность.

– Да, только я полковник.

– Высокий чин. Если бы не случилось всей этой заварухи, и вывода советских войск, через пару лет вы точно стали бы генералом.

– Значит, не судьба.

– Что, правда, то, правда. Но вы прошли завидный путь... Заведующий скорой помощи продолжил разговор в том же духе. – С вашим приходом у меня возникла еще одна мысль. Раньше у нас было хирургическое отделение, но после того, как одни врачи уехали, а другие вышли на заслуженный отдых, мы были вынуждены закрыть его. Вот теперь к нам пришли вы. И хотя говорят, что оперировать должны только в одном месте города, мы что-нибудь придумаем. Даст Бог, обязательно заново наладим работу отделения! – с пафосом произнес он.

Хасар был благодарен главврачу скорой помощи за добрые слова в его адрес, за то, что он узнал его и выказал ему свое уважение. После, раздумывая о случившемся, он согласился с пословицей «Дома и стены помогают».

* * *

Глубокой ночью раздался телефонный звонок, в это время семья Мамметхановых уже крепко спала. Хасар и вовсе спал беспробудным сном. В первый раз, отдежурив сутки на новом месте работы, ближе к вечеру сдал смену другому врачу и, усталый, отправился домой, неся на себе капли дождя с первыми в этом году снежинками. Умывшись и поужинав, устроился удобнее перед телевизором, включил

программу «Ватан», чтобы послушать последние новости, но бессонная ночь и усталость взяли верх, и он крепко уснул там же, где лежал, подложив под локоть подушку.

Увидев спящего сына, мать укрыла его, зная, что во сне человек мерзнет, но он тогда проснулся.

- Иди, сынок, ложись в свою постель, там тебе будет удобнее. И не забудь носки снять, пусть ноги тоже отдохнут! – сказала ему любящая мать.

Ходжа, увидев, что старший брат уснул, тоже решил не беспокоить его, выключил телевизор и ушел в соседнюю комнату, чтобы вместе с детьми посмотреть «Ватан» по маминому телевизору, который детишки называли «бабушкиным».

Сквозь сон Хасар слышал непрерывный телефонный звонок, но никак не мог сообразить, во сне он его слышит или наяву. А телефон продолжать звонить в темноте, как будто что-то хотел сказать. Тем временем слышались шаги Ходжа, который прошлепал мимо комнаты Хасара и заспешил к телефону.

Следом послышался хриловатый сонный голос брата: «Алло!» И сразу вслед за этим раздались его отрывистые испуганные возгласы: «Где? Когда? Он хоть жив?» Похоже, случилась какая-то непоправимая беда.

Услышав отчаянные крики сына, из своей комнаты, держась за стену, выползла грузная женщина, мать сыновей. Она испуганно спросила:

– Что? Что случилось, сынок?

Ходжа только произнес «Арсланджан», больше не смог сказать ни слова, ком подступил к горлу и лишил его голоса. Он молчал, глотая горькие слезы.

– Ах, горе мое горе! – запричитала старуха, поняв, что с ее внуком случилось что-то страшное, и рухнула на пол. – Что-то с самолетом случилось?

Потом посмотрела на сына так выразительно, что было ясно: она хочет как можно скорее узнать, что случилось с ее внуком.

– Мама, Арслан ехал к нам и около Казанджика попал в аварию.

– Вай, он жив хотя бы?

Не получив на свой вопрос ответа, мать зарыдала в голос.

Проснувшись от ночного шума и голосов. Хасар наспех надел рубашку, кое-как застегнул ее и появился на пороге комнаты.

Ходжа, первым получив страшное сообщение, не сдерживая слез, кинулся на шею брату.

– Хасар дяде, Арслан джан попал в аварию!

– Где, когда?

– Около Казанджика.

– Откуда ты знаешь?

– Только что из Ашхабада позвонила его сестренка Мяхри джан. А к ним звонили из Казанджика. Его мать уже выехала в эту сторону на машине.

– Как его состояние?

– Из больницы сообщили, что он в очень тяжелом состоянии. – Ходжа решил не говорить всей правды, чтобы до смерти не перепугать мать и брата, оставить им крохотную надежду, хотя звонившие просили их забрать тело погибшего.

Поняв, что случилось самое страшное, Хасар почувствовал, как по телу его пробежал ток.

Зашумело в голове, уши перестали слышать. Мысль о том, что его сын, его любимый Арслан, погиб, заставила его задрожать всем телом. Он с трудом сдерживал себя, чтобы не зарыдать во весь голос.

Немного успокоившись, Ходжа занялся поисками родственников и друзей, которые бы вместе с ним поехали за Арсланом. Первым делом он позвонил младшему брату своей жены.

Когда на том конце провода подняли трубку, он сразу же представился: «Нияз, это я!»

– У вас все хорошо?

– Нет, не хорошо. Слушай меня! – решительно произнес он, давая понять, что спешит. – Ты оденься и срочно приезжай к нам, мы уже готовы тронуться в путь... Не забудь захватить водительское удостоверение, машину вести придется тебе. Свою машину ты не бери. На моей и Хасара машине поедem в Казанджик!..

Во втором доме, куда позвонил Ходжа, никто не поднял трубку. Подумав о том, что они на ночь отключают телефон, чтобы никто не беспокоил, Ходжа рассердился на двоюродного брата.

– Ну что они за люди такие! Зачем надо телефон отключать!

Разбуженный сосед быстро оделся и пришел к ним. Теперь путников стало четверо. Они уже открывали ворота, когда из дома вышла мать:

– Заверните в Небитдаг и возьмите с собой одного из дядь! - напомнила сыновьям о своих родственниках.

Хасар с братом сели в его машину, ее вел Ходжа. Они ехали молча, и вид у них был такой, будто они только что поссорились.

Все струны души были натянуты до предела, в голове были только мысли об Арслане, о его тяжелом состоянии. Уже начало светать, но все вокруг, особенно в тех местах, куда не доставал свет фонарей, находилось во власти тьмы, деревья и дома казались перевернутыми и похожими на миражи, тихо плывущие в ночи.

Пока ехали по городу, машины иногда сбавляли скорость и ехали тихим ходом. Улицы были пустынные, люди все еще находились во власти сладкого предутреннего сна. В такую пору выехать из дома человек может только по нужде, тем более не хочется покидать теплого дома в такое холодное время года.

Когда выехали из города, они словно опять оказались в ночи. Машины, почувствовав простор, прибавили скорость. Сейчас они были похожи на людей, спешивших к тому месту, где Арслан, ехавший из Ашхабада к отцу в Красноводск, попал в аварию и перевернулся на своей машине, чтобы опередить его и забрать с собой прежде, чем он окажется на этом гиблом месте.

Еще через какое-то время Хасар вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха, и опустил стекло со своей стороны. Тотчас же с улицы ворвался холодный воздух и стал биться по стенам кабины, как попавшая в клетку птица. Влажный воздух был пропитан терпким запахом растущей в этих местах полыни.

Воздух постепенно начал сереть, и ночь вынужденно уступила место нарождающемуся дню.

Состояние Ходжа было не лучше, чем у его брата, стиснув зубы, он молчал и неотрывно смотрел на дорогу. Он размышлял о несчастьях, свалившихся на голову его брата в последнее время, и считал это закономерным. Все его беды были следствием разлада в его семье, и неизвестно, когда все это закончится. Больше всего Ходжа расстраивался из-за того, что ничем не может помочь брату, и эта мысль угнетала его.

Он видел Арслана юношей в расцвете сил и думал: «Это ты должен был хоронить нас, а вон ведь как все повернулось, мы едем, чтобы забрать твоё тело!» Он с трудом сдерживался, чтобы не заплакать, глотал слезы и давил рвущийся из груди стон.

Машины мчались по заснеженной дороге, обгоняя друг друга, чтобы как можно скорее добраться до места.

Небо над серым полем снова превратилось в белый купол. Снова появились снежинки, которые парили в воздухе, словно белые пушинки, оторвавшиеся от небесной подушки. Почва под колесами машины примерзла и хрустела, как под подошвой сапог, топчущих сухие ветки.

На подъезде к Джебелу Ходжа увидел в зеркале заднего обзора две машины, догоняющие их на большой скорости.

Задние, увидев, что передние машины обратили на них внимание, стали часто мигать фарами, давая понять, что у них есть какое-то сообщение.

Ходжа снизил скорость, чтобы узнать, что за сообщение приготовили им задние машины, и взял немного в сторону. В это время задние машины догнали их и поравнялись с ними.

Это были родственники Хасара, спешно следовавшие за ним сразу же, как только узнали о его отъезде, чтобы в трудную минуту быть рядом.

Неожиданное появление родственников вызвало у Хасара прилив благодарности, он почувствовал себя так, будто его взяли под защиту. Губы его задрожали, он снова расстроился и едва сдерживал слезы. Пока брат разговаривал с ними, он безучастно смотрел по сторонам, стараясь не выдать своего состояния, а потом и вовсе отошел в сторонку.

Хасар походил немного, разминая затекшие ноги, и вернулся к машине. В это время Ходжа и другие родственники, поливая друг другу из баклажек, умывали руки и лица, отгоняя от себя последние остатки ночного сна.

Хасар тоже умылся холодной водой, которая освежила его и привела в чувство.

А через некоторое время они въезжали в Небитдаг, но уже на четырех машинах, хотя из Красноводска выезжали на двух.

* * *

Они уже приближались к Казанджику, к тому месту, где в сентябре 1975 года были расстреляны три поэта, а Хасару сказали, что и Арслан разбился примерно там же. Из трех убитых поэтов Хасару был знаком только Курбанназар, и он представлял себе, как бы он сейчас встретил его здесь живым и невредимым.

Курбанназар был уже широко известным поэтом, когда Хасар учился на начальных курсах медицинского института.

Однажды поэт с несколькими своими коллегами пришел на встречу в институт. С того времени Хасар помнит неординарную внешность этого поэта: он был высок и строен, а его красивые глаза небесно-голубого цвета излучали какой-то особый свет. Он стоял в центре зала и, уставившись в одну точку и размахивая рукой, вдохновенно читал стихи, втягивая всех вокруг в орбиту своего поэтического мира и заставляя забыть обо всем на свете.

В тот раз поэт и его коллеги-друзья сумели в очередной раз убедить юных слушателей в том, что поэзия – это не просто рифмованные строки, а нечто большее.

Каждый раз, проезжая в этом месте по пути в Красноводск или же на обратном пути в Ашхабад, Хасар думал о Курбанназаре Эзизове, который так рано, в самом расцвете творческих сил, ушел из жизни. И всегда печалился и расстраивался. Разве могло ему тогда прийти в голову, что через несколько лет в этом же месте погибнет и его собственный сын?!

Доехав до места гибели поэтов, они не обнаружили никаких следов аварии, поэтому стали выпрашивать у проезжающих и выяснили, что им надо проехать чуть дальше.

Памятный камень, установленный на месте гибели поэтов, был полностью занесен снегом, так что выведенные на нем имена скрылись под белым пушистым покрывалом.

Сейчас камень был похож на вставшего на колени путника с тяжелым грузом на горбу, изо всех сил пытающегося встать и идти дальше.

Хасар подумал: «Место расстрела этих несчастных должно быть недалеко от этого камня». Думая так, он невольно сравнивал судьбу расстрелянных в те далекие годы поэтов с судьбой своего сына Арслана, словно пытаясь понять, что общего между этими двумя событиями.

... Это случилось в сентябре 1975 года. Только что на берегу Каспия завершил свою работу ежегодный Всесоюзный фестиваль поэзии. Приехавшие из разных концов страны поэты выступали перед своими читателями, и на разных языках вдохновенно читали свои стихи.

Курбанназар, как и разделившие впоследствии его судьбу поэты Юрий Рябинин и Василий Шабанов, тоже выступал перед собравшейся публикой.

... Три друга возвращались из Ашхабада на машине. В той машине ехал и Василий Шабанов, приехавший из Москвы с группой русских поэтов и возглавивший организацию данного фестиваля. Уезжая из Красноводска, он взял с собой в закрепленную за ним машину Юрия Рябинина, а потом они поехали в Красноводский аэропорт и забрали оттуда Курбанназара Эзизова, который как раз в это время поднимался по трапу самолета, вылетавшего в Ашхабад. Друзья крикнули ему: «Поехали с нами!», и он, ни минуты не раздумывая, последовал за ними.

Поэты ехали, любуясь природой, обменивались впечатлениями, читали стихи. Настроение у всех было приподнятое, они были уверены, что еще засветло доберутся до Ашхабада.

В машине они читали запомнившиеся стихотворные строки других поэтов, приехавших на фестиваль поэзии Махтумкули, Пушкина, радовались жизни, веселились. Настроение у всех троих было превосходное.

Подъезжая к Казанджику, они вдруг решили сделать в чистом поле, на свежем воздухе, привал, поесть-попить и немного отдохнуть, а затем продолжить путь. Свернув машину с дороги, остановились, достали еду и напитки и пошли искать удобное местечко для привала, и как раз в это время случилось это непредвиденное событие.

А случилось вот что. Неподалеку в укрытии прятался солдат с автоматом в руках, дезертировавший из соседней воинской части. Увидев поэтов, вышедших из машины и

направившихся в его сторону, он даже мысли не допустил, что это могут быть обычные проезжие, решил, что это люди, вышедшие на его поиски. Недолго думая, он расстрелял всех троих. Поэты даже не успели понять, что происходит. Кто знает, может, злой рок давно подстерегал их? Говорят же, от судьбы не уйдешь, а иначе как объяснить, что им захотелось сделать привал именно в этом месте, где прятался сумасшедший дезертир? Ведь они могли чуть дальше от этого места остановиться, да и дезертир мог бы прятаться где-нибудь в другом месте... Он мог бы выйти из укрытия и подойти к ребятам, объяснить свой поступок, может, они и подсказали бы ему выход...

Да, судьба...

Хасар и прежде, вспоминая поэтов, много думал о случившемся, но так и не смог найти объяснения, которое бы устроило его.

Проехали еще немного, вдруг Ходжа, посмотрев влево, охнул и снизил скорость. Там, подняв два колеса кверху, на боку лежала машина Арслана. Один милиционер ходил вокруг нее и время от времени делал какие-то пометки в своем блокноте.

Там были еще два человека, у одного в руках была лопата, а другой держал ведро. Они лопатой соскребали оставшиеся кое-где следы крови, убирали их из-под ног.

Милиционер, увидев подъехавших людей, понял, что это родственники пострадавшего, и подошел к ним с печальным лицом, всем своим видом показывая, что у него нет хороших вестей. Он только сообщил, что парня увезли в районную больницу, что только что тут проехал прибывший из Ашхабада джип и сразу же отправился следом. Хасар догадался, что это Дунья, и понял, что они приехали вовремя, до того, как она увезет тело сына в Ашхабад.

* * *

Чем ближе они подъезжали к больнице, тем сильнее билось сердце Хасара. От горя лицо его почернело.

Ему даже в мыслях было трудно представить, как он, отец, обнимет мертвое тело своего сына. Для него это мгновение было сродни концу света.

В таком же отчаянии был Хасар и после смерти отца. Получив сообщение о его кончине, он пересаживался с самолета на самолет и прилетел в Красноводск, тогда он едва успел к похоронам. Но нынешняя утрата была несравнима с той, и сердце в груди сжималось и болело еще сильнее, чем в тот раз.

Подъехав к больнице и узнав, где находится морг, они увидели сидевшую в сторонке закутанную в черный платок согбенную Дунью. Врач в белом халате и еще какой-то парень по очереди о чем-то говорили с ней. Услышав звук подъехавших машин, они обернулись, и тогда Хасар узнал в парне своего зятя, мужа дочери, и понял, что Дунья приехала вместе с ним.

Выйдя из машины, Хасар поспешил в больницу, Ходжа и другие родственники последовали за ним, чтобы быть рядом, когда потребуется их помощь.

Зять пошел навстречу Хасару и стал объяснять:

- Дайза увидела его и упала в обморок. Доктор сделал ей укол, мы вывели ее на свежий воздух, чтобы она хорошенько пришла в себя. А Арслана уже подготовили в дорогу. Как только дайза оклемается, можно будет трогаться....

На ходу кивнув зятю, Хасар вместе с сопровождающими вошел в палату, где лежал его сын.

Будучи врачом и повидав много разных смертей, на этот раз Хасар не смог взглянуть на сына как на обычного покойника. Всхлипнув, он крепко обнял холодное тело сына, лежавшее на металлическом столе – «Что же ты наделал, сыночек?!»

Видно, сильный удар пришелся в голову, кровью из раны была залита часть лица покойного, а потом кровь стекла ему и на грудь.

Находившийся здесь же врач попросил: «Останьтесь два человека, чтобы помочь, а остальные подождите на улице»,

но он не спешил отдавать тело сына родственникам. Зная, что Дунья собиралась увезти тело сына в Ашхабад, попросил родных: «Посоветуйтесь и с матерью покойного!», давая понять, что у нее свои планы.

Плача и всхлипывая, Ходжа сразу же понял, что к чему, и отправился к гелнедже (жена старшего брата). Хасар, занятый мыслями о сыне, не совсем хорошо понял, о чем идет речь, он просто молча вышел на улицу вместе с дядей.

Когда Ходжа ушел, он подумал, что тот пошел к машине, чтобы принести саван, в который они должны завернуть Арслана.

Но тот стоял около своей гелнедже и пытался ей что-то внушить.

Даже не слыша их голосов, по тому, как горячо говорил Ходжа, жестикулируя руками, как отрицательно качала головой Дунья, Хасар догадался, что они о чем-то спорят и не могут прийти к согласию.

Он подозвал брата.

– О чем речь?

– Я говорю, что мы увезем Арсланджана и похороним его у себя, а гелнедже говорит, что надо выносить его из его собственного дома.

Только теперь до Хасара дошло, о чем они переговаривались. Нахмутив брови, он недовольно посмотрел в сторону Дуньи, как бы говоря ей: «Что ты такое придумала?», а затем командным голосом распорядился:

– Мне лучше знать, что делать с моим сыном. И потом, сейчас не время для споров. Ты, Дунья, позвони матери, пусть она возьмет невестку и внуков и едут к нам. Сегодня Арсланджан будет гостем дома, мыждемся их приезда!..

Думали, что Дунья станет упрячиться и настаивать на своем, но после решительного заявления Хасара она не посмела открыть рот.

Видя, что вопрос уже решен, Ходжа вместе с товарищами вынес завернутое в белое тело племянника и аккуратно, чтобы ему было удобно, уложил его на заранее

подготовленное сиденье своей машины. Хасар подошел с другой стороны и устроился на заднем сиденье, рядом с телом Арслана, лежащим с вытянутыми в его сторону ногами. Перед отправлением он подозвал к себе растерянного зятя и дал ему указания:

– Ты сядешь рядом с тещей. Присмотришь за ней, если вдруг по дороге ей станет плохо. Следуйте за нашей машиной, а если будет совсем плохо, сообщи, у меня с собой есть уколы.

Когда машины одна за другой стали выезжать с больничного двора, Дунья вскочила с места, вид у нее был как у овцы, у которой только что отняли ягненка. Ей не оставалось ничего другого, как последовать за отъезжающими.

Дунья ехала сюда с мыслью о том, что заберет сына с собой, поэтому о такой развязке и подумать не могла.

Она и после долго не могла понять, правильно ли поступила, отдав тело сына отцу, который одним лишь взглядом решил все так, как считал нужным он.

В голове ее роились противоречивые мысли. С одной стороны она чувствовала себя обделенной, человеком, у которого отняли сына, а с другой, она даже была благодарна Хасару, что тот взял на себя эти трудные хлопоты, сняв с нее и переложив на свои плечи этот тяжкий груз.

Помня, что Хасар уже ей не муж, с которым в мире и согласии, любя друг друга, они прожили тридцати лет, она пожалела о том, что не настояла на своем и всю дорогу оплакивала сына, которого сегодня у нее отняли окончательно...

* * *

Тоты стояла возле ограды небольшой площади перед железнодорожным вокзалом, с которой уходили автобусы дальнего следования. Она провожала на учебу младшую дочь, всего на один день приезжавшую из Ашхабада, чтобы повидаться с матерью. Скоро автобус будет отправляться, он уже стоит на своей стоянке, готовый тронуться в путь.

В автобусе сидят несколько пассажиров. Каждый раз, когда приезжали дочери, Тоты сама провожала их на автостанцию, на вокзал или в аэропорт, чтобы хотя бы еще немного побыть с ними.

Мать и дочь стояли немного в стороне от автобуса, о чем-то говорили и не могли наговориться, расстаться друг с другом.

Девушка беспокойно озиралась по сторонам, потом она попросила: «Мама, поправь мне воротник пальто!» – и повернулась к матери спиной. Тоты отметила про себя, как выросла и похорошела ее дочь, совсем взрослой девушкой стала, вон и крылышки выросли, скоро вылетит из родного гнездышка. Тоты любовалась и по-матерински гордилась ею. С любовью поправила воротник пальто, а потом обняла дочь со спины. Она вдруг заметила, что ее дочь все время куда-то напряженно смотрит, и, повернув голову в ту сторону, заметила на углу вокзала высокого симпатичного юношу, пальцами нервно расчесывавшего волосы, то снимавшего, то надевавшего кепку, которую сжимал в руках. Он делал вид, что не смотрит в сторону автобуса, хотя не мог оторвать от него взгляда. «Мать дочери глазами ищет зятя!» – есть такая поговорка у туркмен, вот и Тоты обратила внимание на парня, которого высматривала ее дочь.

«Если не считать, что тощ, совсем даже ничего, этот юноша», – подумала она, не придавая своим мыслям особого значения. Но потом, заметив, как беспокойно ведет себя дочь, даже находясь в ее объятьях, как смотрит в ту сторону, где стоит юноша, своим материнским сердцем поняла, что это не просто юноша, а суженый ее дочери. И стала думать о том, что этот парень не простой пассажир...

Обнимая дочь и нюхая ее волосы, дала ей понять, что она обо всем догадалась:

– Он?

– Кто? – дочь сделала вид, что не понимает вопроса матери.

– Не притворяйся! – требовательно произнесла Тоты,

желая знать всю правду. – Да ты посмотри на него, он же глаз от тебя оторвать не может... – а дальше в ее тоне можно было услышать: а ты пытаешься делать из этого секрет, скрыть от меня.

– Он, – тихо и нежно произнесла дочь, заливаясь краской стыда от того, что ее тайна оказалась раскрытой, и еще больше прижалась к матери.

– Это он вчера вечером звонил тебе?

– Да.

– Вы вместе учитесь?

Младшая дочь ничего не рассказывала, но от старшей дочери, недавно приезжавшей к матери на побывку, Тоты узнала, что в Ашхабаде ее сестренка встречается с юношей, с которым они вместе учатся.

– Значит, ты вместе с ним приехала из Ашхабада?

– Да.

– А где он был вчера вечером?

– В гостинице. Оттуда и звонил.

– Тогда почему же ты не пригласила его к нам домой? Могла бы сказать, что он твой однокурсник, приехал сюда повидать родственников, но их не оказалось дома, и привела бы к нам. Неужели не сообразила?

– Но он стесняется...

– И что, так и уедешь, не представив его мне?

– Ну, мам, всему свое время.

– Откуда он?

– Какая разница?

Тоты поняла, почему ее дочь избегает открытого ответа, она помнила, как обиделась на мать ее старшая сестра, когда та пыталась пристроить ее к своей родне.

– На местных ребят он не похож.

– Тогда откуда же он, как ты думаешь?

– Неужели и он марыйский?

– Нет, он из Иолотани.

– Симпатичный юноша, видный!

– А как же? – гордо произнесла девушка, давая матери

понять, что ее дочь не станет встречаться с первым попавшимся.

Тоты еще раз тайком бросила взгляд на юношу, который старательно делал вид, что не знает их, внимательно рассмотрела парня, набивавшегося в ее будущие зятя.

– Если вы любите друг друга, если он умный парень, тогда ничего.

– Мама, он очень хороший!..

Как мать Тоты поняла свою дочь и только улыбнулась в ответ на ее восторженное заявление

– В следующий приезд обязательно познакомь меня с ним!

– В этот раз он увидел, где мы живем, а в следующий раз, говорит, пришлет сватов.

– Тогда надо будет и с отцом твоим посоветоваться.

– Но у них они уже были!

– Что они ответили?

– Папа сказал: кого полюбит моя дочь, того и я полюблю. Но в Балкане живет ее родная мать, вы должны будете и с ней тоже говорить!

– Значит, вы хотите заставить меня поехать в Мары?

По изменившемуся тону матери девушка подумала, что та недовольна, и резко повернулась к ней:

– Мамочка, разве ты станешь противиться? – в голосе девушки звучала озабоченность.

Тоты ласково обняла встревоженную дочь и расцеловала на прощание.

– Разве могу я быть против твоего счастья, доченька? – голос ее был и сердечным, и радостным.

Только сейчас она поняла, почему дочь так настойчиво просила ее не провожать.

Простившись, Тоты пошла обратно, но на полпути оглянулась и увидела, как ее дочь, о чем-то жарко споря с юношей, который все это время не выпускал их из виду, с багажом в руках садится в автобус.

Она вспомнила то время, когда сгорала от страсти по Хасару, подумала, что и ее дочь сейчас переживает схожие чувства, но, в отличие от нее, дочь, конечно же, счастливее. Эта мысль согрела ее материнское сердце, наполнила ее душу теплом и светом.

Попрошавшись с дочерью, Тоты направилась к своей машине, поставленной в сторонке, там, где было свободнее, и увидела кортеж машин, ехавших на небольшой скорости со стороны востока. Доехав до круга перед вокзалом, машины повернули на юг и свернули в переулок.

Они проехали мимо Тоты, которая в это время переходя дорогу, собиралась сесть в свою машину. Замыкал кортеж машин красивый джип вишневого цвета, заметно отличавшийся от всех остальных машин.

По виду машин Тоты определила, что это траурный кортеж, который возвращается после проводов человека, ушедшего в мир иной.

Первым ехал старенький «Мерседес», когда он, с треском взрывая замерзшую землю, проезжал мимо нее, в приоткрытом окне машины мелькнуло лицо, показавшееся ей знакомым.

Лицо человека показалось ей хмурым и очень усталым.

Пропустив машины мимо себя, она вдруг поняла, что сидевший в «Мерседесе» человек похож на Хасара. Подумала о том, что он похоронил кого-то из родственников.

Она пока еще не знала, что конец света наступил для ее собственного учителя.

Узнала она о случившемся лишь на следующий день, когда сослуживцы стали заходить к ней в кабинет и говорить: «Мы идем к Хасару Мамметхановичу, сегодня он хоронит своего погибшего в аварии сына. Вы с нами пойдете или же потом, на три, семь дней покажетесь?»

И тогда она мысленно еще раз увидела тот траурный кортеж, проехавший мимо нее. Теперь Тоты отчетливо увидела лицо сидящего в головной машине человека.

Покойного Арслана на одну ночь оставили гостем в доме отца. Утренним поездом из Ашхабада должны были приехать два его сына, сестра и бабушка, другие родственники, чтобы в последний раз увидеть его и попрощаться с ним.

Во дворе Ходжа с несколькими родственниками занимался приготовлениями к проводам Арслана в последний путь.

Хасар сидел в доме в окружении нескольких старейшин. В соседней комнате вокруг лежащего покойника сидели и в голос рыдали женщины. Через открытую дверь непрерывно доносились их плачущие голоса. Хасар узнавал эти голоса. Громче всех, отчаяннее всех плакали его племянница Айтувак и дочь Мяхри, словно надеялись криками своими разбудить уснувшего вечным сном брата.

– Арсланджан, братишка, что же ты делаешь с нами?! Как же мы будем жить, не видя твоего родного лица?! Как жить нам, скажи!.. Мы ведь так гордились тобой, когда видели самолеты в небе, думали, что это ты сидишь за штурвалом! Все, все ты оставил здесь – и жену оставил, и детишек прекрасных, родителей, бабушек бросил...– рыдали они.

– Наверно, поезд приехал! – сообщил кто-то, и на машинах поехали встречать людей. А через некоторое время, крича в голос, в дом вошли бабушка Арслана, его жена и двое сыновей.

Мать Дуньи кинулась на тело внука и запричитала: «Ах, сыночек мой любимый, внучек родной, солнце мое закатилось... Айназар, несчастный Айназар! Ты оставил меня здесь для того, чтобы я до этих черных дней дожила, почему ты не забрал меня с собой, тогда бы мне не довелось хоронить собственного внука. Аллах, почему ты вместо внука меня не забрал?» - заливаясь слезами, она взывала к душе давно почившего мужа, обращалась к Богу.

Иногда среди плачущих голосов Хасар узнавал хриплый голос матери, которая со вчерашнего дня не вставала с постели, горе сломило ее. Только плачущего голоса Дуньи не было

слышно, видно, она не позволяла себе кричать, плакала тихо. Пусть она не кричит, она ведь мать, и сердце ее разрывается от невыносимой боли, она не в силах вынести это испытание, нежданно-негаданно свалившееся на нее. Перед самым утром она снова потеряла сознание и рухнула на пол, тогда ее перенесли в другую комнату, подальше от тела покойного сына, сделали укол и привели в чувство. Когда она начала приходить в себя, Хасар поручил одной из женщин присматривать за ней, а сам вернулся в другую комнату к мужчинам.

Не зная, что находилась в обмороке, Дунья, затуманенным взглядом увидев наклоненное к ней лицо Хасара, никак не могла понять, почему он оказался рядом с ней и спует у нее перед глазами.

Мужчины окружили Хасара, сопереживая и соболезнуя ему, они печально кивали головами и перекидывались короткими фразами. Рядом с Хасаром, прислонившись к стене и вытянув негнущиеся ноги, сидел его дядя. Он жалел племянника, сочувствовал ему и никак не мог понять, как такое вообще могло случиться, и только время от времени повторял: «О, Аллах!» Ему хотелось найти для племянника какие-то утешительные слова, но почему-то сейчас такие слова не шли на ум. Да и какие слова могут утешить боль от потери единственного и любимого сына?!

Смерть сына сломила дух Хасара.

Мир стал для него тусклым и неинтересным, жизнь утратила всякий смысл.

Хасар много раз слышал, что нет ничего страшнее потери своего ребенка, но и подумать не мог, что такое испытание выпадет на его собственную долю. Не думал и не гадал, а оно случилось.

Похоже, эта беда давно подстерегала его, чтобы однажды неожиданно ворваться в его жизнь и разделить ее надвое.

Слишком много для нее было предпосылок, чтобы беда могла обойти стороной Мамметхановых. Сначала жена внесла в его жизнь смуту, потом и вовсе разрушила спянную, как казалось всем, семью.

Вслушиваясь в плачущие голоса, Хасар временами уходил в воспоминания о счастливых днях жизни Арслана.

... Детство Арслана... Малыш весело носится по дому, а потом садится то на колени деда, то на руки бабушки. А то кидается в объятия отца, Хасара, потом бежит к матери – Дунье, что-то щебечет. Чувствуя, как все вокруг любят его, заливается счастливым смехом. А вот они с невестой в свадебных нарядах входят в дом... Вот он играет с сыновьями, которые по очереди прыгают на него и «воюют» с ним, одерживают победу...

Потом он возвращается мыслями к Дунье и к тому, как она сломала жизнь себе и всем своим родным. И вот теперь ко всем прежним несчастьям еще и эта смерть добавилась.

В том, что случилось, что жизнь повернулась к нему обратной стороной, в первую очередь Хасар винил себя. «Мы прогневали Бога, потому что не довольствовались тем, что было нам дано, мы не справились с выпавшими на нашу долю трудностями, мы оказались людьми, которые не видят дальше своего носа!» Он корил и винил себя в том, что не смог вовремя увидеть, к чему приведет их с женой разлад, не смог предотвратить нависшую над его семьей угрозу, не принял своевременных мер.

Но теперь было поздно раскаиваться, счастье навсегда покинуло его.

Ему не оставалось ничего другого, как признать поражение, признать, что счастливая жизнь с Арсланом, с Дуньей ушла от него навсегда. Ему осталось до конца дней жить с болью от потери взрослого сына, от этой невосполнимой утраты, жить тоскуя о нём. В эти минуты Хасар понял, что проиграл борьбу со своей жизнью.

Ему вспомнилась русская поговорка «За все надо платить», и он счел гибель сына его и Дуньи платой за последние безумства, мстью Всевышнего за то, что они не смогли удержать дарованное им счастье.

Помимо родственников проводить Арслана в последний путь пришло много знакомых и друзей, сейчас их двор был полон народу.

Старик с коротко остриженной бородкой, распоряжавшийся похоронами, вошел в комнату, где сидели мужчины, и обратился к Хасару:

– Хасар, вы тоже идите, попрощайтесь с покойным!

Он дал понять, что настало время выносить покойного.

Хасар помог дяде подняться с места и подал ему стоявшую в углу трость, потом вместе с ним направился в соседнюю комнату.

После того, как все попрощались, покойного положили на табыт.*

Погода была холодной, неприветливо-хмурой. Снова пошел снег, как будто желая завернуть покойного в свое белое покрывало.

Арслана отнесли на кладбище, где был похоронен его дед, и положили рядом с ним.

Когда участники траурной процессии возвращались с кладбища, снегопад неожиданно прекратился. Сидя в машине, Хасар, только что предавший сына земле, поверил, что природа, пролив белые слезы, таким способом попрощалась с Арсланом, и на душе у него немного стало спокойно.

* * *

Дунье трудно было находиться в доме, от которого она отвернулась, держать траур. Но у нее не было выхода, она обязана была находиться здесь и оплакивать безвременно ушедшего сына. Близкие к этому дому женщины, окружавшие ее, не высказывались по ее поводу, но она всеми фибрами своей души чувствовала, как осуждают они ее, как винят во всех бедах семьи и в том числе в гибели Арслана. Винят за то, что она растоптала свою семью, предала мужа и детей.

Хотя домашние старательно делали вид, что ничего не знают, не высказывали своих мыслей и относились к Дунье по-прежнему, разделяя с ней ее материнское горе.

** Табыт – погребальные носилки.*

Дунье становилось все труднее находиться в доме, погрузившемся в траур, она была недовольна собой, чувствовала себя виноватой, и от этого ей становилось еще хуже, она начинала задыхаться.

Жена Ходжа то и дело заходила в комнату, расстилала сачак и приносила что-нибудь из еды для сидящих женщин, при этом она старалась не обидеть и Дунью, приглашала ее к сачаку, обращалась к ней, как к своей свояченице: «Энеси*, вы тоже садитесь поближе, перекусите что-нибудь!» Дунья не знала, сколько еще времени она сможет выдержать такое.

Дети, хоть и видели печальные лица взрослых, оставались детьми, а потому вели себя, как обычно. Не понимая, что происходит, они предавались своим детским шалостям, носились по комнатам и шумели. Тон всем этим шумным играм задавал младший сын Арслана Сердар. Взрослые отвели с собой старшего сына Арслана Айназара, чтобы тот мог попрощаться с отцом, но Сердар был еще слишком мал, чтобы понимать такие вещи.

Чтобы он не испугался криков при выносе покойного, его вместе с другими детьми увели в другое место. Чувствуя, что случилось что-то нехорошее, мальчик пока что не понимал, что навсегда разлучается с отцом. Может, поэтому он иногда бросал взгляд на сидящих мужчин, искал глазами отца.

Будучи постарше, Айназар вел себя сдержанно, словно понимал, что потерял самого главного в своей жизни человека. Он молча сидел рядом с Хасаром, в окружении угрюмых небритых мужчин.

Сердар чаще всего порхал возле женщин. Его интересовали детские игры, поэтому и вопросы он задавал соответствующие. Один раз он подошел к плачущей матери и спросил:

– Мама, а где мой водяной пистолет, который купил мне папа?

– Дома!

– Почему ты не взяла его с собой, я хочу с ним играть!-

* Энеси – мать сына.

захныкал малыш. Но тут Дунья потянула внука за руку и обняла его.

— Иди ко мне, сынок. Мы очень спешили, поэтому забыли его взять с собой. Хотя и знали, что в последнее время ты никуда без него не ходишь... Вот приедем в Ашхабад, и я тебе много новых игрушек накуплю.

— А мы купим большого надувного верблюжонка, которого видели вместе с папой?

— И его купим.

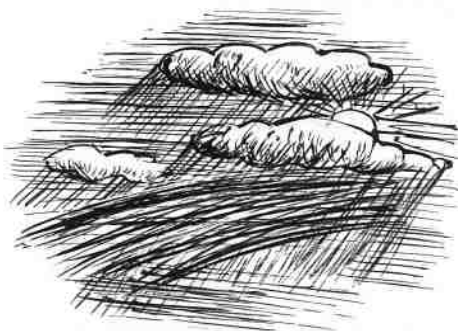
— А когда мы в Ашхабад поедем?..

— Поедем! — Дунья вдруг поняла, что отсюда они будут уезжать, оставив здесь сына, опечалилась и, обняв внука, тихо заплакала.

Эти два подрастающих внука были утешением для изболевшейся души Хасара, на них он возлагал большие надежды. «Одного я потерял, но у меня есть еще два кулака!».

Отметив три дня в доме бывшей свекрови, Дунья засобиравлась обратно, сказав, что остальные поминки будет делать у себя дома. Она знала, что свекровь и другие родственники хотели бы, чтобы Дунья осталась тут до семи дней сына, но она больше не в состоянии была терпеть свое теперешнее положение.

Взяв с собой невестку и внуков, она в тот же день уехала на машине в Ашхабад. Из ашхабадцев остались только Каков с Джахан и Мяхри с мужем, чтобы отметить поминальные семь дней Арслана здесь...

ЧАЙКА МОЯ

Уже много дней Хасар раздумывал над тем, чтобы переехать из своего городского дома в другое место, ему было трудно жить гостем в доме брата. Но куда бы он ни переехал, надо сделать так, чтобы мать и брат не обиделись на него и не думали, что они ему мало внимания уделяли. В отличие от него, мать и брат мечтали, чтобы он больше никогда не покидал их, чтобы они могли видеться каждый день, встречаться каждое утро и каждый вечер.

Это обстоятельство мучило его больше всего, он не хотел какими-то своими необдуманно поступками ранить души самых близких ему на свете людей. Думал, как сделать так, чтобы всем было хорошо.

Начав работать на «скорой помощи», Хасар решил, что теперь ему будет удобно говорить о переезде, и начал поиски съемного жилья.

Он даже договорился о съеме небольшой однокомнатной квартирки. Но когда попытался объяснить свое решение матери и брату, те искренне возмутились, невзирая на его доводы: «Когда работаешь на "скорой", надо быть ко всему готовым, тебя могут вызвать на работу в любое время – ночью, рано утром, поэтому мне лучше жить отдельно, чтобы никого не беспокоить. Я договорился с одним человеком, буду снимать у него квартиру. Как вы смотрите на то, чтобы я переехал туда?»

- Когда ты возвращаешься рано утром или поздно ночью, ты что, под кусты возвращаешься? Ты к себе домой приходишь, в родительский дом возвращаешься! – родные очень обижались на него.

Хасар понимал их. Мать-то что, она и есть мать, клушка, которая хочет, чтобы ее цыплята были на виду. А младший брат с самого детства, был ему другом.

Ходжа всегда гордился тем, что у него есть старший брат Хасар, человек во всех отношениях достойный. Он всегда

старался походить на брата, во всем брал с него пример. Братьям было о чем поговорить друг с другом, вместе им никогда не было скучно.

Мальчишкой Ходжа мог позволить себе и похулиганить, и с другими пацанами сцепиться, потому что знал, что старший брат всегда защитит его. А Хасар, даже если знал, что виноват младший брат и его не стоит защищать, все равно вставал на его сторону, потому что младшему удавалось убедить его в своей правоте.

В один из таких разов он заставил Хасара сильно краснеть перед своими одноклассниками.

При встрече братья до сих пор часто вспоминали тот случай.

.. В тот раз плачущий Ходжа пришел домой весь грязный, с красными от дерганья ушами.

Конечно, знай Хасар тогда, перед кем ему придется защищать брата, возможно, он бы не стал впутываться в эту историю. Увидев зареванного брата, ничего не стал у него спрашивать. Как можно устоять, видя, что сотворили с твоим младшим братом?

Когда они вдвоем пришли на берег моря, Ходжа показал на одноклассниц, которые купались в море: "Вон они!"

При виде Хасара девушки засмутились и начали отворачиваться. Хасару эти девушки были хорошо знакомы, поэтому он улыбнулся им и крикнул с берега:

– Эй, девчонки, что это вы чуть не оборвали уши моему младшему брату?

– За его поведение и этого мало...

– А что он такого сделал?

– Спроси это у своего братца, пусть он тебе объяснит!

Хасар повернулся к брату: «Ну, и что же случилось? Что ты опять выкинул?» Вместо ответа тот только скривил рот и почесал в затылке.

В подтверждение своей невинности произнес обиженным голосом:

– Мы с Дотда хотели спрятать одежду девчонок!

– Зачем?

– Ну, чтобы повеселиться! Знаешь, как весело было, когда мы в прошлый раз спрятали одежду двух девчонок, купавшихся в море! А как они бежали за нами, поддерживая свои трясущиеся груди! Но попробуй догони нас! В конце концов они вынуждены были предложить нам: "Отдайте одежду, а мы вам купим по мороженому!" – Эти слова Ходжа произнес с довольной улыбкой на лице, словно он совершил какой-то невероятный поступок.

Выяснив, за какие проделки его брат заработал тумаки, Хасар махнул рукой и пошел обратно.

– Я ведь сразу понял, что ты сам во всем виноват! – выговаривал он брату на обратном пути.

Пока Ходжа переодевался, сняв с себя грязную одежду, Хасар рассказал о проступке брата матери.

– Мама, до чего же нахален твой сын Ходжа! Сам лезет к людям, а когда получает по заслугам, начинает жаловаться.

– Ах, сынок, произнося имя Ходжа, можно и не добавлять к нему слово нахал, – согласилась с Хасаром и мать, хорошо знавшая своего младшего сына...

Дом, в котором воцарился траур, был холоден. Теперь ему и после работы не хотелось идти в дом, некогда такой родной и притягательный, в который он стремился попасть даже издалека. Каждый раз шел туда с большой неохотой. Хотя в этом доме никто не тяготится им, напротив, все старались разделить с ним его горе и боль, что вынести одному человеку не по силам. С похорон Арслана мать Хасара и жена Ходжа не снимали черных платков. Постоянные слезы на глазах Ходжа, который никак не мог смириться с потерей любимого племянника, только еще больше растравляли незаживающую рану Хасара, не давали ему забыться.

Хасар знал, что и мать его, занимаясь домашними делами, подавляла терзающую ее душу боль, старалась как-

то отвлечься. И все же иногда, когда дома никого не было, позволяла себе поплакать: «Господи, за что ты так обошелся со мной, почему ты отнял у меня прекрасного внука?! Господи, почему ты меня не забрал вместо него? Как нам теперь всем жить? Ох, этот бой с жизнью я проиграла, хотя до этого все время выигрывала, моя сладкая жизнь ядом отравлена!..» Однажды он и сам наткнулся на плачущую и причитающую мать.

Хасар понимал, что от судьбы и от себя никуда не денешься, и все же отсюда предпочитал уйти. Ему казалось, если он переедет в другое место, родные не будут ему постоянно напоминать об Арслане, и он со временем успокоится, да и им без него будет легче перенести боль утраты.

Вот и в этот раз, когда он завел разговор о переезде, мать поначалу обиделась на него, но потом семья с пониманием отнеслась к его желанию. И все равно им не хотелось отделять его от себя, поэтому посоветовали пожить на даче, что на берегу моря. Там был участок, когда-то выделенный отцу Хасара как железнодорожнику. На этом участке стояла двухкомнатная времянка, вполне пригодная для отдыха на море.

Но когда другие начали строить на своих участках капитальные дома вместо временок, Хасар и Ходжа, два брата, в одно лето за два месяца, оставив и прежние комнаты, и летнюю кухню в память об отце, пристроили к этому домику еще один красивый дом в две комнаты. С тех пор дача все время расстраивалась, и рядом с ней стараниями Ходжа со временем появились и банька, и рыбокопильня, и лодочный причал. Так что теперь это был дом почти со всеми удобствами.

В последние годы, приезжая сюда с детьми и внуками, Хасар с удовольствием останавливался в этом доме. В выходные сюда же приезжал и Ходжа с семьей, собиралась

вся семья Мамметхановых, и это больше всего радовало их старую мать, желавшую постоянно видеть своих детей.

Привести в порядок безлюдный дачный домик оказалось делом нехитрым. Как-то в один из выходных сюда приехали Хасар с братом, его женой и детьми и все вместе устроили генеральную уборку.

Хасар с братом подбили разболтавшиеся двери и окна, вставили новые стекла взамен разбитых. А в это время жена Ходжа, привыкшая все делать основательно, засучив рукава, вместе со своей четырнадцатилетней дочуркой привела в порядок комнаты, чисто вымела и вытрясла паласы и кошмы, вымыла полы и застелила их чистыми подстилками.

Через пару дней после этого, в день, названный матерью благоприятным, Хасар переехал на жительство в приморский дачный поселок.

* * *

Хасар сидел в комнате для врачей вместе с недавно вернувшейся с вызова доктором Фатимой Алиевой, они собирались выпить кофе и ждали, когда закипит электрический чайник. Фатима Алиевна – ухоженная миловидная женщина среднего роста, ей уже перевалило за шестьдесят, немного полновата. Чтобы не выдать возраста, она окрашивала свои густые волосы в черный цвет и не чужда была макияжа.

Время было за полночь, время сладких снов.

На другом конце большого зала, похожие на только что поссорившихся из-за какого-то спора, отвернувшись друг от друга, дремали двое молодых врачей. «Сейчас чашечка горячего кофе была бы в самый раз, разогнала бы сон!», – мечтательно подумал Хасар.

Вообще-то Хасар не был большим любителем кофе, он пил его разве что утром, да и то не всегда.

Но с тех пор, как стал работать по ночам, пристрастился к этому напитку, потому что он помогал справиться с ночной сонливостью. Его единомышленником в этом вопросе была Фатима Алиевна, они оба в это время любили побаловать себя чашечкой–другой кофе.

Когда диспетчер по радио назвал имя Хасара для отправки на вызов, они только что поставили перед собой по чашке кофе. Фатима Алиевна всегда приносила из дому что-нибудь к чаю или кофе, вот и на этот раз она выставила на стол кусок торта, оставшийся после вчерашнего дня рождения внука. Сказав, что сама испекла его для внука, она разрежала торт на куски и стала угощать им всех присутствующих.

Хасару надо было ехать на вызов, так что Фатиме Алиевне не довелось посидеть с ним за чашечкой кофе, ведя милую беседу. Хасар даже не успел попробовать торт.

– Хасар Мамметханович, вы бы спокойно выпили кофе, а потом ехали!- расстроено произнесла Фатима Алиевна, видя, как он встает с места.

– Вот и напились кофе, Фатима Алиевна! Наша работа, как у чабанов, которым удовольствия противопоказаны...

– Вы бы не спешили так, доктор! – Фатима Алиевна старалась как можно дольше удержать Хасара возле себя.

Чтобы совсем уж не обижать женщину, Хасар остановился и на ходу выпил налитую чашку кофе, пообещав съесть торт позже, после возвращения с вызова, схватил саквояж и поспешил на выход.

– Ну, да, такая у нас работа, что мы всегда должны спешить,– вынуждена была согласиться с коллегой Фатима Алиевна.

Взяв адрес, на который был сделан вызов, Хасар с фельдшером сразу сели в поджидавшую их машину скорой помощи и выехали на место.

Покружив по улицам и высвечивая фарами номера домов, они остановились возле многоэтажного жилого

дома. Подходя к нужному подъезду, увидели стоявшую на холоде женщину, которая поджидала их. Предположили, что это хозяйка, сделавшая вызов.

Когда они вслед за женщиной поднялись на второй этаж, открывшая им дверь пожилая полная женщина встретила их с недовольным видом.

– Да сколько же можно вас ждать? Какая же вы «скорая помощь», если заставляете больного ждать так долго? Здесь человек при смерти, а вы и не думаете спешить. За это время можно было десять раз приехать...

На собственном опыте Хасар знал, как ведут себя родственники больных, когда тем становится плохо, какими беспокойными и несдержанными становятся они. Как бы быстро ни приехала «скорая», этим людям кажется, что она ползет, как черепаха.

Поэтому он никак не отреагировал на слова женщины, прошел мимо нее и сразу же направился к больному. Только подумал про себя, что обычно так требовательно ведут себя родственники высокопоставленных чиновников и предположил, что эти старики тоже относятся к той же касте людей.

В комнате, тяжело дыша и уставившись взглядом в потолок, лежал медноголовый старик. Говорить он не мог.

У старика был сердечный приступ, Хасар это понял сразу же, а результаты осмотра подтвердили его предположение. На непонятном языке он отдал короткие распоряжения стоявшему рядом фельдшеру, и тот сразу же открыл свой саквояж, достал шприцы и медикаменты и сделал старику укол в предплечье. Потом Хасар еще раз послушал старика и более внимательно осмотрел его, после чего ему был сделан второй укол. Помощник Хасара четко выполнял все назначения врача.

Пока Хасар делал назначения, а его помощник выполнял их, полноватая старуха стояла позади них вместе с женщиной, встретившей «скорую», и о чем-то тихо переговариваясь с

ней, обсуждала назначения, словно сомневалась в знаниях приехавшего врача.

Она не преминула сообщить, что их дочь тоже врач, что она сама следит за здоровьем отца и лечит его, но в этот раз приступ начался неожиданно, поэтому они вынуждены были вызвать «скорую».

После уколов старику явно полегчало, холодный пот сменился крупными каплями пота на лбу, видно было, что приступ отпускает.

Первой мыслью Хасара было после оказания первой помощи госпитализировать старика, поместить его в стационар.

Для его полного выздоровления ему было необходимо некоторое время находиться под врачебным наблюдением, принять комплексное лечение.

Но услышав, что есть врач, который лучше знает пациента, Хасар решил, что будет правильным оставить вопрос о госпитализации на усмотрение дочери старика.

Через некоторое время, видя, что старику становится легче, тон старухи стал мягче, чувствовалось, что она начала успокаиваться. Подойдя к своему старику, она полотенцем вытерла пот с его лица.

Сейчас она понемногу начала верить в его выздоровление.

Уже начало светать, но Хасар, занимаясь больным, не замечал этого. Даже почувствовав, что проголодался, Хасар ни разу не вспомнил о куске торта от Фатимы Алиевны, ждавшем его в дежурке. Сейчас все его мысли и действия были заняты заботой о старике.

Старик сделал жене знак, чтобы она наклонилась над ним и подставила ухо. Во время приступа старик слышал, как жена высказывалась по поводу доктора, и ему это не понравилось. Но тогда у него не было сил даже жестом прекратить ее обидные высказывания.

Жена поняла старика, и когда она поднесла к его лицу ухо, он потребовал пересохшими губами:

– Поменьше болтай!

– А что я такого сказала? – обиделась женщина, не ожидавшая от мужа таких слов.

– Я потом, на досуге, объясню тебе, что ты себе позволяла, а сейчас иди и предложи докторам чай, и мне немного принеси!

Хасару хотелось пить, но он попытался отказаться, сказав, что они не хотят чаю, но полная женщина не стала принимать их возражений.

– В термосе есть настоящий чай, – и поспешила на кухню.

Через короткое время она вернулась с термосом и пиалами, превратившись в милую и гостеприимную женщину, словно ее на кухне подменили.

– Берите, берите, доктора, выпейте по пиале чая, вот, берите и это, – любезно предложила она и подвинула к ним вазочку, наполненную конфетами и печеньем.

Хасар видел, что старику хочется, чтобы они еще немного побыли рядом, боится, что приступ может вернуться, и чтобы потянуть время, стал пить чай.

Перед уходом он записал на листке бумаги номер своего телефона и положил его на стол.

– Здесь, яшули, записан мой телефон, если понадобится, можете звонить мне в любое время!

– Сынок, наша дочь тоже большой врач, а за особые заслуги и способности ее поставили руководить большим коллективом, у нее в подчинении десятки врачей вроде тебя...

Старику не понравилось, что жена снова начала высокомерно хвастаться своей дочерью, она как будто намекала Хасару, что им теперь вряд ли понадобятся его услуги.

Он несколько раз требовательно кашлянул, чтобы жена могла понять его. Потом виновато посмотрел на Хасара:

– Ну что с нее взять, болтушка! – старик улыбнулся, призывая Хасара не обращать на ее слова внимания.

Хасар кивнул головой, чтобы старик понял, что он солидарен с ним.

Когда он вернулся с вызова, утро вступило в свои права, и все вокруг приобрело четкие очертания.

* * *

В другой раз, вернувшись с вызова, Хасар узнал, что ему звонила мать и просила позвонить домой.

Приехав на работу, он всегда звонил домой, справлялся о матери и родственниках. А иногда после работы заезжал к ним.

Хасар позвонил домой, но никто не поднял трубку. Наверно, Ходжа и его жена на работе, подумал Хасар, но мама-то должна быть дома, да и дети брата уже должны прийти со школы. А может, они вышли в магазин за чем-нибудь? Ладно, если что-то срочное, они еще раз перезвонят, решил Хасар.

Не зная в точности, зачем звонила мать, Хасар все же догадывался о причинах ее желания пообщаться с сыном. Со дня гибели Арслана прошел год, и мать задумала снова женить сына, устроить его личную жизнь. «Сыночек, даже если кто-то умирает, жизнь все равно продолжается. Знаю, ты можешь до конца дней носить траур по Арсланджану, но его все равно не вернешь. Что поделаешь, такова жизнь, и надо как-то мириться с тем, что есть. Мужчине жить без женщины никак нельзя. Женщина что, она поплачет, погорюет, а потом все равно с головой окунется в домашние заботы. Хуже мужчине. Говорят же, одиночество угодно Богу, человек не должен жить в одиночестве. Недавно я была у твоих тет, они показали мне одну женщину, сказали, что хорошо бы тебя на ней женить. Ей где-то около сорока, так что еще даже

и родить сможет. У нее умер муж, и она с единственным ребенком живет в родительском доме. Ее родители говорят, что с удовольствием отдадут дочь хорошему человеку, они ведь тоже переживают за нее. Говорят, что могут оставить внуку у себя, если она ему будет в тягость. Пусть, говорят, будет нам помощницей по дому».

Мать ждала удобного случая, чтобы взять сына с собой и поехать в аул, где он мог бы познакомиться с этой женщиной и спокойно все обсудить там.

А Хасар уже не только привык к своему одиночеству, но уже даже и смирился с ним. И хотя их отношения с Дуньей закончились совсем, в мыслях Хасара она все еще была рядом и никуда от него уходить не собиралась.

Умом он понимал, что к прежней жизни возврата нет, но сердцем все еще не мог принять такого финала их многолетнего счастливого брака, связавшего друг друга невидимыми нитями родства – детьми, близким окружением.

Хасар знал, что он крепко запутался в сетях, нарисованных его воображением, но также знал и то, что выпутываться из них ему совсем не хочется. Понимал, что уйти оттуда он сможет только в единственное место – на кладбище, да и то, когда придет срок.

Когда Хасару сказали, что звонила его мать, он без особой радости подумал: «Мама нашла мне очередную невесту!», знал, что она станет требовать: «Не упускай свой шанс, женись и обзаведись семьей!»

Он знал, что при этих словах матери непременно подумает о Дунье и захочет сказать ей в ответ: «Тебе мало было прежней невестки, разве ты не сполна получила от нее?!»

Что касается женщин, в них его всегда удивляла одна черта. Сначала они будут искать для своих сыновей достойную пару, девушку из хорошей семьи, а после, если вдруг невестка окажется не совсем послушной, начнет

огрызаться и стоять на своем, эти же матери будут клясть ее: «Не невестку, врага на свою голову нашла!»

И все равно, это обязанность матерей – устраивать жизнь своих детей, что они и делают с большой охотой.

После работы Хасар заехал домой, чтобы выяснить, зачем ему звонила мать. Ему в его возрасте уже непросто работать целыми сутками, при этом не сидя на месте, все время быть на ногах. Возвращаясь с работы и приходя домой, он подолгу лежал, не хотел вставать с постели. Ему, конечно, не хотелось признавать, что он уже не тот Хасар, который носился, как резвый конь, пока служил в войсках, но возраст брал свое, и он с каждым годом чувствовал это все сильнее. Правду говорят: в юности то место твое, которого ты достиг, в старости – на котором лежишь.

Во время многодневных военных походов, бывало, часок-другой за сутки поспишь, а так спать не приходилось совсем, все остальное время уходило на то, чтобы поставить в чистом поле шатры, лечить больных и раненых солдат. Опириуешь в походных госпиталях, как во время войны, сутками стоишь на ногах, и ничего, на все хватало сил. Молодость, ей все по силам. А когда тебе под пятьдесят, трудно называться молодым.

Хасар поставил машину у ворот, не стал загонять ее во двор, чтобы быстренько выслушать мать и ехать домой.

Когда он вошел, мать сидела, вытянув негнущиеся ноги, и крошила в миску морковь для вечернего плова.

После приветствия мать спросила:

– Так ты встретился со своим другом, сынок?

Мать думала, что он уже встречался с нужным человеком, поэтому и начала разговор с вопроса, Хасар же не сразу смог понять, о ком она говорит.

– Нет, а кто он? – пожал плечами Хасар.

– Он взял адрес и телефон твоей работы, вот я и подумала, что он уже навестил тебя.

– Да кто он? – повторил свой вопрос Хасар. Ему и самому было интересно, кто его спрашивал.

– Да, такой же, как ты, видный военный командир, но он моложе тебя, у него только на висках появилась седина. Ах, он же называл свое имя, да голова моя дырявая, не запомнила...

Потом она пыталась еще что-то вспомнить, морщила лоб, но, так и не вспомнив, стала ругать себя:

– Да разве мне можно что-то говорить, ты спроси, что я сегодня утром ела – не скажу. – Ой, погоди... – похоже, она все же вспомнила. – Говорит, я после трехлетней службы, возвращаясь из Германии, заезжал к вам, чтобы передать гостинцы от Хасара Мамметхановича. С того времени я и запомнил адрес вашего дома.

– Генерал?

– Откуда мне знать, генерал он или еще кто? Он приезжал на какой-то необычной машине, а с ним еще два человека было. Но со мной разговаривал, и твой телефон спрашивал этот человек. А когда я назвала номер твоего телефона, не сам он записал его, а один из сопровождающих.

Мать посмотрела на сына вопросительно, спрашивая взглядом: «Если он тебе не звонил, может, этот человек еще не успел передать номер твоего телефона?»

По описанию матери, человек в военной форме, искавший Хасара, был не кем иным, как генералом Серкяевым, его бывшим солдатом. Потом он стал командиром и в составе советских войск прошел суровую афганскую войну, а в настоящее время возглавлял крупное воинское соединение в одном из велятов страны.

«Что он делает тут, может, его перевели на работу в министерство на более высокую должность? И теперь он инспектирует воинские части?»

После возвращения в Туркменистан Хасар знал, что Серкяев стал одним из крупных военных чинов, но до сих пор не встречался с ним.

И от того, что ему страстно захотелось увидаться с подзабытым воином, он решил, что генерал в конце рабочего дня может снова заехать к нему домой, а потому предпочел его подождать здесь.

* * *

Сегодня у Хасара был выходной день. Придя с работы, он достал из холодильника продукты, перекусил всухомятку и лег раньше обычного, не стал ждать 9-часовой информационной программы «Ватан».

Здесь, на побережье, стояла тишина, она словно предназначалась для тех, кому необходимо было выспаться и отдохнуть. Сквозь приоткрытую форточку в комнату струился свежий морской воздух. В такие дни Хасар старался побольше спать, чтобы отоспаться за все дни недосыпа, но, по многолетней армейской привычке, когда бы ни ложился спать, просыпался в одно и то же время, и лишь потом мог снова лечь спать. Живя в доме Дуньи, он тоже вставал рано. Теща, встававшая в доме раньше всех, выйдя во двор, удивленно обнаруживала там зятя, который встал раньше нее и занимался утренней гимнастикой.

— Ой, да поспал бы ты еще, сынок! Зачем же так рано вставать?

Когда ты почти тридцать лет своей жизни носишь на поясе ремень, и это тоже становится привычкой. Вот и сегодня он проснулся в обычное время, встал, но потом снова быстро лег в постель и попытался уснуть. Еще не рассвело, где-то в ночи был слышен морской прибой. Море и вчера напоминало кипящий чайник, выплевывало из пучины волны и целый день гудело. А где-то в недрах земли появилась тихая дрожь, возникавшая каждый раз, когда вот так бушевало море.

Он снова стал думать о своем сыне Арслане, мысли о котором теперь никогда не покидали его. Представил его

стоящим во весь рост, но сразу за ним увидел могильный холмик, обвеваемый ветрами и поливаемый дождями...

Когда в голову приходят такие мысли, попробуй усни!

С мыслями и воспоминаниями о сыне он еще долго сидел на краю постели, уставившись в одну точку и забыв о том, что собирался поспать. Да, жизнь хорошо побила Хасара, она бросала его из стороны в сторону, как пустую бочку, и в конце концов прибила к этому берегу.

Человек, переживший семейную трагедию, долго не может прийти в себя. А тем более такой, как Хасар, преданный жене и детям, живший с верой в то, что является единым целым с ними, и что так будет всегда. Он все еще не мог понять, как вообще такое могло случиться, да еще с ним.

Он понял, что уже не сможет уснуть. Рядом с ним было море. Море – это огромное пространство, оно то бушует, то стихает, и может, если это необходимо, даже вести с тобой сердечный разговор. Оно всегда манило Хасара, притягивало его к себе. Когда напряженные мысли немного отступили, Хасар с удовольствием вспомнил о морском просторе.

Он отправился к морю. Оно было беспокойно, над ним висел серый туман из мельчайших брызг, а волны бешено бились о берег.

Морозный воздух был влажным и имел приятный запах. Повсюду на берегу были разбросаны камни, на некоторых из них стайками сидели съезжившиеся от холода чайки, только что вышедшие на берег, не решаясь снова нырнуть в холодную воду.

Хасар гулял по берегу моря, там, где буйные волны не могли его достать. Когда он пришел сюда, ему показалось, что мысли о семье остались позади, но это оказалось не так.

Перед его мысленным взором снова возникла улыбчивая Дунья. А вот из только что подъехавшей машины выходят Арслан с женой и сыновьями и входят в дом...

Кажется, внуки заметили его, они оба остановились и посмотрели в его сторону... Чаще всего он вспоминал орлиный взгляд Арслана, расстроенного тем, как, увлекшись бизнесом, изменилась его мать, вспоминал его счастливое детство, когда он жил с любящими его и друг друга родителями...

Каждый раз, прогуливаясь по морскому побережью и думая о своей семье, он испытывал приятное чувство, будто они по-прежнему живут вместе, и он окружен близкими и родными ему людьми.

Но когда он оставался дома один, эти воспоминания чаще всего мучили его и заставляли страдать, в такие минуты ему казалось, что он находится в глубокой пропасти, из которой ему никак не выкарабкаться.

С некоторых пор, оказываясь в таком настроении, он стал вспоминать стихотворение, попавшееся ему на глаза в одной из газет. Это стихотворение возвращало его к жизни, ему начинало казаться, что он сумеет выкарабкаться из ямы, в которой оказался волею судьбы, успокаивался, и тогда лучик надежды вспыхивал в его душе.

Не страдай и не печалься сильно так,
Не считай, что прахом жизнь пошла!
Как бы трудно ни было, сумей перед трудностями
Не робеть, живи с высоко поднятой головой.

Не теряй надежды и не падай духом,
Боль свою таи от родных и чужих.
Выход есть всегда из ситуации любой,
Не падай духом, человек же ты, человек!

А у жизни есть свои законы,
Кто-то счастлив в ней, горюет кто-то.
Только мудрый, терпеливый человек
Донесет свой груз до нужного места.

Будь благоразумным, не теряй надежды,
Не терзай ты изболевшееся сердце.
Научись по жизни благодарным быть
В любое время, каждую минуту.

...Каждый раз мысли Хасара, связанные с семейной жизнью, заканчивались на том времени, когда он уезжал из Ашхабада и прибил к родному берегу.

* * *

Вчера вечером, перед сном, ночь была одета в свои обычные темные одежды, но утро оказалось завернутым в белый тулуп. С ночи пошел дождь, его крупные капли громко стучали по крышам домов, но потом, когда все погрузилось в сон, за долгую зимнюю ночь дождь постепенно перешел в снег, похоже, он шел всю ночь.

Подойдя утром к окну, Хасар увидел, что все дома дачного поселка накрыты снежным покрывалом.

Над крышами домов, в которых жили люди, вился дымок, растапливая примерзший снег и образуя из него причудливые силуэты, похожие на плывущие откуда-то издалека морские корабли. Деревья, всю осень потихоньку сбрасывавшие листву, сейчас были одеты в новый наряд.

Хотя Хасару и не было видно, но он знал, что и берег моря сейчас побелел и стал еще красивее.

Ночной снегопад прекратился к утру. Вокруг царила тишина.

Решив прогуляться к морю, Хасар оделся теплее и вышел из дома. Морозный ветер ударил в лицо, заставил поежиться от холода. Он тотчас же до конца застегнул молнию на куртке. Холодный воздух, ударив в грудь, прогнал остатки сна и пробудил желание поиграть в снежки. Взяв в руки горсть снега, он скомкал его и превратил в круглый шар. Под ногами хрустел снег, а впереди он видел красивое море, казавшееся покрытым снежной пеленой.

Где-то позади него каркнула ворона, и Хасару показалось, что она возражает против его восторженных мыслей о снеге. Оглянувшись, увидел стаю ворон, рассеявшихся на ветвях старого дерева на краю поселка.

Вороны только что начали свой шумный спор.

– Карр, карр...

– Вижу, вижу, что есть!

– Карр, карр, теперь несколько дней пролежит мерзлым камнем.

– Пусть снег идет, карр, карр... Вот бы и мне побелеть, когда все вокруг побелеет.

– Карр, карр, но мы вообще никогда не побелеем.

– А вдруг побелеем?

– Даже если мы побелеем и отдадим свою черноту, воронью сущность свою не отдадим никому!

Хасар запустил снежком в ворон, те шумно взлетели с веток и еще больше раскаркались.

В криках ворон ему послышался упрек: «А-а, не попал, не попал, не смог ты побить нас снежком!»

Несколько дней назад ему позвонил генерал Серкяев, про которого он думал, что тот уже в Ашхабаде, и сообщил, что находится в этих краях и хотел бы повидаться, что найти его можно в Доме отдыха Министерства обороны. Хасар тогда подумал, что он там отдыхает.

С того разговора он все время думал о встрече со своим бывшим подчиненным, выросшим в генерала, ему хотелось посидеть с ним, вспомнить былое. Сейчас, если смотреть отсюда, со стороны моря можно увидеть едва виднеющийся в дымке тумана силуэт дома отдыха. Этот силуэт напоминал Хасару, что его ждет друг.

Вернувшись с моря, Хасар умылся, побрился перед зеркалом, привел себя в порядок. Все это время он вспоминал о своей первой встрече с генералом, которая состоялась в Германии, когда тот еще не был никаким высоким чином...

В тот раз ему пришлось срочно оперировать парня, доставленного с приступом острого аппендицита.

Обычно такие операции делал недавно прибывший в часть врач капитан Костенко, но на этот раз Хасар предпочел прооперировать больного сам.

В тот момент, когда он провел скальпелем по животу парня, анестезия еще не успела до конца подействовать, и тот, почувствовав острую боль и одновременно увидев проступившую кровь, стиснул зубы и что-то пробормотал по-туркменски. Перед операцией Хасар не успел заглянуть в историю болезни пациента, но потом, рассматривая записи, увидел, что этот парень – его земляк, туркмен.

В тот же день к вечеру он с удовольствием общался с юношей на родном туркменском языке.

– Как дела, гвардеец?

– Ой, товарищ военврач, вы начали говорить по-туркменски?

Юноша до слез был тронут встречей со своим земляком вдали от родных мест, да еще с таким, который избавил его от невыносимой боли.

Солдат до самого конца службы поддерживал с Хасаром дружеские отношения. Именно знакомство с Хасаром определило всю его последующую жизнь. Он стал мечтать о том, чтобы стать военным, и менее чем через год по рекомендации Хасара поступил в Рязанское высшее военное училище десантных командиров.

В годы учебы курсант поздравлял своего первого наставника Хасара со всеми праздниками, писал ему благодарные письма: «Хасар Мамметханович, все, чего я добился в этой жизни, я добился благодаря вам».

Хасару очень хотелось повидаться с бывшим солдатом, с которым в течение многих лет их дороги больше нигде не пересекались, но его нынешняя внутренняя неустроенность, отсутствие достойной его статуса работы, семейная

трагедия, – все это заставляло его колебаться. Что он скажет своему бывшему подчиненному, когда тот спросит о Дунье, об Арслане? А ведь он обязательно спросит. Хасар чувствовал себя неудобно, как генерал, оставивший на поле боя свое войско.

И все же желание повидаться с генералом взяло верх. Надо было спешить, ведь тот мог после недели – десяти дней отдыха уехать обратно, да его просто могли вызвать по служебной надобности.

Сегодня у Хасара был выходной. Он заварил чай и позавтракал. А когда он счистил с машины наледь, оделся и выехал из дома, день уже близился к полудню.

Заснеженная дорога была расчерчена узорами, оставленными протекторами машин. Воздух был морозным, но мир был ясным и открытым, чувствовалось, что где-то там, за облаками, прячется солнце.

Хасар отметил про себя, как красив окружающий пейзаж, когда он утопает в снегу. Он легко вел машину, да и настроение у него было приподнятое, словно он вез благую весть.

* * *

Всю дорогу он ехал, погруженный в свои мысли, и не заметил, как оказался возле Дома отдыха для военнослужащих. Остановив машину, он доложил, к кому приехал, солдату у входа, который стоял, подняв воротник шинели и пряча под ним голову, стуча ногами в сапогах друга о друга, чтобы согреться.

Увидев подъехавшую машину, из здания вышел рослый, крепкого телосложения сержант и приказал стоявшему у ворот солдату:

– Пока я не переговорю с полковником, машину во двор не пускать! – и снова вошел в здание.

С запоздалым раскаянием Хасар пожалел о том, что не позвонил своему другу и не предупредил его о своем приезде. Теперь вот жди, пока сержант доложит своему командиру, а тот, согласно уставу, обратится к генералу и спросит, пускать ли к нему гостя. Но, против ожидания, очень скоро перед ним широко распахнулись ворота Дома отдыха. Когда он въехал во двор, несколько солдат с деревянными лопатами для уборки снега и вениками очищали территорию.

На дорожке, ведущей к главному корпусу Дома отдыха, два офицера провожали хорошо одетую нарядную женщину.

Все увиденное здесь напомнило Хасару его армейскую жизнь. Пусть и мысленно, но ему было приятно вернуться в прошлое.

Подъехав к двухэтажному зданию с вывеской «Гарнизонный дом отдыха», Хасар вышел из машины. Вслед за солдатом, присланным встретить его, поднялся на второй этаж.

Друг встретил Хасара перед входом в кабинет начальника Дома отдыха со смущенной улыбкой, он был не в генеральском звании, а в чине полковника.

Они обнялись, как отец и сын. Хасару все это было непонятно, он ведь еще ничего не знал. «Может, мне все это кажется?» – удивленно думал он.

Хозяин повел Хасара в кабинет начальника Дома отдыха, усадил его и сам сел напротив гостя.

Беспокойство хозяина и его загадочный вид Хасар объяснил по-своему: «Похоже, я тут не вовремя появился. Может, он был занят чем-то, а может, женщину привел к себе в комнату, а тут я без предупреждения объявился, поэтому он оставил ее и повел меня не к себе, а вот сюда привел?»

Полковник Серкяев невольно расчесал пальцами свою начавшую сесть пышную шевелюру и посмотрел на Хасара вопросительно, будто спрашивал: «Вы, конечно, в курсе последних событий?» При этом он виновато улыбнулся.

– Хасар Мамметханович, сколько лет, сколько зим мы не виделись? Целую вечность!

– Много лет прошло, – задумчиво произнес Хасар, подсчитывая в уме прошедшие годы.

– А нас вот сюда на работу назначили, – продолжил Серкяев тем же тоном.

– Не рано ли ты занялся хозяйственной работой?

– Разве не говорят: человек предполагает, а Бог располагает?

Только после этих слов Хасар сообразил, что в судьбе его друга произошли крутые перемены, что он принимает его не в чужом, а в своем собственном кабинете – на своем рабочем месте. Ему стало ясно, что в том, что прежний генерал теперь принимает его в чине полковника, кроется какая-то тайна.

И в самом деле, Хасар, занятый в последнее время своими семейными проблемами, хотя и слышал, что тот командует Кушкинской дивизией, и гордился тем, как быстро его подопечный идет вверх по служебной лестнице, ничего не знал о последних событиях, обрушившихся на Серкяева после того, как его назначили заместителем министра обороны. Его считали достойным туркменским парнем, на которого в перспективе примеряли мундир министра обороны...

После распада СССР подполковник Серкяев, служивший в литовском городе Алитусе, как и многие другие военные, был призван на Родину как ее сын, обязанный защищать свое Отечество. Обретя независимость, страна заложила свою собственную оборонительную базу.

В городе Алитусе он служил первым заместителем командира полка. Ему было приятно узнать, что в годы войны эта войсковая часть была сформирована в Туркменистане и впоследствии превратилась в 97-ю гвардейскую часть, в которой он теперь служил.

Как и у всех военных, в этой части во время любых праздников специально зачитывались имена героев, им отдавалась дань памяти.

Один из командиров зачитывал список имен военнослужащих части и среди других называл имя Героя Советского Союза Айдогды Тахирова, а в это время другой воин отвечал ему: «Герой Советского Союза Айдогды Тахиров, отважный сын туркменского народа, погиб на поле боя, отдал жизнь за Родину...» Майор Серкяев гордился тогда тем, что служит именно в части, в которой служил его героический земляк Айдогды Тахиров.

Полковник Серкяев, угостив друга чашкой кофе в своем кабинете, затем повел его в свою комнату. Это был просторный двухкомнатный номер со всеми удобствами, оборудованный для отдыха высокого армейского чина и членов его семьи. Несмотря на холодную погоду, в помещении было тепло. Внутри номера стоял легкий запах не то мыла, не то пены для бритья. Здесь уже был накрыт стол для приема гостя. Хасар догадался, что полковник не сразу повел его сюда, а некоторое время держал в кабинете для того, чтобы здесь успели все подготовить.

Сев за накрытый стол, друзья первый тост подняли за встречу, выпили за то, чтобы следующие встречи не были такими редкими. Вспомнили прошлое, разговорились. Полковник вытер полотенцем разгоряченное лицо, шею, а затем приступил к рассказу, к которому все никак не решался подступиться. А ему так хотелось поделиться наболевшим со своим наставником! Смущенно улыбнувшись, он начал говорить с виноватым видом:

– Вот уж точно говорят: пришла беда – открывай ворота.

Все началось через пару месяцев после того, как я начал работать заместителем министра обороны – командиром одного крупного войскового соединения. Я в то время был в Стамбуле, встречался с военным генералитетом Турции, занимался вопросами налаживания военных связей между двумя странами. Честно говоря, я был на высоте.

Но оттуда меня срочно отозвали домой. В одном из Балканских полков случилось ЧП.

Оказалось, были ранены несколько пьяных офицеров и младших командиров, они сели в какую-то военную машину и отправились в Ашхабад.

В этом месте своего рассказа Серкяев вопросительно посмотрел на Хасара, считая, что тот слышал об этом происшествии.

Хасар кивнул головой, он что-то такое слышал, но подробности этого происшествия ему были неизвестны.

— А в дороге их машина вышла из строя, размахивая оружием, они поймали одного из проезжих и отобрали у него машину. В Ашхабад ушло сообщение. По пути их задержали...

А я прилетел на другой день. Но когда уже все случилось, что можно было изменить?

— Так чего же они добивались? — спросил Хасар, и было видно, что он тоже переживает за друга.

— Оказывается, у нескольких мятежников были свои счета с ответственным руководителем военного института, который они окончили. Этот человек пообещал одному из них оставить на работе в институте, а другому помочь пристроиться на теплое местечко. Знаете же, как наши любят деньги и ради них готовы на любые преступления. Естественно, и здесь не обошлась без взятки...

... Напившись до потери пульса, в пьяном угаре они решили ехать в столицу, чтобы отомстить обманувшему их взяточнику. И поехали... кучка безмозглых идиотов...

— Неужели же в полку не нашлось никого, кто мог приструнить их, остановить?!

— Так сами эти офицеры и должны были следить за порядком. Если какое-то дело начиналось с грязи, подлости, оно и дальше пойдет таким же грязным путем. Большинство офицеров, берущих взятки, и в институт попали благодаря

подношению, через знакомых, дав взятку. Короче, поднялся невообразимый шум, он вылился в скандал.

– А при чем тут ты, или среди них был кто-то из твоих родственников?

– Нет, родственников никаких не было, но ведь эти части были вверены мне. Вы-то ведь знаете, в советское время за такие дела снимали командиров. Командиров роты, полка, дивизии сразу же освободили от занимаемых должностей. Начальника Генштаба и меня лишили генеральского звания. Начальник штаба был человек умный, знающий, свое полковничье звание он еще в советское время получил. Все очень жалели о его отставке. Где нам теперь взять такого закаленного толкового офицера, прошедшего всю афганскую войну?

– А с ним что сделали? Куда его отправили? – поинтересовался Хасар, видя, как его друг переживает не о своем собственном падении, а о судьбе начальника Генштаба.

– Его направили командиром в тот полк, где все это случилось. А меня сняли с работы и несколько месяцев таскали по прокуратурам. И вот теперь отправили сюда, чтобы я соленой водички похлебал...

Да ты хоть тысячу раз проверяй, все равно не найдешь ничего, за что можно было бы наказать этих людей!

Хасар понаслышке знал, что в какой-то войсковой части произошла смута, но и подумать не мог, что одним концом она ударит по его другу. Этого он, конечно, не знал.

Рассказ друга расстроил Хасара.

– Не переживай так сильно, жизнь все расставит по своим местам, ты человек честный и можешь гордиться этим, – Хасар старался найти для своего друга слова утешения, поддержать его. Хасар и в самом деле был расстроен тем, что такие нужные сейчас люди, как Серкяев, как начальник Генштаба оказались за бортом. Друзья еще долго сидели за столом, поднимали тосты, курили, разговаривали.

За окном виднелось холодное серое море, а во дворе Дома отдыха молодые кусты можжевельника, которым было по десять-пятнадцать лет, были от макушки до земли укрыты толстым снежным покрывалом. Сейчас они были похожи на выстроенные друг за другом белые туркменские кибитки.

Сквозь окно морские волны были хорошо видны, но за двойными стеклами не было слышно морского прибоя. Но если шум и доносился, то был глухим, далеким.

Прощаясь в конце дня, полковник Серкяев изъявил желание видеть своего друга как можно чаще:

– Хасар Мамметханович, здесь вакантно место одного из врачей, может, вы ко мне на работу перейдете?

Хасар не знал, как реагировать на неожиданное предложение, растерялся.

– Поживем, увидим. Да я уже и привык к своей новой работе. С людьми у меня нормальные отношения. И потом, там никто не командует тобой, не требует: «Затяни ремень, носи фуражку на два пальца выше бровей!» - вежливо отказался Хасар, отложив решение вопроса до лучших времен.

Пообещав иногда встречаться, друзья распрощались.

* * *

Хасар ехал домой на небольшой скорости по дороге с подтаявшим снегом, все еще находясь под впечатлением от встречи со старым другом. Его потрясла история, рассказанная опальным генералом.

Его, хорошо знающего положение в войсках, больше всего расстроило то, что национальная армия, так нуждающаяся в толковых офицерах, осталась без генерала с высшим командным образованием. Хасару показалось, что судьба Серкяева в чем-то схожа с его собственной судьбой, что случившееся с ними имеет много общего.

В машине стало душно, трудно дышать, и Хасар немного опустил стекло со своей стороны. С улицы в теплый салон машины со свистом ворвался поток холодного воздуха, ударил Хасара по лицу, непокрытой голове, проник в расстегнутый ворот, заставил поежиться от холода. Воздух был пропитан запахом холодного моря, смешанным с запахом снега.

Хасару захотелось остановить машину и немного походить, чтобы размять ноги, а заодно вспомнить снега, которые ему доводилось видеть в своей прошлой жизни.

Он остановил машину на обочине дороги, надел шапку, обмотал шею длинным шерстяным шарфом и вышел наружу.

Его окружал дивный пейзаж, все вокруг было укрыто снежным покрывалом. Отсюда просматривался кусочек моря, тянущийся на северо-запад, в такую погоду он кажется миражом. Хасар поднялся на небольшой холм у дороги и осмотрелся по сторонам. В этом году зима здесь снежная, она как будто догнала его из Европы, где такие зимы длятся по несколько месяцев. Он удивленно рассматривал снег, как будто видел его впервые в жизни. Ему вспомнилось несколько эпизодов со снегом.

... Каждый раз, когда на землю ложился снег, мать связывала его с чем-то светлым, хорошим. Пусть ненадолго, но снежный покров обновлял облик земли, и мир как будто заново рождался.

На берегу построено много новых домов, они соседствуют со старыми дачными домиками и разительно отличаются от них. В сторонке уже начали подниматься корпуса новых домов отдыха, они и вовсе меняли картину побережья, делали его более нарядным. Повернув голову в сторону Красноводска, Хасар отметил, как красив приморский город, одетый в белоснежный наряд.

Хасар почувствовал, что у него начали мерзнуть ноги, но он еще долго стоял на холме, никак не мог оторваться

от этого дивного видения. Он поднял воротник пальто, нахлобучил шапку на лоб и уши, замерзшими ладонями прошелся по лицу, словно что-то снимая с него, несколько раз погладил его. Он чувствовал, как красота окружающей природы бальзамом ложится на его израненную душу, вдохновляет его, возвращает к жизни.

Зимой не очень-то постоишь на воздухе! Когда Хасар собрался продолжить путь, уже начали сгущаться сумерки. Ночь есть ночь, даже снег не в состоянии превратить ее в светлый день.

От друга Хасар вернулся домой уже ночью.

* * *

Освободившись от рабочих дел довольно поздно, Тоты решила провести родителей. Утром она звонила к ним, справлялась о состоянии отца, а сейчас поняла, что должна увидеть его своими глазами, иначе не сможет успокоиться. До недавних пор отец, несмотря на возраст, чувствовал себя вполне прилично. Тоты хорошо знала о состоянии здоровья своих стариков, она сама постоянно наблюдала за ними, держала их здоровье под своим контролем.

Ее очень удивило, что отец, находясь в городском доме, из-за сердечного приступа вынужден был вызвать «скорую». Удивилась, потому что недавняя кардиограмма показала, что сердце старика достаточно крепко и в состоянии справиться с возрастными изменениями. Надо ведь, первым же и сдало это здоровое сердце!

Тоты предположила, что приступ мог быть спровоцирован какими-то внешними обстоятельствами, и связала их со своим старшим братом. Жизнь ее брата пошла наперекося, она не была безоблачной. Он учился на судового инженера в России, там же познакомился со своей будущей женой. В один из приездов привез с собой

татарку и представил ее родным как свою жену. Пока он работал инженером в Красноводском морского порту, они жили хорошо, но когда дети подросли, а большая страна начала раскачиваться и трещать по швам, отношения между супругами испортились.

Она отправила на учебу в Россию сначала сына, а затем и дочь, якобы поближе к своей матери и сестре, а потом и сама отправилась вслед за ними, объяснив это желанием проводить детей. И вот уже почти три года не давала о себе знать.

Брат, как многие мужчины в его положении, не вынес такого обмана, начал прикладываться к бутылке, постепенно она ему заменила всех друзей. Он и прежде не был аскетом, любил выпить, но после того, как родные покинули его, он полностью пристрастился к алкоголю. Как следствие потерял прекрасную работу, теперь он перебивался случайными заработками – ремонтировал чужие машины, и опускался все ниже.

Конечно, родители не могли спокойно смотреть, как гибнет их ребенок, это была их самая большая боль, которая ни на минуту не оставляла несчастных стариков в покое. Как тут сердцу не заболеть?!

В тот день, когда у старика случился сердечный приступ и ему вызывали «скорую», сын приходил к родителям, чтобы получить свой пай от их пенсий и купить себе спиртное. Отец не выдержал переживаний, схватился за сердце.

Тогда Тоты, вернувшись из командировки, уложила отца в больницу и продержала там две недели. А после лечения отвезла родителей на дачу у моря. Далековато, конечно, зато там старикам будет спокойно.

Когда Тоты приехала на дачу, домашние не сразу заметили ее появления. В комнате орал телевизор. Отец лежал на диване, подложив под локоть подушку, и смотрел телевизор.

Тоты прошла перед отцом, убавила звук телевизора. Потом, ласково улыбаясь, попеняла родителям:

– Что же он у вас так орет?!

– А, ты приехала, дочка? А чем здесь еще заниматься, разве что телевизор смотреть. С мамой мы давно уже все переговорили, – старик явно обрадовался приезду дочери. Настроение у него было хорошее, он сообщил, что чувствует себя неплохо.

Потом переадресовал упрек дочери жене, которая в это время возилась на кухне:

– Если убавляешь звук, мама говорит, что ей на кухне ничего не слышно, – шутливо заявил он. Улыбнулся, кивнув головой жене, которая, услышав голос дочери, вышла из кухни. Она поняла, что говорили о ней.

– Слушай больше своего отца, мне этот телевизор даром не нужен, да и не до него мне. А этот ни одной передачи не пропускает. Твой отец как ребенок, верит всему, что говорят по этому ящику! – сказала она, чтобы дочь поняла, что слова ее отца не имеют к ней никакого отношения, что он просто подшучивает над ней.

Коротко порасспросив родителей о состоянии их здоровья, Тоты поднялась на второй этаж, в свою комнату, чтобы переодеться в домашнюю одежду.

По поведению родителей Тоты поняла, что они чувствуют себя неплохо, хотя, когда ехала сюда, собиралась сразу же измерить им давление, проверить пульс, послушать сердце. В последнее время, приезжая к родителям, она, не дожидаясь их просьб, начинала свой визит с осмотра стариков.

На этот раз она взяла свои медицинские инструменты, чтобы все же послушать отца, но, спустившись вниз, не спешила делать это. Как только было предложено, сразу же села ужинать. А матери сказала:

– Неси, что там у тебя есть – еду, чай!

– Ужин готов, а если ты хочешь пить, рядом термос отца стоит, в нем есть немного чая, правда, он не такой горячий!-

мать произнесла эти слова с сожалением, что не приготовила заранее чай для любимой и такой желанной дочери. Быстро сходила на кухню, принесла тарелку еды и поставила ее перед дочерью.

Тоты всегда было приятно находиться рядом с родителями, самыми близкими и родными людьми. Став матерью, она особенно остро почувствовала, какое это счастье – иметь родителей, знала, что такое счастье не каждому дается, и была благодарна Всевышнему за то, что ей такое счастье все же выпало, видела в этом милость Божию.

Тоты была первой девочкой в семье. Когда ей было два года, у нее появился младший брат. А в тот год, когда она пошла в школу, мама принесла домой еще одного малыша, и тоже мальчика. Мать потом хотела родить еще девочку, чтобы у Тоты была сестренка, но, как ни старались родители, это их желание почему-то долго не исполнялось.

Тоты окончила школу с хорошими оценками и поступила в медицинский институт. В это же время ее старший брат учился в России. Словом, дети радовали родителей своими успехами.

Самого младшего брата звали Тагы, он был всеобщим любимцем. Сверстники называли его Толиком, Толяном. В начальной школе он показал себя способным учеником, но позже, связавшись с дурной компанией, стал пропускать уроки, плохо учиться.

После окончания десятого класса отец устроил его на работу на свой завод, чтобы он был на глазах.

Через два-три года он стал приударять за красивой замужней женщиной кавказской национальности. В конце концов, это привело к тому, что однажды на берегу моря схватились две группировки. Во время этой схватки тяжелые ранения получили парни с обеих сторон. Одним из пострадавших был Тагы, пролежав неделю в больнице, он скончался от полученных ран. Для родителей гибель

любимого сына стала страшной трагедией и невосполнимой утратой.

С тех пор в городском доме стариков стоит портрет сына в матросской бескозырке и с надписью «Привет из Красноводска».

Это была последняя фотография Тагы, мечтавшего стать матросом. Родители утешали себя тем, что душа сына живет в их доме и смотрит на них с этого снимка.

Сейчас родители радовались тому, что их беспокойная дочь приехала без предупреждения, что она переживает за их здоровье. За ужином они снова вернулись к тому случаю, когда отцу пришлось вызывать «скорую». Тот почувствовала, что снова затронула больную струну матери, которая до сих пор считала, что тогда "скорая помощь" приехала не сразу, что ждать ее пришлось долго. Она, мать, хотела, чтобы кто-нибудь из влиятельных чиновников хорошенько пропесочил врачей чтобы в следующий раз им было неповадно так медленно ехать на вызов. Для матери таким чиновником в первую очередь была ее собственная дочь, стоявшая во главе большого коллектива врачей. Она снова напомнила, как в тот раз сообщила, что ее дочь занимает большой пост, является руководителем большой городской больницы, что сказала она это специально, чтобы припугнуть того врача со «скорой».

Тоты знала, что ее мать любит прихвастнуть своей дочерью, занимающей высокий пост, что она гордится ею, и с пониманием относилась к ее слабости, потому что считала, что она, как и любая мать, имеет право гордиться своими детьми. Но улыбка отца и его ироничный взгляд ей тоже были понятны, он как бы говорил ей: «Дочка, ты, конечно, можешь поддакивать матери, но не вздумай верить всем ее словам!».

Слушая рассказ матери, Тоты подумала: «Если это врач, который знает меня, то он может подумать: «Какая у Тоты

Тагановны высокомерная, невоспитанная мать!» Потом спросила у родителей: «А врач, который приезжал на вызов, русский или туркмен?»

Мать, упершись обеими руками в колени, с трудом поднялась с места, подошла к трюмо, в выдвижном ящике которого хранились лекарства, и достала оттуда небольшой листок бумаги. Протянула дочери:

— Когда я потребовала, чтобы он назвал имя и фамилию, он, похоже, испугался, что я буду жаловаться, и прямо на глазах переменялся, сразу таким обходительным стал! Вот, на этом листке он написал свои данные и номер телефона. И еще на прощание сказал: если будет худо, звоните в любое время, я сразу же приеду.

Развернув поданный матерью листок бумаги, Тоты стала читать его, и вдруг почувствовала, как участилось ее сердцебиение, как запылало ее лицо. На листке было записано два номера телефона и еще вот это: "Хасар Мамметханов, врач «скорой помощи».

— Ах, мама, зачем же ты так вела себя, это же мой институтский преподаватель!— невольно воскликнула Тоты. Она оказалась в неловком положении, ей было неудобно и стыдно за свою мать, она не находила себе места. Но вдруг заметила, что отец смотрит на них с хитрой улыбкой, он как бы говорил: смотри, что теперь сделает с этим доктором твоя дочь!

— Папа, ты ведь знал такого машиниста тепловоза Мамметханова?

— Да, знал и даже раз, когда я был у железнодорожников парторгом, мы с ним ездили на форум железнодорожников в Ташкент. Он был исключительно работающим человеком... Как же я, шесть лет пробыв железнодорожным комиссаром, могу не знать машиниста Мамметханова!

— Так этот доктор — его сын.

— Да, ну? Это тот самый парень, о котором говорили, что он работает за границей?

– Да, это он, папа. Прежде чем уйти в армию, он два года преподавал у нас в институте.

– Тогда что же он делает тут?

– Он недавно вернулся из Ашхабада. Прежде он работал в военном госпитале. Кажется, оттуда ушел в отставку.

– А, значит, парню показали на дверь...

Узнав о том, что Хасар оказался за бортом и вынужден был приехать сюда, что теперь он довольствуется работой, которую ему удалось найти, хотя на самом деле является профессионалом высочайшего класса, старик искренне расстроился. Он и раньше заочно знал о нем как об очень сильном враче, гордился своим известным земляком.

Еще больше опечалился старик, когда Тоты рассказала о семейной драме Хасара, о том, что у него в аварии погиб взрослый сын.

В разговоре Тоты почему-то еще вспомнила, что среди преподавателей, которые обучали ее в те годы в институте, Хасар был одним из самых молодых. Только сейчас мать поняла, почему ее дочь сидела с недовольным видом, когда она ругала доктора, не принимала ее высказываний, и вид у нее был виноватый. Еще Тоты вспомнила, что от кого-то слышала, что Хасар, как и они, живет в этом дачном поселке, и тогда отец, до того лежавший на диване, вначале приподнялся, а потом и вовсе сел. «Я тут как-то видел в другом конце поселка человека, видно, это он и есть. Ну, да, после твоего рассказа мне кажется, что лицом он и впрямь похож на машиниста Мамметханова... ну, да, их дача как раз в том месте и находится. Я вижу, что он ни с кем не заводит знакомства, поэтому решил, что это просто отдыхающий, приехавший сюда в поисках тишины!»

Сообщение о том, что Хасар находится недалеко от них, вызвало у старика желание при удобном случае познакомиться с ним ближе. Он обратился к дочери:

– Ты, дочка, познакомь его с нами, он свой парень, вдруг прижмет, чтобы не вызывать «скорую» из города, можно

будет обратиться к нему. Ты человек занятой, везде должна поспеть, и не всегда имеешь возможность быть рядом с нами. А с сыном машиниста Мамметханова я обязательно найду общий язык!

– Но вы уже познакомились с ним! – она с улыбкой посмотрела и даже подмигнула матери, которая все это время не решалась поддерживать их разговор, молчаливо сидела в сторонке.

После этого мать поняла, что ей не стоит вмешиваться в разговор отца и дочери, стала собирать со стола и относить на кухню посуду.

– Нет, это не то знакомство. Разве можно считать знакомством, когда ты находишься в когтях Азраила, а другой человек вырывает тебя из этих когтей?

Выслушав отца и подумав немного, Тоты пообещала свести их при первом же удобном случае. Тоты и сама уже давно мечтала о такой встрече с Хасаром. Просьба отца подвела итог ее мыслям в этом вопросе.

Перед тем, как отправиться на работу, Тоты по привычке измерила отцу давление, послушала сердце, пульс. Сердце опять билось неровно, и она отнесла это к переживаниям из-за домашних проблем, ей и в голову не приходило, что старик мог расстроиться из-за Хасара, оказавшегося в такой беде.

– Папа, что, опять сын приходил, воду мутил?

– Да, нет, слава Богу, с тех пор, как сошелся с этой казашкой, сын стал меньше пить, похоже, взялся за ум. Вчера он с кем-то на машине приезжал. Ничего не просил, а то ведь обычно, когда мы получали пенсии, он обязательно требовал свою долю: «Не могли бы вы ли подать бедному-несчастному?» Мы сами спросили, что ему надо, а он говорит: ничего, просто приехал проведать вас. Надо же, хорошие слова знает. Он даже вот что сказал: «В выходные приеду с женой, она у вас уберется и постирает».

– У него все несчастья начались из-за той жены, которая бросила его и уехала к детям! Она вроде бы сейчас этому посылает сигналы: приезжай, мол, сюда, к детям! Да пусть она катится, куда подальше, но она ведь с собой и наших чудесных внуков увезла, бесстыжая...

При упоминании внуков на глаза старой женщины навернулись слезы.

Многое повидавший на своем веку, старик все понял, и чтобы как-то развеять грусть жены, перевел все в шутку:

– Видишь, дочка, как повезло твоему брату. Там у него жена, которая зовет, а здесь жена, которая держит его за хвост, не отпускает! – он старался показать Тоты, что чувствует себя неплохо, хотел успокоить дочку. Но Тоты все равно чувствовала, что что-то такое было, что могло расстроить ее отца.

– Тогда отчего у тебя заболело сердце? – упрямо твердила она, как врач желая узнать причины его недомогания.

На этот раз вместо отца голос подала мать Тоты:

– Ты же знаешь своего отца, дочка. Если ему что-то не по душе, он обязательно пойдет до конца.

А потом она рассказала, что сегодня перед полуднем в поселке появилось три-четыре незнакомца.

Старик в это время сидел на лавочке возле калитки, дышал свежим воздухом и созерцал окружающую природу. Увидев незнакомых людей, разгуливавших по дачному поселку, он решил, что они ищут чей-то дом.

Старик решил подойти к незнакомым парням и подсказать им нужный адрес.

Незнакомые люди и прежде появлялись в этом поселке, особенно вне купального сезона: кто-то искал чей-то дом, а кто-то просто хотел пару-тройку дней отдохнуть в тишине.

Судя по одежде, эти люди были из числа небедных. Они были в соболиных шапках и модных пальто, пошитых в Европе, Турции. И только один из них был одет простенько, да и на голове у него была плоская кепка.

В центре группы стоял полноватый человек невысокого роста, он, словно дирижер оркестра, размахивая руками, показывал то на одну сторону поселка, то на другую и при этом что-то говорил. Другой, размахивая руками в воздухе, словно проводя по морю границу, чувствуя себя хозяином всей земли, чем-то распоряжался.

Старик подошел к ним и поздоровался, в надежде, что это поможет завязать разговор и все выяснить. Незнакомцам появление старика явно было не по душе, они окинули его недовольным взглядом.

«А этот откуда вылез?» – читалось в их глазах, когда они перекидывались друг с другом взглядами.

И лишь один из стоявших, худощавый сероглазый мужчина, что-то записывавший на листке бумаги, поднял голову и с достоинством ответил на приветствие старика. Старик, хоть и не был с ним близко знаком, знал этого парня, знал, что он работает в хякимлике, занимает небольшую должность.

Старик встречал его на всяких мероприятиях, куда приглашали и его, на День Победы или еще какое-то мероприятие. Его работа называлась мальчик на побегушках, он выполнял всякие поручения. Двое других старику были незнакомы. Оба были хорошо одеты, виду них был уверенный, как у людей, приближенных к властным структурам. Тот, что с усиками, говорил по-туркменски с сильным акцентом, зато второй, крепко сбитый мужик, больше похожий на перса, говорил на чистейшем туркменском языке.

По их виду и поведению старик определил, что это не простые смертные, не обыватели, а те, про которых в народе говорят, что они после распада страны разбогатевшие, сами же они предпочитают называть себя «новыми туркменами», которым все дозволено, ибо они на то имеют право и деньги. Это-то старик понял, другое ему было непонятно: почему эти состоятельные люди бродят по этому поселку, когда совсем рядом поднялись корпуса отличных домов отдыха!

Старику пока еще было неизвестно, что один из присутствующих намерен купить участок побережья, выстроить на нем большой дом отдыха и распоряжаться им по своему усмотрению. Он, конечно, знал, что в нынешних условиях, при так называемых рыночных отношениях, государственное имущество в мгновение ока переходит в частные руки, что все продается и покупается, но он даже мысли не мог допустить, что когда-нибудь это ударит и по нему.

Старик видел, что эти люди не настроены общаться с ним, но любопытство взяло верх, и он обратился к знакомому парню, желая ближе познакомиться с этими людьми.

– Сынок, кто эти люди, которые находятся рядом с тобой? Или это землемеры?

Знакомый парень молчал, не зная, как ответить на вопрос старика. Молча, посмотрел по сторонам, сглотнул слюну. Въядливый старик в конце концов разозлил говорившего в это время Аннова, и он поспешил ответить вместо парня:

– Вот что, дед, если ты шел мимо, так и иди своей дорогой! Тебе-то какое дело? Чего ты суешь свой нос, куда тебя не просят? – он потребовал, чтобы старик как можно скорее убирался прочь, потом повернулся к стоявшим и продолжил речь.

Старику не понравился тон этого высокомерного человека.

– Это почему же это не мое дело? Кто вас знает, может, вы воры, что-то тут вынюхиваете? Таких, как вы, в последнее время слишком много развелось. Еще как это мое дело!

Претензии старика еще больше разозлили Аннова. Сам того не заметив, он вспылил:

– Эй, старый, хватит болтать, убирайся вон! Даже если эта земля была твоей, теперь она моя! Тебе какое дело, как я по своей земле хожу?!

– Как это – твоя земля? – потрясенно спросил старик.

– А вот так! Через два-три месяца увидишь, как. Ты отсюда уберешься со своим барахлом, а мы тут развернем гигантскую стройку.

Видя, что слова его словно молнией поразили старика, Аннов самодовольно улыбнулся.

Чтобы продолжить разговор подальше от старика, эти люди направились в сторону моря, тогда старик подозвал к себе знакомого парня и спросил:

– Скажи, сынок, кто эти люди и что им надо?

– Эти люди – бизнесмены, они приехали сюда, чтобы построить на побережье свой пансионат. У них, отец, есть договоренность с хякимом города.

– Какая такая договоренность? Если это не государственное строительство, то кто имеет право лишать живущих здесь людей собственности и на месте их домов строить другую собственность?

– Не знаю, – знакомый парень пожал плечами. А потом, чтобы было понятно, что спор здесь неуместен, добавил: – Этот человек то ли друг хякима, то ли его односельчанин, короче, близкий ему человек. Так что у них есть от него разрешение выбрать на берегу моря участок для строительства!

Старик растерялся, он пережил неприятное чувство, будто у него уже отбирают его дом и разоряют его родное гнездо. И тогда он обратился к знакомому парню с просьбой:

– Сынок, а ты не мог бы увести этих людей куда-нибудь подальше от нас, берег-то огромный, им другого места что ли не нашлось? Пусть строят себе, сколько хотят, но почему обязательно на месте наших домов?

Ответ парня был коротким:

– Отец, этот вопрос большие люди решают, а мы всего лишь мальчики на побегушках. Мне сказали, чтобы я привез их и показал им этот поселок, я и выполнил данное мне поручение, – парень пытался объяснить старику, что от него

ничего не зависит, не хотел, чтобы тот на него обижался. Только теперь старик понял, что у этих людей мощная поддержка. А эти люди, отойдя от старика подальше, продолжили свой разговор, Аннов снова стал размахивать руками и воображать себя хозяином здешней земли.

Оттуда старик вернулся в расстроенных чувствах, у него снова заболело сердце...

Когда мать рассказала дочери обо всем этом, Тоты произнесла: «Я так и знала, я же вижу, что что-то случилось!», – и озабоченно посмотрела на отца.

Размышляя над тем, какое отцу дать лекарство, она одновременно думала о том, как легко ранить человека преклонного возраста, как мало надо, чтобы вывести его из равновесия.

Увидев в окно, что за ней приехала служебная машина, Тоты, прежде чем уйти, попыталась успокоить стариков: «Не думаю, чтобы без вашего согласия они на что-то такое решились! Не переживайте, – все будет хорошо!» - заверила она родителей, давая им понять, что она сама увидится с нужными людьми и утрясет этот вопрос.

Старики проводили ее до ворот. Они с любовью и гордостью смотрели вслед дочери.

* * *

Потягиваясь, Хасар вышел во двор. Было еще темно, на дворе продолжала властвовать ночь.

Услышав плеск волн, еще толком не проснувшись, подумал, как хорошо было бы сейчас оказаться возле моря, чтобы ласковый соленый ветерок погладил лицо и отогнал остатки сна. Но желание поспать еще немного взяло верх, и он вернулся в постель. Если ему не удавалось выспаться, он всегда чувствовал себя неважно. У него портилось настроение, как будто он только что увидел дурной сон.

Больше всего на свете он любил море, но сейчас ему не хотелось выходить из дома, хотя море было рядом. Он снова крепко уснул, сказалась вчерашняя бессонная ночь, и проснулся только к полудню.

В доме царил многодневный беспорядок. На расстеленном сачаке стояла вчерашняя сковорода с остатками еды, валялись куски недоеденного хлеба, тут же были и чайники с пиалами. И даже одежда не была убрана, от усталости он не развесил ее по местам, и она лежала сваленной на стуле.

Когда вещи находятся не на своих местах, это тоже раздражает, мешает жить. Что-то приходится искать по всему дому, короче, сразу видно, что в этом доме не хватает женской руки.

Может поэтому, хоть женщины рядом и не было, думать о ней приходилось постоянно.

Переехав сюда, Хасар жил отшельником, вел аскетический образ жизни, постоянно думал о чем-то своем. Зимой, в начале весны и осенью в дачном поселке мало народу, так что и общаться-то особо не с кем. Здесь шумно и многолюдно только летом, всех манит отдых на море. В другое время года найти здесь себе собеседника проблематично.

Чаще всего, погружаясь в свои мысли, Хасар забывал, где он находится, почему он здесь находится, всеми помыслами своими он уходил в прежнюю жизнь. Причем, все его воспоминания были связаны с Дуньей. Она обязательно появлялась в его мыслях.

Его все еще тянуло к Дунье, несмотря на то, что произошло в их жизни, для него она по-прежнему была единственной и неповторимой, желанной женщиной.

Сегодня Хасар проснулся позже обычного. Он любил, открыв глаза, включить радио и слушать музыку, которая каждое утро звучит в течение часа, сегодня он опоздал, но все равно по привычке дотянулся рукой до радио и включил

его. На его счастье, по радио давали песни, которые были не хуже утренней музыки. Комната наполнилась скрипучим старческим голосом Чувала бахши, исполнителя дестанов... От имени Шасенем он призывал девушек вытащить из воды сундук и спасти Гариба, попавшего в немилость к царю Шаапбасу, который заковал его в сундуке и бросил в море...

Подходите к сундуку,

Посмотрите, кто там есть.

Свою душу с душой его соедините,

Девушки, достаньте сундук из реки,

Все вместе вытяните молодца из воды.

Он убавил звук радио, и голос певца тоже стал тише и спокойнее, будто сундук уже вынут из воды, а Гариб спасен.

... Вот он сидит в кабине одной из военных машин, караван которых возвращается с учений где-то в Германии. Он с завистью рассматривает аккуратные немецкие города и села.

Дунья с нетерпением ждет мужа из многодневного похода, и вот она, увидев, что они возвращаются, вместе с детьми выскочила из дома, чтобы встретить любимого у порога... Дождавшись, когда он обнимет детей и отойдет в сторонку, она прислонялась к его пыльной и потной шинели, клала голову ему на грудь и ласково шептала:

- Здравствуй, счастье мое, как же я соскучилась по тебе...

В последнее время эти приятные воспоминания Хасар непременно заключал фразой: «Эх, Дунья, что ж ты все так испортила...» Бывало, что с этого места мысли уводили его совсем в другую сторону, и он снова начинал думать о том, почему все это случилось в его жизни, что стало причиной, приведшей его семью к такой драме. И никак не мог найти случившемуся сколько-нибудь разумного объяснения.

Хасар ополоснул металлический чайник, наполнил его водой, включил газ и поставил его на плиту. Пока вода грелась, он занимался наведением порядка. Для начала снял

со стула одежду и развесил ее в старинном платяном шкафу с большим зеркалом на дверце. Подмел в комнате, и теперь она приобрела совсем другой вид. У Хасара было такое ощущение, словно это не он занимался уборкой, а Дунья привела все в порядок, а потом вышла из комнаты, чтобы вынести собранный мусор, и ушла.

У моря одиночество воспринимается особенно остро, гораздо сильнее, чем даже думал Хасар. И если не свыкнуться с ним, можно с ума сойти от тоски...

Хасар не любитель подолгу сидеть у телевизора. Да в последнее время там и смотреть-то нечего, сплошь американские боевики. Стрельба, кровь льется рекой, убитые, раненые... Куда делись прежние интересные фильмы, от которых невозможно было глаз оторвать? Они, как мамонты, вместе с СССР исчезли даже из кинотеатров.

Теперь в свободное от работы время его основным развлечением были книги. Хасар и раньше любил читать, но теперь, в этой пустыне, книги стали просто его спасением. А книг у него было достаточно. В один из приездов сюда с детьми он купил в одной из библиотек, переезжавших из Красноводска, Всемирную литературу в 200-х томах всего за 875 рублей.

Он давно мечтал иметь у себя эти книги, и вот повезло. В каждый приезд он увозил отсюда по несколько томов, но здесь осталось еще достаточно книг. Теперь эти книги мужественно делили с ним его одиночество. Заезжая к матери, он каждый раз отбирал какую-нибудь книгу и вез ее к себе домой.

Ему порой приходила в голову мысль, что эти книги остались здесь неспроста, почему-то у него не всегда бывала возможность забирать их с собой. «Похоже, Небесам уже тогда было известно, что мне придется вернуться сюда!» Хасар считал, что его судьба была predetermined какими-то высшими силами.

Переехав сюда, Хасар нашел для себя и еще одно развлечение. Он завел себе специальную тетрадь, в которой

делал то ли дневниковые записи, то ли делился с ней своими воспоминаниями – писал мемуары.

Вообще-то это занятие было для него не внове, еще служа в Германии, он видел, как некоторые офицеры ведут дневник. Он тогда пришел к выводу, что эти мгновения жизни пройдут, а человеческая память не может хранить их годами. Значит, надо все записывать, чтобы потом было что вспомнить. Он тогда года два вел свой дневник.

Этот дневник сейчас валяется где-то там, среди вещей Дуньи. Каждый раз, начиная дневниковые записи, он вспоминал о том, первом дневнике, и ему хотелось хотя бы краем глаза заглянуть в него. Сожалел о том, что, уезжая, не вспомнил о нем и не прихватил его с собой.

Как страницы того дневника были посвящены главным образом Дунье и детям, так и в новых записях фигурировали по большей части его внуки, сын, дочь, мать и младший брат. Хотя и редко, но в дневнике появлялись записи о коллегах, других людях, с которыми он общался, в частности, о встрече с генералом Серкяевым.

Каждый раз, садясь за стол, чтобы сделать в дневнике очередную запись, он вдруг вспоминал своих давних друзей, и тогда тоска с новой силой наваливалась на него.

Завтракал Хасар ближе к обеду, потом пошел из дома, чтобы прогуляться к морю. Лицо обдал приятный ветерок, успевший напиться солнечным теплом. Это был знакомый солоноватый бриз, каждое утро поднимавшийся с моря. Зимой такой ветер пронизывает насквозь, пробирает до костей, но с наступлением весны он становится все мягче и мягче. Сейчас он мечется по улицам дачного поселка, ошупывая, оглаживая его дома, деревья, кусты.

Выйдя со двора, Хасар запер калитку и пошел направо, в сторону моря. Совсем скоро он был уже далеко, а над головой его кружили крикливые чайки.

На специальное приглашение матери Хасар прибыл с некоторым опозданием – по пути ему пришлось заехать на рынок, чтобы купить запчасти для машины. Уже прошло то мгновение утра, когда душа наполняется свежестью. Улицы города наполнились машинами и людьми, и началась обычная жизнь города.

Мать все еще была озабочена тем, чтобы выправить неровную жизнь Хасара. Знала, что он еще не оправился от ударов судьбы, знала, что его душевные раны вряд ли когда-нибудь заживут, и все равно хотела как-то изменить жизнь своего несчастного сына. Не могла она видеть его страданий!

Не так давно она напомнила Хасару о своем преклонном возрасте, сказала, что хотела бы еще при жизни видеть его счастливым, и, словно советуясь с ним, сообщила, что присмотрела для него парочку приличных женщин. Мать надеялась, что ее хлопоты увенчаются успехом, и если в доме появится женщина, жизнь сына кардинально изменится.

Хасар ничего не ответил матери, промолчал. Мать же расценила его молчание как знак согласия. Не зная о том, что мать продолжает искать ему невесту, Хасар успел забыть о том разговоре.

Мать остановила выбор на женщине с ребенком, которая была им дальней родней с дядиной стороны. Женщина была разведена, и уже года два-три вместе с ребенком жила в родительском доме. Через знакомых доверенных женщин она получила её согласие.

Женщина эта тогда спросила:

– А что за человек, этот Хасар-еген? По вашим рассказам, он одинокий человек, который спрятался в нору, как изгнанная со двора собака, и сидит там тихо. Ему, похоже, семья и не нужна! – заключила она. Но потом, о чем-то подумав, дополнила свой вопрос. – То, что он namного

старше, Бог с ним. Меня другое интересует: есть ли у него жилье, машина, средства для содержания женщины?

Женщина-посредница тогда немного растерялась, но все же решила не кривить душой и не говорить неправды:

– Нет, я не слышала, чтобы у него было какое-то большое богатство! Он самый обычный врач, живущий на зарплату. Машина у него, возможно, и имеется.

Женщина, представлявшая свою жизнь после вторичного замужества несколько иначе, была разочарована, она сделала для себя вывод, что в таком случае ей нет никакого смысла выходить за этого человека замуж:

– Если я не буду носить то, что мне хочется, и есть в свое удовольствие, тогда зачем мне выходить замуж за человека, который мне в отцы годится?

И все же посреднице удалось уговорить ее встретиться с кандидатом в женихи. Тогда она решила приехать в город как бы в гости, чтобы заодно встретиться с Хасаром.

Вскоре после этого разговора она перед самыми выходными приехала к ним в гости, по-родственному, посчитав, что и Хасар в это время должен быть дома.

Хасар, конечно, ничего об этом не знал. Когда мать попросила его заглянуть к ним, он решил, что дома опять затевается какой-то праздник, может, чей-то день рождения решили справить.

Войдя в дом, Хасар увидел, что за сачаком в комнате матери сидят четыре женщины. При виде вошедшего они вдруг засуетились. Как только Хасар вошел в дом, жена младшего брата вскочила с места и почтительно поклонилась деверю, а потом взяла один из опустевших чайников и вышла на кухню.

Рядом с матерью сидела полная женщина средних лет, она улыбалась и неотрывно смотрела на Хасара, а потом приветствовала его по-старинному, положив обе руки ему на плечи:

– Хасар-еген*, как дела?

И хотя женщина назвала его «егеном» – племянником, Хасар ее не узнал. Просто предположил, что это кто-то из их родственников.

Сидевшая рядом с ней молодая женщина в тонкой косынке исподлобья бросила на Хасара любопытный взгляд.

Пока стоявшая рядом родственница разговаривала с ним, объясняя, кому и кем она приходится, от внимания Хасара не ускользнуло, что сидевшая у сачака молодая женщина, ковыряясь в клеенке, опять с интересом посмотрела на него, и он понял, что это было не простое любопытство. А может, она тоже какая-то их родня?

Мать предложила сыну:

– Сынок, ты иди в свою комнату, наша невестка сегодня готовит твой любимый плов с рыбой.

Решив, что эти женщины обычные гости, завсегдатаи их дома, которых он просто не знает, Хасар не усмотрел ничего подозрительного в том, что сегодня его мать была как-то по-особому оживленной.

Войдя в гостиную, он сел на диван, чтобы видеть стоящие напротив полки с аккуратно расставленными книгами. Стал разглядывать их, чтобы выбрать одну из них и взять с собой.

Штора на окне была отдернута, и он увидел за окном, как пошли в рост кусты трехлетней арчи, которую они в прошлом году посадили с сынишкой брата. Они были покрыты густой зеленой кроной.

Его удивило, что в доме не видно ни брата, ни его сына, хотя был выходной, но потом он решил, что они, вероятно, могли уехать на рынок за продуктами или еще по каким домашним делам. Неожиданно в комнату вошла молодая незнакомка, в руках она несла чайник чая. «Еген, вот, я тебе чай принесла!» – проворковала она, глядя на Хасара. А потом добавила:

** Еген – племянник.*

– Обещали и обед скоро подать,– чуть ли не шепотом сообщила она. Вместо ответа Хасар, не глядя на женщину, молча кивнул головой. Но женщина, поставив перед ним чайник с чаем, не ушла, как предполагал он. Хасар не сразу сообразил, что происходит, ему было непонятно, почему эта незнакомая женщина разговаривает с ним как с близким человеком.

А женщина легко вскочила с места и буквально перелетела на его сторону, по-хозяйски уселась рядом.

Наполнив пиалу чаем, она протянула ее Хасару, в этот момент они оба почувствовали, как краска залила их лица.

Поведение женщины вызвало у Хасара желание узнать об этой женщине больше, его разобрало любопытство. Ей где-то лет тридцать-тридцать пять, и она с удовольствием сидит рядом с ним. На ней бархатное платье красного цвета с большой вышивкой. Обычно, первое, что бросается в глаза мужчине, когда он разглядывает женщину, это ее грудь. У этой грудь очень даже ничего, вон как она дразнится из-под платья...

Когда женщина опускалась вниз, конец ее тонкой косынки упал на грудь. Она небрежно откинула его за спину, и снова обратилась к Хасару:

– Хасар-еген, ты возле моря живешь?

– Да,– машинально ответил Хасар, все еще не понимая, почему ему задают такие вопросы, а тем более, почему всем этим интересуется вот эта незнакомая женщина.

– Слушай, а тебе не тоскливо там одному жить? Знаю, летом хорошо устроить на берегу моря пикничок, захватив с собой все необходимое, вплоть до котлов, кесе и ложек.

В дверях появилась жена брата, неся в руках поднос с дымящимся пловом.

– Вот, берите, угощайтесь!– она протянула блюдо с аппетитно пахнущим пловом молодой женщине. Незнакомка поставила блюдо с пловом на середину сачака,

после чего отодвинула в сторонку подушки, на которые обычно опираются мужчины, и села поближе к Хасару.

И только теперь Хасара словно током ударило. Он наконец-то сообразил, кем может быть сидящая рядом с ним женщина. Видно, это та самая невеста, которую отыскиала для него мать. Хасара бросило в пот, у него лоб покрылся испариной. Похоже, в комнате не хватало воздуха. Он знал, что мать занимается поисками невесты, но не думал, что это может случиться так скоро. Вот те и раз! Про себя Хасар подумал: «Она, как верблюд, которому трудно встать с места, если уж он опустился вниз!» Но не знал, как сказать ей, чтобы она пошла в комнату, где сидят женщины. Не сумел. Поэтому старался по мере возможности быть вежливым.

Ему так хотелось вволю поесть этот вкусный плов, но рядом с незнакомой женщиной он чувствовал себя неловко. Лишь поклевал немного, как птичка, а про себя все думал о матери и ее ненужных хлопотах.

«Да, мама, похоже, поторопилась». Женщина с виду была ничего себе, но Хасару не понравилась ее чрезмерная раскованность в присутствии незнакомого мужчины. Он был согласен иметь ее в родственницах, но не видел рядом с собой в совместной жизни. Сейчас его чувства превалировали над разумом, и эти чувства подсказывали ему, что в поисках жены для сына его мать ошиблась дверью. Хасару хотелось встать и выйти из комнаты, но он подумал, как обидится мама, которая так старается для него, да и женщине его поведение может показаться оскорбительным. Надо как можно деликатнее выйти из создавшегося положения, сделать так, чтобы никого не обидеть.

И хотя вначале Хасар был недоволен сватовством матери, но, поразмыслив, отнесся к ее деятельности с пониманием. Попытки матери любым путем устроить его жизнь вызвали у Хасара улыбку.

Женщина восприняла эту улыбку как желание Хасара быть с ней. Спокойно продолжая есть плов с одного конца блюда, она снова обратилась к Хасару:

– Плов очень вкусным получился. А ты почему не ешь?
– Да я недавно ел.
– Может, ты привык перед обедом что-то для аппетита принять, скажи, не стесняйся!

Женщина кивнула в сторону бара, за стеклом которого выстроились в ряд бутылки с напитками.

– За рулем. И потом, мне скоро на смену заступать.

После этого они снова замолчали. Женщина, кажется, что-то поняла, на ее лицо набежала легкая тень.

– А вы ешьте, не стесняйтесь!- вежливо предложил Хасар.

– Да у меня тоже аппетит пропал!

Женщина ответила, не глядя в сторону Хасара, чтобы он понял, что обидел ее.

Плов почти нетронутым унесли обратно. Когда убрали сачак, женщина еще раз посмотрела в глаза Хасара:

– Хасар-еген, и это все, на что ты способен?

Хасар понимал, что этим хотела сказать оскорбленная женщина, но у него не нашлось слов для ответа ей. Он и вправду не знал, что говорят в таких случаях.

В ее словах отчетливо прозвучали и обида, и разочарование, и упрек, и ирония, словом, вся гамма чувств сосредоточилась в этих нескольких словах женщины, почувствовавшей себя униженной.

Женщина поняла, что она ему не нужна. Схватила пустой чайник и, как ужаленная, выскочила из комнаты.

После ухода женщины Хасар вспомнил о своих делах, и ему тоже не захотелось оставаться здесь. Ему было неприятно, что он оказался втянутым в эту историю, что он, сам того не желая, обидел женщину, которая, возможно, и не заслуживала этого.

Увидев выходящего из комнаты Хасара, мать, не успевшая переговорить с женщиной и узнать о результатах ее встречи с сыном, крикнула ему вслед:

– Сынок, ты после работы обязательно загляни к нам!

Тоты приснился сон. Да какой! Непонятный сон, сказочный какой-то.

... Тоты на море, она стоит на скале, распростертой над морем, и всматривается то в море, то в небо. Может, она кого-то провожала и теперь решила хотя бы издали еще раз увидеть его.

Шея у нее длинная, вытянутая, как у журавля, когда ветер надувает подол платья, и он становится похожим на парус, ей хочется стать журавлем и взлететь в небо.

Вроде бы рядом с ней стоит и Хасар. Сначала он был где-то там, позади, спокойно прохаживался по берегу моря, вернее, вначале было непонятно, кто этот человек. И лишь подойдя ближе, Тоты узнала его. Его появление вызвало у Тоты чувство, будто ожидаемый ею человек появился совсем с другой стороны, не с той, с которой она ждала его. Потом они вдвоем стояли на уступе, глядя в небо, и были похожи на скульптуру рабочего и колхозницы с серпом и молотом, установленную перед входом на ВДНХ в Москве.

Скучившиеся на небе серые тучи стали потихоньку опускаться вниз, готовые вот-вот коснуться морской глади.

Момент взлета. Тоты и Хасар не заметили, как у них вдруг выросли крылья, и они превратились в журавлей. Хлопая крыльями, они взмыли в небо.

А снизу на них с завистью смотрит море. И это понятно, все завидуют пернатым, их способности летать. Глядя на них, похоже, и море поверило в свою способность взлететь.

Те, кто умеет летать, всегда радуют и вдохновляют тех, кто хочет летать. Потому что они верят, что когда-нибудь тоже научатся летать.

Тоты с Хасаром, превратившись в белых журавлей, летят над Вселенной и с удовольствием всматриваются в не виданный ими доселе окружающий мир. Они рады, они счастливы...

... Вдруг они заметили, как морские волны, радостно подпрыгивая, начали взлетать вслед за ними, хлопая в воздухе крыльями, как веслами.

Их поведение напомнило Тоты картинку из древности, которую она увидела недавно в одном из журналов... Взмывающие в небо волны напомнили Тоты армию Огуз хана, отправившуюся в поход следом за волчицей-матерью. Ей было приятно рассматривать картину шествия Огузхана с сыновьями и отважными джигитами, но она не думала, что когда-нибудь может и сама оказаться похожей на него.

Неожиданно набежали черные тучи. Они приплыли сначала с запада, их становилось все больше и больше, а потом тучи пошли и с северной стороны, они постепенно сближались друг с другом, а потом, соединившись, превратились в сплошную черную кошку.

Неожиданно Тоты обратила внимание на то, что Хасар уже не летит рядом с нею. Вполне возможно, что эти тучи украли его у нее и спрятали в укромном месте.

Она смотрит по сторонам, ей страшно, потому что не на кого было положиться. На нее надвигалась ужасающая чернота, готовая поглотить ее без остатка.

Тоты летает среди черных туч, надеясь отыскать Хасара. Она вдруг вспомнила про войско Огуз хана и обернулась. И увидела, как в ее сторону, поднимая клубы пыли, скачет всадник на резвом коне. Только сейчас Тоты заметила, как высоко она поднялась над землей.

Подняться то поднялась, а как теперь с такой высоты на землю спускаться?

Тоты мечется из стороны в сторону, она хочет найти Хасара или хотя бы услышать его голос. В поисках любимого она даже сквозь черные тучи пролетала.

Наконец черные тучи испугались войска Огуз хана, по направлению движения которого тьма рассеивалась и наступал свет, они стали потихоньку отступать. Но от

Хасара по-прежнему ни слуху, ни духу. Получив поддержку от войска Огуз хана, Тоты теперь совсем осмелела, летала без страха. Она молила уходящие от нее черные тучи, чтобы они отдали ей ее любимого Хасара. И спустя какое-то время с неба донесся его голос.

Устало размахивая крыльями, Тоты увидела летящего в ее сторону Хасара. Собрав последние силы, Тоты устремилась ему навстречу.

– Хасар, мой любимый Хасар! – закричала она человеческим голосом, хотя и была белым журавлем, и заплакала...

Тоты проснулась от собственного радостного крика... Вся подушка была мокрой от слез...

Сидя на постели, Тоты пыталась растолковать свой сон. Как бы там ни было, решила она, но ее ждут какие-то добрые перемены в жизни.

С тех пор, как узнала о приезжавшей к отцу «скорой помощи», она стала непрестанно думать о Хасаре. Вернее, мысли о нем то и дело возникали сами собой. Поэтому она и сделала вывод, что ее сон каким-то образом навеян ее думами о Хасаре.

* * *

После неудачной встречи с кандидаткой в жены Хасар думал, что мать рассердилась на него и ждет, когда он появится, чтобы высказать ему все свои претензии и обиды. Приехав домой на следующий день, он застал мать сидящей возле неубранного сачака. Она сидела, вытянув перед собой негнущиеся ноги, и была дома одна. Домашние ушли кто на работу, кто в школу.

Поздоровавшись с сыном и расспросив его о делах, мать налила пиалу чая и протянула ему.

– На, выпей пиалу чая!

– Мне не хочется чая, нене!

– Тогда иди сюда, садись у сачака, может, что-нибудь

поешь? – Мать дернулась, хотела встать и идти на кухню, чтобы принести оттуда что-нибудь из еды.

– Не беспокойтесь, нене, я уже позавтракал!

Мать не стала во второй раз предлагать ему чай, чтобы не получить отказа, и поставила пиалу рядом с собой.

– Если ты не хочешь, я сама выпью, детка!

Она отерла ладонью вспотевшее лицо и внимательно посмотрела на сына.

– Ну, как тебе, сынок, невеста, которую я нашла? – спросила вдруг она.

Хасар был готов к такому разговору, поэтому ничего не ответил матери, только с улыбкой посмотрел на нее, как бы спрашивая: «Мама, неужели я достоин такой молоденькой женщины?»

Мать и без слов поняла сына, а когда заговорила, сын понял, что она и сама в какой-то мере согласна с ним.

– Да знаю я, не понравилась она тебе. Вы, как и ваш отец, не станете связывать свою жизнь с первой встречной!

Вначале Хасар услышал в словах матери «разве после такой прекрасной женщины, как Дунья...», но когда она упомянула отца, понял, что она вспомнила какие-то приятные эпизоды из своей жизни.

... Это воспоминание связано с тем временем, когда отец только-только приступил к работе на железной дороге. Когда отец Хасара был юношей, родители решили женить его на девушке, которая была хороша собой и про которую говорили, что она бойкая девушка. Эта бойкая девушка любила драться со своими невестками. Отец Хасара тогда сказал родителям: «Мне такая жена не нужна, мне совсем ни к чему слава мужа, чья жена дерется с женщинами своего села. Если хотите женить, возьмите мне в жены дочь Баллан бая – красивую и скромную девушку. А если нет, тогда я женюсь на первой встреченной в городе татарке или русской, мне без разницы!» Короче, он отменил уже готовое сватовство.

Но родителям не хотелось женить его и на дочери Баллан бая, которого в те годы зачислили в ряды баев и кулаков. Однажды об этом разговоре узнала и дочь Баллан бая, и хотя они раньше не встречались, она поняла, что нравится этому юноше. Тогда она через знакомую женщину передала ему новенькую тюбетейку, вышитую ее руками, и это был знак: он тоже ей нравится.

Домашние остерегались приводить в дом невестку, которая была дочерью скандально известного человека, зато их сын не побоялся этого. Однажды ночью он привел девушку домой, представил ее родителям и той же ночью увез в Казанджик, где он в ту пору работал. В управлении дороги поддержали своего молодого работника, и вскоре они сочетались законным браком. Молодоженам выделили крохотную комнату в общежитии. А что еще надо для счастья двум любящим друг друга молодым людям?! Говорят же, что с милым и в шалаше рай.

Воспоминания вызвали приятные чувства и ощущение, что судьба родителей частично повторилась в судьбе детей. После этого мать и сын еще лучше поняли друг друга.

Провожая сына, мать сказала:

– Хасарджан, сынок, если тебе не понравилась женщина, которую нашла тебе я, другую придется тебе самому искать. Не думай, что так легко найти свою единственную.

И хотя мать не назвала ее по имени, Хасар понял, что она имела в виду Дунью. А в конце мать добавила: «Если твои поиски затянутся, мне придется снова самой взяться за это дело!».

Хасар радовался, что мать не была на него в обиде за то, что он отверг ее предложение.

* * *

Весной Красноводск становится по-настоящему приморским городом, в это время года он чаще всего тонет в дымке висящего над морем тумана, оседающего влагой на стенах его домов.

Город становится по-весеннему ярким и веселым. Солнце тоже совсем другое, оно не очень-то светит и не очень греет, зачастую прячется за облаками, укрывшись тучами.

Хасар уже не раз вспоминал, что на этой неделе их с Гасаном Алиевичем пригласила к себе в гости Тоты.

Несколько дней назад она специально заехала к ним и пригласила обоих в гости, сказав: «Папа хочет встретиться со своим спасителем». На самом же деле у нее была другая цель – сблизиться с Хасаром, поэтому-то она и пригласила их к себе домой. Для этого она заранее позвонила заведующему «скорой помощью» Гасану Алиевичу и в разговоре с ним как бы невзначай спросила: "Надеюсь, Хасар Мамметханович тоже на работе?". Выяснив то, что ее интересовало, добавила: «Если вы оба на месте, я сейчас заеду к вам!». Гасан Алиевич, которому рассказали о претензиях жены больного, который оказался отцом Тоты, к обслуживанию врачей «скорой», решил, что она хочет поговорить с ними и выразить недовольство их с Хасаром работой. Этот звонок испортил ему настроение.

Когда Хасар пришел на работу, всезнающая Фатима Гасановна доложила ему о звонке Тоты к Гасану Алиевичу, в разговоре с которым она упоминала и имя Хасара. Он подумал, что Тоты хочет заехать к ним и упрекнуть их в невежливом обращении со старым человеком, просить их быть с такими людьми мягче, внимательнее. Но Хасар не сделал ничего такого, в чем его можно было бы упрекнуть! Ему стало неприятно.

... Когда знакомая машина Тоты остановилась возле «скорой помощи», старый заведующий, переживавший, как все будет, вышел на улицу и приветливо встретил ее. Войдя вместе с гостьей в кабинет, он велел секретарше вызвать к нему из отделения Хасара.

Когда Хасар появился в дверях кабинета, Тоты встала с места и приветливо улыбнулась ему: «Здравствуйте, ёлдаш мугаллым!»* – и застенчиво протянула руку.

Гасан Алиевич, в какой-то мере считавший и себя виноватым в том, что на Хасара поступила жалоба, ведь он был его начальником, увидев, что его гостя превратилась в ученицу, а подчиненный – в уважаемого преподавателя, сообразил, что никакого разноса не будет, что причина визита совсем в другом. Он сразу же успокоился, у него поднялось настроение. Со смехом спросил, каким образом Хасар и Тоты оказались учителем и ученицей.

– Дорогой Хасар Мамметханович, как это понимать? Почему Тоты-гелин называет вас своим учителем? Я не ослышался? Мы-то знали, что вы работали в России, Германии, но что были преподавателем, я слышу впервые.

– Был в моей жизни такой период, Гасан Алиевич, – задумчиво ответил Хасар, мыслями уходя в то время. – Я тогда заочно учился в аспирантуре, почти целых два года преподавал в Ашхабадском мединституте.

Пока Хасар говорил, Тоты вспоминала про себя тот далекий день, когда она с букетом цветов в руках, волнуясь, подкарауливала Хасара, чтобы поздравить его с днем рождения...

А потом, за чашкой горячего кофе в кабинете Гасана Алиевича они как учитель и ученица вспоминали забытые детали того далекого времени.

Собираясь уходить, Тоты внимательно посмотрела на обоих мужчин, всем своим видом показывая, что ей есть еще что сказать, и мило улыбнулась:

– Коллеги, я вот о чем хочу посоветоваться с вами. У меня есть желание угостить вас в своем доме чашкой собственноручно приготовленного чая! Хочу, чтобы вы назвали время, когда вам будет удобно прийти ко мне в

** Ёлдаш мугаллым – товарищ учитель.*

гости. Да и папа настаивает на вашем приглашении, говорит, что хочет пообщаться с вами в спокойной обстановке!

Услышав это, Гасан Алиевич и вовсе обрадовался. Бросив на Хасара быстрый взгляд, он не стал дожидаться его решения, сам все решил, и сразу же ответил Тоты:

– Тоты Тагановна, если вы хотите угостить нас чаем, да еще приготовленным собственными руками, мы просто обязаны отведать этот чай. Кто же откажется?– ему явно понравилось приглашение.

Тоты уже давно мечтала пригласить Хасара к себе домой и познакомиться с ним поближе, и все ждала удобного момента. Ждать пришлось долго, потому что гибель

Арслана спутала все карты, она не имела права устраивать вечеринку, пока не прошли все поминальные даты. Поэтому-то и отложила это мероприятие.

* * *

В назначенный день и час к дому подъехала машина, и из нее стали выходить приглашенные. В окно Тоты увидела гостей, сразу же сняла с себя фартук, в котором готовила угощение, и поспешила навстречу гостям.

На секунду задержалась перед большим зеркалом у входа, чтобы еще раз убедиться, что все в порядке, что она прекрасно выглядит.

На ней было красивое платье европейского кроя, и она поправила его на себе, расправляя отложной воротник, прошла ладонями по упругой груди. Затем быстро распахнула перед гостями дверь.

Младшая дочь Тоты, помогавшая матери на кухне, заметив, как она переменялась при виде гостей, вначале удивилась, а затем проводила ее с загадочной улыбкой.

Пару дней назад она приехала погостить к матери вместе с мужем и грудным сынишкой.

В доме стоял аромат вкусной еды и всевозможных приправ и закусок, чувствовалось, что женщины здесь, готовясь к приему дорогих гостей, основательно потрудились.

Тоты, мило беседуя с гостями, привела их в комнату, где уже был накрыт стол. Сидевший в сторонке старик встал и почтительно поздоровался с ними, пожав им руки.

Как врач Хасар сразу же окинул старика внимательным взглядом и сделал вывод о состоянии его здоровья. Было видно, что старик чувствует себя неплохо, его глубоко посаженные под нависшим высоким лбом глаза озорно блестели.

Чтобы быть перед гостями в форме, старик надел серую сорочку, которая была ему к лицу, а поверх нее пиджак, с орденами и медалями, который на нем казался несколько мешковатым.

Тоты представила гостям высокого худощавого юношу, который стоял в сторонке и смущенно потирал руки.

— А это наш младший зять!

Хасару лицо юноши показалось знакомым, но он никак не мог вспомнить, где он его видел раньше.

После короткого знакомства Тоты пригласила всех присутствующих за стол.

Вдруг из соседней комнаты донесся плач ребенка и хрипловатый голос ворчащей женщины, потом оттуда, покачиваясь, с ребенком на руках вышла мать Тоты. Хозяйка представила ее гостям:

— Моя мама!

Хмурая женщина кивком головы ответила на приветствие гостей. Озираясь по сторонам, словно ища кого-то, сказала Тоты:

— Зови дочь, ребенок проснулся, пусть она покормит, а то я никак не могу успокоить шалуна...— ласково произнесла она.

Младшая дочь Тоты, внешне похожая на свою мать, услышав голос своего младенца, вышла из кухни. Для приличия голова у нее была повязана легкой косынкой,

какую носят молодые невестки. Кивнув головой гостям в знак приветствия, она прошла мимо них и поспешила к своему истошно орущему младенцу.

Юноша, сидевший за столом, чувствовал себя в доме тещи неловко, был беспокоен, то краснел, то бледнел, и его поведение напомнило Хасару то время, когда он сам зятем пришел в дом родителей Дуньи. У европейцев зять в доме родителей жены чувствует себя уверенно, потому что там это в порядке вещей, совсем другое дело туркмены. У них другие обычаи, которые не позволяют зятю чувствовать у родителей жены, как у себя дома. Хасар с трудом привыкал к своему новому положению, да и то ему в этом очень помогло деликатное поведение тестя, Айназара ага. Хасар привык к этому только после того, как родился их первенец, а у бабушки с дедом появился внук.

Тоты пошла на кухню, чтобы подменить дочь, и вскоре стала носить на стол одно блюдо за другим. Ей хотелось угодить сегодняшним гостям.

Когда все было подано, она пришла и села на свободный стул между отцом и Хасаром.

После первых же тостов за столом стало шумно, гости стали вести себя непринужденно, на лицах проступили капли пота. Крупными каплями пота были покрыты лицо и шея сидевшего рядом с Хасаром медноголового старика.

Роль тамады на этой встрече с удовольствием взял на себя Гасан Алиевич, обладавший даром красноречия. Иногда он давал кому-нибудь слово, но большей частью говорил сам. Он был по-кавказски остроумен, без меры шутил, говорил много и уверенно.

Большинство тостов было посвящено Тоты и членам ее семьи. Как много повидавший и знающий человек, первый тост Гасан Алиевич предложил поднять за младенца, впервые приехавшего в дом бабушки, поздравив ее с внуком. Он, конечно, не обошел стороной и тот факт, что они

благодарны хозяйке за ее приглашение в этот дом, в котором им всем приятно находиться. Собравшиеся поддержали Гасана Алиевича и каждый, кто произносил следующий тост, непременно желал малышу счастья и долголетия, выражали надежду на то, что он вырастет в достойного человека и будет не только хорошим сыном и внуком, но и большим человеком, который сможет повести за собой народ. Тоты с удовольствием слушала Гасана Алиевича и одаривала собравшихся за столом гостей благодарными взглядами. Верила, что все сказанные в адрес ее внучонка пожелания когда-нибудь обязательно сбудутся.

Когда же Гасан Алиевич заговорил о профессиональной деятельности Тоты, на лице ее матери появилось выражение удовлетворенности. Она, сама того не замечая, вдруг заговорила.

– Моя Тоты и в детстве была бойкой девочкой! Когда взрослые мальчишки обижали ее брата, она всегда заступалась за него, давала им сдачи!

Тоты стало неудобно за материно хвастовство, взявшись рукой за лоб, она опустила голову и подумала: «Правду говорят, простота хуже воровства! Зачем маме надо было рот открывать?!» Она посмотрела на гостей с извиняющейся улыбкой на лице, прося их простить ее мать за неудачную реплику.

Когда гости вышли на перекур, Хасар снова заинтересовался юношей-зятем, который в самом начале их встречи показался ему знакомым. В тот момент, когда он вышел на просторную веранду, юноша обменивался репликами со стариком, который уже находился здесь и курил сигарету.

Увидев, что Хасар закуривает, юноша отошел от открытого окна, уступая ему свое место.

– А ты не куришь? – спросил Хасар и предложил юноше сигарету, чтобы завязать разговор.

– Нет, не курю, спасибо, военврач!

– Почему не куришь, или же твоя жена не выносит запах табачного дыма?

– Поскольку я не курю, у меня с женой на эту тему и разговора не было. Просто я сам не хочу курить...

– Ты на студента похож...

– Да, и я, и моя жена – мы студенты.

– А где вы учитесь?

– Мы оба – студенты Института искусств. Я на отделении дутара занимаюсь...

– И на инструменте играешь?

– Да, понемногу. – Молодой человек улыбнулся Хасару, удивляясь, что тот его не узнает. – Товарищ военврач, похоже, вы не узнали меня? Я тот самый юноша, которого два-три года назад собирались оперировать в вашем госпитале! – он напомнил Хасару, что он тот парень, на отмене операции которого он тогда настоял и отправил его на лечение в другое место.

«Вот ведь как бывает в жизни! – размышлял Хасар. – Не думал, не гадал, что встречу в этом доме старого знакомого!» После этого он стал подробно расспрашивать парня, где он потом лечился, как сейчас чувствует себя, ему как врачу все было интересно. Видя, что парень сейчас в полном порядке, лишний раз удостоверился в том, что был прав, не позволив тогда почем зря резать парня, которого можно было вылечить без операции, радовался, что не пошел на поводу у начальника госпиталя – мздоимца.

Увидев, что ее зять мирно беседует с Хасаром, Тоты присоединилась к ним.

– Вы что, уже познакомились? – улыбнувшись Хасару, спросила она.

Ответ Хасара удивил Тоты:

– А мы давно знакомы.

– То-то я смотрю, ваша беседа затянулась! – ее глаза радостно заблестели, в них он прочитал желание узнать

подробности их знакомства. Наверно, Тоты хотела бы спросить, где и как они познакомились, но она не стала этого делать и повернула разговор в другую сторону, заговорила о том, что волновало ее больше. Скоро ее дочь и зять должны надолго отправиться на места, чтобы проходить там практику, она зовет их к себе в Красноводск. Если они будут здесь, на ее глазах, ей будет спокойнее, да и с внуком она могла бы нянчиться. Она хотела бы, чтобы впоследствии они получили направление на работу сюда, но пока что в этом вопросе она не достигла согласия с дочерью и зятем. Когда речь зашла о практике, они заявили: «Мы должны поехать туда, куда нас направят. Вполне возможно, что нас оставят в одном из ашхабадских домов культуры!» Короче, ничего конкретного они не говорят. А Тоты хотела бы, чтобы ее дом снова наполнился голосами, чтобы в него вернулось счастье.

Она хотела бы каждый день видеть своего внука, видеть, как он растет, радоваться каждому его новому слову, тогда и ей не будет так одиноко и тоскливо, особенно по ночам.

Женщины вообще любят устраивать свою жизнь так, как нравится им. А главное, они прекрасно знают, что им выгодно, и руководствуются исключительно собственными интересами, но если им приходится мириться с другими обстоятельствами, делают это весьма неохотно.

С того самого дня Тоты думала об ответе дочери и зятя и никак не могла примириться с их решением. Задушевный разговор Хасара с ее зятем подтолкнул ее к тому, чтобы она снова вернулась к волнующей ее теме. «Спрашиваю у новых сватов, как они смотрят на то, чтобы дети переехали на жительство ко мне. — Знаете, что они ответили? — Вы, говорит, обратили внимание на имя своего зятя? Его зовут Торе. В наших краях этим именем называют четвертого сына. Если тебе из четверых нужен именно этот, забирай на здоровье, мы ничего не имеем против, лишь бы он был здоров и счастлив и хотя бы иногда привозил нам внука показать!»

Понятно, что такие слова мог сказать только человек, страдающий от одиночества. Хасар это понимал лучше других.

Медноголовому старику не понравилось, что гости разделились на два лагеря, он внимательно посмотрел по сторонам и произнес:

- Друзья, давайте, как в том анекдоте объединим нашу скотину и станем колхозом!. Мы тоже соберемся все вместе и снова дружно сядем за стол! Наша дочь много чего наготовила, не будем обижать ее невниманием, мы должны обязательно отведать все, что наготовлено!

Усевшись за стол, старик протянул свой бокал тамаде:

– Наливай, азербайджанский друг!

Мать Тоты, увидев, что ее муж намерен пить и дальше, попробовала остановить его:

– Меньше пей, старый, у тебя здоровья нет, чтобы наравне с другими пить!

Но старик, который уже был навеселе, и не подумал прислушаться к словам жены.

Только кивнул жене головой и пошутил:

– Жена, о чем ты беспокоишься, посмотри, сколько здесь чудесных врачей, думаешь, они не помогут, если мне станет плохо?!

Жене не оставалось ничего другого, как молча переводить взгляд с одного гостя на другого в надежде на их поддержку.

– Я ведь прав? – спрашивал старик у Хасара и Гасана Алиевича, провожая взглядом идущую на кухню дочь. Ну и Хасару с Гасаном Алиевичем тоже не оставалось ничего другого, как поддержать старика, который многозначительно улыбался им.

Когда снова наполнили бокалы, старик изъявил желание выступить. Он склонился в сторону Хасара:

– Знаю, сынок, что на твою долю выпало много испытаний, но я рад, что ты вернулся в родной город. Вот

увидишь, все у тебя будет хорошо, со временем все встанет на свои места. Говорят же русские: дома и стены помогают! А во-вторых,— старик сделал паузу, а потом, видя, что Хасар внимательно его слушает, также возбужденно продолжил свою речь. — Знаешь, сынок, чему я радуюсь? Тому, что ты, как и мы, проживаешь в дачном поселке. Когда нам будет плохо, мы не станем ждать врачей из города, потому что есть ты, который сразу же придет на помощь!— сказал старик с улыбкой на лице.

Из кухни доносился аромат вкусного плова и был слышен негромкий разговор Тоты с дочерью, которая только что с ребенком на руках последовала за матерью. Может, она советовала дочери что-нибудь поесть, а может, с любовью смотрела на внука, которого дочь здесь же кормила грудью.

Зато старик уже перешел к воспоминаниям об отце Хасара: «Я хорошо знал твоего отца-машиниста, бедняга всю жизнь не расставался со своим паровозом». Хасару было приятно слушать воспоминания человека, знавшего его отца, его также радовало и то, что неподалеку от него живет человек, с которым он может общаться, который разделит с ним и радости его, и печали.

Хасар был земляком старика, жил с ним в одном городе, но хорошо его не знал. Возможно, они и встречались где-то на свадьбах да поминках. Может, от отца или еще кого-то и слышал об этом человеке, но разве станешь запоминать разговор, не касающийся лично тебя?

Несмотря на это, в этом городе старик был известной личностью. До выхода на пенсию у него был большой круг общения, так что знали его многие люди.

Старик был истинным патриотом своей земли, он гордился трудовыми успехами своих земляков, никогда не считал себя маленьким человеком и не стоял в стороне, за правду он мог биться с кем угодно, и даже с высокопоставленными чиновниками мог схватиться, если того требовали интересы дела. Может, поэтому-то за годы

работы он не поднялся выше парторга. Однако руководители, работавшие с ним, побаивались его острого язычка, при нем старались подбирать выражения, не позволяли себе лишнего. Одно событие, случившееся лет тридцать назад, во времена СССР, и связанное с Министерством рыбного хозяйства, раскрыло этого человека с положительной стороны, показав его честность и упорство в достижении праведной цели.

Когда московские главки якобы в целях охраны природы запретили добычу в туркменских водах Каспия любых рыб, кроме мелочи, рыбные хозяйства республики полностью разорились. Напротив, в Баку, Астрахани, Дагестане у казахских берегов Каспия улов морской рыбы только вырос.

Туркмен били по рукам, не давая им дотянуться до скатерти-самобранки под названием Хазар. В этом проявились имперские амбиции центра, считавшего себя властелином одной шестой части суши всей земли.

В истории описаны случаи, когда русские бере вставляли на сторону иностранных купцов, заплативших хороший выкуп, и позволяли им разорять туркменские воды, что касается самих туркмен, им запрещалось ловить рыбу в собственном море.

Когда такой запрет ввели и на этот раз, первым за дело взялся старик. Он без устали писал во все инстанции, никого не оставлял в покое, протестовал от имени народа. Вот его слова, с которыми он обращался в разные инстанции: «Почему в других местах, где идет массовый отлов ценных пород рыбы, морская экология не страдает, отчего ей наносится ущерб, когда ловом занимаются туркмены, тем более, что их масштабы не сравнимы с масштабами других добытчиков рыбы? Если вы и в самом деле беспокоитесь за сохранность экологии, тогда и в других местах введите такой же, как для Туркменистана, запрет, в противном случае, и с нас снимите этот запрет и позвольте вылавливать рыбы столько, сколько мы считаем нужным! И уж если говорить об экологии, то посмотрите, чиста ли волжская

вода, ведь на берегу этой великой реки стоят сотни заводов и фабрик, сбрасывающих в реку своих отходы. Все это я видел собственными глазами, когда мне довелось плыть на корабле от Астрахани до Казани!»

О себе старик запальчиво сообщал: «Ветеран Великой Отечественной войны! Не для того мы воевали и отстаивали свободу, чтобы потом подвергаться таким унижениям». Он не боялся выглядеть неудобным, если это могло принести пользу людям.

Многие тогда не знали об этих письмах старика, может, никогда бы и не узнали, если бы не случай. На состоявшемся в Красноводске партактиве недавно назначенный секретарь обкома Дмитрин выступил с гневной речью. «В городе есть люди, которые выступают против взвешенного решения Кремля, противостоят Москве!» Он показал собравшимся в зале коммунистам письмо старика, которое вернулось из Москвы с пометкой «Решить вопрос на месте». Секретарь обкома выразил недовольство действиями инициативного старика.

А старик как парторг большого завода присутствовал на этом собрании. Ничего этого не знал новый назначенец – первый секретарь обкома. Он попросту не успел вместе со своим окружением изучить вернувшееся из Москвы письмо. К тому же он не знал, что автор письма, хоть и живет на территории вверенной ему области, возглавляет партийную организацию крупного предприятия.

Своим заявлением секретарь обкома наступил на хвост дремавшей собаки. На том совещании старик был одним из выступающих, он должен был говорить от имени коммунистов завода. Когда пришла его очередь, ведущий пригласил старика на трибуну.

В своем выступлении парторг говорил об успехах рабочих нефтеперерабатывающего завода, о достойном вкладе в общее дело коммунистов завода. Закончив выступление, он сложил листок бумаги, собираясь положить

его в карман, но с трибуны сходить не торопился. Затем он повернулся в сторону секретаря обкома Дмитрина и обратился непосредственно к нему:

– Товарищ секретарь обкома! Письмо, о котором вы только что упоминали, написано мною. Там нет указания на место моей работы, но в конце письма стоят моя фамилия, имя, домашний адрес и номер телефона.

Я, может, и жалобщик, но не из тех, кто пишет свои жалобы анонимно. И свой партийный билет, как все достойные сыны моего времени, я получил на фронте. А теперь скажите мне, в каком месте письма я написал неправду или искажил факты? Внимательно прочтите его еще раз, вслух прочтите, пусть и другие услышат, о чем там написано, и выскажут свое мнение!

Зал напряженно молчал, всем было интересно, как новый секретарь обкома выйдет из положения.

Дмитрин, оказавшийся под прицелом множества глаз, то ли по своей неопытности, то ли потому, что хотел представить себя поборником правды и справедливым человеком, воспринял робкие голоса, доносящиеся то из одного, то из другого конца зала и требующие зачитать письмо, как желание народа, а потому передал письмо старику, чтобы он зачитал его с трибуны. Ну а тот был спецом по части ораторства. Он громко, с выражением, прочитал письмо, и присутствующим было приятно, что вот есть человек, проявляющий о них заботу, защищающий их интересы. Многие, сами того не замечая, стали аплодировать в знак согласия с выступающим.

Неожиданная поддержка зала вызвала у сидящих в президиуме членов некоторую растерянность. Требование одного человека вылилось в требование масс и порядком напугало руководителей. Если начнут говорить, что в таком-то месте народ выступил против Москвы, кто же их оставит на постах? Да Москва первая уничтожит их как не

справившихся со своими обязанностями. Кому захочется оставить тепленькое местечко, обретенное с таким трудом, да еще при помощи влиятельных людей?! Неужели теперь из-за какого-то письма чьи-то головы полетят?!

Вывести зал из ступора сумел прибывший из Ашхабада опытный инструктор Центрального Комитета, который, сидя в президиуме, все это время внимательно наблюдал за залом. Взяв слово, он не спешил заводить речь о письме, вызвавшем такую бурю эмоций. Он вернул внимание собравшихся к вопросам повестки дня, говорил об успехах и достижениях области во многих отраслях, о том, что сидящие в этом зале люди внесли свой достойный вклад в общее дело. Словом, ему удалось полностью завладеть вниманием зала.

Что касается письма, он не стал нападать на его автора, а отнесся к нему как к просьбе, высказанной на этом собрании, и сообщил, что по данному вопросу сейчас ведутся переговоры на уровне руководителей страны. Короче говоря, ему удалось погасить вспышку и расставить все по своим местам.

И хотя инструктор ЦК обнадежил жителей приморья, запрет на лов ценных пород рыбы не был снят ни через десять, ни через двадцать лет и держался вплоть до того дня, пока Туркменистан не обрел государственную независимость. И хотя народу от тех переговоров толку не было никакого, они помогли Дмитрину руководить Красноводском и областью почти 30 лет, и держался он на этом месте за счет умелой подкормки высоких московских чиновников каспийской красной рыбой и черной икрой...

Убирая со стола освободившуюся посуду и готовя место для новых блюд, Тоты видела, как ее отец увлеченно рассказывал гостям о своем прошлом. Опасаясь, что он может утомить своими воспоминаниями, она виновато улыбнулась Хасару и Гасану Алиевичу и подошла к ним.

Подойдя к отцу сзади и держась за спинку стула, она обратилась к гостям:

– Не правда ли, моему папе есть чем поделиться?! – в ее голосе звучали горделивые нотки.

Когда подошедшая дочь перебила его рассказ, старик сделал паузу, налил в стакан из стоявшей перед ним бутылки боржома и стал медленно пить, дожидаясь, что она еще скажет. Ему не очень-то хотелось пить, просто надо было собраться с мыслями.

Старик понял, что дочери тоже хочется немного отдохнуть, посидеть и послушать его. Ему льстило, что его рассказ привлек всеобщее внимание, поэтому он продолжил свой рассказ с еще большим пафосом:

– А немец продолжал упрямо напирать на нас! Люди побросали свои дома и имущество и пустились в бега, кто на Кавказ, кто в Среднюю Азию вместе с детьми бежал. Эвакуировали заводы и фабрики, их отправляли куда подальше, чтобы немцы не могли достать. Наш нефтеперерабатывающий завод тогда эвакуировали сюда из города Туапсе. Говорят же, нет худа без добра, а иначе разве Кремль позволил бы нам иметь такой завод? Вот так и у нас появилось крупное промышленное предприятие. Правда, потом этот завод пытались переместить в какую-то другую республику. Но благодаря решительности тогдашнего председателя Совета Министров Туркменистана Худайбергенова и полномочного представителя туркменского правительства в Красноводске, управляющего делами Совета Министров Торе Рахманова, завод удалось отстоять, хотя его уже разгрузили с кораблей и грузили в вагоны, чтобы переправить в другое место. Обо всем этом мы после узнали. А ведь могло случиться, что и этот завод, как многие другие, ушел мимо нас в Ташкент, Душанбе или еще какие-то другие азиатские города.

... Когда завод спрятали от немцев в нашем городе, я учился в Красноводском ФЗУ. Нас сразу же прикрепили к этому заводу. Сначала мы помогали разгружать поступающие

грузы, а потом под руководством опытных специалистов участвовали в сборке завода.

В этом месте старик вспомнил о чем-то приятном, и на его лице появилась довольная улыбка. Ему захотелось рассказать собравшимся историю своего знакомства с женщиной по имени Дора. Он и раньше, если у него было хорошее настроение и достойный слушатель, любил вспоминать эту историю, относя ее в разряд приятных воспоминаний.

Вместе с заводом в Красноводск эвакуировали и его работников с семьями. В большинстве своем это были старики и женщины. В их числе была и Дора. Это была видная, черноглазая, черноволосая женщина, которую можно было принять и за горянку с Кавказа, и за выходца из племени емудов...

Приезжих разместили в наскоро сколоченных рядом с будущим заводом бараках. И все равно всем места не хватило, надо было еще строить такие же бараки. Но директор завода выступил против строительства таких больших общежитий.

– Люди после работы должны отдыхать, а разве отдохнешь в таком многолюдном и шумном месте? Следующие бараки должны быть квартирного типа с минимальным набором удобств. – Это был хороший руководитель, он заботился о людях и ценил их труд.

Запуская завод, он неустанно подбадривал людей:

– Старайтесь, товарищи, фронту нужно оружие, горючее. Вот увидите, как поведут себя танки, заправленные нашим горючим, да они немцам спуска не дадут, танки Манштейна будут без оглядки бежать от нас. Немцы еще пожалеют, что напали на нас. Они пытаются добраться до каспийской нефти, а вот им наша нефть!..

Он умел подбодрить людей, найти нужные слова, чтобы они даже в таких тяжелых условиях работали сверх своих сил.

Рабочих рук не хватало, и тогда приняли на работу парней из ФЗУ. Там был такой Чагыллы Пирджан, когда нас с ним взяли на работу, нам выделили в этом бараке комнату на двоих, в которой едва помещались две кровати. А нашими соседками оказались две женщины – Нюра и Дора. Как соседи мы часто виделись, по-соседски беседовали. Обе эти женщины были чертовски хороши собой и не могли не нравиться нам. Однажды Дора обратилась ко мне: «Юноша, ты человек местный, а у вас здесь плещется море, может, кто-то рыбу ловит, давай, попробуй раздобыть рыбы... Знаешь, как я рыбу готовлю, пальчики оближешь!..»

В ту пору на заводе рабочим выдавали хлеба в день, был такой паек, а с остальным продовольствием – мукой, сахаром было плохо, не говоря уже о мыле или каких-то других товарах. Плохо было тогда с питанием.

Через пару дней, когда у меня выдалось свободное время, я отправился выполнять просьбу Доры. Поехал в одно из рыболовецких хозяйств рядом с Киянлы. Дом, в который я попал, после недолгих расспросов оказался домом наших дальних родственников.

В ауле было плохо с хлебом. Да и где тогда с хлебом было хорошо?.. Эта семья не видела хлеба несколько месяцев. А на заводе такой проблемы не было, рабочие хлеб получали, завод имел стратегическое значение, поэтому и снабжение рабочих было приличным. Каждый день работающие получали миску горячего супа и грамм семьсот-восемьсот хлеба. Ну а если удавалось к хлебу еще и рыбки достать, тогда люди и вовсе чувствовали себя сытыми и довольными.

Я отдал этим людям буханку хлеба, а взамен они дали мне несколько рыб, на два-три обеда. Этот человек сказал: «Дядя, лишь бы ты хлеба у нас не просил, а рыбы мы тебе дадим».

Дора и в самом деле приготовила рыбу очень вкусно. После того случая, когда Дора говорила, что хочется

рыбкой побаловаться, я брал специально для этих целей сэкономленный хлеб и отправлялся в тот аул.

... А вообще вся эта история началась с той рубашки. Как-то, вернувшись с работы, я обнаружил пропажу рубашки, которую вчера вечером повесил на спинку кровати. Мой сосед по комнате на заводе, у него смена, а больше мне спросить не у кого.

Особого воровства у нас не было, но я все равно подумал, что кто-то украл мою единственную приличную сорочку. В комнате висела и рубашка моего соседа, но тому, кто взял, видно, приглянулась именно моя.

В этом месте своего рассказа старик сделал паузу. «Вам, конечно, не понять, что значило лишиться одежды в ту пору». Окинув взглядом сидящих, он продолжил свой рассказ.

Хасар и Гасан Алиевич с пониманием кивали головами, желая услышать продолжение этой истории.

– Я тогда сильно жалел о том, что не спрятал рубашку где-нибудь в укромном месте, ну хотя бы под подушку сунул. И хотя с работы я пришел уставшим, в ту ночь сон никак не шел ко мне.

Вдруг я услышал шорох, а потом кто-то стал ключом открывать дверь моей комнаты. Я лежу молча, а сам думаю: кто бы это мог быть, может, мой товарищ что-то забыл дома и вернулся? И тут я вижу Дору, входящую в комнату с моей рубашкой в руках. Она, видно, думала, что я еще на работе, и немало удивилась, когда увидела меня лежащим в постели.

– Так ты, оказывается, дома?

– Недавно вернулся!

– Но ты вроде бы куда-то шел?

– У меня пропала рубаха, и я интересовался у вахтера, не было ли здесь посторонних людей.

– Вот твоя рубаха!

Дора виновато улыбнулась. Она-то хотела постирать мою рубашку втайне от меня, а не вышло.

– Не стоило беспокоиться, соседка!

Моя рубаха была не только постирана, но и поглажена, она выглядела, как новенькая. А она вдруг задумалась и грустно так произнесла: «Эх, мое больное место задел ты!» Я тогда спрашиваю ее:

- А что это за такая болезнь у тебя?– а в душе ругаю себя за свое любопытство. Мог бы подождать немного, она бы сама все рассказала.

- Природа, как мужчин, так и женщин наделяет обязанностями. Женщине хочется время от времени стирать мужскую одежду, пеленки, готовить еду для кого-то, словом, свое женское предназначенье реализовать...

После этого она села на краю моей кровати и склонилась надо мной. Не смогла совладать со своим желанием. А на меня словно букет цветов положили, таким приятным женским запахом пахнуло на меня, и было в этом что-то притягательное, волшебное, и было это так чудесно... В семнадцать лет я впервые узнал силу женских чар...

Увидев выходящую из соседней комнаты с младенцем на руках жену, старик замолчал, стал гладить свои усы, дожидаясь, пока она уйдет. Не хотел, чтобы она слушала его исповедь. Но она заметила брошенный на нее хитрый взгляд мужа, а может, качая в соседней комнате правнука, слышала часть его рассказа, и одарила старика ироничным взглядом.

– Что, опять вспоминаешь свою еврейку Дору?

– А почему бы мне и не вспомнить о ней, когда есть такие замечательные слушатели?

После такого ответа всем стало ясно, что у старика от своей жены нет никаких секретов.

Жена прошла мимо гостей на кухню, но вскоре вернулась и обратилась к мужу:

– Ну, тогда давай, закругляйся со своим рассказом, договори, что ты там делал со своей еврейкой, а потом зови гостей к столу. Сейчас будет подано новое угощение!

Пришлось старику быстренько дойти до конца своего долгого повествования.

В начале 1944 года Дора проводила юношу на фронт, попрощалась с ним у пристани, где он сел на паром. Некоторое время она даже писала ему письма. В 1945 году старик был ранен осколком разорвавшегося рядом с ним снаряда, лежал долго в госпитале, а когда ему стало лучше, его отпустили домой. Он спешил встретиться с Дорой.

Сослуживцы рассказали ему, что год назад Дора вышла замуж и недавно вместе с мужем была переведена на работу то ли в «Башкирнефть», то ли в «Татнефть».

В комнату, неся поднос с дымящимся пловом, вошла дочь Тоты, она поставила блюдо в центре стола, где для него было освобождено место. Все оживились в предвкушении вкусной еды. Этот плов с рыбой и сюзьмой (густое кислое молоко, что-то вроде сметаны) приготовила сама молодая хозяйка, она была горда этим и с любовью посмотрела на мужа, который все еще чувствовал себя неловко в доме тещи, он прочитал в ее глазах: «Думаю, тебе понравится то, что я приготовила, счастье мое!»

Комната наполнилась восхитительным запахом горячего плова. Все стали накладывать его себе на тарелки. Старик ел неторопливо, со вкусом, получая удовольствие. «Ох, и вкусно ты готовишь, дочка, в этих краях мало кто может так вкусно приготовить этот фирменный плов!» Говоря так, он подначивал жену и дочь, а те, зная шутки старика, понимающе улыбались. Матери Тоты хотелось сказать: «А кто ее научил так готовить?», – но она понимала, что кое-кто может воспринять ее слова как соперничество с внучкой. Старик в том же тоне продолжил расхваливать внучку.

– Но и тебя этот юноша из Иолотани вырвал из наших рядов, теперь, когда из Ашхабада приедет мой фронтовой друг, кто нам приготовит такой замечательный плов?

Молодая женщина от этих слов деда смущенно улыбнулась, она смотрела то на мать, то на бабушку, то на деда, и была рада угодить им. Когда дед сказал о фронтовом друге, она не преминула сказать:

– Дед, если приедет твой фронтовой друг, ты бери его и сразу же к нам в Иолотань вези, там водятся сомы, знаешь, какие вкусные блюда можно из них готовить! – счастливо улыбалась она, открывая в улыбке ряд ровных белых зубов. – Я ведь правду говорю? – призвала она мужа в свидетели.

Старику не хотелось оставлять без ответа восторженную речь внучки и ее искреннее приглашение:

– Даст Бог, и к вам приедем, дочка! До сего дня я дальше Мары не ездил. Есть у меня мечта повидаться с марыйскими внуками и правнуками, провести и сватов в Иолотани!- он был благодарен внучке за приглашение.

Хасар, бывая в гостях, обратил внимание на то, как каждый раз воодушевляются люди, когда на стол подают плов. Вслед за мыслью о плове к нему снова вернулись мысли о его семье. Он вспомнил, как Дунья, приезжая к свекрови, училась у нее готовить вот такой рыбный плов с сюзьмой, а потом готовила его дома, в Ашхабаде.

Она все делала так, как учила ее свекровь: отваривала рис и процеживала его, рыбу готовила в отдельной посуде со всеми приправами, держала ее на пару, но все равно ее плов не получался таким вкусным, как у его матери. Но он старался не обидеть жену, всегда хвалил ее умение: «Скоро ты переплюнешь приморских женщин в приготовлении их фирменных блюд, в частности, плова с сюзьмой!» Дунья была счастлива, принимала его похвалу за чистую монету, и всегда отвечала: «Раз я твоя жена, то теперь тоже становлюсь приморской женщиной!»

Хасар помнит, что ему тогда не понравился плов, приготовленный Дунья, но он не показал виду, через силу ел его, а потом, на другой день, вынужден был разогревать этот плов и доедать его...

Погрузившись в свои обычные воспоминания, Хасар тем не менее заметил, как Тоты иногда бросала на него вожделенные взгляды, полные желания. Однажды их взгляды встретились, и тогда Тоты вежливо спросила:

– Елдаш мугаллым, а вы почему перестали есть плов?
– Тебе показалось, елдаш ученица!- в тон ей ответил Хасар.

Хасар с некоторой долей зависти думал о том, что вот Тоты является отменной хозяйкой своего дома и любящей матерью. Он вдруг понял, что и сам не прочь оказаться в ее жизни, быть рядом с этой женщиной. Но потом он понял, что такие мысли могли быть вызваны его одиночеством и неустроенностью, отсутствием женского тепла. Вместе с тем он понял, что вспыхнувшее в его душе желание уже никогда не оставит его.

А Тоты, предлагая гостям плов и накладывая его в их тарелки, испытывала удовольствие от общения с этими замечательными людьми, ей были приятны их внимание и благодарность за этот вечер, за отменное угощение.

Красивые большие глаза Тоты светились нежностью и любовью. У нее тоже возникло чувство, будто она приближается к чему-то хорошему в своей жизни.

Еще немного посидели за столом, поели плова, весело шутили, острили, о чем-то разговаривали, а потом снова вышли курить. Старику не давали покоя незнакомые люди, которых он встретил в своем дачном поселке несколько дней назад. Ему не понравилась их бестактность, то, как беспардонно вели они себя, считая себя чуть ли не хозяева мироздания. Тогда он даже подумал: «Не приведи Бог, наши люди станут капиталистами, да они простых смертных и в грош не будут ставить, только так растопчут, да и насилия не станут гнушаться». С грустью вопрошал у самого себя: «Когда же наши, как богачи других народов, будут считать свое добро народным, будут зарабатывать деньги, чтобы и другим перепало, когда они станут капиталистами в прямом смысле этого слова?»

Своими соображениями о непрощенных гостях старик уже поделился с двумя знакомыми. Вспомнив о том, что

Хасар является его односельчанином, решил поговорить на эту тему и с ним. И вот только теперь ему представилась такая возможность.

Во время перекура старик снова вспомнил о предмете своего беспокойства.

— Хасар, сынок, несколько дней назад над нашим поселком кружили несколько ягнятников! — начал он свой рассказ. Старик говорил загадками, поэтому Хасар не сразу понял, о чем идет речь. Старик заметил, что Хасар не понимает его. — Может, если смотреть с высоты, на которую они взлетели, мы, возможно, и похожи на трупы ягнят! — старик постепенно подбирался к вопросу, не дававшему ему покоя, и по которому он собирался просить совета.

Он рассказал, как несколько дней назад видел двоих незнакомых мужчин в сопровождении представителя хякимлика, которые по-хозяйски осматривали их поселок, из чего он заключил, что хяким города, пользуясь своей властью, ни с кем не посоветовавшись, продал их поселок какому-то денежному мешку. Его подозрения подтверждаются тем, что человек хякима ходил вместе с ними, и в руках у него была карта местности.

Людей, о которых рассказывал старик, в тот день издалека видел и сам Хасар. Но мало ли кто приезжает к морю, Хасар принял их за людей, приехавших ненадолго, чтобы подышать морским воздухом и полюбоваться окрестными красотами.

Но сейчас Хасар понял, что старик говорит о тех же людях, которых видел и он, и вспомнил, что походка одного из них даже издалека показалась ему знакомой, он как колобок катился по земле.

— Похоже, и ты знаешь их, — решил старик по выражению лица Хасара. Ему показалось, что Хасар, даже не видя этих людей, догадался, о ком идет речь. — Раньше у нас хякимом города был другой человек, вот это был

настоящий руководитель! При нем и планы выполнялись, и с людьми он мог ладить. А этого пару лет назад откуда-то перевели и поставили здесь. Ну и хапуга же он, прямо-таки ненасытный троглодит! Торгует городскими квартирами по своему усмотрению, и рабочие места тоже продает. А теперь взялся за побережье, делит его на куски, будто в наследство от отца получил, и распродает. А город тем временем все ниже и ниже падает. Школы, детские сады, больницы, общественные очаги культуры в разрухе, на них смотрят как на вредные пережитки советской эпохи. Короче, всего не перечислишь, что он тут творит!

Все эти примеры старик привел из опасения, что жители поселка могут пострадать от личных амбиций главы города, и даже высказал предположение: уж если тот взялся за их поселок, то уж точно не оставит их в покое.

Слушая старика, Хасар думал о том, что будет с ним, если все будет так, как описывает старик. Решил оставить разговор на эту тему до следующего раза.

Застолье плавно перешло в музыкальный вечер.

... То, что юный зять оказался его бывшим пациентом, подстегнуло любопытство Хасара. Ему уже давно хотелось предложить: «А может, нам бахши послушать?»

– Товарищ солдат, может, теперь ты нам пару мелодий сыграешь?! На наше счастье, у тебя и дутар с собой. – Он вдруг вспомнил давнее обещание юноши. – Помнишь, когда ты лежал у нас в госпитале, обещал сыграть так, как играет твой наставник? Так играй, пришло время отдавать долги! – обратился он к сидевшему рядом с ним юноше, который все еще чувствовал себя неприкаянно в доме тещи. К этому времени все гости уже были сыты, вечеринка подходила к концу. Гости были навеселе, возбуждены, всем хотелось слушать музыку.

Медноголовый старик подхватил просьбу Хасара: «Действительно, сейчас самое время послушать музыку!»,

– после чего юноша прошел в соседнюю комнату, где спал его младенец, и принес оттуда свой дутар.

Взяв в руки дутар, застенчивый юноша засучил рукава и после этого буквально на глазах у всех преобразился. Звуки музыки вызвали ощущение, будто пришла весна, и маленькие рыбки, выпрыгивая из воды, устраивают шумные брачные игры. Тоты вместе со стулом подвинулась поближе к музыканту. Она не предполагала, что ее зять такой хороший музыкант, и сейчас удивленно смотрела на него, и было в этом взгляде искреннее восхищение. Исполнив несколько мелодий, юноша сделал перерыв, чтобы вытереть лицо поданным женой полотенцем. Медноголовый старик, очарованный игрой юного зятя, о чем-то вспомнив, подбодрил юношу:

– Я и раньше слышал, что жители Пендинской долины очень музыкальны. У меня есть знакомый земляк, который работал в тех краях на руководящих должностях, кажется, возглавлял животноводство. Так вот, он не уставал повторять, что пендинцам нет равных в исполнительском мастерстве, что в тех краях музыкой болны абсолютно все – от мала до велика. Иногда идешь по пескам, а откуда-то доносятся звуки песни. Ты думаешь, что где-то поблизости играет радио, а потом оказывается, что мимо на ишачке едет либо чабан, либо подпасок...

Большинство туркмен являются страстными любителями музыки. На свадьбах или иных торжествах обязательно кто-то спросит: «Есть среди вас человек из Сарыка?.. Если есть, дайте ему в руки дутар!» – это неписаное правило – праздники должны открывать пендинцы.

Исполнительское мастерство юного зятя напомнило Хасару игру Хуммета бахши. Хасар слушал его несколько лет назад на дне рождения у одного из своих коллег. Тогда шумное застолье плавно перетекло в музыкальный вечер, хозяин пригласил всех желающих послушать музыку в

специально отведенной для этого комнате. Тот доктор намеренно пригласил из Пенди именитого музыканта Хуммета бахши, игру которого послушать мечтали многие.

Музыкант расположился в центре комнаты на красивом ковре ручной работы, он кивком отвечал на приветствия собравшихся. Это был человек лет пятидесяти – пятидесяти пяти. Честно говоря, Хасар не был страстным любителем музыки, не из тех, кто считал, что, послушав утром хорошую музыку, на целый день заряжаешься положительной энергией и хорошим настроением. Он, конечно, слушал музыку по радио или телевизору, но никогда не искал встреч с дутаристами, сознательно не собирал записи их музыки, не имел фонотеки. Но пришедшие с ним на праздник коллеги пошли слушать музыку, поэтому и он последовал за ними.

При виде бахши, сидевшего с засученными рукавами, готового в любую минуту взять в руки лежащий рядом с ним дутар и начать играть, ему подумалось: «Сейчас всю душу вымотает своим брэнчанием, тоску наведет!» Но потом, послушав игру бахши, понял, что эта встреча стала для него незабываемой, настолько сильное впечатление она на него произвела.

Музыка Хуммета бахши очаровала, увлекла за собой слушателей, казалось, что он перебирает не струны дутара, а струны души каждого из них, так тронуты они были этой мастерски исполненной музыкой. В тот раз Хасар впервые в жизни испытал гордость за свой народ, у которого была такая чудесная музыка.

Хасар запомнил и рассказ, услышанный там же во время одного из перекуров, рассказ, похожий на легенду. Один из коллег Хасара, под впечатлением от музыки, рассказал историю, участниками которой были Хуммет бахши и один из видных государственных деятелей того времени.

...Однажды тогдашний Председатель Президиума Верховного Совета Туркменистана Аннамухаммет Клычев отправился в командировку в Тахтабазар. Первый секретарь

райкома, страстный ценитель туркменской музыки Реджеп Аннаев за чаепитием дал прослушать гостю в записях музыку Хуммета бахши. А Клычев тоже был ценителем туркменской народной музыки. Ему понравилась музыка, которую он прослушал. Он переиначил слова Успенского, сказанные им во время поездки в Тахтабазар: «В джунглях я увидел чудо», воскликнув: «Да это же чудо из чудес!» Он тогда изъявил желание послушать самого бахши.

Ему сказали, что его сейчас нет дома, Клычев, решив, что тот уехал в пески или куда-нибудь подальше, распорядился: «Где бы он ни был, найдите и привезите его, завтра, на обратном пути из Кушки, я задержусь на день и прослушаю его, а потом уеду обратно!» Но и на обратном пути его не ждал затребованный им бахши.

Когда Председатель Президиума спросил, где же знаменитый бахши, Реджепу Аннаевичу пришлось признаться, что тот находится в заключении в Безмеинской колонии. Не ожидая такого ответа, Клычев на минуту задумался, а потом сказал:

– Человек, исполняющий такую музыку, вряд ли мог кого-то убить. Самое большее, в чем его могли обвинить, так это в употреблении наркотиков, – предположил он. – Этим людям, музыкантам, обязательно нужно чем-то подпитывать свое вдохновение, без этого они не в состоянии творить, вот они и расслабляются при помощи наркотиков. Наверняка, и этого взяли с одним-двумя мыскалами опия...

Клычев очень точно определил, что могли вменить в вину Хуммету бахши. Уезжая, он записал все данные о нем. А дней через пятнадцать-двадцать после отъезда высокопоставленного чиновника Хуммет бахши вернулся из мест заключения. Впоследствии Аннамухаммет ага записал пять кассет его музыки. Временами с удовольствием слушал его живую музыку. И с сожалением замечал: «Жаль, что за тобой водится такой грех, а то бы я устроил твои

выступления на радио, телевидении, чтобы имя твое гремело по всей туркменской земле!»

Игра юноши напомнила Хасару почерк Хуммета бахши. И он подумал, что для того, чтобы понимать музыку, вовсе не обязательно быть таким знатоком, как Аннамухаммет ага. Слушая игру юноши, он был уверен, что получает не меньшее удовольствие, чем то, какое получил Аннамухаммет Клычев, слушая музыку Хуммета бахши.

Окунувшись в чарующий мир музыки, люди не заметили, как наступила ночь. Ушла укладывать младенца молодая мать, прилегла рядом, чтобы покормить его грудью, да и сама уснула. Пошла отдыхать и бабушка. Теперь за гостями ухаживала только Тоты, она без конца носила им чай. Слушая вместе со всеми игру своего зятя, она заново открывала для себя этого юношу.

Глубокой ночью гости распрощались с хозяевами, поблагодарив их за такой чудесный вечер.

А Тоты радовалась, что устроенная ею вечеринка удалась и надолго запомнится ее сегодняшним гостям.

* * *

То, что покупатели дачного поселка не шутили, стало ясно меньше чем через месяц после того, как здесь побывали те непрошенные гости.

Работники хякимлика одно за другим обошли все дома дачного поселка и вручили их хозяевам уведомление с подписями и печатями, в котором сообщалось, что на месте дачного поселка будет осуществлен проект грандиозного строительства. В документе содержалось требование всем жителям в месячный срок освободить свои дома, а если кто-то в указанный срок не покинет свои участки добровольно, это будет воспринято как несогласие с новой политикой государства, а сами противники будут привлечены к ответственности, соответственно, и их дома будут снесены бульдозерами.

Сторожа дачного поселка заставили подписать отдельный документ, которым ему предписывалось известить о решении хякимлика хозяев домов, в данный момент отсутствующих в дачном поселке.

Посыльные подошли и к дому старика и криками из-за забора вызвали его к себе.

Когда старику вручали уведомление, он спросил:

– Что это?

– Уведомлением это называется, яшули! Распоряжение хякимлика, – высокомерно произнес рассыльный. – Прочтите его!

Прочитав бумагу, старик спросил:

– А разве нельзя развернуть стройку в другом месте, чтобы не трогать поселок? Чего-чего, а земли вокруг более чем достаточно. Пустынный берег тянется до Казахстана. Разве нельзя, не снося дома людей, строить в другом месте? – уговаривал старик посыльных, хотя и понимал, что от них ничего не зависит.

– Мы ничего не знаем, яшули. Это место уже купил какой-то крутой фирмач из Ашхабада. И теперь он требует, чтобы освободили его землю, хочет начинать строительство. Раз он заплатил, имеет право требовать.

– Тогда кто же решает этот вопрос?

– Хяким города решает, яшули!

– Но ведь эта земля и отцу хякима города не принадлежит. Наши предки защищали эту землю, кровь за нее проливали, неужели же теперь ее с такой легкостью отдадут какому-то проходимцу?

Старик взял у посыльного ручку, которой он должен был расписаться на уведомлении, что он получил его, и написал на поданном ему листке: «Кем бы ни был хяким, считаю, что он не имеет права кому бы то ни было продавать землю, политую священной кровью предков, а потому я, старый

коммунист и ветеран войны, первым выступаю против этого решения». Написал и протянул листок бумаги посыльному.

Старик, конечно, на этом не успокоился. Он схватил трубку телефона, чтобы переговорить с хякимликом. Однако ни один из тех, с кем ему удалось связаться, ничего конкретного на его вопрос ответить не смог.

И тогда старик понял, что так он ничего не добьется, и ему необходимо встретиться с самим главой города. Однако его желание попасть к хякиму города никак не исполнялось.

Каждый раз, когда он звонил, секретарша всячески прикрывала своего начальника: у шефа поездка по городу, шеф проводит собрание, шеф встречается с иностранными бизнесменами и тому подобное.

Когда же до сведения хякима довели жалобу старика, он просто отказался от разговора с ним. Он еще больше разозлился, узнав, что старик требует принять его. «Сделайте так, чтобы этот маразматик не приходил ко мне! Если надо, привлечите полицию, прокуратуру, пусть найдут его ахиллесову пяту и вызовут на допрос, примут меры. Или же выясните, есть ли у него сын или дочь, найдите и прижмите их!»

Узнав о негласном распоряжении хякима от третьих лиц, старик взбесился. Он разыскал домашний телефон хякима и позвонил ему рано утром: уж в это-то время он должен быть дома!

В трубке раздался сонный голос женщины.

– Алло!

– Дочка, мне нужен хяким!

– Кто его спрашивает?

– Я тот самый человек, которого он пытается при помощи милиции оклеветать!

– Гмм... – женщина поперхнулась.

Старик услышал, как рядом с женщиной прозвучал мужской шепот. Жена хякима города была недовольна тем, что ее сон был нарушен.

– От вас и ночью нет покоя, хяким спит, если он нужен, идите к нему на работу! – недовольно проворчала женщина.

После ворчания женщины старик понял, что, хотя ему и не удастся поговорить с хякимом, его слова будут доведены до слуха того, кому они предназначены.

– Ну, раз спит, так пусть земля ему будет пухом! – пожелал старик и повесил трубку.

* * *

Как-то в воскресенье, возвращаясь домой после смены, Хасар увидел на улице отца Тоты, медноголового старика, разговаривавшего с несколькими людьми. В выходные дни дачный поселок оживал за счет тех, кто приезжал провести свои дачные домики, а заодно и отдохнуть. Увидев машину, старик узнал ее и помахал рукой, подзывая Хасара.

Как только Хасар вышел из машины, старик поспешил ввести его в курс дела. Было видно, что старик чем-то взволнован, он говорил, размахивая руками:

– Ну, вот, и этот ничего не знал! – сообщил он собравшимся, когда Хасар подошел к ним.

Стало известно, что новорожденный капиталист пошел в атаку даже раньше, чем намеревался. Огромные машины уже начали завозить в поселок массивные бетонные блоки для будущего строительства.

– Вот об этом я и рассказываю соседям, – сообщил старик, желая, чтобы и Хасар услышал это. – Если мы все вместе дружно не возьмемся за это дело, нашим домам скоро придет конец. Мне кажется, если мы будем действовать сообща, то еще не поздно все это безобразие остановить. По-моему, хяким города и сам не очень-то верит, что поступает по закону. Не хочется ему прямо говорить об этой ситуации, он всячески избегает общения на эту тему. Его можно понять, он ведь получил от этих олигархов крупную взятку, и теперь ни за что не захочет расстаться с этими деньгами, будет

под любым предлогом продвигать этих, не признает свою ошибку и не отменит свой приказ. Поэтому нам надо всем вместе дать понять, что не позволим ему своевольничать и унижать людей. Пусть эти богачи строят, что хотят, но в другом месте. Пусть они оставят нас в покое. Туркменский берег Хазара тянется на тысячи километров, им что, надо непременно на месте наших домов строить?

И хотя окружающие помалкивали и не возмущались, старик был уверен, что они на его стороне. Он верил, что и на хякима можно найти управу, надо только всем вместе взяться за это дело и довести его до конца.

— А что они собираются делать с людьми, которые живут на даче круглый год, а не только в сезон?— обратился Хасар к полнеющему мужчине средних лет с лысеющей головой, который, как и он сам, круглогодично жил на даче. Думал, что этот мужчина поддержит его, потому что проблема и его задевает напрямую. Но тот не спешил отвечать, напротив, гладил щеки с видом человека, не придающего словам Хасара значения, а потом и вовсе отвернулся. Хасар понял, что тот не хочет ввязываться в эту историю, скорее всего думал, что если не здесь, то в другом месте купит себе дом, а сюда пришел просто потому, что боялся острого языка старика. Про этого человека говорят, что он является представителем крупной Ашхабадской компании, занятой экспортом продукции нефтеперерабатывающего завода в Красноводске.

Вместо него голос подал полноватый парень со смуглой кожей:

— Эй, товарищ, а кому теперь вообще интересно мнение масс? Сейчас такое время, кто смел, тот и съел. Каждый старается урвать кусок пожирнее. Разве вы не слышали, что говорит глава страны по телевизору, критикуя некоторых зарвавшихся чиновников? Мол, как только они оказываются у руля, готовы весь мир себе подчинить,

считают себя властелинами. Вот и наш хяким, когда работал на такой же должности в Ашхабаде, был среди руководителей, показавших себя с этой стороны. Он ведь не за дело радел, а о собственном кошельке заботился. Где надо, поддерживал богатых людей – иностранные фирмы, а потом и сам стал собственником многих ресторанов, домов, счета в зарубежных банках заимел. Он умело использовал должность в своих корыстных интересах...

– Яшули, тогда поговаривали, что в скором времени его снимут с работы. А он вот откуда вылез. Конечно, а что ему сделается, денег-то у него много! На то время в Ашхабаде он считался одним из самых богатых людей.

– Если он владеет большими деньгами, тогда нам вряд ли с ним справиться. Может, потому и глава страны не смогло его снять?– вымолвил востроносый парень, молча стоявший позади старика. – Такой человек мало кому будет по зубам.

– Да, они тут напихают полные карманы, а потом бегут за границу, и уже оттуда изображают из себя страдальцев за народное дело, безвинно обиженных, а на самом деле поносят свою страну. Может, лидер страны опасался, что и этот поступит так же, поэтому не стал трогать его?

Кто-то из толпы не согласился с ним:

– Думаю, если ты руководитель, вряд ли станешь бояться кого бы то ни было...

– Тогда почему же он переместил его с одного хлебного места на другое? Ведь среди тех, кто в прошлом году пытался приватизировать нефть и газ Туркменистана, был и наш хяким. А руководитель страны взял и издал указ, согласно которому все полезные ископаемые богатства страны принадлежат государству. В противном случае, эти уже давно бы растащили все по своим закромам.

– А, значит, и этого, который покушается на нашу землю, сюда запах нашей нефти заманил. Понятно, его не волнует, как будет отдыхать народ, он не собирается строить дом

отдыха для людей, он хочет быть поближе к нашей нефти, деньги-то у него есть.

Люди решили объединить свои усилия в деле спасения своих дач.

– Раньше мы удивлялись, когда видели в индийских фильмах, как богачи бульдозерами сносят трущобы бедняков. Казалось бы, государство должно заботиться о сырых и убогих, о бедных людях, а оно почему-то не защищало их. И вот, пожалуйста, то было в фильмах, а то в нашей жизни реально происходит.

Приободренный поддержкой односельчан, старик, глядя в сторону города, с пафосом воскликнул:

– Не все еще умерли, кто устоял перед танками Гудериана, есть еще порох в пороховницах!

Придя к решению написать коллективное письмо на имя главой государства, соседи разошлись по домам.

Составить текст письма поручили старику и Хасару.

Эти люди, хотя и видели, что творится в стране, продолжали верить, что лидер страны встанет на их сторону и поможет им разобраться в этой непростой ситуации.

* * *

На следующий день после того, как письмо было отправлено в Ашхабад через нарочного и опущено в ящик с надписью «Почта лидера», Тоты позвонила на рабочий телефон Хасара:

– Елдаш мугаллым, это я!

– Я узнал вас, Тоты Тагановна!

– Вам не кажется, что дачный вопрос приобрел острый характер?

– К сожалению, это так. Хяким намерен любыми способами отнять наши дачи, а мы изо всех сил стараемся сохранить их.

– Но если хяким города кому-то продал эту землю, можно ли будет вернуть ее обратно?

– Боюсь, сделать это будет нелегко!

В голосе Тоты была озабоченность, ей хотелось удержать их от опрометчивого шага, сказать: «Хяким есть хяким, у него и власть, и сила...» Но она лишь сказала:

– Я только боюсь, как бы ваша затея не вышла вам боком.

– У нас нет другого выхода, кроме как идти до конца. Посмотрим, что из этого получится. Помните слова майора Клычкова из фильма «Освобождение», когда немецкие танки вплотную подошли к Москве: «Велика Россия, но отступать некуда, позади Москва!» Мы сейчас не в лучшем положении находимся. Некуда нам отступать. Мы вступили в борьбу за правду, в Ашхабад письмо отослали...

– Но у наших азербайджанских братьев тоже есть поговорка: «Сказавши правду, без глаз останется». Как бы вам беды на свою голову не накликать!

– Что ж, будь, что будет. Обратной дороги нет!

– Так-то оно так...

Разговаривая, Тоты слышала, как неровно бьется ее сердце. После разговора с Тоты Хасар понял, что она переживает за него не меньше, чем за своего отца, считает его близким человеком.

* * *

Созданная под руководством старика организация «Оборона» постепенно набирала силу. К нему с предложением действовать сообщая приходили и жители соседнего дачного поселка, они приходили советоваться, потому что опасались, что и их дома вряд ли уцелеют, если снесут этот поселок. Попытки встретиться с хякимом города так и остались попытками. Хяким города, зная, для чего люди стремятся увидеться с ним, видеть их не желал. А на письмо, ушедшее в Ашхабад, все еще не было ответа. Люди надеялись, что, если письмо дойдет до Лидера, он не погладит по головке хякима города, который сеет недовольство среди людей, и тогда последний будет вынужден пойти на контакт и объясниться с людьми, которых он сейчас ни во что не ставит.

Времени, данного жителям дачного поселка для переезда, оставалось совсем немного. Так что людям не оставалось ничего другого, как самим позаботиться о себе. Отчаявшись, жители дачного поселка пришли к решению поднять народ и настроить его против хякима города, чтобы тот повернулся к ним лицом.

Люди решили собраться в воскресенье, когда многие отдыхают, а высокопоставленные чиновники все равно находятся на своих рабочих местах, потому что в любое время им могут позвонить сверху, из Ашхабада, и надо показать себя дисциплинированными хозяевами.

...Когда Хасар, оставив машину в городском доме, в мундире полковника, который очень молодил его и красил гораздо больше штатской одежды, пришел в условленное место, старик и еще несколько человек уже стояли возле хякимлика, ожидая, пока подойдут остальные.

Старик был в парадном костюме со всеми орденами и медалями, поверх него был надет легкий плащ. В руках у него была трость, с которой он не расставался в последнее время.

Вчера прошел дождь. Похоже, это был последний весенний дождь перед началом лета. В этих краях, а тем более в середине мая, никогда не бывало такого проливного дождя.

Листва деревьев была чисто вымыта и блестела, листья стали казаться еще крупнее.

Люди, чтобы раньше времени не показывать, что собрались для протестного выступления, делали вид, что идут мимо, прогуливаются, под мышками у них были свернутые в трубочку плакаты, которые они намеревались развернуть у здания городского хякимлика.

Протестующие начали действовать только после того, как в толпе появилось и зашелестело зеленое полотнище Государственного флага Туркменистана. Здесь были не только жители дачного поселка, но и десятки других людей,

в разное время подвергшихся преследованиям со стороны хякимлика. Прослышав о готовящейся акции, они пришли сюда, чтобы присоединиться к бастующим и выразить хякиму свое недовольство и недоверие.

Приблизившись к роскошному зданию хякимлика, бастующие высказывали свое мнение о хякиме города и перекидывались с работниками милиции, которых становилось все больше, короткими репликами. Срочно вызванный начальник городской милиции, подъехав на машине и не успев ступить на землю, стал угрожать «мятежникам»:

– Немедленно разойдитесь! Для чего вы тут собрались?

– Хотим, чтобы хяким выслушал нас!

– Пришли Зимний Дворец брать! – иронично заметил кто-то из середины толпы, где реял зеленый флаг государства.

После этого к своему начальнику стянулись и остальные работники милиции. Казалось, что сейчас обе стороны пойдут друг на друга.

Старик и Хасар стояли впереди всех, они были как бы их застрельщиками.

Если бы хяким города вышел к бастующим, говорить с ним от имени собравшихся пришлось бы именно этим двоим.

Начальник милиции, окруженный своими подчиненными, вдруг заметил старика.

– ... О... Таган-дяде, вы тоже здесь? – удивленно воскликнул он и посмотрел на него вопросительно.

– Да, сынок, я тоже здесь! Меня тоже обидели и оскорбили пренебрежительным отношением. Нельзя нам больше этого терпеть! Мы пришли, чтобы поговорить с хякимом города напрямую...

– Но ведь ваша дочь занимает такую высокую должность... Если вы будете участвовать в таких акциях, хяким и ее по головке не погладит.

При упоминании имени Тоты всем стало ясно, на что намекает начальник милиции.

- Эх, сынок, была, не была, посмотрим, куда нас выведет кривая.

Из здания хякимлика вышел начальник городской службы безопасности и аккуратно вклинился в толпу. Почекистки четко определил, с кем ему следует разговаривать. За руку поздоровался со стариком и участливо спросил:

– Старейшины, что у вас тут происходит, для чего вы тут собрались? – он обращался к старику.

Не будучи знакомым с этим человеком, старик все же догадался, что он один из тех, к кому следует обратиться. Внимательно разглядывая его, попытался понять, кто же он.

Старик старался говорить доходчиво, чтобы этому вежливому молодому человеку все стало ясно.

– Собрались мы, сынок, потому, что желаем, чтобы хяким города выслушал нас.

– Но если у вас жалоба, – работник госбезопасности окинул взглядом толпу, – разве не могли вы записаться на прием и просто прийти к хякиму, а не собираться на площади?

– Не получилось. Много раз приходили. И ни разу он не принял нас, все время ссылался на занятость. Мы даже домой ему звонили, жену его просили, чтобы она посодействовала нам во встрече с хякимом, ничего не вышло. Наш сегодняшний сбор – вынужденная мера, акт отчаяния.

– У нас не было другого выхода! – поддержал старика Хасар.

Ответственный работник госбезопасности стал убеждать людей, что они поступают нехорошо, непорядочно, в то время как лидер страны так много делает для блага своего народа, заботится о нем. А их поведение вряд ли кому-то понравится, и вообще, теперь и вовсе никто не захочет их

выслушать. Словом, он перевел разговор на политические рельсы.

Выходило, что он встал на сторону хякима, и старика, который уже начал было оттаивать, это возмутило и задело до глубины души.

– Если он не хочет обижаться на народ, пусть ставит руководителями честных людей, а не этих разбойников!

Поняв, что уговорами толпу не разогнать, работник госбезопасности снова сделал тактический ход:

– Друзья! Вы здесь подождите немного, а я сам пойду и поищу хякима! – и он отправился в кабинет, чтобы оттуда созвониться с Ашхабадом и получить указание, как действовать дальше.

Кто-то издевательски крикнул ему вслед:

– Зачем же искать хякима, он давно находится на месте – вошел в здание через черный ход!

После ухода работника госбезопасности рядом с протестующими из руководства остался только побледневший от страха начальник милиции вместе со своими перепуганными подчиненными.

Войдя в здание, сотрудник госбезопасности зашел в первый попавшийся кабинет и оттуда позвонил в Ашхабад и доложил обстановку. Получив сверху необходимые указания, поднялся этажом выше и пошел к хякиму.

Хяким города, опасаясь, что начнут забрасывать камнями окна его кабинета, проводил срочное совещание в другом месте – в кабинете своего заместителя. Он был взбешен. Видел, как забастовщики размахивают руками, показывая на его кабинет.

В тот момент, когда сотрудник госбезопасности вошел в кабинет, он распекал руководителей соответствующих ведомств за то, что они заранее не приняли мер и допустили это столпотворение на площади перед зданием хякимлика.

Не зная, на ком еще сорвать зло, хяким набросился на сотрудника госбезопасности, как только тот вошел в кабинет:

– И что, эти звери теперь так и будут стоять там?

В его словах был упрек в адрес работников госбезопасности, которые были обязаны предвидеть такой оборот дела.

Сотрудник, выяснив мнение людей, не спешил с ответом на вопрос хякима. Взял стоящий в стороне стул и сел на него рядом с хякимом. И лишь после этого посмотрел в глаза хякима, давая тому понять, что намеревается говорить с ним откровенно.

– Чашев Меркезович, вам необходимо выйти к людям! – потребовал он.

– С какой стати я должен выходить?

Хяким недовольно посмотрел на сотрудник госбезопасности:

– Существует специальные органы, которые обязаны следить за порядком в городе! Так неужели же нельзя взять зачинщиков этих беспорядков и как следует «поговорить» с ними?

– Чашев Меркезович, у нас не та ситуация. Сейчас надо попытаться по-хорошему поговорить с людьми!

– Неужели эта безумная толпа надеется, что заставит меня отменить принятое решение? – высокомерно воскликнул хяким. Он становился все надменнее. – Думаю, заставить Чашева Меркезовича взять свое слово обратно невозможно!

С ненавистью разглядывая сквозь окно толпу, хяким дошел до точки кипения, он и не собирался успокаиваться. Он был недоволен работниками правоохранительных органов, выпустивших ситуацию из-под контроля, а главное, вообще допустивших ее. Считал, что они могли бы проявить большую бдительность, тогда ничего этого не случилось бы.

Но работник городской службы безопасности Худайберен держался спокойно и невозмутимо, словно был уверен в том, что все закончится миром.

Он вел себя как мудрый сановник Петра Первого, сумевший успокоить его, когда тот понес потери в сражении

с турками под Полтавой и был растерян, не знал, как выйти из тупика.

– Вам советуют выйти к людям и объясниться с ними, постараться успокоить их! – требовательно произнес он.

– Кто это говорит?

– Сейчас Ашхабад выйдет на связь по прямому телефону в вашем кабинете. Я только что разговаривал с ними...

Эти слова переполошили кичливого Чашева Меркезовича. Если о происшествии уже знают в Ашхабаде, его точно не погладят по головке... Поглаживая свое мясистое лицо, он вдруг согласился:

– Ну, раз сверху велют выйти, значит, надо выйти. Но и эти мятежники, которые так опорочили меня, после этого спокойно жить не будут!

Захватив с собой несколько человек, хяким наконец-то вышел на площадь, где собрались люди. Он за руку поздоровался с теми из них, кто стоял в первых рядах, «выказал» им свое уважение. А затем как ни в чем не бывало обратился к собравшимся:

– Друзья, вы, вероятно, пришли сюда, чтобы узнать о судьбе дачного поселка? Вон как много вас тут собралось! Честно говоря, мы и не знали, что там живет так много людей, – сочувственно произнес хяким, окидывая взглядом толпу и мысленно прикидывая, сколько же человек может находиться на площади. Он старался найти слова, которые бы успокоили толпу. – Да, территория дачного поселка подпадает под генеральный план реконструкции города. Но проведенные там несколько дней назад замеры показали, что грунтовые воды подходят слишком близко к поверхности почвы, поэтому это место непригодно для большого строительства. Так что зря вы пришли сюда, могли бы и не приходить, потому что вопрос этот снят! Нет никакой проблемы у вас!

Старик старался встретиться с хякимом взглядом, потому что знал, что язык человека может солгать, но никогда не

солгут его глаза, поэтому хотел заглянуть в глаза этого человека и удостовериться, правду ли он говорит. А хяким, словно почувствовав это, все время отводил от людей взгляд, вертелся, как уж на горячей сковороде, время от времени поправляя падающие на лицо волосы. Его бегающий взгляд ни на ком не останавливался, хотя казалось, что он смотрит на людей.

Начал накрапывать дождь. Те, кто предусмотрительно захватил из дома зонты, сейчас раскрыли их над своими головами. По лысой голове старика начали скатываться дождевые капли, и тогда те, кто пришел с зонтом, укрыли его от дождя.

Кое-кто спасался от дождя плакатами и флагами, развернув их над своими головами.

То ли поверив в высокопарную речь городского головы, то ли не желая больше мокнуть под дождем, люди стали потихоньку расходиться.

Хасар повез старика в поселок на своей машине.

Старик не представлял, каким будет результат их выступления, но возлагал на него большие надежды. Однако, сегодняшней итог их встречи с хякимом был ему не по душе.

Некоторое время он сидел молча, о чем-то думая, потом вдруг произнес:

– Эх, кажется, нас снова обманули! Ну и хитер же этот хяким!

– С чего вы это заключили? – спросил Хасар, полуобернувшись к старику.

– Ты смотри, что он придумал. Гм... видите ли, дачный поселок находится в низине, его земля непригодна для строительства. Но строят же и на более низких землях, куда же денутся грунтовые воды, когда рядом шумит море! Я-то помню, наш тогдашний начальник сам ездил туда, выбирал место для дачного поселка и выбрал именно этот участок, потому что он был чуть выше других.

Хасар понял, что старик расстроен и считает себя проигравшим эту битву, потому что его обманули и унизили. Ему обидно, что они не сумели добиться того, за что так отчаянно бились.

Хасару стало жаль старика. Но он не знал, что ему сказать, чтобы утешить его. Задумчиво молчал. А старик, занятый своими мыслями, и не ждал от него каких-либо слов поддержки.

На следующий день сотни средств массовой информации по всему миру сообщили о том, что в Красноводске на улицу вышли люди, недовольные действиями городского головы.

Из Ашхабада приехала специальная комиссия, чтобы расследовать данный инцидент.

У людей появилась надежда, что все это станет для хякима города хорошим уроком. В тот раз в городе нашлось много людей, которые выразили сожаление: «Эх, жаль, что мы ничего не знали, а то бы присоединились к вам!».

* * *

Поменявшись сменами с Фатимат Алиевной, Хасар поехал в Ашхабад. Он очень сильно скучал по внукам, хотел повидаться с ними. Он довольно часто разговаривал с ними по телефону и слышал их голоса, но ему хотелось видеть их, обнять и прижать к сердцу, любоваться ими. Каждый раз, когда он звонил, они задавали ему один и тот же вопрос: «Дедушка, когда ты приедешь?» А однажды младший внук Сердар даже спросил: «Дедушка, а у тебя не бывает выходных?» От кого угодно, но не от такого малыша ждал Хасар таких слов. Ребенок по-детски дал понять деду, как скучает он по нему.

Хасар тогда подумал, что больше всего ребенок тоскует по отцу, с которым так жестоко разлучила его судьба, и от этого расстроился еще больше.

Поезд прибыл в Ашхабад рано утром, на рассвете. Хасар намеревался сначала заехать к дочери, выпить у нее пиалу чая, узнать, как дела в ее семье. Но потом счел неудобным так рано являться в дом, беспокоить людей, и решил, что заедет к ним днем. К тому же и багаж у него был солидным, большая часть подарков предназначалась детям Арслана. Это была одежда и обувь, которые он покупал всюду, где они попадались ему на глаза.

Кроме того, он вез целую сумку рыбной продукции, которую так любили его внуки. Несмотря на его протесты, свою долю икры и копчено-вяленой красной рыбы внесла и мать. «Отнесешь часть Мяхриджан, возьми и это, лишним не будет, детям полезно есть рыбу, тем более нашим, выросшим у моря!» Мать тогда привела рассказ об одном ценителе рыбы.

- Сынок, ты слышал, наверно, о быкынлинском Рахман-дяде? Он большой ученый из Ашхабада, много книг написал.

Так вот, вспоминая молодые годы, проведенные у моря, он пишет: «... Когда мама разводила огонь в тамдыре, чтобы испечь лепешки, мы фаршировали рыбу всякими ароматными травами, луком и чесноком, накалывали ее на шомпол и опускали в тамдыр, запекали ее на углях. Такая вкуснотища получалась, пальчики оближешь!»

Решив, что так будет лучше всем, Хасар не пошел ни к дочери, ни к себе домой, снял номер в гостинице. Побрившись и приняв душ, часам к десяти он отправился к теще, посчитав, что к этому времени Дунья уже должна быть на работе.

После гибели Арслана Дунья вынуждена была вернуться в дом матери, как бы ни хотела жить отдельно. О том, что в их квартире она сделала ремонт и теперь сдает ее внаем иностранным гражданам, Хасар узнал в свой прошлый приезд. И хотя с ним никто не советовался, решение Дунья он одобрил, понимая, что так она поступила ради блага своих внуков.

В доме, проводив членов семьи – кого на работу, кого в школу, оставались только мать Дуньи с младшим внуком. Она отнесла на кухню посуду после завтрака и понемногу прибиралась в доме.

Услышав стук в калитку, мать Дуньи открыла ее и увидела на пороге Хасара с тяжелой сумкой в руках. На ее лице сразу же отразилась радость от встречи с любимым зятем:

– Хасар, сынок, ты приехал?

– Да, это я, дайза!

– Заходи, родной! – Она вдруг вспомнила счастливые дни жизни с Арсланом и Хасаром и расстроилась. – Дети очень скучают по тебе, все время только и говорят об этом. – Голос старой женщины дрогнул, и она заплакала. Концом черного платка, который не снимала с головы со дня гибели внука, вытерла слезы.

Хасар выпил с тещей чаю, потом посмотрел любимые игрушки и красочные книжки Сердара. А вскоре пришел со школы и старший внук Айназар. Увидев любимого деда играющим с его младшим братом, глазам своим не поверил. Но это был не сон, это была явь. Причем, явь, которую он так долго ждал. Спешно сняв со спины школьный рюкзак, он бросился в объятия деда: «Дедушка, ты приехал!»

Услышав голос правнука, бабушка, занятая на кухне приготовлением обеда, вышла оттуда и, увидев счастливого ребенка в объятиях деда, снова расстроилась: «Господи, за что ты лишил меня счастья?.. Отчего они расстались?.. Почему же им не жилось вместе, о, Господи?..»

Хасар, радуясь встрече с внуками, отметил про себя, как они выросли за то время, что он не видел их, как повзрослели они и многое стали понимать.

Он успокаивал свою израненную душу мыслями о том, что совсем скоро они вырастут и займут место погибшего отца.

В конце рабочего дня, перед самым возвращением Дуньи с работы, Хасар засобирался, пообещав внукам снова прийти завтра утром и быть с ними до вечера, до поезда, сходить с ними в город, навестить вместе с ними их тетку, а его дочь Мяхри. Как ни просили внуки и теща, чтобы он остался, Хасар не согласился, не хотел он встречаться с Дуньей. Сославшись на неотложные дела, уехал в гостиницу.

После гибели Арслана Хасар, скучая по внукам, приезжал в Ашхабад несколько раз. За эти полгода он видел Дунью всего один раз, да и то издалека. Чувствовал, что она тоже не жаждет встречи с ним. И потом, все, что могло случиться, уже случилось, поэтому им нет никакой надобности во встречах. Зная это, Хасар старался навещать внуков в отсутствие Дуньи.

Вернувшись в гостиницу, Хасар разделся и лег на кровать, чтобы дать ногам отдых, а сам думал о том, как хорошо было бы принять душ, чтобы вместе с мыльной пеной с него сошел весь негатив. Лежа на спине, он дремал, в полудреме вспоминая отдельные эпизоды из своей семейной жизни.

... Вот счастливая Дунья с внуком на руках, завернутым в белое покрывальце, выходит из роддома...

Хасар вместе с Арсланом стоят в сторонке, возле машины, встречают их. А вот они уже дома, муж и жена вдвоем разглядывают своего новорожденного внука, лежащего в кроватке.

– Смотри, как он похож на своих дядь.

– А ты посмотри на его глазки, вырастет и станет похожим на отца...

Хоть и ненадолго, но ему снова удалось вернуться в тот мир, в котором когда-то присутствовала Дунья, и почувствовать себя счастливым.

Приняв душ, Хасар сел за стол, чтобы выпить чаю, и в этот момент раздался стук в дверь. Есть ему не хотелось, теща от души накормила его любимыми пельменями с добавлением курдючного сала.

Открыв дверь, Хасар не поверил глазам. Перед ним стояла Дунья.

– Можно войти? – не глядя на Хасара, спросила она. Вместо ответа Хасар посторонился и впустил ее в номер.

Он не сразу сообразил, с чем связан визит Дуньи, но потом решил, что это каким-то образом связано с их внуками. Сегодня он пообещал внукам летом забрать их с собой и отвезти на море. Он уже представлял, как внуки будут плескаться в море, а он, наблюдая и ухаживая за ними, будет на седьмом небе от счастья.

Первое, что пришло в голову при виде Дуньи, была мысль об ее несогласии с тем, что он хочет увезти внуков на лето к себе, поэтому она и пришла сюда, чтобы выразить свое недовольство. Дунья выглядела так, словно пришла на свидание. На ней было красивое серо-коричневое платье, подстриженные волосы, выкрашенные в золотистый цвет, аккуратно уложены в каре. Она по-прежнему была хороша собой. Он, конечно, допускал, что может увидеть Дунья, но не думал, что женщина, носящая по сыну траур, может так вызывающе ярко одеться. Может, ее рана затянулась до времени?

Пригласив Дунья за стол, Хасар налил ей чаю и протянул пиалу.

– На, выпей чаю!

– Наверно, чай крепкий? – этими словами Дунья хотела сказать, что она знает, какой чай он пьет.

– А что же это за чай, если он не настоялся?

Этот спор на чайную тему на какое-то время вызвал иллюзию возврата к их прежней жизни.

– В гостинице поселился? – сказала Дунья, давая понять, что он мог бы и дома остаться, правда, сама она этого не очень-то и хотела.

– Здесь не так уж и плохо. Самое главное, я повидал своих внуков. А завтра мы с ними собираемся на прогулку, – вежливо в тон ей ответил Хасар.

Когда Дунья появилась у него в номере, Хасару показалось, что она зашла на минутку: сейчас скажет ему что-то и тут же уйдет. Но та никуда не спешила. И потом, разве она пришла сюда не затем, чтобы откровенно поговорить с бывшим мужем и предъявить ему требование?

Незаметно разглядывая Хасара, Дунья отметила про себя, что он похудел, щеки ввалились, а глаза ушли еще глубже. Человек, привыкший жить в паре, а тем более мужчина, оставшись один, чувствует себя осиротевшим и нуждается в покровительстве. Женщинам проще, они быстрее привыкают к одиночеству, потому что им есть о ком заботиться и чем занять себя.

Увидев, как преобразилась Дунья внешне, Хасар отметил, что развод ей явно пошел на пользу.

Взяв из рук Хасара пиалу с чаем, она расстегнула нижние пуговицы пальто и села удобнее.

Дунья расспрашивала Хасара о том, о сем, но прямо посмотреть ему в глаза не решалась. Чувствовалось, что она волнуется, на щеках ее выступили алые пятна.

Хасару даже почудилось, что Дунья снова смотрит на него с прежним обожанием и даже готова соединиться с ним.

Ему эта мысль пришла по душе, хотя он и не знал, как поведет себя, если она вдруг намекнёт ему об этом. Но потом понял, что это не так, что он обманывает себя, мечтая о несбыточном.

Понял он, что все еще гонится за миражом – за тем временем, когда Дунья присутствовала в его жизни. Помня, что Дунья любит кофе, он насыпал в чашку растворимого кофе, залил кипятком и протянул ей.

– На, выпей горячего. Ты ведь по-прежнему любишь кофе?

– Ну, и чем ты занимаешься в эти дни? – вопросом на вопрос ответила Дунья.

– Сижу на берегу и люблюсь морем...

Дунья восприняла его ответ как шутку. Она подхватила его тон и спросила:

– Ну и что, ты до сих пор веришь в это?

– Во что?

– Что из воды выйдет русалка и бросится к тебе в объятья?

– Гмм... – Дунья напонила Хасару, как он однажды сказал жене: сидя на берегу, я испытываю такое чувство, словно из воды должна показаться русалка. А потом он говорил: вот ты и есть та самая русалка! – и страстно обнимал выходящую из моря с капельками воды на теле Дунью и шептал ей на ухо эти ласковые слова.

Разглядывая сидящего перед ней Хасару с поседевшей головой, Дунья наконец отважилась сообщить ему о причине своего визита.

– Я к тебе пришла по делу, Хасар! – начала она, и брови ее нахмурились, на лицо набежала тень. Было видно, что для нее этот разговор непростой.

– Говори, коли пришла, что ты хотела!

Пока она собиралась с мыслями, в наступившей тишине за дверью раздались веселые голоса женщины и мужчины, проходя мимо, они что-то говорили друг другу и громко смеялись.

– Видать, градус себе подняли!- прокомментировал Хасар поведение людей в коридоре.

– Мы живем в стране, которая постепенно переходит к рыночной экономике, – начала Дунья издали, не решаясь прямо в лицо сказать Хасару зачем пришла к нему. Как человек осторожный, умеющий добиваться своего, она хотела сначала подготовить мужа, а уж потом выдать по полной программе. – Создано много авторитетных национальных фирм, компаний. Они сейчас ведут большую работу по преобразованию страны, изменению ее облика...

– Одна из таких компаний – наша, и ее работа получает все больший размах. Если хочешь знать, мы сейчас занимаемся вопросом приватизации нескольких месторождений нефти.

Хасар не выдержал, перебил Дунью вопросом:

– Как это нефтяные очаги могут быть проданы первому встречному? Разве сам лидер страны не сказал, что может быть приватизировано все, кроме нефти и газа, железной дороги, путей воздушного сообщения и еще каких-то важных объектов, что они должны оставаться в собственности государства?

Дунья и не думала уступать ему:

– Ну и что, что говорил? Во всем мире все становится предметом торга, купли и продажи. Это игра по-крупному, а в игре не бывает безвыходных положений. Мало ли что лидер страны говорит, мир-то уж давно перевернулся. Буря, которую в океане жизни поднял Ельцин, потопила огромный корабль под названием СССР. А наша страна – кусочек, доставшийся нам при разделе после той бури. И ведь на волне этой бури он выплыл в лидеры и стал во главе целого народа, так что, хочет он того или нет, а ему придется, как Ельцину, делить богатства страны с находчивыми бизнесменами. А если не станет делиться, его постигнет та же участь, какая постигла глав отдельных государств, вот увидишь...

Хасару показалось, что Дунья говорит с ним не своими словами, а повторяет чьи-то, собственно, это были речи Аннова, которые выслушивала она, оставаясь с ним наедине и мечтая о богатстве. Да разве мало этих новых богатеев, мечтающих приумножить свои несправедливо нажитые доходы любым путём?

Дунья распалялась все больше:

– Думаешь, Ельцин и его окружение делали все это ради блага народа? Как бы не так! В первую очередь они заботились о собственном благе, о своих семьях. Они хотели обеспечить сытую жизнь и всем своим потомкам.

– Значит, вы тоже ждете, когда во главе нашей страны встанет такой же человек?– Хасар дал понять, что ему не по душе этот затянувшийся разговор.

– Он не просто человек. В жизни не Ельцин, а те, кто не знает собственной выгоды, ведут себя глупо.

– По-твоему выходит, любой, кто зацепился за должность, должен хапать все, что попадется под руку, ни с кем не считаясь и заботясь только о собственном благе?

– Я же сказала, что того требует наступившая эпоха. Социалистические лозунги типа «Человек человеку – друг, товарищ и брат» сегодня уже не работают. Сегодня действует неписаный закон: «Человек человеку – волк, лиса, свинья». Кто больше награбит, обманет, со свиным рылом в Калашный ряд пролезет, тот и больше заработает. В этом мире добиваются своего только те, кто действует по новым правилам, они-то и становятся честными олигархами.

– А разве богачи могут быть честными?

Хасар пожалел, что вступил в спор с Дуньей, он уже давно понял, что она пришла сюда вовсе не затем, чтобы поспорить с ним, а для чего-то другого, и ждал, когда же она перейдет к цели своего визита.

Дунья и без того знала мнение Хасара о новых туркменах, которых он считал воплощением зла за то, что они наживали свои состояния на несчастье народа, что в желании быть капиталистами они становятся безжалостными фашистами, похожими на хитрых и беспощадных баев прошлых времен. В те дни, когда Дунья увлеклась бизнесом, такие разговоры между ними были довольно частыми, во всяком случае, их беседы на эту тему были не единичными.

Сегодня Дунья в очередной раз убедилась в том, что по данному вопросу Хасар не изменил своего прежнего мнения.

Хасар верил, что то, о чем говорит Дунья, в какой-то степени имеет место, но все равно не верил, что так будет всегда, что отдельные личности будут богатеть за счет

обнищания масс, а народ будет это терпеливо сносить. Верил, что рано или поздно интересы народа обязательно будут соблюдены

Дунья еще какое-то время ходила вокруг да около цели своего визита, но потом все же решилась. Ей этот разговор был нужен позарез.

Хасар не знал, что хяким города ведет специальное расследование и выявляет всех, кто выступал против него, что он поручил эту работу специально отобранным людям, и что эти люди подтолкнули Дунью на сегодняшний разговор.

Поездку Хасара в Ашхабад в Красноводске расценили, как его решение обратиться с жалобой к лидеру. И тогда хяким позвонил Аннову и велел тому принять меры, чтобы жалоба Хасара не дошла до верхних эшелонов власти.

Ну а тот решил, что никто не сделает этого лучше, чем Дунья.

Хасар, конечно, понимал, что Дунья, которой он еще вчера не был нужен, пришла к нему неспроста, но не знал, что она получила специальное задание встретиться с Хасаром и переубедить его. Он и вообще думал, что после случившегося между ними Дунья не посмеет прийти к нему, для чего бы то ни было.

А она вот неожиданно пришла, да еще ведет себя так, будто между ними ничего не произошло. Видно, зло под названием бизнес лишает человека всякого стыда, сдирает с него, как маску, совесть, лишает чести и достоинства.

– Хасар, у меня к тебе есть один разговор! – продолжила Дунья и погладила щеку, словно стирая с нее что-то налипшее.

Хасар вопросительно смотрел на женщину, готовясь внимательно слушать ее. Та еще ничего не сказала, но по выражению ее лица Хасар все понял. Голос принадлежал Дунье, но этим голосом она произносила чужие слова. И взгляд у нее был холодным и колючим, не то, что прежде,

когда в глазах ее светились теплота и любовь. Сейчас перед Хасаром сидела не та женщина, которую он страстно любил и считал ее самой лучшей на свете, своей единственной любовью, а чужая – холодная и надменная бизнес-леди. Дунья смело приступила к своему разговору:

– Хяким вашего города – земляк нашего генерального, – каждый раз, когда надо было называть имя Аннова, она употребляла другие слова. – Он хороший парень, когда здесь на высокой должности сидел, много нам помогал. Ну и мы, конечно, не оставались в долгу, благодарили по высшему разряду. Став хякимом вашего города, он как-то при встрече предложил: «Давайте, я выделю вам участок на побережье в любом месте, постройте себе ведомственный дом отдыха!» Нам было бы хорошо именно там иметь свое пристанище, чтобы быть поближе к залежам нефти и контролировать их. С этой целью шеф сам съездил в Красноводск, купил на имя компании землю, выправил все необходимые документы... Но недавно толпа, то ли алкашей, то ли наркоманов собралась у здания хякимлика и выступила против нас, подняла бучу...

Слова про алкашей и наркоманов задели Хасара за живое, он не намерен был продолжать этот оскорбительный разговор, поэтому, не дослушав, перебил бывшую жену:

– Вот что, Дунья, ты не ходи вокруг да около, а говори прямо, зачем пришла? В той толпе не было ни алкашей, ни наркоманов. И вели себя эти люди достойно, не в пример хякиму, подкупленному твоим начальником. Кстати, среди тех людей был и я!

– Вот это-то меня больше всего удивило!

– Что именно тебя удивило?

– То, что ты участвовал в заговоре.

– Вот что, бывшая жена, я не только участвовал, но и был одним из руководителей этого мятежа.

Этот ответ должен был бы удивить Дунью, но не удивил, напротив, она посмотрела на Хасара недовольным взглядом.

– И поэтому, Хасар, нам надо поговорить! Во-первых, вот что тебе следует знать. В том, что я сегодня выступаю посредником, есть и твоя выгода. Нам надо поговорить и объясниться, расставить все точки над «и».

– О какой выгоде ты говоришь?– удивленно спросил Хасар, не понимая, чем вся эта ситуация может быть выгодна лично ему.

– Хасар, я являюсь совладельцем той спорной земли, так почему же ты не должен иметь с этого выгоду? Разве моя недвижимость не принадлежит и твоим внукам тоже? Я ведь не заберу ее с собой на тот свет, мое добро они получают по наследству. Мы сейчас взяли к нам на работу и вдову Арсланджана... Разве все это не является заботой и о твоём завтрашнем дне?

Хасар смотрел на Дунью широко раскрытыми глазами, не веря ушам своим. Невольно потянулся за пачкой сигарет, лежавших в сторонке, закурил, даже не пытаясь узнать мнения Дуньи на этот счет. Слова Дуньи вызвали в нем непонятные мысли. «Ничего себе, жена, да ты дипломатом стала!» – недовольный пафосным выступлением Дуньи, подумал он про себя.

Больше всего его поразило то, как переменялась Дунья за столь короткий срок. Он с ужасом думал о том, что все эти годы обнимал не любимую женщину, а змею подколенную.

Удивленно слушая речи Дуньи, Хасар временами бросал на нее взгляды из-под нахмуренных бровей. А Дунья распалялась все больше и больше, мысленно она уже расправилась со всеми мятежниками.

– Мы, конечно же, не оставим этого так, все, кто выступил против нас, будут наказаны. Но я бы не хотела, чтобы среди них был и ты.

Хасар понял, что Дунья снова говорит не своими словами, а повторяет то, что говорят ее подельники. Говоря

это, она была похожа на голодную волчицу, готовую загрызть любого, кто встанет у нее на пути.

В ее тоне были и просьба, и требование одновременно, злость и хитрость, и даже песчинки правды. Но высокомерной властности было гораздо больше. Это не были слова человека переживающего, слова, выпалив которые, человек испытывает облегчение. Нет, это были слова, требовавшие ответа, и Хасар это понимал.

Он ни на минуту не забывал о том, кто сидит перед ним – не случайно встреченная женщина, а та, с которой он прожил лучшие годы жизни, завел сына и дочь, заимел внуков, но которая сегодня верила, что лучшее поменяла на еще лучшее.

Хасар видел, что Дунья ждет от него ответа, но не спешил отвечать.

Видя, что Хасар задумался, Дунья поняла, что настал решающий момент, и сейчас она получит ответ, которого ждет. Она поверила, что, заговорив об интересах внуков, сумела убедить бывшего мужа в своей правоте и радовалась этому. Дунья знала, что Хасар любит внуков больше жизни своей, что после гибели сына Арслана еще больше переживает за его мальчишек и постоянно думает о них.

Решив, что сейчас самое время перейти в атаку, Дунья произнесла требовательно:

– В интересах внуков уйди с дороги, Хасар!

Только теперь Хасар до конца понял, для чего к нему пришла Дунью. Он не сразу нашелся, что ответить ей.

– Что за разговоры ты ведешь? – только и сказал он, а в голосе его отчетливо прозвучала тревога.

– Ты только скажи, мы поможем тебе с покупкой квартиры в городе! – упрямо стояла на своем Дунья, надеясь выбить из Хасара обещание больше не участвовать во всякого рода разборках, поэтому и сделала последнее предложение, считая, что Хасару оно будет приятно.

Наконец-то Хасар понял, что Дунья окончательно отдалилась от него, но если сейчас он не даст ей положительный ответ, его обвинят в том, что он ставит крест на счастье своих внуков. Несмотря на это, Дунья не смогла убедить его в том, что его отказ от борьбы пойдет на пользу внукам, как и в том, что, занявшись бизнесом, она хоть что-то в жизни выиграла, разбогатела и стала аристократкой.

Ему стало ясно, что их сердца уже никогда больше не будут биться в унисон.

Хасар решительно посмотрел на Дунью. И были в этом взгляде и недовольство, и удрученность.

Зная, что Дунья ждет от него конкретного удовлетворительного ответа, он все же не спешил. И лишь когда Дунья встала, собираясь уходить, он тоже встал и тогда ответил ей:

– Дунья, твоим поделщикам показалось мало, что они прогнали меня из моего дома, так теперь они и оттуда хотят согнать? Я и так ушел на свой последний рубеж. Больше мне идти некуда. А вы, я вижу, никак не хотите оставить меня в покое. Ну да ладно, чему бывать, того не миновать, посмотрим, что из вашей затеи выйдет. Только вы не думайте, на свете нет ничего вечного, и ваше сегодняшнее благополучие в один прекрасный день может уйти так же, как и пришло. Не стоит размахивать палкой и кидаться на людей, как ни говори, а палка имеет два конца, и одним концом может ударить и по вам. Это же бумеранг, помните об этом!

После этих слов Дунья поняла, что Хасар не только не отрекся ни от одной своей мысли, он попросту не захотел ее услышать.

– Ну что ж, смотри сам, мы-то хотели помочь тебе... – уходя, с обидой в голосе разочарованно произнесла Дунья.

А на работе Хасара ждала другая новость...

После прошедших волнений мнение людей на этот счет разделилось надвое. Большинство было на стороне мятежников, считало, что люди поступили правильно. «Что же будет, если каждый новый руководитель начнет делить город по своему усмотрению, да распродавать землю! А на людей им что, наплевать?» Другая часть людей считала, что просто народ никак не может привыкнуть к новым порядкам, ведь капитализм свалился на них, как снег на голову, вот они и растерялись.

— Раз наступил капитализм, он заставит всех жить по его правилам. Иначе и быть не может, мир капитала стоит на купле и продаже. Они будут скупать все, что им захочется, точно так же и продавать будут все. Мир капитала не сегодня появился, испокон веку богатые еще больше богатели за счет эксплуатации бедных, ну а бедные, они как были бедными, так ими и остались...

Короче, в городе только об этом демарше несогласных и говорили. Те, кто все еще занимал высокие посты, вместе со своими приближенными горячо поддерживали хякима.

Несмотря на это, этот случай заставил задуматься и тех, кто работал в самом хякимлике. Сам хяким на какое-то время отложил подписание бумаг, связанных с приватизацией. Завоз стройматериалов в дачный поселок был также приостановлен. В городских организациях прошли собрания, на которых происходило коллективное осуждение протестующих.

На одном из таких совещаний в городском хякимлике при рассмотрении этого вопроса Гасан Алиевич узнал, что среди выступавших был и его работник. Боясь, что его могут по старости отправить на пенсию, он сразу же взял слово и выступил с резким осуждением поступка Хасара, после чего спешно уехал оттуда.

– Такому человеку не может быть места в нашем дружном коллективе. Этот человек, которого отовсюду изгнали, к нам пришел совсем недавно. Мы взяли его, не зная, кто он такой! – захлебываясь, говорил он наполовину по-азербайджански, наполовину по-туркменски. Он поспешил в свой кабинет, чтобы как можно скорее избавиться от Хасара.

Он надеялся, что, прогнав Хасара, завоюет доверие хякима, который учтет его личную преданность и не станет отправлять на заслуженный отдых, даст еще немного поработать.

И вот теперь он с нетерпением ждал возвращения Хасара из Ашхабада, чтобы заставить его написать заявление об уходе по собственному желанию.

Увидев вошедшего Хасара, Фатимат Алиевна вскочила с места и пошла ему навстречу. Вид у нее был расстроенный. На ходу, словно куда-то торопясь, коротко рассказала Хасару о событиях, произошедших после его отъезда в Ашхабад, поделилась впечатлениями, передала разговоры коллег.

Оказывается, в коллективе прошло собрание, на котором коллеги гневно осудили поступок Хасара, принявшего участие в волнениях. Фатимат Алиевна попыталась смягчить удар, рассказав, что после собрания зашла к Гасану Алиевичу и постаралась успокоить его.

Возможно, благодаря предупреждению Фатимат Алиевны вопрос с увольнением Хасара, после того как он поднялся на второй этаж к начальнику, был решен менее чем за полчаса. Гасан Алиевич сообщил, что он сожалеет, что им приходится расставаться, но у него нет другого выхода, пусть Хасар не обижается на него. Они расстались как друзья, пожав на прощание друг другу руки. Собрав вещи и прощаясь с коллегами, Хасар сожалел не о том, что уходит с работы, а о том, что своими действиями заставил этих людей волноваться и переживать.

В один из тех дней вопрос о прошедших волнениях был рассмотрен и в городском отделе здравоохранения. Первым слово взял заведующий горздравотделом, он говорил, стараясь не смотреть в сторону Тоты. Заведующего звали Ханджик Янджиков, ему было за шестьдесят, передняя часть черепа у него была абсолютно лысой, а на затылке рос клочок длинных волос. Он был круглым, как мячик, со смуглой кожей лица. Чеканил каждое слово, подчеркивая этим свое недовольство, да еще в такт словам раскачивал головой, как китайский болванчик. Заведующий недавно вернулся из хякимлика, поэтому и собрание началось на час позже намеченного. Понятно, что там он получил по шапке, потому что среди мятежников были и его работники. Он говорил с болью в душе, было видно, как он страдает. Первым делом он набросился на Гасана Алиевича, который и без того трясся от страха, не зная, что его ожидает:

— Откуда этот человек взялся в наших рядах? Почему вы берете на работу таких людей, не выяснив всю его подноготную до седьмого колена? Говорят, его и с прежнего места работы изгнали вот за такие же дела, за неуживчивость его! Тоже мне, нашелся донской казак Пугачев... Вон Тоты Тагановна, она ведь не приняла его на работу, когда он пришел к ней устраиваться...— Он вдруг вспомнил, что среди мятежников был и отец Тоты, и, стараясь говорить как можно мягче, обратился к Тоты:

— Нас очень расстроило, что и ваш отец оказался замешанным в этом грязном деле. Хорошенько поговорите со стариком! Такие события не делают чести нашему городу. Что, разве мало у кого были снесены дачи, вон, некоторые даже двух- трехэтажных домов лишились. Кому принадлежит земля? Государству, значит, ему и решать, кому выделить ее, а кого лишить...

Еще раз напомнив, что среди протестующих были и работники вверенной ему системы, он опять вернулся к

разговору о Хасаре:

– А этого пришлого Пугачева... чтобы ни в одно наше заведение не брали на работу! Чтобы духу его не было в медицине!

Когда в выступлении заведующего прозвучало категорическое требование, сидевшая рядом с ним женщина, ведущая протокол собрания, старше средних лет с волнистыми волосами, вдруг разволновалась, и было видно, что она не согласна со словами заведующего горздравом. Она оторвалась от записей и недовольно посмотрела на своего начальника, а потом начала говорить в защиту Хасара:

– Башлык, если вы не знаете, Хасар Дурдыевич в медицине небезызвестный человек. И не какой-то он невесть откуда взявшийся проходимец. Он уроженец этого города. Я немного знаю эту семью, его родители в северном поселке живут. Может, всей стране он так широко и не известен, но мы его знаем как опытного хирурга, и знаем давно...

Заведующему не понравилось, что кто-то посмел возразить ему. Он вспыхнул:

– Тогда, товарищ заместитель, выходит, что и вы поддерживаете мятежников? – теперь он направил свой гнев на эту женщину. Но та упрямо продолжила стоять на своем.

– Шеф! Дайте мне договорить, а потом можете съесть меня с потрохами! Так вот, потом Хасар Дурдыевич поехал в Ашхабад, повез жалобу. Так что еще неизвестно, кого посчитает правым руководство...

Смелое выступление женщины испортило настроение заведующему окончательно.

Он быстро перешел к вопросам деятельности своей системы, и тут уверенность снова вернулась к нему. Кому-то он предъявлял требования, кому-то отдавал распоряжения. Тоты думала, что он снова вернется к разговору о мятеже, но после смелого выступления заместителя больше он не стал поднимать этот вопрос.

То, что заведующий сменил тему своего горячего выступления, Тоты связала со своим недавним разговором с хякимом веляята. Тот пригласил ее к себе для беседы.

– У нас есть мнение поставить вас во главе всего здравоохранения веляята. Клиника, которую вы возглавляете, работает хорошо, а нам надо, чтобы так же хорошо работали и все другие медицинские учреждения области.

Он тогда сказал ей, что поднимет этот вопрос на ближайшем отраслевом совещании. Значит, и этот заведующий знает о готовящихся переменах. Поэтому и помалкивает, потому что знает: если сейчас он начнет нападать на Тоты, завтра, став его начальником, она не забудет ему этого. Хотя теперь, после того, как ее отец оказался замешанным в этой истории, вопрос о ее повышении может остаться открытым.

Но если действия городского хякима дойдут до высшего руководства, вполне возможно, что он скажет: «Мне не нужен чиновник, не умеющий найти с народом общий язык!»

Как знать, может, заведующий горздравом сейчас не стал ничего говорить Тоты, решив выждать, как события будут развиваться дальше, и воспользоваться своим знанием потом, при более удобном случае. А может, хяким города предупредил его:

– Ты пока что ничего не говори ей про отца, я потом сам так опозорю ее, что никому мало не покажется!

Во всяком случае, именно так расценили многие сегодняшнюю лояльность заведующего городским отделом здравоохранения.

Напротив, Тоты показалось, что после этого собрания все может встать с ног на голову, ей стало страшно.

* * *

В обеденный перерыв Тоты решила навестить своих стариков, живших в дачном поселке, и по пути заехала на

городской рынок, чтобы закупить для них продуктов. На рынке она повстречала дальнего родственника, работавшего в хякимлике. Обычно при встрече он останавливался и породственному подолгу разговаривал с ней, но в этот раз ограничился холодным кивком головы на ходу.

Тоты поняла, что поведение родственника связано с разговорами в хякимлике об ее отце. В эти дни в городе только и говорили о мятеже. Зная отношение хякима к этому вопросу, родственник Тоты мог испугаться, что кто-то увидит его разговаривающим с дочерью опального старика и доложит об этом хякиму.

Таких людей становилось все больше. Обойдя рынок, Тоты нашла виноград, который любил ее отец, и остановилась возле прилавка, чтобы выбрать кисти покрепче. Продавщица пристально смотрела на нее, пытаясь вспомнить, откуда она ее знает. По тому, как был повязан платок на голове женщины, Тоты определила, что та приехала из Мары, и про себя восхищенно подумала: «Ведь умеют же они сохранить свой товар! У них виноград даже зимой имеет такой вид, как будто его только что сняли с лозы! Из каких дальних мест приезжают они к нам, торгуют на рынке, чтобы на кусок хлеба себе заработать». Подумав о том, что эта женщина прибыла из Мары, она тут же вспомнила своих прелестных внучат, дочек своих, живущих в тех краях, и сердце ее сжалось от тоски по ним.

Женщина, поправив на голове платок, посмотрела по сторонам и, понизив голос, обратилась к Тоты:

– Сестра, можно мне у вас о чем-то спросить?

– Пожалуйста! – ответила Тоты, не понимая, о чем может говорить с ней эта незнакомая женщина.

– В прошлый раз, когда ты приходила на рынок, стоявшие около меня женщины сплетничали о тебе и говорили, что среди тех, кто выступал против городского хякима, был и твой отец. Потом говорили, что его дочь, занимавшую

высокий пост, сняли с работы, а его самого вместе с другими мятежниками держат в застенках КГБ.

– Да, нет, ничего такого нет, дайза. Я как работала, так и работаю на прежнем месте, а отец пенсионер, сидит дома.

– Вот и хорошо. Да ну их, этих сплетниц, им лишь бы языки почесать...

Продавщица осталась довольна полученным ответом, прошла на свое место и стала взвешивать виноград, который выбрала Тоты. Рассчитавшись с покупательницей, женщина взяла еще одну большую гроздь винограда, высоко подняла ее и осторожно положила поверх того, что был куплен Тоты.

– А это от меня твоему отцу, пусть ест на здоровье!

Тоты поняла эту женщину. Пусть простые люди и боялись оказывать поддержку мятежникам, но в душе они одобряли их и радовались тому, что есть еще люди, способные выступить в защиту интересов народа.

Тоты была благодарна этой женщине, таким необычным способом давшей понять ей, что в такую трудную минуту она не одна.

Однако же в вопросе с мятежом еще не была поставлена точка, и было неизвестно, чем вся эта история закончится. Чем больше думала об этом Тоты, тем страшнее ей становилось, тем тяжелее было у нее на душе. Она всеми силами отгоняла от себя эти мысли.

* * *

Возвращаясь из города, Хасар решил заехать к медноголовому старику, чтобы узнать последние новости и обменяться мнениями. Он пришел как раз в тот момент, когда семья только что собралась поесть вкусную домашнюю лапшу – унаш.

Вот уже пару дней старик чувствовал недомогание, чихал, кашлял – простыл немного. Старуха с утра пораньше замесила тесто для домашней лапши, ею в таких случаях многие восточные народы лечат простуженных, добавив в

нее красного перца. Она верила, что после такой процедуры старик хорошенько пропотеет и снова превратится в воина, способного изменить мир.

Сейчас он сидел, обтянув голову платком, и, обливаясь потом, жадно глотал обжигающую нёбо горькую от перца лапшу. То же самое делали его жена и дочь, они словно соревновались между собой, кто скорее расправится с этой аппетитной едой.

Поскольку голова старика была повязана платком, со стороны казалось, что за сачаком сидят три женщины.

Увидев Хасара, все трое начали радостно приглашать его за сачак, посадили рядом с собой.

Старик подвинулся немного, вначале он хотел усадить Хасара рядом с собой, но потом, вспомнив, что гриппует, решил не рисковать здоровьем гостя, показал рукой, куда ему сесть:

– Ты пройди вон туда!– он показал ему место рядом с Тоты. – Говорят, добрый молодец к обеду! Сразу видно, теща любила тебя! – старик, как ребенок, радовался приходу, Хасара. – Ты, конечно, мог бы и рядом со мной сесть, но я боюсь заразить тебя.

Как только Хасар устроился, Тоты встала и налила ему в миску дымящейся лапши. Их взгляды встретились, когда она ставила перед ним тарелку с едой. В этот момент оба почувствовали, как между ними проскочила искра. Смущение и охватившее ее непонятное чувство заставили Тоты покраснеть.

Хасар отнекивался, говоря, что недавно обедал, но хозяевам дома было так приятно видеть его за семейной трапезой, поэтому никто не принял его отказа.

Как только Хасар начал с аппетитом есть лапшу, старик удовлетворенно заметил:

– Я же говорил, попробуешь, и тебе понравится!

Старик был доволен, что гостю угощение понравилось.

Видя, что тот заехал к ним не просто так, а по делу, направил разговор в другое русло.

После того выступления перед хякимликом Хасар сдружился со стариком, они часто виделись, перезванивались, рассказывали друг другу о последних новостях, обменивались мнениями.

Оба были довольны тем, что стройку на какое-то время заморозили, и считали это результатом своих стараний. С детской наивностью они верили, что теперь у них все получится, что они сумеют добиться своего и что теперь все у них будет хорошо. Но вместе с тем, их не покидало ощущение надвигающейся беды, они готовились принять бой и были уверены, что смогут устоять.

Узнав старика ближе, Хасар убедился, что тот, несмотря на свою вспыльчивость и несдержанность, человек открытый, сердечный друг, с которым можно спокойно идти в разведку. В последнее время его очень тянуло к старику, ему хотелось чаще видаться с ним. Теперь, когда старику нездоровилось, он не звал дочь из города, а просил жену связаться с Хасаром и попросить его прийти к ним.

— Узнай, дома ли Хасар, пусть он навестит меня!

Зато его отношения с Тоты до сих пор оставались на уровне учителя и ученицы. И хотя он видел, с каким интересом смотрит на него иногда Тоты, никак не мог определить, чем вызван этот интерес: то ли благодарностью за дружбу с ее отцом, то ли желанием сойтись с ним ближе.

Хасар чувствовал, что она тянется к нему, да и ему было приятно видеть ее. Когда он думал об этой женщине, на душе у него становилось светло и покойно, его словно согревало ее теплом. Ему хотелось верить, что это тепло исходит от сердца Тоты, и все хорошее, что он еще ждал от жизни, Хасар связывал с ее именем.

Всех обрадовало известие о том, что Хасар устроился на работу в военный санаторий. Тоты и сама собиралась предложить ему работу, но только после того, как утихнет весь этот шум. Сейчас, пока она находилась под прицелом городского головы, об этом не могло быть и речи. Тоты понимала, что сейчас ее решение будет воспринято не иначе, как поддержка противников хякима.

Узнав о новом месте работы своего друга, старик не сдерживал своей радости и гордости за Хасара, он сказал ему:

– Сынок, человек твоей профессии никогда не останется без куска хлеба!

Старик догадывался, что хяким города вышел на тропу войны и не пожалеет никаких средств, чтобы уничтожить своих противников, но на примере Хасара видел, что мятежники не падают духом, а значит, устоят, что бы хяким ни предпринимал. Говорят же «Даже если девять дверей закроется, разве одна дверь не останется открытой?» Сообщение Хасара о новом месте работы подняло старику настроение.

Пообедав, Хасар выпил чаю, после чего стал собираться. Старик вытер полотенцем вспотевшее лицо и встал, чтобы проводить Хасара. Ему со всех сторон стали говорить, что сейчас ему не стоит выходить на улицу, иначе от лечения унашем не будет толку, он может еще больше простыть. Сейчас ему лучше лечь в постель и постараться уснуть, чтобы пропотеть под одеялом.

Тоты сама проводила Хасара. Прощаясь у калитки, она спросила:

– Елдаш мугаллым, как вы думаете, а на новом месте до вас не дотянется рука хякима? – она явно переживала за Хасара.

- А пусть попробует. В конце концов, мы у себя дома... Хяким не посмеет открыто воевать с нами, ну а уж если

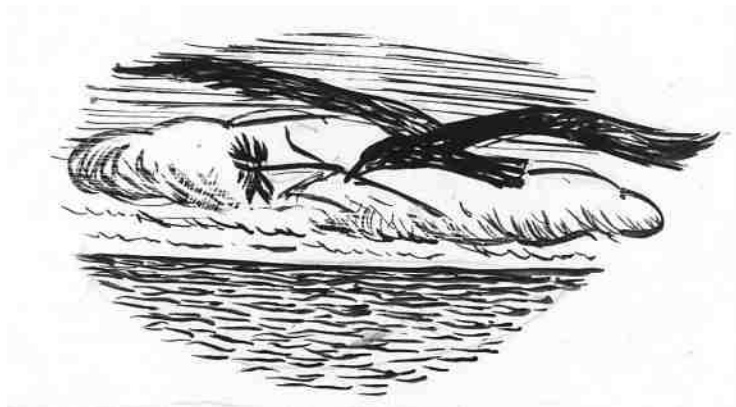
все-таки посмеет, тогда и посмотрим, – ответил Хасар, выходя со двора.

– Похоже, не только лидер, но и сам Бог не видит, что они тут творят! – в голосе Тоты была безнадега. Ее открытое красивое лицо стало грустным.

- Увидит, кто-нибудь из них, да, увидит! – голос Хасара звучал уверенно и обнадеживающе, словно он сообщал приятную весть.

Возвращаясь от старика, Хасар ощущал прилив сил, как будто съеденный у них унаш зарядил его здоровой энергией. Он размышлял о словах Тоты, заявившей вдруг: «Где бы ты ни был, а рука у врага длинная, везде достанет. Он силен, враг, поэтому надо помнить об этом всегда».

У Хасара появилось ощущение, что Тоты стоит у него за спиной, неотрывно смотрит на него и переживает.

ЖАРКОЕ ЛЕТО ХАЗАРА

Заступив поздно вечером на смену в военном пансионате, Хасар сидел в кабинете и заполнял бумаги, связанные с его работой. Подойдя к открытому окну покурить, увидел, что берег моря, как и всегда летом, стал похож на шумный балаган. Люди с восторгом разглядывали золотой шар заходящего солнца, похожего на золотого павлина с широко раскинутыми крыльями, от которых во все стороны тянутся яркие лучи. Уходящий день навевал грусть, но вместе с тем рождал чувство, что эта золотая птица возьмет их на свое крыло и улетит вместе с ними в небо.

Неожиданно зазвонил телефон. Хасар поднял трубку и ответил, после чего снова вернулся к окну, чтобы еще немного побыть в атмосфере приятных чувств. Солнце к тому времени полностью зашло, а берег опустел. Он понял, что слишком долго говорил по телефону.

Уменьшилось и число лодок на горизонте. Ночь вступала в свои права, окутывая мраком дома и деревья. Опустившаяся на море тьма разбудила в душе бесконечные тревоги и волнения.

Это чувство заставило Хасара тяжело вздохнуть и еще какое-то время стоять у окна, разглядывая надвигающуюся ночь.

Обойдя пансионат, Хасар проверил его санитарное состояние, заглянул к приболевшим постояльцам, справился об их состоянии, после чего пошел в ресторан, чтобы поужинать. Он занял свое привычное место за столиком недалеко от входа. Бросил мимолетный взгляд на посетителей ресторана. Народу в этот час было немного. Обычно зал заполнялся лишь к ночи, тогда здесь становилось шумно, собирались завсегдатаи, они приходили целыми компаниями.

Во время ужина Хасар почувствовал на себе чей-то взгляд. Может, ему показалось? Сделав вид, что ищет

глазами официантку, он посмотрел по сторонам и увидел за столиком неподалеку от себя двух женщин, они о чем-то беседовали между собой и посматривали по сторонам, видимо, кого-то ждали. Их стол был уставлен тарелками с едой и всевозможными напитками. Они сидели, опершись локтями о стол, на них были короткие платья европейского кроя, какие обычно надевают на пляж, ноги женщин были оголены. По виду они казались подвыпившими. Вполне возможно, что так оно и было: они даже не подумали отвести взгляд, когда на них посмотрел посторонний мужчина. Напротив, стали многозначительно улыбаться, загадочными взглядами призывая его обратить на них внимание.

Одной из них, женщине с тонкими чертами лица, ярко накрашенными губами и сросшимися на переносице бровями, было лет сорок-сорок пять, она вела себя достаточно свободно. У второй, пухленькой и миловидной, взгляд черных глаз на круглом лице был затуманенным, рассыпанные по плечам волосы окрашены в светло-каштановый цвет, полуоткрытые губы четко очерчены.

Эта женщина и модной одеждой, и сдержанным поведением напомнила ему Дунью. Может, поэтому лицо женщины показалось Хасару знакомым.

Похоже, они приехали сюда, чтобы отдохнуть на море. «Местные, а тем более женщины, не ходят в такие заведения», – подумалось Хасару.

Хасар стал вспоминать, где он мог видеть эту женщину, и пришел к выводу, что скорее всего, она его бывшая пациентка, ведь за долгие годы работы врачом ему приходилось иметь дело со многими людьми. Вполне возможно, заключил Хасар, эта женщина является женой кого-то из военнослужащих, а значит, они могли встречаться на каких-то мероприятиях – свадьбах, днях рождения, других торжествах или даже на похоронах-поминках. Ну, конечно, это так, ведь в этом пансионате в большинстве

своем отдыхают военные и члены их семей. Посторонние стали появляться здесь после того, как был выстроен новый фешенебельный корпус, в который и стали за немалую плату селить гражданских лиц. Так что, вполне возможно, эти две женщины живут в новом корпусе со всеми удобствами.

В основном благодаря увеличению числа гостей пансионата за счет гражданских лиц и была расширена сфера медицинских услуг. Начальник пансионата Серкяев любил говорить на собраниях: "Телевидение кормится за счет рекламы, а мы решаем свои финансовые вопросы благодаря новому отделению, рассчитанному главным образом на обеспеченных людей".

Хасару хотелось переключить внимание с женщин на что-то другое, но у него это не получилось. Женщины все еще разглядывали его, хотя и делали вид, что смотрят поверх его головы, на тех, кто сидит дальше. Разговаривая между собой, они время от времени понимающе кивали друг другу головами.

Хасар знаком подозвал к себе бармена, чтобы попросить принести кофе, а заодно расспросить его о женщинах. Этот юноша знал обо всех посетителях ресторана и обо всем, что происходило вокруг. Когда парень с блестящими глазами ставил перед Хасаром чашку кофе, тот спросил его:

– Сынок, похоже, у нас новые гости?

Бармен сразу же понял, о ком идет речь.

– Эти? – и он резко посмотрел в сторону женщин. – Да, отец, они появились пару дней назад, каждый день сидят здесь допоздна, пьют водку, шампанское, развлекаются.

– Похоже, они издалека приехали?

– Про ту полную женщину я ничего не знаю, а черную ворону рядом с ней я и прежде много раз видел в нашем городе.

Кажется, бармен догадался о причинах интереса Хасара к этим женщинам. Он сощурил глаза, на губах заиграла хитрая улыбка.

– Что, Хасар-дяде, понравились они вам?

– Одна из них показалась мне знакомой, вот только никак не могу вспомнить, откуда я ее знаю.

– Кстати, Хасар-дяде, одна из них в первый день заезда интересовалась вами, как мне говорили, о вас расспрашивала именно черненькая, похожая на ворону. «Доктор Мамметханов у вас работает?» - интересовалась она.

Слова бармена подтверждали предположение Хасара относительно одной из женщин. Бармен и сам не заметил, как увлекся беседой с доктором. Придвинув стоявший рядом стул, он удобно устроился возле Хасара.

– Пару дней назад сюда заходили парни, отдохнуть и развлечься, они попытались завязать знакомство с этими женщинами, но те, видимо, кого-то другого ждали, отшили этих ребят. Кем бы они ни были, похожи на богатеньких дамочек, за ужин рассчитываются зелеными, да и на чаевые не скупятся.

Подумав немного, он с удовольствием вспомнил вчерашний случай с этими женщинами. Он даже кинул на женщин благодарный взгляд. Юноша вспомнил, как вчера в ресторан зашли иностранцы, они тут работают и часто приходят сюда по вечерам, чтобы «снять» кого-то из женщин. Увидев двух одиноко сидящих женщин, приняли их за любительниц приключений и попытались наладить с ними контакты.

Один из иностранных предпринимателей подошел к столику, за которым сидели женщины, представился и сказал, что их компании не хватает женского присутствия, а потому он приглашает их за свой стол. Женщины ответили, что у них нет никакого желания развлекаться, и отправили мужика обратно. Получив один отказ, те все равно не успокоились. И теперь другой иностранец, поглаживая усы, вальяжной походкой отправился к столику женщин.

Он сообщил им, что, если они будут хорошо вести себя, то, помимо бесплатного угощения каждая из них получит по пятьдесят долларов за ночь. Он был уверен, что женщины не смогут устоять перед таким соблазном.

Но эти женщины снова не пошли у них на поводу. Они вежливо предложили мужчине оставить их в покое. А самоуверенный мужчина не мог допустить такого унижения его достоинства. В запальчивости он воскликнул: «Вам пятидесяти долларов показалось мало, а мы в Ашхабаде даже за двадцать долларов снимаем женщин намного лучше вас!»

Что после этого началось! Одна из женщин оскорбилась за своих представительниц своего пола и совсем невежливо предложила:

– Убирайся, чтоб глаза мои не видели тебя! Когда я вижу таких мужиков, как ты, меня тошнит! Говоришь, за 50 долларов можешь женщину купить? Вы лучше за своими бабами присмотрите, и не ищите здесь на свою голову приключений. Я видела вчера на пляже ваших баб, как они, замотавшись в тряпье, в море лезут. Идите, приведите их сюда и раздайте туркменским парням, я каждой из них за ночь по сто долларов заплачу!» - закричала она, а потом достала из кошелька пачку долларов и хлопнула ее на стол.

Только после этого иностранцы поняли, что эти женщины не из тех, чьи тела они привыкли задешево покупать, и вынуждены были отступить.

Миловидная женщина, размахивая руками, взывала к сидящим в зале соотечественникам, пытаясь пробудить их национальные чувства. И ей это удалось. Теперь гости этого заведения с ненавистью смотрели на иностранных предпринимателей.

Седовласый бизнесмен с колючими глазами попытался дипломатично разрядить обстановку.

– Эй, сестра, что за разговоры ты ведешь! Нехорошо так говорить. Мы одинокие мужчины, приехавшие сюда

на работу, увидели прекрасных женщин, и нам захотелось культурно отдохнуть вместе с вами. В чем вы нас обвиняете? Если бы вы были непорядочными женщинами, разве мы обратили бы на вас внимание?

Но женщину уже невозможно было остановить.

– Вы извращенцы, привыкшие в своей стране жрать дерьмо, потому и здесь размахиваете «зеленую», а вдруг какая-нибудь глупышка клюнет? Похоже, вы неплохо преуспели в этом деле. Но не думайте, что деньги и богатство даны вам навек!

– А мы так и не думаем. И у нас не всякий на такое дерьмо клюет.

После этого бизнесмены быстро рассчитались и спешно покинули ресторан.

И тогда миловидная женщина, которая все еще не могла успокоиться, крикнула им вслед:

– Если передумаете, приходите! Приведите с собой жен и дочерей, а наши ребята обслужат их по первому классу! А деньги, вот они, передо мной лежат, скупиться мы не будем!..

Вот так в тот день уверенная в себе женщина защитила не только себя, но и достоинство других женщин, удостоилась молчаливого одобрения окружающих.

Обо всем этом рассказал Хасару бармен. Допив кофе, Хасар пошел к выходу и, проходя мимо тех двух женщин, видел, как одна из них жестами подозвала к себе официантку и о чем-то ее расспрашивала.

* * *

Заехав домой, чтобы провести мать, он немного посидел с нею, выпил чаю, поговорил, а когда уезжал оттуда, было уже за полдень.

Город превратился в гигантскую машину, запущенную на полную мощность, гудящую, пытящую, издающую

невероятный шум. Утреннее пение птиц, перелетающих с ветки на ветку, сейчас заменил гул этой махины – улицы были заполнены шумом автомобилей, со стороны железнодорожного вокзала доносились гудки тепловозов и грохот маневрирующих составов.

Прощавшись с матерью, Хасар направился в дачный поселок. Как всегда, осторожно проехал по кругу многолюдной привокзальной площади. Оттуда свернул на юг, в сторону моря, туда, где находилось кладбище погибших кораблей, и медленно поехал по кромке моря.

Стояло лето, и сегодня был обычный жаркий день. Растущие по обочинам дороги деревья стояли, смиренно опустив ветви с пожухлыми листьями.

В отдельных местах вода в море была окрашена золотыми лучами и переливалась на солнце. Морской простор и окружающие горы создавали удивительную ауру, здесь легко дышалось и хорошо думалось.

Хасар думал о матери. Он видел, как она состарилась за последнее время, видел, как тяжело даются ей даже привычные домашние дела, и искренне жалел ее, понимая, что причиной ее стремительного угасания стали и гибель Арслана, и семейная драма, приведшая его вот к такой неустроенной жизни. Он понимал, что мать не может смириться с его неприкаянностью, с его нынешним существованием, всем сердцем желает ему счастья и верит, что жизнь его изменится к лучшему, если он найдет себе пару.

Вот и в этот раз за пиалой чая она снова не преминула завести разговор на терзающую ее тему. «Хасарджан, сынок, хоть бы мне дожить до того дня, когда ты наконец-то обрешь свое счастье. Хоть бы тебе повстречалась хорошая женщина!»

У него все еще перед глазами пытливый взгляд матери.

Выехав за город, Хасар увидел в зеркале заднего обзора гигантский МАЗ, мчащийся на огромной скорости,

мечущийся с одного края дороги на другой, и пытающийся догнать его. Он подумал, что за рулем сидит пьяный водитель, и понадеялся, что машина быстро пронесется мимо него.

Здесь, на выезде из города и до самого поворота на Бекдаш машины обычно брали разгон и мчались на высокой скорости, будто проходили проверку на прочность.

Но поведение МАЗа, едущего на бешеной скорости прямо следом за ним, насторожило Хасара. «Да он с ума сошел!» – испуганно подумал Хасар. Он уже приближался к повороту на дачный поселок, надо было проехать еще совсем чуть-чуть. Но наступающая на пятки машина, похоже, не собирается пропустить его и дать возможность свернуть на боковую дорогу. Чтобы оторваться от преследователя, Хасар нажал на газ и поехал быстрее. Сейчас он со всей отчетливостью понял, что этот мощный грузовик мчится за ним, чтобы раздавить и уничтожить его. Надо было что-то предпринять, чтобы как-то уйти от этого чудовища.

Доехав до развилки двух дорог, Хасар включил задний поворот, показывая, что собирается свернуть на Бекдаш, а сам на полном ходу неожиданно повернул руль автомобиля в сторону Авазы.

Огромный МАЗ, зацепив правую дверцу и ободрав ее, на полном ходу промчался мимо. Не сумев на высокой скорости развернуться, вылетел в кювет и со всего размаху уткнулся носом в один из песчаных холмов.

Хасар вернулся обратно, вышел из машины и пошел в сторону холма, чтобы посмотреть на пьяного водителя и опознать его, но в это время МАЗ спешно подал назад, выехал на Бекдашскую дорогу и умчался без оглядки.

Глядя ему вслед, Хасар никак не мог унять сердцебиения. «Сволочь, ведь он хотел раздавить меня!» – выругался он.

Некоторое время Хасар смотрел вслед удаляющейся машине и ругал себя за то, что толком не разглядел водителя

бешеной машины, что от растерянности даже номера не записал, и вот теперь, если вдруг опять где-то встретит его, не узнает и может снова подвергнуться опасности. А на этой дороге, где нет никаких постов ГАИ, водители обычно не соблюдают никаких правил и носятся, как шальные.

Тем не менее, он решил при первом же удобном случае описать инспектору ГАИ этого водителя и выяснить, кто он такой.

Постояв на дороге еще немного и придя в себя, Хасар снова сел за руль машины.

Чем больше он думал о случившемся, тем сильнее верил в то, что это была не просто попутная машина, что она была направлена с единственной целью – убрать его с дороги теми, кому он сильно мешал.

* * *

Вот и сегодня, приняв дежурство, Хасар еще раз обошел свои владения, чтобы проверить, все ли в порядке.

А напоследок, как обычно, зашел в ресторан-бар, чтобы поужинать и выпить привычную чашку кофе. Сам не понимая для чего, он окинул взглядом зал и остановил его на том столике, за которым в прошлый раз сидели те две женщины.

Но сейчас за этим столом сидели совершенно другие люди. Здесь сидел худощавый подтянутый мужчина лет сорока-пятидесяти с глубокими залысинами на лбу, рядом с ним была круглолицая пухлая женщина. Они обедали и вели между собой душевную беседу. Судя по тому, как они общались, Хасар предположил, что это супружеская пара. И ему вдруг стало завидно, и одновременно защемило где-то в груди. Ему до боли захотелось такого же простого человеческого счастья.

К нему подошел знакомый бармен, неся в руках две чашки дымящегося кофе, присел рядом, чтобы немного

поболтать. Хасар снова вспомнил о тех женщинах, которых видел здесь в прошлый раз.

– Братишка, а где те дамочки, что-то их сегодня не видать?

– Вчера они здесь были. Правда, долго не сидели, быстро ушли. А сегодня я их вообще не видел. Может, заказали обед в номер? – юноша показал головой в сторону кухни, оттуда доносились приятные запахи, когда открывалась и закрывалась ее дверь. – Одна из официанток взяла у меня четыре пива и кажется, отнесла к ним. – Юноша стал озиаться по сторонам, выискивая глазами знакомую официантку, чтобы спросить у нее об этом. Потом бармен выразительно посмотрел на Хасара и улыбнулся.

– Хасар-дяде, что-то ты так интересуешься ими, или одна из них приглянулась тебе?

– А почему бы и не обратить внимания на таких приятных женщин? Мне больше по душе та, пухленькая, с глазами серого цвета! И потом, разве ты не знаешь поговорку про таких как мы холостяков? «Холостяку и старая женщина покажется юной.»

– Тогда, Хасар-дяде, тебе крупно повезло! Если хочешь знать, женщина, которая тебя заинтересовала, тоже свободна.

– А ты откуда знаешь? – удивился Хасар.

– Но я ведь здешние глаза и уши. Спроси у любого посетителя нашего ресторана, и тебе скажут, что через три дня я выдам подноготную каждого отдыхающего! – бармен был доволен произведенным на Хасара впечатлением.

Они оба замолчали, и некоторое время думали о тех двух женщинах. Им было любопытно размотать этот клубок и посмотреть, что у него внутри прячется. Хасар представлял, с каким интересом, как внимательно смотрит на него понравившаяся женщина.

Хасар уже уходил, когда юноша-бармен о чем-то вспомнил и остановил его:

– Хасар-дяде! – Он быстрым шагом подошел к нему и сообщил, что вчера вечером к пансионату подъехала новенькая иномарка, на которой приехал какой-то состоятельный человек, и они долго стояли на улице и переговаривались между собой.

Но даже это сообщение не сказало ничего нового о прекрасных незнакомках, зато любопытство Хасара разбредило еще больше. Свой интерес к этим женщинам он объяснил тем, что они первыми заинтересовались им.

Весь вечер он был занят женщиной, которая упала на берегу и сильно ушибла ногу. Женщина была в теле, глядя на нее, невольно возникала мысль о том, что она много ест, ей лет сорок-пятьдесят. Несмотря на тучное тело, ноги у женщины были тонкими, и как же они носят такую тяжесть?

Круглоголовый мужчина в просторных шортах, видимо, ее муж, держал седую женщину под руку и помогал ей идти. Отступив немного в сторону, он наблюдал за тем, как Хасар осматривал больную и готовился оказать ей первую помощь.

Потрогав припухшую щиколотку женщины, Хасар удостоверился, что перелома нет, что женщина просто сильно ушибла ногу. Он тут же наложил тугую повязку, которая должна была облегчить ее страдания, успокоить боль.

По тому, как сильно болела нога, женщина все же решила, что у нее перелом, просто доктор не хочет этого признать. Она нахмурилась, выражение ее лица было недовольным.

– Доктор, если вы не специалист в этой области, может, позовете кого-то более компетентного?– предложила она.

Хасар видел, что женщина ему не доверяет, но не стал на нее обижаться. Он-то знал, что произнести эти слова ее вынудила нестерпимая боль в ноге. И потом, откуда этой женщине знать, что он полжизни провел среди раненых солдат и только и делал, что лечил их ушибы! Сделав все возможное, Хасар обратился не к самой больной, а к стоявшему в сторонке ее мужу:

– Отведите больную в номер и уложите, пару дней ей придется соблюдать постельный режим. В то же время делайте ей перевязки, как я сказал, ничего страшного нет, просто нужно немного времени. Если боль будет сильно беспокоить, позовите меня, я здесь. Но какое-то время боль еще продержится.

Уверенность доктора подействовала и на больную женщину, она стала понемногу успокаиваться.

Напряжение спало, лицо женщины разгладилось, и на нем появились признаки благодарности. Мужчина подставил жене плечо и стал уводить ее, хромающую, но потом, о чем-то вспомнив, обернулся и сказал:

– Спасибо, товарищ полковник!

Хасар был в штатской одежде, но его все равно узнали. Он вопросительно посмотрел на незнакомого человека, пытаясь вспомнить, кто он такой. Может, кто-то из военных, с которым когда-то пересекались его пути. Да разве в его жизни мало было таких встреч?!

Подойдя к окну, Хасар некоторое время задумчиво смотрел в темноту. Потом закурил.

Подходило время сна. Берег был пустынным. Окружающий мир, такой огромный при дневном свете, сейчас сузился до пяточков, освещенных светом фонарей, и это был уже совсем другой мир. Он казался таинственным и непонятным, возможно, из-за своей ограниченности. На одной из скамеек у моря сидели два человека спинами к фонарному свету и дышали морским воздухом. А вон там, вдалеке, видны силуэты мужчины и женщины, они гуляют у моря и о чем-то беседуют.

С моря дул легкий воздух, но почувствовать его можно, если только повернешь лицо в ту сторону, а так стоит духота, разогретый днем воздух к вечеру не успевает остыть.

Увидев мелькающие над морем огоньки, Хасар с завистью представил влюбленных, нанявших лодку

для морской прогулки. Сюда каждое лето приезжают отдыхающие, ночью они нанимают лодку и уплывают куда-нибудь далеко, чтобы там, пусть ненадолго, почувствовать себя счастливыми.

Покончив с рабочими делами, Хасар сидел у телевизора и думал о тех женщинах, встреченных пару дней назад в бар-ресторане, которые вели себя там несколько вызывающе. Он подумал, что, наверно, здесь это обычное дело, так ведут себя люди там, где их мало кто знает. Вспомнил, как пришел туда выпить чашку кофе, увидел этих женщин и поначалу отнесся к этому как к случайной встрече, но, поразмыслив, понял, что не такой и случайной была эта встреча. Ну, хотя бы потому, что одна из них интересовалась его персоной, расспрашивала о нем. И хотя со стороны можно было принять их за тех, кто ищет развлечений, случай с иностранцами говорит обратное. А еще их разговор с каким-то состоятельным человеком во дворе пансионата наводит на некоторые размышления. Хасар, глядя вдаль, думал о том, что, возможно, в той лодке, чьи огоньки мерцают вдалеке, сейчас находится одна из этих женщин.

Хасар только не мог понять, отчего это вдруг он начал ревновать женщину к ее знакомому, с которым она встретилась во дворе. И опять он связал это чувство со своим одиночеством. А он был мужчиной, которому ничто человеческое не было чуждо, и который не был лишен желаний. Где-то в глубине его души еще теплилась надежда, что когда-нибудь и на его улицу придет праздник.

Сидя за столом, Хасар задремал. Из этого состояния его вывел телефонный звонок, раздавшийся глубокой ночью. Он решил, что это звонит знакомый старшина Кадыр, заступивший сегодня в караульную смену. Тот иногда звонил с предложением выпить чашечку кофе: «Доктор, не выпить ли нам кофе, а то глаза слипаются!», а потом приходил к нему. Или же приглашал к себе: «Хасар-дяде, приходи, у меня заварен крепкий чай, он поможет нам отогнать сон!»

В трубке вместо знакомого хрипловатого голоса Кадыра он услышал встревоженный голос женщины.

– Дежурный врач?

– Да!

– Тогда, доктор, зайдите к нам, моя соседка в тяжелом состоянии...

– Сейчас иду! Назовите мне номер вашей комнаты!

– Ой, совсем без головы, забыла сказать, в какой комнате мы живем!

Чувствовалось, что женщина на том конце провода растеряна. Хасару не впервой было сталкиваться с такой ситуацией, когда люди рядом с больными теряются.

Прихватив с собой все необходимое, он поспешил к больной в номер бизнес класса.

В дверях номера Хасара встретила худощавая высокая женщина, которую он видел в ресторане пару дней назад. Вид у нее был растерянный.

И тогда Хасар сразу же понял, кто из них больная.

Вторая женщина, укрытая белой простыней на широкой двуспальной кровати, лежала на спине, разметав по постели волосы. Отдельные пряди волос лежали у нее на лице, вид у нее был такой, словно она ждала любовника.

Хасар присел на краю кровати и стал расспрашивать больную, что ее беспокоит.

Но вместо нее на его вопросы отвечала другая женщина, ее подруга, которая не стояла на одном месте, металась по комнате.

– Доктор, она сказала, что у нее кружится голова, и прилегла на кровать. Она со вчерашнего дня чувствует себя неважно, пожаловалась на головную боль и приняла анальгин. Потом стала жаловаться на боли в сердце и два раза принимала эту пахучую валерьянку. Ты, пожалуйста, хорошенько обследуй ее, что-то она после приезда сюда все время жалуется на недомогание.

Измерив больной давление, Хасар установил, что оно у нее понизилось, возможно, и головные боли были от этого. Сердце ее трепетало в груди, как пойманная птичка. Пока Хасар осматривал ее, она молчала, прикрыв глаза, и выполняла его распоряжения. Слушая сердце, Хасар обратил внимание на выпуклые, по-девичьи упругие груди женщины, и почувствовал влечение к ней. «Эх, зажать бы сейчас эти груди своей грудью!» – вожаделенно подумал он.

Свое внезапно возникшее желание Хасар объяснил тем, как похорошели женщины в последнее время. Он старался не показывать виду и как мог, отгонял от себя эти мысли.

Собирая свои инструменты, он рекомендовал подруге больной, чтобы та напоила ее кофе и покормила. Кофе поможет поднять давление, и тогда головная боль пройдет сама собой.

Подруга больной со словами «Если дело только в еде и питье, сейчас мы все организуем. Мы и ужин свой сюда принесли» отправилась на кухню ставить чайник. А сама больная после этого села на кровати, закрыла грудь простыней и обратилась к Хасару:

– Доктор, может, и вы выпьете с нами чашечку чая?

Еще не догадываясь, что женщина задумала, и, удивляясь такому повороту, Хасар вежливо отказался от предложения:

– Спасибо, милая, я недавно поужинал. И кофе у меня есть, я могу в любое время заварить его в своей комнате.

– Но прежде вы пили свой кофе, а теперь отведайте и наш! – настойчиво просила женщина, всеми силами пытаясь удержать Хасара.

Хасар подумал, что женщине после его посещения стало немного лучше, и у нее поднялось настроение, и она по непонятной ему причине хотела бы, чтобы он оставался рядом с ней. Для Хасара это не было новостью, он знал, что больные, которым после посещения врача становится лучше, все равно не хотят его отпускать, опасаясь, что с

его уходом приступ боли может повториться. Ему не раз приходилось сталкиваться с этим. Поэтому он не увидел в просьбе женщины ничего подозрительного.

Тем временем женщина, подруга больной, хлопотавшая на кухне и частично слышавшая их разговор, принесла чайник чая и поставила его на стол. Взяла со стола одну из пиал и протерла ее белым полотенцем, перекинутым через плечо, потом налила чай и протянула Хасару, который после долгих уговоров все же остался, чтобы выпить с женщинами чаю.

Вскоре больная поправила спутанные волосы, осторожно встала с кровати и тихонько прошла мимо Хасара в сторону ванной комнаты. Похоже, ей тоже захотелось чаю.

Там она перекинулась парой фраз с подругой, которая как раз в это время несла из холодильника еду.

– Как ты себя чувствуешь?

– Если не считать, что голова немного кружится, все хорошо. Головная боль после укола прошла.

– Голова у тебя от голода болит, ты с позавчерашнего вечера ничего не ела.

– У меня нет аппетита.

– Сейчас мы поднимем тебе аппетит, – женщина посмотрела на подругу и загадочно улыбнулась. – Давай, умойся, приведи себя в порядок и поскорее присоединяйся к нам!

Когда больная вернулась в комнату, ее подруга, держа полотенце в руках, пыталась открыть длинную бутылку греческого коньяка.

Решив, что коньяк открывают для него, Хасар просил женщин не делать этого: он не имеет привычки выпивать на работе. Высокая женщина удивленно посмотрела на него.

– Но разве не ты сказал, что коньяк – лекарство для больной! Поднимает общий тонус.

– Да, если его выпить совсем чуть-чуть.

– Вот это другой разговор, – произнесла женщина и с победным видом посмотрела на присутствующих.

Хасар улыбнулся и уступил настояниям женщины.

Так и не сумев откупорить бутылку, женщина протянула ее Хасару:

– Чтобы ее открыть, требуется мужская сила.

Отложив в сторону поданный женщиной штопор, Хасар попросил у нее полотенце, сложил его в несколько слоев и подложил под бутылку, перевернутую вверх дном, после чего стал изо всех сил бить кулаком по днищу бутылки. На глазах у всех пробка вначале приподнялась из горлышка, а потом полностью вылезла из бутылки.

Видя, что Хасару передалось их настроение, женщины возбудились еще больше. Они восхищались тем, как умело Хасар откупорил бутылку, хвалили его и говорили слова, которые могли понравиться Хасару.

Женщина, распорядившаяся вечером, разлила коньяк в три бокала и протянула один своей приболевшей подруге, второй поставила перед собой, а третий подала в руки Хасару.

Поднимем бокалы, друзья, и выпьем!

Выпьем, и голову потеряем!

И силой властной вина

Закрытые двери откроем!

Чтобы придать вечеринке веселый настрой, женщина прочитала пришедшие на ум стихотворные строчки, при этом она взмахивала руками, словно выпуская в небо голубку. После первого бокала, выпитого за здоровье, Хасар и сам не заметил, как оказался втянутым в орбиту шумной вечеринки.

– Давайте, выпьем еще по бокалу, еще! – весело воскликнула чернявая женщина и снова наполнила бокалы коньяком.

– Ну, что ты наполняешь бокалы до краев!– с недовольным видом упрекнула подругу больная женщина.

Находясь в компании женщин, Хасар старался уделять одинаковое внимание обеим, никого из них не выделяя, но заметил, как посмотрела на него больная, ища в его лице поддержку, и мило улыбнулся ей.

Вторая женщина, что распорядилась вечером, видела, как эти двое переглядываются и чувствовала, что она здесь третий лишний, но не торопилась делать выводы, считала, что в этом нет необходимости. Она взяла запеченную курицу и руками разломил ее на две части. Один кусок положила на тарелку подруги, а второй – гостю. Ей хотелось выпить еще.

– Словом, друзья, когда пьешь такую живую воду, надо хорошо закусывать. А ты со вчерашнего дня ничего не ела, осунулась. Поешь хорошенько, и тогда, возможно, тебе не понадобится прописанное доктором лечение.

Они снова подняли бокалы, после чего дружно приступили к трапезе.

Подзакусив, больная женщина положила руку на руку Хасара, он сидел рядом с ней:

– Доктор, вы продолжайте, а я еще немного полежу! – она деликатно дала понять, что выходит из игры.

Как только мягкая женская рука коснулась руки Хасара, он почувствовал, как по его телу побежали волны. Ему захотелось поддержать женщину, сказать ей какие-то приятные слова.

– Хорошо. Вам и в самом деле лучше прилечь и немного отдохнуть!

Женщина тихонько встала из-за стола и медленно направилась к кровати. Проходя мимо Хасара, попросила:

– А вы посидите еще, хорошо?

Хасару показалось, что женщине хочется, чтобы он оставался возле нее как можно дольше. И опять он объяснил

это чувство своим одиночеством, незаполненной пустотой, образовавшейся на том месте, которое в его жизни занимала Дунья. В глазах женщины он прочитал благодарность и уважение и еще что-то, но он толком не сумел определить, что именно таится в ее глазах. Почему-то теперь ему и самому не хотелось уходить отсюда. Причем, желание это возникло в нем в последние минуты. Ему надо было уходить, он должен был находиться на рабочем месте. А вдруг еще кому-то из отдыхающих понадобится его помощь?!

Поняв, что ему надо побыть здесь еще немного, иначе женщины не отпустят его, Хасар решил позвонить Кадыру и сообщить тому свое местонахождение на случай, если кто-то затребует врача. Набрав номер дежурного, долго держал трубку, но на том конце провода так никто и не отозвался. Может, спит, а может, вышел на территорию, проверить, все ли в порядке.

Дождавшись, когда Хасар положил трубку телефона, чернявая бойкая женщина, желающая продолжить веселый вечер, произнесла шуточный тост:

– Давайте будем приглашать доктора не только тогда, когда заболеем, а для такого вот теплого общения! – она стукнулась с Хасаром бокалами и выпила за его здоровье. Больная не захотела остаться в стороне от такого тоста, она взяла свой бокал, стоящий рядом с ней на стуле, с удовольствием подняла его и, изогнувшись, потянулась к сидящим за столом, чтобы стукнуться с ними. Во время чоканья бокалами мягкая рука женщины снова коснулась руки Хасара.

Они еще долго сидели, общались, и Хасар не заметил, как чернявая женщина тихонько вышла из номера, сделав вид, что отправилась хлопотать о чае. Видно, решила оставить их вдвоем, заметив, как мило беседуют доктор и больная, поняла, что сейчас она здесь третья лишняя. В этот вечер она так больше и не появилась в этом номере.

Неяркий свет настольной лампы частично освещал повеселевшее лицо больной, ее рассыпанные по подушке волосы, лучистые глаза и придавал ей особое очарование.

Хасар снова подумал о том, что ему надо вернуться на рабочее место, что его могут искать, и зашевелился, чтобы встать. Женщина поняла это прежде, чем он открыл рот, и снова с удовольствием положила свою руку ему на руку.

– Доктор, посиди еще немного, ты пришел, и я забыла о своем недомогании. Когда ты выходил мыть руки, моя подруга сказала: тебе не хватало доктора, скажи ему, чтобы он уходил только после того, как полностью излечит тебя! – посоветовала она.

Женщина уже не скрывала своего интереса к Хасару, и говорила так ласково, так чарующе, и столько в ее взгляде было желания, что у Хасара закружилась голова, он забыл, где находится. Она взяла руку Хасара и положила ее на свою горячую грудь.

Сердце женщины бешено колотилось в груди, казалось, стук его вырвется наружу. При виде распластанной на постели женщины, призывно раскрывшей ему свои объятия, Хасар и вовсе голову потерял. В лицо ему ударило горячее дыхание возбужденной женщины. Он рухнул на женщину всей своей массой и уже не пытался сопротивляться своему желанию.

– Ты хоть свет погаси! – прошептала она.

Перед самым утром Хасар вынырнул из теплых объятий женщины и стал собирать разбросанную впопыхах по всей комнате одежду. Она тоже проснулась, с трудом раскрыла сонные глаза, сладко потянулась, взяла лежащий рядом халат и натянула его на себя. Подошла к Хасару и обвила руками его шею.

– Что, уже надо уходить?

– Я давно должен был уйти!

– Но ты ведь задержался для доброго дела. – Хасар согласно кивнул, взял женщину на руки и приподнял ее, а затем благодарно поцеловал ее в губы.

– Ты только не пропадай, помни, что тебя ждет беспомощная больная!– у двери женщина еще раз обняла его и попрощалась, хотя совсем не хотела отпускать его от себя.

Почти дойдя до своего кабинета, Хасар увидел бегущего ему навстречу с растерянным видом дежурного. Лицо его было озабоченным и хмурым от недосыпания. Он с ходу набросился на Хасара:

- Куда ты пропал, Хасар-дяде?

- А что?

- А то! Вчера сюда приехал один богатея со своей женой. Оказывается, этот молодчик и своей любовнице назначил здесь свидание. Жена, видимо, узнала об этом, и они полночи дрались, обвиняя друг друга в измене. Муж, видно, ходил к любовнице, где-то пропадал и вернулся в номер очень поздно. Уставшая от ожидания, жена, как только он вошел в номер, дала ему по мозгам бутылкой. Что потом началось! Мы искали и никак не могли найти тебя, вынуждены были вызвать из города «скорую». Они увезли его в больницу, хотели там оставить, но он после перевязки отказался лечь в стационар и вернулся сюда. Ну, раз ты объявился, пойдя, проведи его!

Когда Кадыр, прожужжав, как назойливая муха, отошел от него, Хасар подумал: «Стоит мне куда-то отойти, как сразу же во мне возникает нужда!» Пожалел о том, что тогда не довел дело до конца: не дозвонился Кадыру и не сообщил ему номер телефона того места, где он находился. А потом да этого ли было мне...

Но уже через мгновение он не согласился с собственными мыслями. Посчитал себя правым. Он вообще перестал жалеть о том, что не сообщил Кадыру номера телефона. А иначе, разве дали бы ему провести чудесную ночь в обществе такой прекрасной женщины?!

Сдав дежурство, Хасар пошел к машине, чтобы ехать домой. Открывая дверцу, вдруг подумал о том, что женщина,

с которой он провел такую незабываемую ночь, сейчас может смотреть на него из окна своего номера, и невольно обернулся.

* * *

Лето полновластно вступило в свои права. Не дожидаясь полудня, солнце начинало жарить с самого утра.

Тоты ночевала в просторной гостиной, там было немного прохладнее.

Сегодня у нее был выходной, но она все равно проснулась по привычке рано. Звук приближающейся машины она восприняла как приехавшую за ней служебную машину. Выглянув из окна, увидела незнакомый транспорт, подъехавший к ее соседям.

Воскресенье был единственным днем в неделе, когда она могла позволить себе хорошенько выспаться.

Выспавшись, Тоты всегда выглядела прекрасно и пребывала в хорошем настроении.

Ее второй сон был прерван воркованием пары горлинок за окном. День уже близился к полудню.

Она и прежде видела на растущем за окном тутовом дереве эту пару голубков, самца и самочку, которые мило ласкали друг друга, сопровождая свои ласки восхищенным воркованием. Тоты уже давно привыкла к этим птицам, потому что их поведение постоянно напоминало ей о той жизни, которую она видела в своих мечтах. Правда, и у горлинок случались птичьи скандалы, когда они, громко хлопая крыльями, набрасывались друг на друга, но обычно такие схватки продолжались недолго.

После таких боев они любили друг друга еще сильнее, самец не отходил от своей самочки ни на минуту и всячески старался угодить ей.

Тоты подошла к зеркалу. Волосы ее были распущены, они рассыпались по плечам и концы их касались ее

упругих грудей. Пуговицы тонкого ночного пеньюара были растегнуты.

Сейчас Тоты увидела себя со стороны и подумала, что она еще ничего, что любой мужчина был бы рад прижать к своей груди и носить на руках такую женщину. Она выглядела много моложе своих лет. Умела одеваться, на ней всегда были тщательно подогнанные под ее фигуру наряды из дорогих тканей.

– На кого ты сейчас похожа?– спросила она у своего отражения в зеркале. И сама же ответила:– Ты похожа на женщину в лохмотьях! – с нежностью в голосе произнесла она. Достав расческу, снова подошла к зеркалу, чтобы привести волосы в порядок и походить на прежнюю – красивую и очаровательную Тоты.

Тоты была женщиной яркой, ее красота была броской, не оставляла равнодушным ни одного мужчину. Сколько раз Тоты ловила на себе восхищенные взгляды мужчин! Она видела, как они мысленно раздевают ее, как вгрызаются в ее упругие, как яблоко, груди, как впиваются в ее алые пухлые губы.

Она понимала, что так и должно быть между мужчиной и женщиной, и сама была не прочь иметь такие отношения, поэтому из всех сил старалась соответствовать своему имиджу, хотела нравиться мужчинам.

Иногда случается, что искра, проскочившая между мужчиной и женщиной, вспыхивает и из нее разгорается пламя. Второе замужество Тоты оказалось настолько неудачным, что она после него долго приходила в себя, и теперь, когда чувствовала, что какой-то мужчина привлекает ее внимание, из всех сил старалась погасить свое желание. Боялась ошибиться еще раз. Если замечала, что кто-то из мужчин смотрит на нее с жадным интересом, она делала вид, что не видит этого, иронично посмеивалась над собой: «Ну и что с того, что ты не смотришь в его сторону? Что-то изменилось?»

Но, как и любой женщине, такие моменты согревали душу и позволяли Тоты чувствовать себя желанной женщиной. Ей это было приятно. А главное, ей это было необходимо для того, чтобы поверить в себя.

Находясь ли в кабинете или где в другом месте, после таких мгновений, оставаясь одна, Тоты доставала из сумочки зеркальце, чтобы взглянуть на себя и увидеть, хорошо ли она выглядит.

Тоты особенно остро почувствовала одиночество после того, как обе ее дочери вышли замуж и обзавелись семьями.

В такие минуты она чаще всего вспоминала Хасара, который в последнее время сильно сблизился с ее семьей.

Тоты до сих пор не может понять, как могла она в ту пору, зная о его семейном положении, вынашивать мечту стать его женой и родить ему кучу сыновей и дочерей? В жизни часто бывает, когда первая любовь остается мимолетной встречей, для Тоты она оказалась недостижимой мечтой.

Когда за ней стал ухаживать коллега, парень из Мары, Тоты, не имея особого желания вступать в брак, долго раздумывала. Понимая, что женщине надо иметь семью, иметь рядом опору, она думала о том, что и ее жизнь проходит мимо, сама она уже никогда не станет молодой, напротив, а значит, чего тянуть, может, этого парня ей послали Небеса, и это тот самый человек, с которым судьбой ей уготовано коротать свой век.

В подарок от этого мужа она получила двух дочерей. И если бы не вмешался случай, если бы это не было связано с его семьей, как знать, может, она и по сей день была бы ему верной женой.

Да, парень-то был неплохой, заботливый, внимательный, отменный семьянин, и со временем она привязалась к нему. Стала заботливой матерью и любящей женой, с нетерпением ожидавшей возвращения мужа с работы.

Второго своего мужа ей совсем не хотелось вспоминать. Считала это замужество своей самой большой ошибкой в жизни.

Она поверила, что встреча с Хасаром и ее страстная, всепоглощающая любовь к нему была всего лишь миражом, счастливым сном, оставшимся где-то далеко в прошлом. Но оказалось, что это не так. Когда Хасар снова объявился в ее жизни, она поняла, что в пепле выгоревшей ее души тлел маленький уголек, который вдруг разгорелся от дуновения слабого ветерка и с новой силой вспыхнул ярким пламенем. Тоты осознала: нет, не забыла она Хасара.

Она, правда, пока еще не знала, к чему приведут ее эти чувства. С тех пор она стала видеть непонятные сны, в которых обязательно присутствовал Хасар.

Вот один из недавних снов. Она лежит на втором этаже одного из домов у моря. И что интересно, словно со стороны видит, что она лежит в постели обнаженная. И при этом слышит плеск моря, напоминающий чавканье человека, торопливо поедающего что-то вкусное. Ветер колышет белые тюлевые занавески на окнах и делает их похожими на свадебный наряд невесты...

В тот раз, когда Хасар в поисках работы появился у нее в кабинете, Тоты глазам своим не поверила. «Где мы, а где известный всей стране доктор Мамметханов? Или мне это снится? Я еще могла бы понять, если бы он зашел сюда поздороваться со старыми знакомыми, коллегами, но чтобы просить работу? Вот уж верно говорят: конь тысячу раз наступит там, куда обещал не ступать»...

Вот тогда-то у Тоты открылась старая рана, которая, как выяснилось, так и не зажила. И тогда у нее появилась возможность отомстить за все обиды и унижения, перенесенные ею в юности. Ей было приятно чувствовать себя победителем в этой неравной борьбе.

А когда Хасар так больше и не появился, хотя должен был прийти, чтобы справиться о работе, и она узнала, что он уже работает в другом месте, чувство раскаяния захлестнуло ее. Отказав ему в работе, она собственными руками закрыла перед собой дверь к своему счастью. Несмотря на это, она

все чаще думала о Хасаре, и жажда быть с ним не только не угасла, напротив, вспыхнула в ней с новой силой. Желание быть рядом с Хасаром стало для нее навязчивой идеей и несбыточной мечтой. Ей хотелось говорить Хасару такие слова, после которых он и сам как зачарованный кружил бы вокруг нее.

Мысленно Тоты снова идет ему навстречу. На ней костюм-двойка из дорогой ткани. Верхняя пуговица пиджака расстегнута, так что часть ее груди открыта. Тоты снова превратилась в слабую и беззащитную женщину.

... Она услышала звук приближающихся шагов, кто-то подошел к лестнице, прислоненной к стене дома, и стал карабкаться по ней наверх. Почему-то этот человек не идет к двери, а пытается войти в дом через окно. И хотя это гость, это необычный гость. А что еще можно думать о человеке, который крадется, как вор, и пытается влезть в окно? Любопытство Тоты растет, ей хочется поскорее узнать, кто этот человек. И вдруг, словно на экране кино, показался Хасар. Когда он встал за окном во весь рост, ветер накинуд на него белый тюль и словно сетями опутал его. Тоты ждала, что Хасар запрыгнет в комнату, но он не спешил этого делать. А потом показалось, что сейчас он высвободится из сетей занавески, что-то такое скажет и исчезнет.

Тоты поспешила ему на помощь, она очень хотела, чтобы он пришел к ней.

Подойдя к окну, она увидела, что на лестнице, по которой поднимался Хасар, отсутствуют две верхние ступени.

Вон в чем дело. Вроде бы Хасар у самой цели, а войти в дом не может. Тоты расстроилась и воскликнула:

— Ах, еще совсем недавно, когда я выходила, эти ступени были на месте!

Она озиралась по сторонам, словно пытаясь увидеть того, кто это мог сделать...

Тогда она протянула Хасару руку, а другой рукой уцепилась за подоконник в надежде, что сумеет втянуть его в комнату. Оба отчаянно тянут друг к другу руки.

Но опять их руки повисают в воздухе, не дотянувшись друг до друга. Но где в такой спешке взять веревку? Расстояние между их руками совсем небольшое, кажется, что можно дотянуться, но нет, не получается. Тоты хватает с постели белую простыню и кидает один ее конец Хасару.

– Держись, парень!

– А не оборвется?..

Вдруг ступенька, на которой стоял Хасар, обломилась, и он полетел вниз. Чуть было не утянул за собой Тоты, успел вовремя разжать ладонь и отпустить конец простыни, которым была обмотана его рука.

Шатаясь, Тоты дошла до своего дивана, ударилась об него и... проснулась. А потом снова закрыла глаза, чтобы досмотреть сон, помочь Хасару. Задремала...

Но теперь уже она увидела совсем другой сон. Теперь у нее на животе сидит беленький ребенок. Он ползает по ее животу, тянется к соскам. Тоты обнимает ребенка и одной рукой сует ему в рот сосок своей белой груди.

Второе появление Хасара стало неожиданным. Тоты воскликнула:

– О, Господи, откуда ты взялся?

– Оттуда! - Хасар махнул рукой в ту сторону, где день соседствовал с ночью...

Не вставая с постели, Тоты потянулась к нему рукой. Хасар ухватился за эту руку и поднялся к Тоты.

Тогда-то он и увидел младенца в белых одеждах, сладко посапывающего на материнской груди...

Жизнелюбивая Тоты уже давно поняла, что одиночество, хоть и не смертельная болезнь, но и не легкая. Она знала, что человек может быть счастлив только в паре, что только парная жизнь дает человеку ощущение покоя и уверенности в себе.

Каждый раз, задумываясь о своей одинокой доле, Тоты думала о том, как хочется ей вырваться из душной клетки одиночества и жить как все счастливые женщины.

Оставаясь наедине с собой, она часто вслух сладострастно шептала любимое имя: Хасар, Ха-са-р, Хасарджан...

... Очнувшись, Тоты поняла, что по-прежнему одна и лежит все на той же широкой для одного человека кровати, на которой она легла спать еще вчера вечером. Не было рядом с ней Хасара, но зато было чувство, будто он только что встал и ушел. Часть простыни, смятой во время любовных утех, свисала с кровати на пол.

Лежа в постели, раскинув оголенные белые ноги, Тоты вдруг почувствовала обиду оттого, что все, чего она желает в жизни, происходит только во сне. Ей было невыносимо больно и плохо от одиночества, что даже захотелось плакать. Ком подступил к горлу.

Она еще какое-то время лежала, глядя в потолок, и поняла, что желание видеть и быть рядом с Хасаром теперь уже никогда не оставит ее. Это понимание было ей приятно так же, как встреча с Хасаром во сне.

* * *

Хасар все еще не мог поверить, что ночь, проведенная с незнакомой женщиной, случилась не во сне, а наяву. Зато ему стало легко, словно с плеч сняли тяжелый груз, он понял, что в нем пробудился интерес к жизни. Все было хорошо, женщина эта каждый раз с нетерпением ждала его и радостно встречала.

Они оба радовались такой желанной встрече и хотели, чтобы их отношения длились долго.

Однажды женщина изъявила желание прогуляться с ним к морю. Сдав поздно вечером смену, Хасар с этой женщиной и ее подругой отправились к морю. Хасар повел

их в сторону дачного поселка, в котором жил. Ему хотелось воспользоваться случаем и пригласить их к себе в гости. Волны ласково омывали их босые ноги. Они медленно шли, весело болтая, и тощая подруга с удовольствием фотографировали их на фоне алой вечерней зари. Взгляды Хасара и женщины пересекались, и он понимал: не будь этой ее подруги, зацеловал бы, затискал в своих объятьях женщину, которая вернула ему вкус к жизни.

Волны азартно набрасывались на цепочку следов на песчаном берегу и с удовольствием сметали их своим подолом. Морская вода была приятной, она ласкала ноги наших героев.

Почти на подходе к дачному поселку женщины увидели пустынный берег моря и изъявили желание искупаться.

Худошавая женщина открыла холщовую сумку, которой размахивала всю дорогу, и достала оттуда купальные принадлежности, из чего Хасар заключил, что они заранее подготовились к этой прогулке, во время которой собирались искупаться в море.

Багрово-красное солнце низко опустилось над морем, еще немного, и оно нырнет в воду и спрячется там до утра. Возле него вспыхнула вечерняя заря, цветом похожая на жженный кирпич, сейчас она напоминала красную крепостную стену за спиной солнца. Глядя на эту красоту, Хасар вспомнил, как любили его дети провожать солнце на ночлег, вспомнил стишки, которые они при этом читали:

Солнце на ночь тонет в море,
И с рыбками, видно, там спит заодно.

На минуту ему показалось, что сейчас рядом с ним не эти женщины, а его дети Арслан и Мяхри, и он вместе с ними любит закатом солнца.

А в это время женщины с удовольствием купались в море, шумно плескались, весело смеялись. Они зазывали

в воду Хасара, хотели, чтобы и он разделил с ними это удовольствие.

Согласившись пойти с женщинами на море, Хасар вспомнил, что у него с собой нет купальных плавок, поэтому остался на берегу.

Женщины тогда приняли его объяснение и согласились с ним, но сейчас, оказавшись в ласковых водах моря, хотели видеть рядом с собой и Хасара.

Подплыв к берегу, женщина, назвавшая себя в первый день знакомства именем Айна, стала звать Хасара в воду.

– Хасар, но мы хотим, чтобы ты тоже искупался в море! Иди к нам!

– Я... – Хасар хотел снова пуститься в прежние объяснения, но женщина, зная, что он может сказать, не дала ему рта раскрыть. Дразня его своим белым телом и роскошной грудью, она ласково произнесла:

– Прошу тебя, все равно иди к нам. Есть же на тебе какие-то трусы, не без штанов же ты, в конце концов! Можешь и в чем мать родила зайти в море, вода прикроет.

Ласковое теплое море, окружающая красота, горы окутанные в туманом, песчаный берег – все это притягивало и настраивало на лирический лад.

В зовущем голосе Аины отразилась вся гамма чувств – и просьба, и кокетство, и желание. Хасару не оставалось ничего другого, как раздеться на глазах понравившейся женщины. Подплыв к самому берегу, женщина протянула к Хасару руки и радостно обняла его, положила голову ему на грудь и страстно зашептала:

– Смотри, как чудесна эта вода!

– Вечером вода в море всегда такая приятная.

– Но сегодня особенно... Будто теплой водой умываешься...

Произнося эти слова, Айна томно прикрыла веки и трепетно жалась к Хасару. Сейчас она и не пыталась

скрывать от кого бы то ни было своего наслаждения. В этот час она была особенно красива. Так и стояли они в воде, крепко обнявшись, а потом стали потихоньку нырять в воду, сейчас они были похожи на рыб, готовых уплыть в бездонную глубину моря. Это ощущение они испытали одновременно и очень удивились этому.

Поведение Айны напомнило Хасару Дунью. Та тоже поначалу, толком не умея плавать, жалась к нему и предпочитала плавать в обнимку с ним, и тоже, как сейчас Айна, временами останавливалась и, взяв его за руки и положив голову ему на грудь, стояла так, будто позировала фотографу, при этом чувствовала себя бесконечно счастливой.

Но разве тогда могло прийти в голову, что через несколько лет здесь на месте Дунья будет стоять другая женщина? Хасар и ее учил плавать в море, не боясь волны.

Каждый раз, когда Айна выскальзывала из объятий Хасара и выныривала из моря, все ее тело было покрыто прозрачными каплями воды, как будто она только что попала под дождь и убежала от него. Хасара тянуло к этой женщине, ему хотелось как влюблённому юноше с любовью по одной слизывать языком поблескивающие на ее теле капли...

Вечерний ветерок, задувший с моря после захода солнца, обдувал своим нежным дыханием тела купающихся. Выйдя из воды на берег, они не спешили одеваться, сидели, касаясь друг друга телами, и созерцали ночную тишину.

Где-то вдали в темнеющем вечернем море спокойно плавала одинокая любительница ночных купаний, и когда она время от времени высовывала голову из воды, становилась похожей на тюленя, который также плывет, высунув голову из воды.

Услышав звук приближающихся к нему шагов, Хасар резко обернулся. Два человека средних лет подошли к ним на расстояние десяти-пятнадцати шагов и остановились,

будто бы любуясь морем, на самом же деле всматриваясь в них. Один из них был массивным усатым мужчиной средних лет с поредевшими волосами и мутными глазами. Второй был тоже средних лет, но худощавее и стройнее, выглядел моложе своего попутчика. Они ни с кем не поздоровались, но пристально разглядывали этих двоих, из чего Хасар заключил, что это не праздные отдыхающие, а скорее всего «наблюдатели» из соответствующих органов. Пару дней назад Хасар видел их возле своего дома. Правда, тогда он принял их за гостей кого-то из жителей дачного поселка, людей, влюбленных в море.

Их поведение было подозрительным, потому что они не купались, похоже, у них была какая-то конкретная цель. Хасару они сразу не понравились. Посмотрев туда же, куда смотрел Хасар, Айна вдруг охнула и напряглась. Потянулась рукой за одеждой, а потом стала одеваться.

Незнакомые мужчины могли бы из уважения к возрасту Хасара первыми поздороваться, во всяком случае, у туркмен принято здороваться со всеми, даже если люди незнакомы между собой.

Естественно, что и Хасар не захотел первым здороваться с этими малоприятными людьми.

Подозрительные типы еще какое-то время стояли на берегу, глядя вдаль поверх голов находящихся в воде, курили и тихо перебрасывались короткими репликами, а потом развернулись и ушли берегом моря в другую сторону.

Айна, успев натянуть на мокрое тело тонкое платье, посмотрела вслед им с неприязнью. «Что за противные морды у них, будто из сплошного зла слеплены! Они похожи на людей, только что освободившихся из мест заключения!» Чтобы отогнать от себя неприятные мысли, она взяла Хасара за руку и притянула его к себе.

– Когда у тебя все хорошо, обязательно найдется вот такая назойливая муха, и испортит настроение, – заметила она.

Хасар снял свою руку с ее груди и обвинил ее шею. Чтобы успокоить женщину, сказал:

– Кажется, они поняли, что не понравились тебе. Поэтому и ушли!– кивком головы он показал в ту сторону, куда ушли незнакомые люди.

– И пусть идут к черту! Я вообще не выношу таких наглых людей!

– Да им ведь и дела нет до нас.

– Разве ты не заметил, как они пожирали нас глазами? В последнее время что-то слишком много стало таких подозрительных личностей,– прошептала она, кладя голову на грудь Хасара и успокаиваясь. Глаза ее сузились, губы подрагивали, и она улыбнулась, несмотря на только что пережитое волнение. А еще чуть погодя на лице ее снова отразились признаки влюбленности и жажды любовных утех.

– А что, если нам уже вернуться?

– Так пусть хотя бы подруга твоя появится.

– И в самом деле, куда она запропастилась, рыбой что ли стала!

– А вон она, плывет сюда...

– Пусть только появится!

Когда они шли сюда, Хасар думал пригласить женщин к себе, чтобы познакомиться с ними поближе. Но после встречи с теми двумя подозрительными типами решил отложить приглашение на другой раз, мало ли что можно ожидать от них. Хотя сегодня он был свободен от работы и вполне мог распоряжаться своим временем. Например, пригласить новых знакомых к себе домой и угостить их отменным шашлыком из рыбы, который он умел мастерски готовить.

Когда Хасар вместе с женщинами вернулся в пансионат, ночь окутала все вокруг тьмой.

В темноте был слышен плеск волн близкого моря.

Летом морское побережье становится желанным местом отдыха для многих людей. В эту пору вода в море теплая, ласковая, как объятья молодой женщины. Море спокойно и кажется задумчивым, словно хочет убедить в своей степенности, хотя осенью, зимой и весной барашки волн на его поверхности, разбившись на небольшие стада, бесятся, озорно подпрыгивают и устраивают шумные баталии. Летом и небо чаще всего чистое, безоблачное. А если и встречаются редкие облачка, то движутся они по небу степенно, как в зеркале разглядывая свое отражение в море.

Зато солнце в эти дни подолгу задерживается на небе, путь у него длинный, бесконечный. Да и само оно напоминает раскаленную докрасна жаровню.

Похоже, солнце не хочет уходить, потому что ему нравится разглядывать сверху песчаное дно моря, поросшее водорослями и усыпанное ракушками, пляж с полураздетыми шумными отдыхающими, окруженными детьми. Наблюдая сверху за летним весельем на побережье, солнце гордится тем, что заставляет людей приходить сюда и радоваться жизни.

Когда утром Тоты появилась на работе, девушка-секретарша сообщила ей о прибывшей к ним для проверки комиссии, состоящей из нескольких человек. Она не сразу поняла, о какой проверке идет речь. «Что это за бесконечные проверки?» – думала она про себя. Ведь после последней ревизии не прошло и двух месяцев. Никогда организации не проверяются так часто. Члены комиссии по-хозяйски расположились в ее кабинете и ждали ее прихода. Обычно в ее отсутствие никто не имел права заходить в ее кабинет.

Поздоровавшись с «гостями» и окинув взглядом собравшихся, Тоты сразу же определила, что эти люди направлены к ней специально, чтобы причинить ей зло.

Ее это задело, в душе вспыхнуло недовольство заведующим городским отделом здравоохранения. «Он что думает, если бы заранее предупредил о проверке, мы бы за один день успели устранить недостатки, если бы они у нас, конечно, имелись?». Она никому не показала своего недовольства, улыбалась и была приветлива с непрошенными гостями. Сняла верхнюю одежду, повесила на вешалку, надела белый халат, посмотрела на часы – обычно в это время у нее проходят ежедневные пятиминутки, – и села за свой стол.

И лишь после этого повернулась к Янджику Мяджикову, назначенному главой комиссии, который сидел за боковым столом, поглаживая лысеющую голову.

– Янджик-дяде, что это вы сегодня так рано нарисовались, ничего не случилось?

– Вчера поздно вечером начальник вызвал меня к себе и сказал: «Будем проверять центральную больницу, ставлю тебя во главе комиссии, потому что ты человек честный и неподкупный!» Кажется, на вас поступила жалоба... И вроде бы она дошла до верхов, – Янджик Мяджиков достал из папки лист бумаги и положил рядом с собой, не решаясь передать его Тоты.

– А это письмо от городского отдела здравоохранения с направлением нас на проверку!

Тоты взяла письмо и, даже не взглянув на него, положила поверх стопки бумаг. Велела секретарше вызвать к ней заместителя. Как только заместитель появился на пороге ее кабинета, она отдала распоряжение:

– Вот эти люди пришли нас проверить!

– Вай, нас же только недавно проверяли! – воскликнул заместитель, не скрывая своего удивления.

– Но они будут снова проверять. Пусть проверяют. Наверно, за всем этим кроется что-то, чего мы не знаем!

Янджику Мяджикову стало неловко.

– Тоты Тагановна, не надо так понимать!– он заерзал на своем стуле.

Не обращая внимания на его оправдание, Тоты продолжила в том же духе:

– Дайте им два кабинета, пусть устраиваются, и подготовьте все документы для проверки. И сами будьте рядом с ними!

– Но у меня есть плановые операции!

– Те, которые можно отложить, перенесите на другой день, а срочные будете делать после ухода комиссии.

Посмотрев на часы, Тоты дала понять, что спешит, в приемной уже собрались врачи, которые пришли на планерку.

– Следуйте за моим заместителем!– она указала членам комиссии на дверь.

Увидев людей, вошедших в состав проверочной комиссии, Тоты сразу догадалась, откуда ветер дует. Она знала, что заведующий городским отделом здравоохранения не пошел бы против нее, если на него не было оказано давления.

И так было ясно, что после тех волнений мэр города воспринял это как выступление лично против него и не успокоился, решив во что бы то ни стало наказать всех участников мятежа и отомстить их родственникам. Значит, хяким города все еще не отказался от своего намерения разорить дачный поселок и использовать его землю по своему усмотрению, то есть нажиться на ней.

Когда вскоре после тех событий хяким города был вызван в Ашхабад на заседание Кабинета Министров, народ воспрянул, надеясь, что там он за свои противоправные действия получит по шапке, ему будет сделано внушение и у него потребуют обуздать свою прожорливую ненасытность.

Но, переждав какое-то время, он снова закусил удила и заново взялся прессовать людей, из чего они заключили, что в Ашхабаде никто с ним сурово не разговаривал. По

городу поползли разные слухи. Рассказывали, что недавно сына одного из участников волнений, работающего в морском порту, взяли со ста граммами героина, что парень возмущался: «Я этим никогда не увлекался, это вы подложили мне в карман наркотик, а потом сами же и "нашли" его у меня!»

Понятно, что все это было устроено по требованию мстительного хякима, в противном случае, зачем человеку, не употребляющему наркотик, носить его в кармане?

Закончив утреннюю планерку, Тоты отправилась к своему начальнику.

Заведующий старательно делал вид, что его отношение к Тоты не изменилось, что он по-прежнему рад видеть ее, но посмотреть ей прямо в глаза не посмел.

– Да ладно вам, Тоты Тагановна, это же обычная проверка. Время другое, теперь мы работаем по-другому. Требовательность растет с каждым днем... И потом, поступила жалоба, что в вашей больнице медикаменты используются для знакомых и родственников...

– На чье имя эта жалоба?

– На имя хякима веляята, а тот спустил жалобу хякиму города.

Тоты убедилась в правоте своего предположения. Ей стало понятно, что всю эту кашу заварил мстительный глава города, который никак не мог успокоиться после народных волнений против него, а хяким веляята тут вообще не причем. Впервые в своей жизни она пожалела о том, что у нее никого нет наверху, кто мог бы одним телефонным звонком поставить хякима города на место, заткнуть его раз и навсегда, чтобы он не мучил воду и оставил людей в покое. Она поняла, что должна найти силы, чтобы выдержать этот удар, но поняла и то, что хяким города не успокоится до тех пор, пока не обрушит на ее голову свой тяжелый кулак.

Тоты успокаивала себя тем, что на работе у нее полный порядок, придраться не к чему, но не могла не считаться и с

тем, что эта проверка устроена специально для того, чтобы выжить ее.

* * *

Хасар думал о женщине, с которой так неожиданно сошелся во время дежурства, о том, что эта случайная встреча может перерасти во что-то более серьезное. Погрузившись в свои размышления, он не заметил, как вывел машину из гаража. Выехав из поселка, повернул направо и поехал по неровной колее до большой дороги.

И снова мысли увели его в комнату Айны. Вот она стоит у окна и ждет появления знакомой машины Хасара. Она знает, что сегодня Хасар заступает на дежурство.

... Комната чисто убрана, видно, что здесь ждут желанного человека. Хасар думал о том, что она с присущей женщинам интуицией чувствует его приближение к пансионату и думает о предстоящем приятном свидании с ним. Представляет момент их встречи.

И вот он у двери ее комнаты и видит, как она встает с места и идет ему навстречу со словами: «Ты пришел?», и в этих двух словах он чувствует ее нетерпение от долгого ожидания. ... Она обнимает его у двери и кладет голову ему на грудь...

Поставив машину, он поднялся в свой кабинет, но по пути ему встретился растерянный Кадыр.

– Ох, Хасар-дяде, ты приехал?

Хасар решил, что его искал начальник, и даже стал думать, зачем он мог ему понадобиться, но Кадыр, отерев вспотевший лоб, удрученно проговорил:

– Хасар-дяде, та ссора между мужем и женой, произошедшая несколько дней назад в наше дежурство, переросла в целую историю...

– А что происходит?

– Не знаю, дрались одни, а в больницу угодили другие... А спрашивают с нас. Вчера начальника вызывали в городской

хякимлик, и хяким сказал ему: «Хоть вы и военные, но находитесь на вверенной нам территории, поэтому обязаны подчиняться нам. Вы должны тщательно расследовать этот позорный случай и привлечь к ответственности всех виновных!» А виноватыми, как теперь выясняется, стали я и вы, потому что вас в тот вечер не могли найти на месте.

Вот уже два дня нас вызывают в прокуратуру и задают бесконечные вопросы. Похоже, они хотят сделать нас крайними. Вас тоже вызовут на допрос, ждите...

Хасар расстроился. Он понял, что этот случай положил начало череде новых неприятностей в его жизни. «Да, не бывает так, чтобы все было хорошо и гладко, обязательно должно произойти что-то такое, что испортит тебе жизнь», – грустно подумал он. Не считая себя виноватым в случившемся, он расстраивался только из-за того, что в нужный момент не оказался на своем рабочем месте и тем самым подвел своего друга Серкяева. Знал, что старый друг Серкяев не станет упрекать его ни в чем, но все равно все это было для него и неожиданным, и неприятным.

Круглоголовый прокурор, сощуриив глаза, издевательским тоном спросил:

- Вы были на рабочем месте во время драки?
- Нет, не был!
- Сколько времени вы отсутствовали на своем месте?
- Часа два-три.
- Вполне достаточно, чтобы развлечься...

Хасару не понравились намеки следователя, и он нахмурился.

Следователь достал из лежащей перед ним стопки лист бумаги и положил перед собой.

– Вчера мы допросили и Хасанову, постоянлицу той комнаты, в которой вы находились, она тоже назвала примерно такое же время.

Хасару фамилия Хасанова показалась знакомой. Хасар

пожалел, что оставил на потом более глубокое знакомство с Айной. Он все время держал эту мысль в голове, но забывал о ней всякий раз, как только оказывался в жарких объятьях женщины.

- Сколько времени вы поддерживаете отношения с Хасановой?

- А это имеет какое-то отношение к рассматриваемому вопросу?

Он дал понять, что не намерен отвечать на подобные вопросы.

- Да, вопросом ответили на вопрос, – задумчиво произнес прокурор, после чего снова вернулся к главному вопросу. Но по многозначительной ехидной улыбке прокурора Хасар догадался, что тот считает, что он знаком с Хасановой еще с Ашхабада, что та приехала сюда для того, чтобы размотать клубок прежних любовных отношений, и поэтому не верит ни одному его слову: «Говори, говори, все равно вы старые знакомые!» – так думает прокурор. Хасар понял, что они со следователем совершенно по-разному относятся к данному вопросу.

Хасар выдавил из себя улыбку и многозначительно посмотрел на следователя. Из-под опущенных ресниц следователя блеснул недобрый взгляд.

Вернувшись от следователя в свой кабинет, Хасар застал там Кадыра.

- Ну что, Хасар-дяде, вырвался?

- Кажется вырвались.

- Глупые вопросы задает.

- Что с него взять, он же прокурор. Они вопросами своими всю душу тебе вымотают.

- Вот это верно.

Вспомнив, зачем он здесь сидит, Кадыр вынул из кармана письмо и протянул его Хасару.

- Хасар-дяде, это письмо оставила тебе гелнедже.

Хасар сразу собрался: он говорит об Айне.

– Когда она уехала? – нетерпеливо спросили.

– Думаю, улетела сегодня утром. Ее подруга ходила за билетом. Ай, ее тоже замучили допросами, просто вынудили бежать.

Он сказал эти слова, чтобы поддержать Хасара. Проводив Кадыра, Хасар поспешил прочитать письмо, оставленное ему Айной.

Хасар!

Когда ты получишь это письмо, я уже буду далеко. Обычно ты даже в нерабочие дни появлялся, чтобы повидаться со мной. Но за два прошедших выходных дня ни разу не появился на глаза. Может, у тебя были какие-то важные неотложные дела?

... Правда, об этом я собиралась поговорить с тобой с глазу на глаз.

Хотела представиться тебе и все расставить по своим местам.

Но разве ты, с головой уйдя в свою почти юношескую страсть, стал бы слушать меня?.. Да и мне не хотелось портить тебе и себе настроение, не хотела я лишать себя удовольствия, о котором по-женски мечтала уже давно и наконец-то получила его.

Во время наших встреч пусть недолго, но я была счастлива. С тобой я была счастлива и хотела, чтобы это счастье никогда не кончалось.

Я и сама не заметила, как за этот непродолжительный срок так сильно привязалась к тебе. Для меня это стало приятной неожиданностью, я испытала то же чувство радости, как и при своей первой беременности.

Я уже давно задумала встретиться с тобой. Но тогда я намеревалась говорить с тобой иначе. Я собиралась рассказать тебе о поведении твоей жены, о том, что ее связь с моим мужем вышла далеко за рамки деловых отношений, думала упрекнуть тебя в беспомощности, словом, хотела душу отвести. Это я время от времени звонила тебе, я хотела, чтобы и ты страдал так же, как и я.

Но те мои попытки успехом не увенчались.

А мне не хотелось уступать своего места другой женщине, к тому же старше меня по возрасту. Положение, в котором я оказалась, было для меня не только унижительным, но и оскорбительным...

Тем временем ты неожиданно все бросил и уехал.

После отъезда твой поступок породил множество слухов. Одни говорили, что ты бежал от неверной жены, другие утверждали, что вынужден был покинуть город из-за неприятностей на работе, а мы, женщины, злорадствовали, глядя на Дунью, которая ничуть не переживала из-за потери мужа, напротив, с головой ушла в дела фирмы, и не только.

С твоим отъездом моя проблема не разрешилась. Напротив, в последнее время мой муж еще больше разбогател, и у него появилось больше возможностей для всяких забав. Я видела, что теперь не только Дунья, но даже молодые девушки заглядывались на него.

Зная своего мужа, я сильно сомневалась в том, что в этом вопросе он может оказаться сильнее тебя. Его сила была в его деньгах, которыми он прикрывал многие свои недостатки. Говорят же, «деньги – богатство – много трещин заделают».

Хасар, заочные обиды на тебя впоследствии переросли в жгучее желание увидеть тебя и познакомиться с тобой поближе.

И через какое-то время я при помощи знакомых занялась твоими поисками. Первое известие о твоём местонахождении я получила тогда, когда у тебя случилось это несчастье, и ты пребывал в трауре. Разве я тогда посмела бы приблизиться к тебе?

Недавно я узнала, что ты поменял место работы и устроился в военный санаторий, и тогда возобновила свою разведывательную деятельность.

И хотя в душе моей была обида на тебя, ты мне понравился с первого взгляда. А потом мой интерес к твоей персоне перерос в желание узнать тебя ближе. Вот тогда-

то и случилась та болезнь, ты пришел, чтобы оказать мне помощь..., а все закончилось близостью...

Ты оказался холостяком, в объятьях которого давно не было женщины, ты истосковался по женским ласкам, я это сразу поняла, как только ты прикоснулся ко мне...

Ты трудился без устали всю ночь. Отдыхая в перерыве между любовными утехами, ты вдруг спросил: «Ты помнишь тот день, когда вернулась из кайтармы, соскучившись по мужу?» И, не дожидаясь ответа, с новой силой набросился на меня.

Мне хотелось сказать: ни до кайтармы, ни после никогда прежде я не испытывала такого удовольствия. Может, ты тогда не принял бы мои слова за правду, посчитал бы, что я говорю это, чтобы польстить тебе. Поверь мне хотя бы теперь, в твоих объятьях я действительно почувствовала себя по-настоящему счастливой и желанной женщиной. Сейчас я поняла, что с момента встречи с тобой я нашла гораздо больше, чем потеряла до этого. Но я скрыла от тебя, кто я есть на самом деле. Да к чему было открывать свое истинное лицо, чтобы испортить тебе настроение? Что случилось, то случилось, это не та трещина, которая когда-нибудь срастется.

Ты бы все равно об этом узнал, не сегодня, так завтра.

Встречаясь с тобой, я искренне верила, что узнаю не только то, что было интересно мне, но и то, за что полюбила и стала тебе хорошей женой и самой любимой женщиной на свете Дунья.

И хотя сюда я приезжала только для того, чтобы испытать тебя, уезжаю несчастной женщиной, безоглядно влюбленной в тебя и жаждущей твоей ласки. Я теперь всегда буду мечтать о поездке на море.

Хасар, любимый, ты только дай знать, и я на крыльях прилечу к тебе. Для меня, познавшей позднюю женскую любовь, побыть с тобой даже один миг – счастье.

Надеюсь, ты обязательно отзовешься, внизу стоят мои координаты. Я верю, что лечу не на самолете, а на собственных крыльях. Оказывается, такое удивительное чувство приходит к человеку, когда он счастлив...

Твоя Айна

Письмо напугало Хасара, он вскочил с места, стал задыхаться, как будто ему не хватало воздуха. Подойдя к окну, настежь распахнул его и стал смотреть поверх моря вдаль. Вода в море казалась мутной, как после сильного шторма.

Письмо заставило Хасара всерьез задуматься о том, как переменчива фортуна. Конечно же, он с первого раза понял, что перед ним необычная женщина, но она так увлекла его, что на какое-то время он потерял голову и не пытался раскрыть тайну незнакомки. Конечно, он мог ждать от этой женщины чего угодно, только не того, что она окажется женой Аннова. Стоя у окна, Хасар мысленно раз за разом задавал себе вопрос, как такое могло случиться, но разумного объяснения, которое бы удовлетворило его, найти так и не смог. Потом он, правда, вспомнил, где впервые увидел женщину – в Ашхабадском аэропорту пару лет назад, встречая самолет из Стамбула, он видел ее в кафе.

Это была та загадочная женщина, которая украдкой разглядывала его.

Надо же было такому случиться!..

Хасар долго стоял у окна, глядя вдаль и пытаясь разобраться в случившемся.

Хасар подумал, что в связи с открывшимися обстоятельствами, начальник может вызвать его к себе для объяснений, и старался не выходить из кабинета, чтобы быть рядом с телефоном. Когда в его комнату вошла секретарша начальника, он так и понял, что она пришла за ним, чтобы позвать к начальнику. Девушка держалась за голову, лицо ее было болезненно наморщено.

– Хасар Маметханович, дайте мне таблетку от головной боли! – обратилась она с просьбой.

– Что, может, на солнце долго была, перегрелась?

– Я и сама не пойму, то ли на солнце перегрелась, то ли под кондиционером переохладилась. Приходится иногда включать его, чтобы спастись от жары, хотя и знаю, что он не полезен. Но как без него в такую жару обойтись?!

Хасар дал девушке несколько таблеток анальгина и посоветовал одну из них принять тут же. Протянул ей стакан с водой.

– Начальник на месте? – спросил он.

– После ухода следователя он пошел отдыхать в свой номер. Следователь замучил его вопросами...

– А что он спрашивал?

– Да много чего, и про вас тоже спрашивал. Правду говоря, вами он особенно интересуется. Даже спросил: «Это не один из зачинщиков волнений?»

Слушая секретаршу, Хасар думал о том, как нелегко было его другу отвечать на такие вопросы, о том, что придя к нему на работу, он и его поставил в неловкое положение. Конечно, Серкяев ради их дружбы не станет ему ничего выговаривать, но разве тем самым он не подвергнет себя опасности остаться без работы?

Мысленно Хасар поставил себя перед лицом Серкяева. Внимательно всматривался в него, пытаясь увидеть на нем признаки недовольства собой.

Конечно, хяким, ужаленный мятежниками, не сидит сложа руки, он ничего не пожалеет для спасения своей репутации, задействует все свои возможности, чтобы обелить себя. Понятное дело, он поднимет на ноги всех своих влиятельных знакомых, потому что ему необходимо выйти из этой борьбы победителем.

Прокуратура может довести до сведения Министерства обороны, что Серкяев взял на работу смутьяна, и тогда ему точно не поздоровится. Потому что там вряд ли

захотят закрыть глаза на случившееся и начнут тщательно расследовать все обстоятельства данного дела.

Сегодняшний день стал в жизни Хасара еще одним беспокойным днем, днем тревожных ожиданий. Он понял, что давно начавшиеся в его жизни неудачи преследуют его и сегодня, и это понимание вызвало в нем чувство обиды и обездоленности. Он больше всего переживал из-за своего друга Серкяева, которому доставил столько неприятностей, и очень жалел, что устроился к нему на работу. Ждал, когда же тот вызовет его, чтобы поговорить на эту тему. Но, сколько ни ждал Хасар, Серкяев не вызвал его ни до, ни после обеда.

* * *

Когда Тоты приехала на дачу, рабочий день уже давно закончился, а солнце все еще не село. Стояли длинные летние дни, когда солнце забывало вовремя уйти с горизонта. Вот и сейчас оно взирало с неба, высматривая место для ночлега, и медленно, как по веревке, спускалось вниз.

С тех пор, как в больнице появились неожиданные проверяющие, Тоты охладела к своей работе, ей больше не хотелось, как прежде, раньше всех приезжать на работу и уезжать последней, доведя все дела до конца. Она понимала, что ее, прекрасного работника и отличного руководителя, преследуют только потому, что ее отец принял участие в марше несогласных, и мстят ей за это.

Она, конечно, старалась держать себя в руках и казалась спокойной, не обращала внимания на ревизоров, которые из всех сил стремились найти в работе ее ведомства недостатки и причинить ей зло.

Руководитель комиссии Янджик Мяджиков, поглаживая свой облысевший лоб, то и дело заходил к ней, стараясь казаться вежливым. Понятно, что указывая на мелкие просчеты, он хотел, чтобы Тоты заискивала перед ним и просила, чтобы он сам подправил эти мелочи. Но Тоты вовремя догадалась об этом.

Однажды он зашел к Тоты и, заглядывая в два листа бумаги, произнес:

– Нет точности в названиях препаратов, которые назначались больным, надо было заставлять больных расписываться в том, что они получили те или иные лекарства.

Тоты удивленно посмотрела на ревизора, а потом с достоинством ответила:

– Вот что, Янджик-дяде, сразу видно, что вы не врач. О какой расписке могут помнить врач и его пациент, когда больной при смерти? И потом, разве наши больные имеют медицинское образование, чтобы разбираться в лекарствах и назначениях?

Она громко и издевательски рассмеялась над невежеством проверяющего.

Провожая его из кабинета, дала понять, чтобы он больше не отвлекал ее по таким пустякам.

– Янджик-дяде, с такими вопросами можешь обращаться к моему заместителю! – она подчеркнула, что для этого и приставила своего зама к ним.

А про себя подумала: «Понятно, чье поручение ты выполняешь. Да с чего вы возомнили себя правомочными распоряжаться тем, что добыто людьми потом и кровью, честным трудом, неужели вы думаете, что ваши посты дают вам право по своему усмотрению распределять землю, на которой уже живут люди, которую они кровью своей защищали?» В душе она гордилась своим отцом, который не побоялся выступить против таких могущественных чиновников, как хяким и его богатые земляки.

... Мать поначалу удивилась, что ее дочь так рано вернулась с работы, для нее это было непривычно, но потом нашла этому объяснение: «Наверняка куда-то ехала, да по пути решила заехать к родителям и проведать их». Она была благодарна дочери за заботу.

Старики как раз собирались поужинать. С трудом передвигая больные ноги, мать носила на сачак еду. Унюхав запах рыбного плова, Тоты подумала, что это любимое блюдо отца, и с долей зависти отметила, что ее мать готовит этот плов лучше, чем она сама.

Как врач она не раз советовала родителям, чтобы они не ели на ночь тяжелую пищу. Старики слушали дочь, но к словам ее не прислушивались: ели все, что хотели.

По этому поводу у нее как-то состоялся разговор с отцом. Она выразила недовольство тем, что они пренебрегают ее рекомендациями и не соблюдают никакой диеты.

Когда она спросила у отца: "Что, опять тяжелой пищи наелся?",—он вместо ответа вспомнил один случай, произошедший с его старшим братом.

Старший брат старика был скотоводом и жил в песках. Однажды старик поехал проведать брата и тот начал жаловаться на недомогания и боли. Тогда старик привез его в город и отвел к Якову Лазаревичу Акиму. Врач обследовал его брата старика и выяснил, что у него больной желудок. Он рекомендовал больному зелень, поменьше тяжелой пищи, а больше — кисломолочных продуктов — чала, гатыка. Брат старика улыбнулся и ответил доктору: «Да, чал и катык я ем постоянно, а вот что касается зелени, с этим согласиться не могу, доктор. В войну я столько травы съел, что чуть было в травоядное животное не превратился. Если бы от травы была польза, я должен был бы прожить век Героглы, не зная, какими бывают болячки...» Каждый раз, когда дочь требовала перейти на легкую пищу, ее отец с улыбкой отвечал: «Не забывай, дочка, я брат твоего дяди Дабана!»

Мать сразу же пригласила дочь к столу. "Идем, дочка, поужинай с нами!"

Старик показал на стоявшую с краю сачака початую бутылку и предложил: "Дочка, если тебе больше не надо на работу, может, примешь стопочку для аппетита!"

Подумав о том, что это могло бы помочь ей расслабиться, Тоты улыбнулась: «Ну, как можно отказаться от такого предложения, тем более, когда оно исходит от родного отца?!»

Тоты ехала сюда, чтобы рассказать отцу о последних событиях в своей жизни и посоветоваться с ним. Сейчас ей больше всего не хватало поддержки и совета близких людей. В таких случаях отец всегда приходил ей на помощь.

Выпитая рюмка подействовала сразу, лицо старика порозовело, он стал потеть. Вытирая пот полотенцем, которое было расстелено на коленях, он радовался приходу дочери и был в отличном настроении.

У старика было такое прекрасное настроение, что портить его не хотелось. Тоты сразу поняла это. Если она сейчас расскажет родителям о своих проблемах, точно испортит им настроение, и они будут переживать за нее, лишатся сна. Она подумала и о том, что ее несдержанный отец может позвонить хякиму и наговорить ему грубых слов, потребовать, чтобы он оставил в покое его дочь, и неизвестно, чем тогда все это закончится.

Она ехала сюда с намерением заночевать и даже поднялась в свою комнату и переоделась в домашнюю одежду.

Но по ходу дела передумала рассказывать родителям неприятные новости, а потому и оставаться у них ей расхотелось. Она стала собираться домой.

– Дочка, может, тебе остаться здесь?– предложил отец. Он всегда чувствовал себя спокойно, когда дочь была поблизости.

– В выходные заночую у вас, к тому времени и малышка поправится,– она напомнила им, что дома ее ждут дочка с зятем и маленький внук.

– А что с ним? – с двух сторон вопрошали старики.

– Да дня два уже температура поднимается, я сама его лечу.

Старики сразу же начали переживать за правнука, поэтому больше не настаивали на том, чтобы дочь осталась у них на ночь. Тоты вызвала свою служебную машину и уехала домой. После ее отъезда мать сказала:

– Мне показалось, что Тоты чем-то подавлена. Ты не заметил?

– Наверно, на работе устает. Легко ли ей нести ответственность за такой большой коллектив?

– Наверно, и за внука беспокоится. И потом, бедной моей доченьке никак не улыбнется счастье. Все одна да одна.

– Доля у нее такая.

– Так-то оно так, а ведь, попадись ей хороший муж, она была бы превосходной хозяйкой, прекрасной женой – доброй, заботливой. Неужели же ей не повезет в этой жизни? Пока что-то не видать никого возле нее... – женщина не договорила, глаза ее наполнились слезами. Сердце ее разрывалось от жалости к дочери.

Старик поправил подушку, на которую опирался локтем, и постарался утешить жену.

– Жена, если я не ошибаюсь, у дочери твоей появилась надежда...

Женщина не сразу поняла, что хотел сказать муж, вытирая ладонью слезы, вопросительно посмотрела на него.

– Мне показалось, что у них с Хасаром какие-то особые отношения. Ты не замечала, как она меняется при виде Хасара?

– Нет!

– А я заметил. Он тоже человек со сломанной судьбой, живет один, а вдруг у них что-то склеится?

Мать молчала. Старик почувствовал, что она размышляет над его словами, что не сразу приняла его слова о Хасаре. Но потом, убирая со стола, мать, будто о чем-то вспомнив, стала успокаиваться. Похоже, этот разговор и в нее вселил надежду.

Старик собирался на ежедневную вечернюю прогулку. Зачастую к нему присоединялся и живущий через два дома от него сосед-бизнесмен в надежде, что вечерний моцион поможет ему хоть немного сбросить вес. Во время таких прогулок у них всегда находились темы для разговора.

Но после стычки у здания хякимлика он практически не выходил из дома, и можно было подумать, что он отменил эти гулянья перед сном. Ясное дело, он просто не хотел общаться с опальным стариком, боялся, как бы чего не вышло, если вдруг их увидят вместе. Вначале этот сосед вроде бы даже присоединился к ним, но при первых же признаках недовольства со стороны хякимлика вся его «революционная» деятельность сошла на нет. Хякимлик для всех новых туркмен был на особом счету и в особом почете, потому что они хорошо понимали, что без местной власти им не добиться своей цели. А тем более в таком удаленном от центра месте, как Красноводск.

Старик взял трость и направился к выходу, и в это время кто-то окликнул его с улицы:

– Эй, яшули!

Выглянув в окно, старику увидел при тусклом свете фонаря человека с бумагой в руках, который стоял, прислонившись к забору его дома. «Кто бы это мог быть? Неужели с кем-то из детей стряслась беда?» - подумал старик и поспешил на улицу.

– Яшули, салам алейкум!

– Здравствуй, молодой человек!

– Я принес вам письмо.

– Откуда письмо? Из Казани?

Решив, что это письмо от внука, старик обрадовался: «Вспомнил-таки о нас, сукин сын!» От них уже давно не было никаких вестей.

Когда старик вышел за ворота, человек с письмом в руках отступил назад, словно хотел заставить старика плясать от радости за добрую весть.

И тогда старик увидел за спиной еще одну тень. В то время как передний протягивал старику письмо, тот, что был позади, изо всех сил ударил старика по голове куском арматуры.

Истошный крик, похожий на рев раненого зверя, прокатился по всему дачному поселку. Тем временем на голову старика обрушился второй удар. Выскочившая на крик мужа мать Тоты увидела старика, лежащего на земле в луже крови, его трость валялась в стороне. Его горло издавало свист и хрипы.

– Вай, люди добрые, на помощь! – закричала она, обнимая мужа, и краем глаза увидела вдалеке двух убегающих мужчин.

Когда на крики женщины прибежали дачники, старик лежал без сознания. Глаза у него были открыты, казалось, что он смотрит на луну, которая плывет над дачным поселком, на поблескивающие, словно монисто, звезды и пытается отыскать на небе свою звезду. Дующий с моря ветер, превратившись в родные женские руки, оглаживал его лицо...

* * *

Хасар вместе с Кадыром, заступившим на дежурство одновременно с ним, сидел в дежурке, они пили кофе и мирно беседовали. В это время неожиданно тревожно зазвонил телефон.

– Хасар Маметханович! – голос в трубке был взволнованный, Хасар сразу узнал Тоты.

– Слушаю, Тоты!

– Папа... – она заплакала.

Хасар подумал, что у старика снова начался сердечный приступ и что ему необходима его помощь.

– Я сейчас приеду!

Собрав необходимые инструменты и дав Кадыру соответствующие поручения, он срочно отправился на вызов.

Хасар приехал в дачный поселок через несколько минут после разговора с Тоты, но в доме никого не нашел. Напротив дома старика стояли три молодых человека и переговаривались между собой. Они явно кого-то поджидали, потому что все время озирались по сторонам. Увидев направляющегося в их сторону Хасара, приняли его за работника милиции – человека, которого они ждали. Ребята находились в одном из домов неподалеку и прибежали сюда на душераздирающий крик старика. Двое из них были в просторных футболках, а третий и вовсе был по пояс голым.

Когда Хасар подошел к ним ближе, навстречу ему подался круглоголовый парень, стоявший впереди группы со скрещенными на груди руками.

– Вы не из милиции? – спросил он.

– Нет, а что, милиция до сих пор не подъехала? – в свою очередь спросил и Хасар.

– В милицию позвонили. А пострадавшего родственники увезли в больницу. Нас попросили находиться здесь до приезда полиции, чтобы мы сторожили место происшествия.

Оказывается, эти ребята охраняли клочок земли с лужей крови на нем в качестве улики в том месте, где был жестоко избит старик, и ждали приезда полиции. Один из парней рассказал Хасару, что, услышав крики старика, он выскочил из дома и увидел двух убегающих мужчин. Парень показал рукой, в какую сторону они убежали.

Узнав от ребят, что они все трое друзья и приехали на море отдохнуть, а сейчас оказались случайными свидетелями злодеяния, Хасар вдруг вспомнил двух подозрительных личностей, которых видел во время

вечерней прогулки с женщинами на море, и решил, что именно они и напали на беззащитного старика. Похоже, они уже давно следили за стариком и выучили распорядок дня, если так точно рассчитали время, когда он будет один, чтобы нанести ему смертельный удар. Да Хасар тогда еще, увидев их у моря впервые, почувствовал, что они только изображают из себя отдыхающих, на самом же деле находятся здесь совсем с другими намерениями. Дверь дома старика была распахнута настежь. При свете лампочки, висящей над дверью, он увидел перевернутый башмак без пары, оставленный кем-то впопыхах.

Хасар понял, что Тоты звонила ему не отсюда, а из больницы. Попросив ребят подождать еще немного до приезда милиции, он заторопился в больницу. Если Тоты поспела вовремя, она могла отвезти его только в свою больницу, ведь именно в ней, как в центральной веляятской больнице была сосредоточена вся новейшая медицинская аппаратура от лучших мировых производителей.

Подъехав к больнице, Хасар увидел в сторонке старшего брата Тоты, который курил сигареты одну за другой, и понял, что не ошибся, что старика привезли именно в эту больницу.

Когда Хасар вошел в палату, Тоты вместе с несколькими врачами подключала отца к аппарату искусственного дыхания. При виде Хасара мать Тоты, сидевшая в сторонке, посмотрела на него и ребром ладони отерла полные слез глаза. Всем своим видом она показывала, как сильно надеется на его помощь и верит в спасение мужа. Да и Тоты, увидев Хасара, готового подключиться к ним, тоже вдруг не сдержалась, заплакала, как плачут при виде родного человека, пришедшего на помощь в трудной ситуации.

Ее обычно лучистые красивые глаза были красны от слез, взгляд был потухшим, под глазами образовались черные круги. Тоты показала на отца, который вытянулся на кровати и лежал с закрытыми глазами.

– Вот что сделали с папой!– плачущим голосом сказала она. Она хотела еще что-то сказать, но подступивший к горлу ком перехватил дыхание.

Хасар легко кивнул ей головой, давая понять, что ему все известно, а потом взял ее руку в свою, чтобы как-то успокоить и поддержать женщину, выразить ей свое сочувствие.

Сердце старика билось в груди, но он все еще был без сознания. Он лежал с крепко стиснутыми зубами, лицо его было нахмурено, он как бы говорил своим недругам: «Погодите, вот приду в себя и всем вам покажу, на что я способен! Вы мне за все ответите!» Хасар подумал: «Мы теряем старика... Надежды на его спасение почти никакой», но не посчитал нужным делиться своим мнением с Тоты, понимавшей это не хуже него. Отойдя от больного, Тоты сообщила ему, что вызвала из Ашхабада опытного нейрохирурга.

– А кто приедет? – сразу же заинтересовался Хасар.

– В Ашхабаде сказали, что направят профессора Амана Аннабаевича.

– Аман Аннабаевич... Хорошо, что Аман приедет...

Хасар немного знал Амана Аннабаевича, учился в Ленинграде в одно время с ним. Знал, что он стажировался в клинике нейрохирургии у профессора Волобуева. Хасар сказал:

– Если он скажет, что больной нетранспортабелен и решит оперировать его здесь, я сам буду ассистировать ему.

Видя, что Хасар хорошо отозвался о вызванном ею враче, Тоты посмотрела на него с надеждой.

Ожидаемый врач вылетел из Ашхабада в Красноводск последним рейсом и прибыл уже на закате дня.

Лысеющий профессор не ожидал увидеть Хасара в этих краях, поэтому поначалу не узнал его. Надев белый халат, он стал смотреть по сторонам, пытаясь определить, кто будет ассистировать ему во время операции, и тогда вдруг узнал

Хасара. Вначале удивился. А потом, потрогав по привычке немного выпяченную нижнюю губу, как делал всегда, когда удивлялся, вдруг улыбнулся.

– О, да это вроде бы сам Хасар Мамметханович... Ты, значит, тоже здесь?

– Наконец-то узнал, – улыбнулся и Хасар и дружески пожал руку доктору.

– Да почему же не узнать, просто я слышал, что ты в другом месте, поэтому не мог предположить, что увижу тебя здесь. Изменился, конечно, но не до неузнаваемости. По-прежнему по-военному подтянут, ну а что касается волос... они, захотят, седеют, а захотят – редуют...

Аман Аннабаевич со своим непоседливым характером отказался от предложенного чая и сразу же занялся больным. Поначалу он распорядился: «Готовьте больного к операции!», но потом, осмотрев рану на голове пострадавшего и увидев, что к чему, произнес: «Так-так, вон как», помолчал немного и сказал:

– Большая кровопотеря. Больной ослаблен, поэтому, прежде чем брать его на радикальную операцию, необходимо провести курс инъекций и подкрепить его.

Как врачи, и Хасар, и Тоты поняли деликатность профессора. Было ясно, что он не хотел оперировать такого тяжелого больного, потому что понимал, что тот уйдет еще до конца операции, и тогда он будет чувствовать себя убийцей. Такого позора профессор себе не желал.

Аман Аннабаевич заменил некоторые из назначенных препаратов на общеукрепляющие, после чего Тоты и Хасар, приставив к нему одного из врачей, отправили его отдыхать.

Возле старика остались только Тоты и Хасар. То ли от сильных препаратов, то ли от хорошего ухода, но на третий день старик стал приходить в себя, у него задрожали губы. Тогда его губы смочили водой. Старик едва заметно облизал их. Потом прорезались глаза, и когда поднялись веки, из-под них показались знакомые глаза, закрывшиеся три дня назад.

Увидев возле себя толпу людей и не понимая, где находится, старик взглядом удивленно спросил:

– А вы что тут собрались? – и сделал попытку приподняться.

И у собравшихся людей появилась маленькая надежда.

Тоты большую часть дня курсировала между палатой отца и своим кабинетом. Она не находила себе места, беспокоилась и переживала за старика. Хасар и мать Тоты избрали ее кабинет своим временным пристанищем. Хасар за последнее время сильно привязался к старику, любил его, как родного отца, и ни за что не хотел оставлять его в таком состоянии. Как врачи они вместе с Тоты постоянно обсуждали состояние больного.

Хасар и Тоты обедали в кабинете, когда пришел дежурный врач и сообщил, что состояние больного несколько изменилось, и они оба схватили с вешалки свои халаты и поспешили в палату к старику, чтобы своими глазами увидеть все.

Тоты села рядом с отцом, взяла его руку и сжала, и снова в душе у нее появилась маленькая надежда. Ей хотелось снова видеть отца здоровым и веселым, не расстающимся с шумным телевизором, обсуждающим все новости. И сейчас она вдруг поверила, что так оно и будет.

Мысленно Тоты уже забирала домой поправившегося отца, давала садака во здравие его, а людям, пришедшим на их семейный праздник, она как о дурном сне рассказывала о случившемся и радовалась, что самое страшное уже позади. Она гордилась своим отцом...

Юный зять, который все это время находился рядом и видел, как страдала теща, как она все эти дни провела на ногах, а он на машине сновал между домом и больницей и возил еду, узнав о том, что бабушке стало легче, поспешил донести эту добрую весть молодой жене и обрадовать ее.

Не прошло и часа, как зять вернулся в больницу и привез старику приготовленный женой бульон из цыпленка. Тоты

стала из ложечки кормить отца, поднося бульон к губам, протертым влажной салфеткой. Но старик ничего не выпил, бульон стекал с его губ по щекам и исчезал в отросшей за эти дни бороде. И лишь когда его губы снова протирали влажной салфеткой, он, похоже, ощутил вкус бульона и пошамкал губами.

Кажется, надежды близких стали оправдываться, впервые за три дня старик приподнял веки, из-под которых сверкнули родные глаза.

Заметив произошедшие перемены, Хасар обрадовался, как радуется рыбак, когда видит, что леска удочки натянулась и на крючок попалась рыба. Он положил в свою ладонь вторую руку старика и сел с другой стороны. С надеждой смотрел на приоткрывшиеся глаза, на блеснувшую в них искорку жизни.

Старик стоял на краю пропасти, а Хасар и Тоты, намотав на руки концы веревки, которой он был обвязан, изо всех сил старались удержать его и не дать рухнуть вниз.

Один раз Тоты склонилась над отцом и спросила: «Папочка, ты слышишь меня?», на что тот, сделав движение веками, дал понять, что слышит, но не может говорить, а потом с трудом разнял распухшие губы и пошевелил ими, сказать что-то хотел, но не смог, зато легонько стиснул руки Тоты и Хасара, державшихся за его руки. Хасар и Тоты переглянулись, пытаясь понять, что это означает, может, таким образом старик соединял их, просил не терять друг друга?

Когда старик приоткрыл глаза, собравшиеся поверили, что теперь он поправится, и, чтобы не утомлять его своим присутствием, вышли из палаты, давая больному отдохнуть. Они надеялись, что после сна старик оживится еще больше.

Когда пришло второе сообщение об ухудшении состояния старика, Тоты, верившая в выздоровление отца, сидела за столом в кабинете и, положив голову на руки, дремала после многих бессонных ночей.

Хасар сидел у окна и наблюдал за наступающим утром. Воздух стал серым, пыльного цвета, создалось впечатление, что все вокруг наполнилось паром. За окном на ветру шелестела листва высокого дерева, от порывов ветра ветви наклонялись до самой земли, а потом вдруг вскидывались вверх, словно приготовившись взлететь.

Хасар и Тоты примчались в палату, состояние больного было критическим. Не прошло и часа, как старик на глазах родных и близких навсегда покинул белый свет.

Поехали за матерью Тоты, она кинулась на остывающее тело мужа и завопила: «Вай, отец, как же мы теперь будем жить без тебя?»

Тоты молча лила слезы, хоть она и была врачом, отцу своему помочь ничем не могла.

Хасар подвязал подбородок старика, связал большие пальцы обеих рук и стал готовить старика в последний путь.

На другой день, когда приехали родные и близкие из Мары, Ашхабада и других мест, старика со всеми почестями проводили в последний путь.

Давно уже город не видел такой огромной толпы народа.

* * *

После столкновения с хякимом города в связи с дачным поселком Хасар, как и многие другие, понимал, что спокойно жить в Красноводске ему не дадут, но ему не хотелось покидать насиженного места, и он решил переждать это смутное время в надежде на смену мэра, волею судьбы ставшего полновластным хозяином города. Этот город был его малой родиной, здесь он родился и вырос, и он снова вернулся сюда, гонимый ветрами семейных бурь. Здесь жили люди, которые понимали и хотели понимать его, здесь были его родные горы и любимое море, и, как всегда, они стали его надежной опорой.

Велик Туркменистан, но отступать некуда, позади – Хазар, говорил он себе, переиначивая слова майора Кличкова.

К этому времени практически все, кто принимал участие в мятеже, получили то или иное наказание от городского головы. Кто-то был понижен в должности, а кто-то под разными предлогами и вовсе изгнан с работы. Многие правоохранительные органы города превратились в службы охраны прав городского хякима, а заодно они взяли под наблюдение всех баламутов этого города.

В городе все еще продолжались репрессии родственников зачинщиков мятежа, таких, как Хасар и старик. На них нападали из-за угла и избивали, а то и увозили куда подальше.

Это было время, когда Хасар сильнее прежнего нуждался в поддержке близких людей. Он все чаще ловил себя на мысли: а не уехать ли в другую страну? При этом всегда вспоминал своего российского друга, настойчиво приглашавшего его на работу. Собственно, здесь его уже ничто не держало, если не считать матери и семьи младшего брата.

Вскоре после того, как он остался без работы, ему из Стамбула позвонила Гуловсер ханум. Она и прежде время от времени звонила ему и интересовалась его жизнью. Позвонила и выразила соболезнование в дни гибели Арслана. Как-то раз она сказала ему по телефону: «Я была во многих местах Туркменистана, а вот в Красноводске побывать не довелось. Если получится, приеду, хочу посмотреть, где ты живешь». Хасар пригласил ее, пообещав прокатить с ветерком на своей лодке и сделать для нее эту поездку незабываемой. То, что Хасар остался без работы, Гуловсер, видимо, узнала от Дуньи или еще от кого-то. Вначале она позвонила Хасару домой, но не застала его там. Тогда она назначила время и вызвала его на переговоры.

На следующий день они еще раз поговорили по телефону. Гуловсер пригласила его на работу в Стамбул, заявив, что хочет видеть его рядом с собой. Хасар знал, что Гуловсер и в самом деле хочет видеть его постоянно, что она готова в трудную минуту прийти ему на помощь. В душе

он был благодарен этой женщине за ее заботу и внимание. Но принимать ее приглашение, как бы заманчиво оно ни было, Хасар не спешил. Каждый раз, когда возникало желание бросить все и уехать куда подальше, Хасар сам себя одергивал: «Разве ты уже не наездился, не навидался всего?»

Его жизнь все еще была покрыта мраком, и рассеять его мог только свежий ветер со стороны. Хасар знал, что стал опальным, для многих – изгоем, но верил, что так будет не всегда, если в центре узнают о том, что творится на этой окраине, то хякиму города точно не поздоровится, и уж во всяком случае, его непременно настигнет Божья кара, как настигает она всех без исключения тиранов. Эта уверенность и удерживала его здесь.

* * *

С некоторых пор Хасар стал выходить в море вместе с Кадыром, так же, как и он, оставшимся без работы. Он наладил стоявшую в гараже младшего брата моторную лодку, и теперь они на ней за плату катали людей. Он хорошо знал, что в трудное время Хазар приходил на помощь и его предкам. Он помнит рассказы стариков о том, как спасало их море в голодные военные годы.

Лето было в разгаре, вода в море прогрелась, и желающих отдохнуть на побережье становилось все больше. В эти дни работы Хасару с Кадыром хватало, на своей лодке они обслуживали отдыхающих, устраивая для желающих морские прогулки. Люди с берега видели, как лодка с надписью на боку «Белая чайка», загрузившись взрослыми и детьми, носится по морю из стороны в сторону. То и дело на берегу раздавались голоса: «Белая чайка», плыви сюда!"

Загорелый, обросший бородой и усами, в широкополой солдатской шляпе, теперь Хасар был похож не на врача, а на прожженного солнцем и дубленного солеными ветрами матерого рыбака.

По ночам берег пустел, казалось, что работы уже не будет, но это не так, особенно с тех пор, как на побережье появились высотные фешенебельные отели, населенные богатыми постояльцами.

Проводя все вечера в ресторанах, вкусно поев и изрядно приняв на грудь, эти люди после закрытия заведений придумывали себе дальнейшие развлечения. В обнимку с такими же пьяными женщинами шли на море, смеялись, веселились, кто-то купался в море, кто-то нанимал лодку и вместе со своими подругами отправлялся в ночное плавание.

Помня о том, что лето скоро кончится, а вместе с ним иссякнет и поток любителей ночных приключений, Хасар с Кадыром старались не упустить ни одной возможности заработать.

В один из таких дней присланный на место Серкяева новый начальник санатория майор Чапханов угощал на террасе второго этажа с видом на море ответственного работника Генштаба генерала Шатдыева, который приехал с женой и дочерью и пятилетним внуком.

Отсюда можно было наблюдать за морем, за шумными отдыхающими, слушать плеск воды и веселые голоса людей, наслаждаться отдыхом.

Члены семьи гостя решили пойти искупаться, зная, что к вечеру вода в море становится еще теплее. Они ушли на море втроем.

Майор увидел, как его гости взяли одну из лодок, стоявших на приколе в ожидании клиентов. Лодочник с седой бородой, протянув загорелые руки, помог им забраться в лодку. Он взял на руки мальчика, занес его в лодку и отдал сидевшей там женщине. Когда он обернулся, начальник пансионата сразу же узнал его. Это был Хасар.

В тот день, когда полковник Серкяев ушел с работы, а на его место пришел старый знакомый, Хасар с ходу написал заявление об увольнении и, не дожидаясь ответа, ушел с работы. Есть у туркмен такая поговорка: «Змея ненавидит

мяту, а та растет возле ее норы». В этот момент Хасар понял, что упорно преследовавшие все это время неудачи снова догнали его.

Похоже, и генерал, внимательно всматривавшийся в происходящее на берегу, заметил это.

– Кажется, наши сели в лодку, – сказал он сидящему напротив него майору и кивком головы показал в сторону моря. Он вспомнил, что уже пару раз видел, как этот пожилой лодочник устраивает морские прогулки.

Начальник госпиталя посмотрел в ту сторону, куда показывал генерал, и увидел, что Хасар, посадив членов его семьи в лодку, плывет в открытое море.

– Это ваши, товарищ генерал, видно, решили совершить морскую прогулку.

– Наверно, внук настоял. Он любит такие вещи.

– Конечно, это ведь большое удовольствие, прокатиться на лодке по морю, тем более в его возрасте.

– Сдается мне, этот пожилой лодочник появился на море с недавних пор, в прошлые приезды нам не доводилось встречать его, – заговорил генерал, и начальник госпиталя беспокойно заерзал на месте. Ему вдруг стало страшно. А что будет, если генерал узнает, что лодочником является Хасар? Он может вспомнить его, и, вполне возможно, впоследствии встать на его защиту, а если такое случится, станет известно и об его неприязненном отношении к Хасару, и это может не понравиться высшему руководству и тогда могут, где надо, поставить вопрос о нем самом. «Он же врач, а к врачам любой может попасть, в том числе и этого генерала он мог лечить, либо кого-то из его детей», – с опаской думал майор.

Но вскоре генерал, внимательно следивший за лодкой, в которой уплыли его родные, отвлекся от прежних мыслей и заговорил о другом:

– А что, вы не можете своими силами организовывать такие прогулки? – спросил он у начальника санатория майора Чапханова.

– Это здесь изначально не было организовано, товарищ генерал, ну а я что, я новый человек. Но вы правы, неплохо было бы нам самим оказывать такие услуги... В следующий приезд будете на нашей лодке плавать, товарищ генерал!- Чапханов взял на себя такое обязательство, стараясь убедить в этом генерала и подняться в его глазах.

Наблюдая издали за внуком, который, радуясь морской прогулке, стоял в лодке между матерью и бабушкой, генерал думал о том, как радуется ребенок, представляя себя моряком.

Несмотря на то, что генерал оставил в стороне разговор о старом лодочнике – Хасаре, начальник пансионата, опасаясь, что его потом могут в чем-то обвинить и, желая выяснить отношение генерала к Хасару, вынужден был вернуться к этому разговору.

– И потом, товарищ генерал, та лодка, на которую сели ваши родные, для нас не совсем и чужая.

– Как это понимать?

– Лодочник – наш бывший работник, полковник Мамметханов.

– Гмм... - генерал удивленно покачал головой. – Как же так получилось... Он случаем не отец летчика Арслана Мамметханова?

– Он самый.

Видно было, что генерал задумался о судьбе достойного человека, оказавшегося в таком незавидном положении. Он не был близко знаком с самим Хасаром, зато хорошо знал летчика Арслана Мамметханова, которого ожидало блестящее будущее завтрашнего генерала.

«Вот ведь как бывает: с такой высоты человек скатился так низко!» – сокрушался о судьбе Хасара генерал.

Начальник санатория рассказал генералу о семейной драме Хасара, следствием чего стало его возвращение в родные пенаты. Поначалу Хасар долго не мог устроиться

здесь на работу, но некоторое время назад он нашел покровителя в лице Серкяева и работал в пансионате, но после стычки с хякимом города на почве дачного поселка оставлять его здесь не было никакой возможности. Недавно хяким вызвал его к себе и сказал: «Хоть вы и военные, но, находясь на нашей территории, обязаны подчиняться нам!», – а потом вспомнил о Хасаре: «У тебя работает человек, изгнанный со всех предыдущих мест!», на что я сразу же ответил, что прогнал его в тот же день, как заступил на это место.

Глядя вслед лодке, в которой находились его близкие, и которая мчалась по волнам все дальше и дальше, так что скоро могла исчезнуть из виду, генерал слушал рассказ начальника пансионата о событиях последнего времени с хмурым лицом, чувствовалось, что все это ему не по душе.

Похоже, все услышанное вызвало у генерала и другие мысли. «Наш народ пока что не в состоянии осмыслить, что такое капитализм. Многие понимают эту свободу как вседозволенность. Раньше героями становились честные труженики, они удостаивались всяческих почестей и наград, теперь героями дня стали те, кто умело использует должности в корыстных целях и становятся миллионерами, богатеют за счет разворовывания государственного имущества. Но так будет не всегда. Время все расставит по своим местам. Ведь не зря говорят китайцы: "Хочешь пожелать врагу зла, желай ему жить в эпоху перехода от старого к новому"».

Вот и у нас сейчас настало такое время, когда обесценились наука, литература, искусство. За бортом оказались такие нужные обществу люди, как Хасар и ему подобные.

Сможет ли генерал объяснить это начальнику санатория, который смотрит на капитализм со своей колокольни? Его мысли перекинулись на хякима города. Этот человек, явно

не наделенный аналитическим умом и не знающий чувства меры, решил, что занимаемый им пост позволяет ему бесчинствовать и расправляться с людьми, посмеявшимися выступить против его незаконного решения... Похоже, никто не доводит до сведения лидера фактов произвола со стороны его ставленников. Но он все равно узнает и обязательно даст по носу городскому голове, думаю, это время не за горами... Может, и за решетку его упечет...

Он обратился к начальнику санатория, который сидел, обливаясь потом от волнения и не зная, как реагировать на ироничную улыбку генерала:

– Тебе-то не надо было отпускать его! Такие опытные врачи, как Хасар Мамметханович, на дороге не валяются! У нас и сейчас госпитали держатся только на старых кадрах с огромным жизненным и профессиональным опытом. Напротив, надо открывать новые отделения и использовать их наработанный годами опыт... Ну и что, что сказал хяким города? Надо было послать его куда подальше, пусть своими делами занимается, сказать, что кадровые вопросы решаешь не ты, а министр обороны. На свое требование он бы такой ответ получил из министерства, что мало не показалось бы, в другой раз он не посмел бы совать свой нос в дела военных. А наш министр достаточно хорошо знает и Хасара Мамметхановича, и его сына. Как-то раз затронули вопрос о летчиках, и тогда министр сказал: «Вот как нужен сейчас Арслан Мамметханов, тогда все вопросы бы отпали». Очень он жалеет, что сын Хасара так рано ушел из жизни.

Слушая генерала, начальник санатория, осознав, кто может стоять за спиной Мамметхановых, как человек сообразительный понял, что ему надо придумать какую-то другую отговорку и убедить своего высокопоставленного собеседника в том, что он не имеет никакого отношения к увольнению Хасара. Заодно он вспомнил и короткий телефонный разговор, состоявшийся между ним и Хасаром перед его уходом.

– Хасар Мамметханович, что же вы уходите?

– Так надо, господин начальник!

– Вчера я подписал ваше заявление, все документы получите в отделе кадров.

- Хорошо, буду в тех краях – зайду за документами.

Размышляя над непростой судьбой Мамметхановых и вспоминая все, что знал о них, генерал взял сигареты и спички, оперся о подоконник террасы и, не прерывая дум, закурил.

Он смотрел на море, выискивая глазами лодку, в которую сели его родные.

А в это время их лодка стремительно летела на запад, спешила туда, чтобы успеть увидеть закат. Мальчик стоял между матерью и бабушкой, упершись ручками в их плечи, и радостно и удивленно смотрел по сторонам. Ему казалась, что сейчас их лодка насквозь пронзит спускающийся в море солнечный шар и полетит дальше.

Этот бойкий и любознательный малыш напомнил Хасару его внуков. И они тоже, каждый раз катаясь на лодке, также волновались и испытывали такой же восторг.

В такие моменты море казалось еще таинственнее.

В какое-то мгновение Хасар снова вспомнил о погибшем сыне Арслане, о его осиротевших детях, о своей рухнувшей семье и опять расстроился. Если бы все было как прежде, сейчас оба его внука находились бы рядом с ним. Когда он говорил по телефону с Дуньей, она обещала отослать внуков к нему, но потом переиграла: «Их мать устроилась на работу и теперь детей некому везти». Хасар же знал, как им хочется приехать к нему и быть рядом с дедом. Тогда он предложил самому приехать за ними, однако Дунья не желала его приезда, поэтому неопределенно ответила, что постарается найти время и сама привезет детей к нему. Недавно он снова позвонил в Ашхабад, чтобы узнать, когда ему ждать внуков, но теща ответила, что Дунья собирается везти внуков на отдых в Турцию, в Анталию, и уже пакует

чемоданы. «Эта баба делает все возможное, чтобы не дать мне встретиться с внуками!» – раздраженно подумал Хасар.

Еще немного поведив моторку, Хасар сбросил скорость. Ее пассажиры получили удовольствие от прогулки на этой лодке. Начало темнеть.

Воспользовавшись тем, что лодка пошла тихим ходом, мальчишка вырвался из рук матери и бабушки и подошел к Хасару.

– Дедушка, а можно мне немножко порулить лодкой?

– Иди ко мне, детка, – Хасар с любовью посмотрел на мальчика, немного отодвинулся в сторону и усадил его рядом с собой.

Одну руку мальчика положил на руль моторки.

Улыбающееся лицо ребенка светилось счастьем. Он с гордостью взирал на мать и бабушку, мол, смотрите, я стал настоящим матросом!

Любознательный мальчишка хотел знать все, взрослые улыбались его вопросам.

– Дедушка, а ты моряк?

– Ты же сам это видишь!

– А что там, где кончается эта большая вода?

– Если плыть на север, там будет город Баку, а на юге – Иран.

– А это далеко?

– Не очень-то и близко.

– Дальше, чем наш Ашхабад?

– Ну, примерно столько.

– А что надо делать, чтобы стать моряком?

– Ты в школу ходишь?

– В этом году я закончил подготовительный класс детского сада, а 1 сентября пойду в 1 класс.

– Тогда надо хорошо учиться.

– Лучше всех?

– Если сможешь, то конечно, лучше всех. А еще надо любить спорт и стать сильным...

-
-
- А ты, дедушка, когда был маленьким, был сильным?
 - Не без этого.
 - Ты и сейчас очень сильный?

Хасар видел, что мальчик хочет ему что-то сказать, и посмотрел на него вопросительно.

- Я бы не сказал, что я не силен.
- Значит, ты и нашего педагога победишь?

Мать и бабушка мальчика при этих словах ребенка смущенно заулыбались.

- А кто твой педагог?
- Толстая воспитательница из нашего детского сада.

Хасар улыбнулся:

– Ну, если доведется встретиться, можно и силами померяться, – ответил он в тон ребенку.

Слова ребенка развеселили взрослых.

Пассажиры лодки еще какое-то время любовались морем и вслушивались в вечерний шепот его волн. Море было загадочным и увлекательным.

Когда Хасар направил лодку к берегу, там уже ярко горели фонари, похожие на ночные маяки.

Хасар и мальчик как дед и внук рулили лодкой до самого берега.

* * *

В один из таких дней Тоты на попутной машине приехала в свой дачный дом. После похорон отца она забрала мать к себе и с тех пор ни разу не появлялась здесь. Пока ехала сюда, всю дорогу думала об отце, и под конец ей стало казаться, что отец ее жив и сейчас она увидит его сидящим перед телевизором в своем любимом кресле. А отец, как это было всегда, радостно спросит: «Ты приехала, дочка?»

Вернувшись из заоблачных высей в реальную жизнь, Тоты вспомнила, как погиб ее отец, и на нее снова накатила боль и обида за отца: «Папочка, тебе не дали даже в собственном доме спокойно умереть», – грустно думала она.

Через пару недель после проверки, устроенной в ее больнице под руководством Янджика Мяджикова, не найдя ничего такого, к чему можно было бы придраться, Тоты была уволена с работы с формулировкой «за неудовлетворительное ведение учета медикаментов». При этом ей не предложили даже места рядового врача, как она надеялась. Бурные волны жизни и ее выкинули на пустынный берег.

Поначалу Тоты думала бороться за свои права, чтобы восстановить репутацию и доброе имя.

Ее тогда не очень-то пугало неравенство сил. А еще где-то в глубине души она таила надежду на то, что наверху ее поддержат. В числе тех, на чью поддержку она рассчитывала, был и хяким веляята.

Где-то с полгода назад на одном крупном совещании он назвал ведомство, которое возглавляла Тоты, передовым, а ее представил умелым руководителем. Все это вкупе с тем, что после собрания хяким оставил ее для разговора тет-а-тет породило массу слухов, в том числе и слух о скором назначении Тоты руководителем областного отдела здравоохранения.

После увольнения, как считала Тоты незаконного, она попыталась попасть на прием к хякому веляята через его помощника.

Но помощник вежливо отказал: «Босс сейчас очень занят и не сможет принять вас. Вы зайдите к его заместителю!»

Сорвалась и ее попытка поговорить с хякимом по телефону. Только после этого она догадалась, что и хяким веляята оказался среди тех, кто поддерживает действия городского головы, недовольного поступками ее отца.

Поняв, что хяким веляята ей не помощник, она обратилась к высшему руководству своей системы.

Женщина, занимавшая пост одного из заместителей министра, состояла в близком знакомстве с Тоты. Каждый раз, приезжая по делам службы в веляят, большую часть

времени она проводила у Тоты и была благодарна ей за оказываемое внимание. Выслушав Тоты по телефону, она пообещала переговорить с министром и в скором времени дать ей ответ, при этом уверила ее, что министр непременно вызовет ее к себе.

Но прошло почти полмесяца, а оттуда, ни слуху, ни духу. Теперь упорно молчала и женщина, которая в прежние времена чуть ли не каждый день названивала ей, справлялась о здоровье и делах, а потом с удовольствием вспоминала шашлыки из рыбы и устраиваемые в ее честь приемы. Тоты, все еще не потеряв надежды, по-своему расценила это молчание. «Наверно, министр где-нибудь за рубежом с визитом находится, а может, у него еще какие-то неотложные дела», – успокаивала она себя.

Люди, хорошо знавшие Тоты, ее решительный и независимый характер, который она унаследовала от отца, были уверены, что без боя она не сдастся и обязательно добьется своего.

Это было как раз то время, когда мстительный хяким города, ненадолго притихнув, опять поднял голову и с новыми силами взялся уничтожать своих противников.

И снова пошли слухи: «Говорят, людям опять будут вручать уведомления о сносе дачного поселка». Теперь Тоты каждый раз, отправляясь на дачу, готовилась к тому, что там ее будет ждать такая бумага.

Порывшись в сумке, она достала ключи от дома. Шторы были задернуты, поэтому в доме было темно.

Тоты пошарила по стене, нашла выключатель и щелкнула им. Комната озарилась ярким светом. Тоты прилегла на отцовском диване и вытянула ноги, чтобы немного отдохнуть с дороги. Раньше она все время приезжала сюда на машине, поэтому усталости не знала, теперь же чаще всего ей приходилось идти пешком, и она, отвыкшая от этого, быстро уставала.

Отдохнув немного, Тоты вышла во двор и с удовольствием вымылась в летнем душе, на крыше которого стояла бочка с нагретой солнцем водой. При виде темных кругов вокруг сосков, она улыбнулась, вспомнив недавний случай с внуком – сыном младшей дочери. Дочери не было дома, малыш стал плакать и она, чтобы успокоить его, склонилась над люлькой и хотела дать ему свою грудь. Но ребенок оттолкнул ее грудь ручонкой, как бы говоря: это не мамина. «Ну, поплачь тогда, пока мама не появится, тебе это пойдет на пользу, голос разовьешь, ведь все сарыки музыканты и певцы!» – сказала Тоты, ей ничего не оставалось, как терпеть ор малыша и ждать прихода его матери. При воспоминании о внучонке по телу ее каждый раз разливалась теплая волна. Из душа Тоты вышла посвежевшей. Но мысли о внуке все еще не покидали ее.

Однажды Тоты взяла внука из люльки, как врач хотела осмотреть его, и понесла в удобное для этого место, но дочери показалось, что мать держит ребенка неловко, и она крикнула:

– Мама, не урони малыша!– дочь резко вскочила с места и потянулась за ребенком.

– А тебя кто носил на руках, пока ты росла?– с ироничной улыбкой спросила мать.

Тоты, у которой когда-то был точно такой же случай, правильно поняла свою дочь. Тоты и сама, когда ее старшая дочь была младенцем, точно также воскликнула, увидев, как ее мать держит ребенка, ей тогда показалось, что мать может уронить девочку.

– Мама, ты же уронишь ее!

На лице матери изобразилось возмущение: «Сиди уж, а кто за твоими братьями смотрел? Ты что ли?»

Тоты до сих пор со стыдом вспоминает, как она выразила матери недоверие.

Внучек, росший не по дням, а по часам, был хорошеньким. Его хотелось брать на руки и тискать, тискать в объятиях любви.

Собираясь на дачу, Тоты снова вспомнила о Хасаре. Вернее, теперь она постоянно думала о нем. Пока был жив отец, они довольно часто виделись, и она привязалась к нему. Когда Хасар был рядом, она чувствовала себя уверенной, защищенной. Тоты считала Хасара достойной парой для себя и втайне мечтала о том, что когда-нибудь они будут вместе.

В последнее время она видела Хасара только на поминках по отцу. На таких мероприятиях особо не поговоришь, поэтому их встречи были короткими.

Их тянуло друг к другу, оба это чувствовали и были готовы к более тесным отношениям, однако обстоятельства складывались не совсем так, как того хотелось Тоты. Хасар ничего не говорил ей о своих чувствах, не делал никаких попыток сблизиться, ну а Тоты как женщина не смела первой идти навстречу.

Ей казалось: прояви она большую инициативу, Хасар может неправильно понять ее, а то и вовсе оттолкнет: «Товарищ студентка, ты меня неправильно поняла, я смотрю на тебя как преподаватель на студента, а еще меня связывает с тобой моя дружба с твоим старым отцом...»

Но сегодня, собираясь в дачный поселок, Тоты твердо решила встретиться с Хасаром. Она надела узкое коричневое платье, обтягивающее ее и подчеркивающее все достоинства фигуры, которое очень шло к ее лицу.

Кроме печали, затаившейся в глубине ее красивых глаз, больше ничего не напоминало о трауре, который она носила по отцу.

Рассыпанные по плечам волосы она собрала в красивый узел и прихватила заколкой, на немного загорелое лицо нанесла легкий макияж, и теперь не была похожа на ту Тоты, которая так долго не снимала с головы черный траурный платок.

Как ни старалась Тоты держаться, жизнь ее день ото дня становилась тяжелее. Но она может стать еще хуже,

если учесть, что из-за поступка отца осталась без работы, а значит, и без заработка. Иногда она ловила себя на мысли, что, может, в поисках заработка ей податься в Россию или в Турцию, без денег ей долго не протянуть, а до пенсии еще очень далеко. Она постоянно думала о том, как выйти из сложившейся ситуации.

Тоты открыла окна и проветрила дом. Прошлась по комнатам, проследила за порядком в них.

Отправляясь сюда, она захватила из дома купальник, полотенце и подстилку в надежде сходить на море и искупаться в нем. Так она делала всегда, когда ехала сюда летом. Хотела с удовольствием поплавать в море, а заодно, если повезет, встретить Хасара. Она очень сильно скучала по нему, тот часто бывал у них дома при жизни отца, и она привыкла часто видеть его.

Даже само желание окунуться в море у нее было связано с желанием встретить Хасара. Она знала, что он где-то поблизости, и это осознание грело ее душу.

Взяв с собой нужные вещи, Тоты вышла из дома, чтобы пойти на море. Знакомая женщина, жившая по соседству, возилась возле своего дома, но как только увидела выходящую из калитки Тоты, отвернулась и сделала вид, что не замечает ее, а затем схватила стоявшее рядом ведро и, не оборачиваясь, направилась к своему дому. Тоты ее поведение не понравилось. Она думала подойти к ней и как с соседкой перекинуться парой фраз. Прежде эта женщина, встречаясь с Тоты, непременно называла ее доктором и очень мило разговаривала с ней. При этом она была сама любезность и изъявляла желание быть к Тоты поближе и всячески угождала ей.

Лет пять-шесть назад, когда ее брат, оставшийся один после отъезда жены и детей в Казань, на какое-то время переехал жить на дачу. Как-то Тоты приехала на машине, чтобы проведать брата, и увидела, как он вместе с этой женщиной распивает коньяк.

После этого соседка и вовсе стала любезничать при встрече с Тоты. Так что отношения у них были хорошие.

Однако ни она, ни ее муж не пришли на похороны и поминки старика. Тоты подумала, что женщина боится, что может открыться ее тогдашняя измена, поэтому она избегает общения с ними. Но пусть даже она не появилась на поминках, все равно Тоты думала, что при встрече она хотя бы подойдет к ней и выразит соболезнование.

Поначалу и ее муж присоединился к воюющим за права дачников, но после, услышав грозный рык городского хякима, испугался и отошел в сторону, спрятал голову в песок, как это сделали многие из мятежников.

До того он чуть ли не каждый день ходил к старику и подстрекал его, делал вид, что поддерживает того, но в назначенный день на площади перед хякимликом так и не появился. Будто бы в этот день у него появились неотложные дела.

Когда соседка сделала вид, что не заметила Тоты, ей захотелось ответить той тем же. Она тоже сделала вид, что не замечает ее и, чтобы не проходить мимо нее, повернула в другую сторону и пошла другой дорогой.

Дачный поселок жил обычной летней жизнью – шумно и весело. На пути к морю Тоты встречала полураздетых мужчин и женщин, детишек. Впереди нее к морю спешили две женщины с детьми, в руках они несли полные сумки с провизией и надувными игрушками.

Разглядывая идущих впереди детишек с обгоревшими плечиками, торопившихся как можно скорее попасть на море, Тоты подумала: «Вот кто больше других радуется морю!»

Тоты шла к морю по нагретой солнцем песчаной дорожке, песок набивался в обувь, платье на спине и плечах взмокло от пота и прилипло к телу. Ей передалось настроение отдыхающих, хотелось поскорее окунуться в воду. Тоты

видела, как люди, дойдя до пляжа, спешно стягивали с себя одежду и стремительно бросались в воду.

Чем ближе был берег моря, тем прохладнее становился воздух. Погрузившись в размышления о море, она на какое-то время забыла о своих проблемах и переживаниях. Тоты привели в чувство неожиданные крики одинокой чайки, отставшей от своей стаи и лениво кружившейся над ее головой. Ей показалось, будто ее спросили: «Ты же шла сюда, а почему тогда мимо проходишь?»

Тоты остановилась и посмотрела на чайку, летавшую над волнами, и увидела, что она и в самом деле проходит мимо того места, где собиралась отдохнуть и позагорать.

Сняв верхнюю одежду, Тоты осталась в одном купальнике. Разглядывая себя и поправляя на себе одежду, она заметила, как выпячивают ее груди, ей вдруг стало стыдно, и она поспешила укрыться в воде. Вода была теплой и приятной для тела. Она напонила Тоты домашнюю ванну, наполненную теплой водой. Будучи местным жителем, Тоты очень хорошо плавала. Вначале она заплывла далеко от берега, там, сделав глубокий вдох и наполнив легкие воздухом, некоторое время лежала, распластавшись, на поверхности воды, как в люльке раскачиваясь на волнах.

Солнце стало припекать, и люди стали уходить с пляжа. Берег снова опустел.

Оставшись в одиночестве, Тоты вернулась к мыслям о своей жизни. Ее не устраивало то, что сейчас происходило с ней.

Но она не знала, что надо делать, чтобы изменить свою жизнь, не знала, как выйти из сложившейся ситуации. Она не чувствовала за собой никакой вины и потому не могла успокоиться и металась как загнанный зверь. Ей порой приходила в голову мысль, что в одиночку она ничего не добьется, что ей необходимо объединить усилия с кем-нибудь из единомышленников, все тщательно обсудить и попытаться вместе найти выход из этого лабиринта.

При этом перед ее мысленным взором всегда возникал Хасар.

Хасар все еще оставался для нее неразгаданной тайной.

Тоты поплыла к берегу, чтобы немного передохнуть, и увидела только что вышедшую из воды полную женщину, которая, приставив ладонь к глазам козырьком, смотрела вдаль, кого-то выискивая взглядом, и что-то бормотала себе под нос.

– Станешь искать, никогда не найдешь их... А когда не надо, они вечно вокруг тебя порхают...

– Что, хотите прокатиться с ветерком?- выходя из воды, спросила Тоты, догадавшись, кого она высматривает.

– Да мне-то это не надо, а вот внуки привязались, давай, говорят, бабушка, перед уходом еще раз прокатимся на лодке. Вот я и хотела покатаь их...

– Лодки должны быть, просто они, скорее всего, выходят в море по вечерней прохладе.

– Да нет, если им заплатить, для них нет разницы, в какое время возить людей. Вот только в последнее время они чаще всего крутятся в новых местах. Наверно, богатые люди им и платят неплохо. Она с недовольным видом кивнула головой в сторону стоящего вдалеке многоэтажного дома отдыха.

После этого мимолетного разговора Тоты показалось, что откуда-то на своей лодке должен появиться Хасар.

Каждый день, когда солнце начинало припекать, люди старались укрыться от него. Тоты видела, что люди собирают свои вещи и потихоньку уходят в сторону дачного поселка, но сама уходить не спешила.

Да и потом, куда ей было спешить? Раньше, когда она работала и руководила большим коллективом, о таком отдыхе не могла и мечтать.

Она снова вошла в воду и еще какое-то время плавала, наслаждаясь своей вынужденной свободой.

Устав от плавания, Тоты выходила на берег и отдыхала. После воды солнечные лучи не казались такими обжигающими.

Она лежала на песке то лицом вниз, подставляя солнечным лучам спину, то садилась, вытянув ноги перед собой, посыпала песком плечи и впитывала в себя жар земли. С нее градом лил пот.

Так сильно она потела только в двух случаях – когда загорала и купалась в море, и когда со всей страстью предавалась любовной страсти в объятьях мужчины. Тоту казалось, что между этими двумя моментами есть какая-то близкая связь. Она была права, потому что как все плохое похоже друг на друга, так и все хорошее имеет между собой сходство.

Эти мысли еще больше распалили желание Тоты видеть Хасара.

В тот момент, когда Тоты появилась здесь, около дома Хасара никого не было видно. Похоже, в поисках заработка Хасар снова вышел в море.

Он никогда не сдавал комнат отдыхающим. Иногда на выходные сюда приезжали его мать и младший брат с детьми. Мать и брат приезжали провести его и делали все, чтобы поднять ему настроение и не дать чувствовать себя покинутым. Ну а детям здесь было раздолье, они купались в море, ловили рыбу. А тем временем жена брата наводила в доме порядок, стирала, готовила обед...

Машина Хасара стояла в тени перед домом.

Тоту хотелось пить. Она подумала: если Хасар дома, попросит его напоить ее чаем. Но его не оказалось дома, и она подумала было пойти к себе, утолить жажду, пообедать, а позже снова прийти сюда, чтобы застать Хасара. Но по такой жаре никуда идти не хотелось. Решила посидеть здесь и подождать его.

Тоты вдруг вспомнила, что однажды видела, как Хасар, заперев дом, спрятал ключ здесь же. Да и кто берет с собой ключ на море, он ведь может упасть в воду и затонуть. Значит, ключ должен быть где-то здесь.

Тоты встала на цыпочки и пошарила рукой наверху, над окном. Ключ там и лежал.

Отперев дверь, Тоты вошла в дом и поразились царившему в нем беспорядку. А собственно, что можно ждать от одиноко живущего мужчины? – подумала Тоты и улыбнулась.

Да, человеку, привыкшему к семейной жизни, непросто привыкнуть к одиночеству, его существование становится серым и пресным.

Оставив вещи во дворе, Тоты первым делом напилась воды, а потом занялась наведением порядка в доме. Развесила одежду по местам, вынесла стоящую на столе сковороду с недоеденными кусками жареной рыбы, выскоблила ее и начистила до блеска.

Приспособив под фартук одну из стареньких рубашек Хасара, Тоты перемыла всю грязную посуду, почистила пропахший рыбой холодильник.

Ей было приятно думать, как обрадуется Хасар, когда вернется домой и увидит, как в нем стало чисто, как благодарен он будет ей. Тоты так увлеклась домашней работой, что забыла об усталости, которую чувствовала у моря.

Думая о Хасаре, мысленно она постоянно возвращалась в свои студенческие годы, во времена, когда называла его «моей чайкой», хотя и знала, что он женат. Тоты до сих пор не могла понять, как так получилось, что она девчонкой влюбилась в женатого мужчину, удивлялась своей тогдашней безоглядной смелости.

Любовь и только любовь двигала тогда всеми ее поступками. Разве влюбленный человек способен трезво оценивать свои поступки? Только человек, потерявший голову от любви, мог с букетом в руках мокнуть под дождем, чтобы поздравить любимого человека с днем рождения!

Выпив пиалу чая, заваренного в перерывах между домашними делами, Тоты, посмотрев на время и решив, что

скоро вернется Хасар, достала из холодильника кусок рыбы и занялась ее приготовлением. И снова стала думать о том, как обрадуется проголодавшийся Хасар, придя домой, в котором его ждет вкусная горячая еда, с каким аппетитом он поест то, что приготовила она. Сейчас она была женщиной, хозяйкой, обихаживающей любимого мужчину, осознавать это ей было особенно приятно.

Вытряхивая во дворе неубранную постель Хасара, Тоты почувствовала, как от подушки в нос ударил его запах, он был для нее каким-то родным и очень приятным. Тоты и сама не заметила, как прижала эту подушку к себе и крепко обняла ее. И сама же устыдилась своего поведения, как будто кто-то со стороны мог увидеть это и упрекнуть ее в том, что она нюхает чужую подушку...

Этот запах не был для нее чужим, Тоты вдыхала его тогда, когда умирал отец, а она, раздавленная случившимся, плача, клала голову ему на грудь и вопрошала: «Хасар Мамметханович, что теперь делать?..»

Она взбила подушку и аккуратно положила ее на постель.

Увлечшись домашней работой, Тоты не заметила, как наступила ночь.

А Хасар все не шел и не шел, он как будто испытывал терпение Тоты, а она никак не могла его дождаться.

Тоты положила себе немного еды и поужинала, сожалея о том, что ей приходится есть в одиночестве, хотя, когда готовила, думала о том, как они сядут за стол вместе с Хасаром, как муж и жена, и вместе поужинают. Потом выпила пару пиал настоящего чаю, хотя пить не очень-то и хотелось.

За это время Тоты успела немного и на Хасара обидеться за то, что он все не идет домой. Потом, правда, подумала, что в данных обстоятельствах такие мысли неуместны. Откуда Хасару знать, что ты свалишься на него как снег на голову?

Тоты включила телевизор, прилегла на краю постели Хасара и не заметила, как задремала. Сказалась усталость.

Высадив последнего из любителей ночных прогулок на море, Хасар повернул лодку обратно и погнал ее в сторону дачного поселка. Прохладный ночной ветерок забрался под рубашку и охладил его вспотевшее тело. Дышать стало легче.

Доплыв до дачного поселка, Хасар на скорости выгнал лодку на берег, снял с нее мотор и положил его в сторонке. Протасил лодку по песку, выволок ее на берег, чтобы большая волна не угнала ее в море, и перевернул.

Вспомнив, что среди вещей, которые он достал из лодки и собирался отнести домой, находятся две банки пива, открыл одну из них и жадно выпил. Холодное пиво вызвало приятное чувство, будто на горячий песок вылилась вода из моря. Пиво охладило его душу.

Эти две банки пива ему в знак благодарности подарил молодой человек, катавшийся в лодке вместе с юной особой. Выходя из лодки, протянул ему пиво и сказал: «На, яшули, ты тоже остуди душу!» Вторую банку он оставил на потом, чтобы выпить перед сном, говорят, пиво способствует быстрому засыпанию.

Подходя к дому с веслами под мышками и немного затуманенной от пива головой, Хасар увидел в окне свет и очень удивился. «Я никогда не оставлял дома включенным свет!»

Наверно, его беспокойная мать отправила сюда младшего брата, чтобы он проведаль Хасара, и теперь тот дожидается его, несмотря на поздний час.

Он всегда радовался встречам с братом, они неизменно находили общие темы для разговора. Вот и сейчас он шел домой в радостном ожидании встречи.

Хасар вспомнил, что у него в холодильнике стоит бутылка водки, есть кусок красной рыбы, которая очень быстро готовится, так что они с братом сегодня хорошо посидят.

Оставив вещи во дворе, он открыл дверь дома, и хотел было сказать: «А вот и я!», но вдруг увидел спящую на его постели Тоты. Она лежала, свернувшись калачиком и подложив под голову согнутые в локтях и сцепленные руки. Работающий телевизор ей явно не мешал. Хасар остановился в дверях и растерянно смотрел на неожиданную гостью.

Хасар выключил телевизор, но Тоты даже не почувствовала появления другого человека в доме.

Какое-то время он с жадностью рассматривал спящую Тоты, как будто никогда раньше не видел ее. Он чувствовал, как на какой-то миг замерло его сердце, путанные мысли начали бешено крутиться в голове.

Сейчас Хасар смотрел на нее не как на свою бывшую студентку и даже не как на достойную дочь его старого друга, он видел в ней сейчас слабую и беззащитную женщину, нуждавшуюся в его покровительстве.

До слуха Тоты донеслись какие-то звуки, и она проснулась, но поначалу никак не могла понять, где она находится и почему возле нее стоит Хасар. Она подумала, что все это ей снится.

Потом она поняла, что это не сон, а самая настоящая явь, и что перед ней стоит живой Хасар.

– Я пришла! – нежным голосом тихо прошептала она.

Наконец-то сбылась заветная мечта Хасара, от радости он схватил Тоты и крепко обнял ее. А потом торопливо произнес:

– Подвинься немного, постель большая, нам обоим места хватит!

Когда наутро Кадыр пришел к нему, чтобы забрать мотор и весла и выйти в море, его товарищ все еще спал, и это очень удивило напарника Хасара. Чтобы выяснить, в чем дело, он толкнул дверь дома и увидел мужчину и женщину, которые, обнявшись, как муж и жена, сладко спали на сбившейся постели.

Проведя всю ночь в любовных утехах, Тоты и Хасар не хотели расставаться. С сегодняшнего дня для них обоих началась долгожданная супружеская жизнь. На следующий же день Хасар посадил Тоты в свою машину и повез к матери.

Когда они вошли в дом, семья поначалу подумала, что эта женщина – одна из знакомых Хасара, с которыми он поддерживал дружеские отношения, но потом они поняли, что это не простая гостья, а женщина, которой суждено стать членом семьи Мамметхановых, и очень обрадовались. Больше всех радовалась мать Хасара, так долго молившая Бога о ниспослании счастья для ее бесприютного сына.

Поверив, что ее мольбы услышаны, мать благодарила Господа за милость Его. С легкостью встала с места, подошла к стоявшему на видном месте комнаты сундуку, отперла его ключом, который носила на конце вплетенной в кусы ленты, достала оттуда большой платок, приготовленный для праздничного случая, и накинула его на голову Тоты. В тот же день Мамметхановы собрали близких и устроили небольшую помолвку, учитывая, что обе семьи понесли утраты, и им было не до праздников. Привели муллу, который совершил обряд ника – венчания, и объявили их мужем и женой.

Вернувшись после помолвки в свой дачный домик, молодожены остались наедине друг с другом. Тоты взяла руку Хасара и приложила ее к своему лбу:

– Мне все это не приснилось ли случаем?– и от радости тихо заплакала.

– Тоты моя!.. – Хасар хотел сказать ей, что их воссоединение – не сон. Он наклонился над ней, и лицо его обдало свежим дыханием Тоты.

Тоты прижалась к его груди, и они, уже как муж и жена, без слов поняли друг друга.

Каждый раз, когда наступало лето, казалось, что в этом году оно жарче предыдущего. В эти три месяца на море практически не было большой волны, оно было спокойным, оттого-то и казалось, что уровень его воды немного спал.

В эти дни ранним утром и по вечерам на море появлялось множество лодок, бороздивших его просторы. Шум моторов сливался с шумом людских голосов на пляжах и создавал праздничную атмосферу.

Одной из прогулочных лодок управлял Хасар.

С тех пор, как они с Тоты создали семью, у него было прекрасное настроение и желание браться за любое дело. И хотя Тоты сидела дома, у Хасара было чувство, что она оттуда наблюдает за ним и гордится своим мужем.

Теперь он жил, опьяненный ласками Тоты, ее вниманием и любовью, нежными словами, которые она шептала ему на ухо в постели. Хасар благодарил судьбу, которая послала ему Тоты и избавила от опостылевшей холостяцкой жизни.

Лишившись любви и ласки Дуньи, Хасар не думал, что когда-нибудь ему снова посчастливится испытать это чувство и вернуть себе прежнюю полноценную жизнь со всеми ее радостями и удовольствиями. Но волею переменчивой судьбы счастье не обошло его стороной.

Живя в доме, доведенном стараниями Тоты до блеска, питаясь приготовленной ею вкусной едой, Хасар сравнивал свою нынешнюю жизнь с той, когда он был отшельником, питался чем придется, всухомятку, и ему хотелось верить, что у него началась новая жизнь. Как чайки постоянно кружат над морем, так и его мысли теперь кружили только вокруг Тоты.

Чаще всего Хасар и Кадыр выходили в море вместе. Когда от желающих покататься нет отбоя, работать с напарником значительно легче.

Если Хасар сидел у руля, Кадыр стоял на носу лодки и помогал людям загрузиться в нее.

Однажды перед полуднем они плыли к лодочной пристани неподалеку от пансионата, и в это время им стали махать руками, подзывая к себе, сидящие поодаль от толпы мужчина и женщина.

Хасар подплыл поближе и остановился, следя за тем, чтобы лодка по инерции не уперлась носом в берег.

На сей раз клиентом оказался мужчина квадратного сложения со свисающим животом лет пятидесяти - пятидесяти пяти, на его полысевшей голове была белая плетеная соломенная панاما с широкими полями.

Пока он договаривался с Кадыром о вечерней прогулке, Хасар внимательно рассматривал его. Ему показалось, что он уже где-то видел этого человека, но никак не мог припомнить, на кого похож этот толстяк. И потом, едва знакомых людей даже в одежде трудно узнать, а уж когда они разденутся, попробуй, узнай их. Тем более что этот был в солнцезащитных очках.

Рядом с неуклюжим мужчиной, словно дразня своей круглой упругой попкой, лицом вниз лежала молодая женщина.

У женщины были красивые ноги, тонкие у щиколотки и полные сверху. Их тела еще не успели загореть, значит, они появились на море совсем недавно.

Положив руки на руль, Хасар спокойно сидел в лодке, дожидаясь окончания переговоров и не обращая на них никакого внимания.

Тем временем женщина, загорававшая на просторной подстилке, зашевелилась и приподнялась. Может, она хотела посмотреть, с кем ее спутник разговаривает? Кадыр, разговаривая с мужчиной, не сводил глаз с лежавшей рядом с ним женщины. Он представлял, как, должно быть, хороша в постели женщина с такими прекрасными формами, какие у нее прекрасные груди, да и лицо, скорее всего, симпатичное, и с завистью думал о том, как повезло этому

отвратительному мужику, напоминающему по форме бочку. Его особенно покорили красивые ноги женщины, плавно соединяющиеся с верхней частью туловища.

А толстый мужик, словно ревнуя женщину к своему собеседнику, перекинул руку через ее талию и уперся ею в землю, он наклонился над ней, будто взял ее под мышки, и разговаривал, ощущая рядом с собой ее тело.

– Ты снова отвези нас туда, куда возил позавчера, оплата будет такой же, как в прошлый раз. Ты ведь убедился, что я не из бедных?

Хасар вдруг вспомнил, как на днях Кадыр сказал ему: «Сегодня нам попалась на удочку жирная рыбина, я ночью катал одного мужика – денежного мешка с молодой женщиной, которая ему в дочери годится, отвез их подальше, чтобы они могли вдоволь насладиться друг другом!» Кадыр рассказал, как бесстыдно вели себя эти двое, не смущаясь его присутствием, вытворяли такие коленца... В голосе Кадыра была неприкрытая зависть.

Они разговаривали как старые знакомые, и это напомнило Хасару тот рассказ Кадыра. "Так это и есть та красotka, на которую мой друг положил глаз..." – подумал он и с любопытством посмотрел в сторону полураздетой женщины.

Договорившись встретиться поздно вечером, лодочники вспомнили и о намерении порыбачить. Было решено, что сегодня они чуть раньше обычного поставят в море рыбацьи сети. Нельзя опаздывать на такой выгодный заказ. В обеденный перерыв Хасар поспешил домой, где его ждала Тоты, теперь уже его супруга. Проводив его до дома, Кадыр сказал:

– Хасар-дяде, ты у нас молодожен. Побудь немного с женой, отдохни хорошенько, а я тем временем немного поработаю, а часа в три зайду за тобой. А он поспешил на берег, где было полно народу.

Лето подходило к концу. В канун нового учебного года побережье пустело, утихал шум детских голосов. Отъезд детей вызывал грусть, будто стайка чаек, испугавшись чего-то, разлетелась в разные стороны. И хотя осень уже была на подходе, жара не собиралась спадать.

Заезд толстосумов со своими подругами, знающими цену морским ваннам, в этом году начался раньше обычного. Они стали съезжаться сюда, не дожидаясь конца лета.

* * *

Хасар и дома продолжал думать о человеке, которого видел сегодня и который показался ему знакомым. Чем-то тревожила его эта встреча, смутные предчувствия рождались в его душе. «Может, где-то по работе пересекался с ним?» – гадал Хасар, а потом подумал, что и тот человек вряд ли узнал бы его в его нынешнем обличье. Если бы он имел прежний вид и был в прежней одежде, тот, возможно, и узнал бы его. Кто тебя узнает в твоём нынешнем виде – заросшего бородой, в шляпе на задубелой от солнца голове, да еще ставшего рыбаком, да еще занимающимся извозом людей? Если бы он в тот раз послушался Тоты и сбрил бороду, возможно, этот человек, если он, конечно, знаком ему, и узнал бы его.

В первые дни после их женитьбы Тота обеими руками погладила его бороду и сказала:

– Если ты сбреешь бороду и усы, то снова превратишься в прежнего доброго молодца Мамметханова!

Она намекала Хасару на то, что хотела бы быть женой безбородого мужчины.

– Пусть лето пройдет, – ответил ей тогда Хасар. – Для моего нынешнего промысла эта внешность в самый раз подходит. Потом я, конечно, сбрую бороду, тем более, если тебе, моя женушка, она не по душе! – пообещал Хасар жене.

Тота была счастлива, что наконец-то стала женой любимого человека. За обедом они с Хасаром вели

неспешные беседы, обсуждали какие-то домашние проблемы. Ей было приятно наблюдать, с каким аппетитом ест муж приготовленное ею. Тоты понимала, что слияние их судеб стало подарком судьбы для них обоих, ведь отныне она не просто жена, а любимая женщина такого достойного человека, как Хасар.

Тоты вдруг отложила ложку и ладонью прикрыла левый глаз.

– Вот уже два-три дня у меня дергает этот глаз, просто замучил! И не просто дергает, а еще и судорогой сводит веко... Хотя бы к добру все это, этот глаз у меня всегда сигнализирует о несчастьях, - озабоченно произнесла она.

Хасар посмотрел на Тоты не то иронично, не то сочувственно и улыбнулся.

– Что ты улыбаешься? – обиженно произнесла Тоты.

– Ты как моя мама, веришь во всякие приметы, мучаешь себя. Мама, если у нее дергает глаз или же если ей приснится дурной сон, сразу же отправляет внуков раздавать печенье и конфеты, верит, что это благодеяние отгонит от дома злых духов.

Из слов Хасара Тоты должна была заключить: мама моя неграмотная женщина, поэтому и суеверна, но ты-то человек образованный, интеллигентный, а веришь во всякие глупости!

- Да мне бы стать похожей на твою мать, и ничего больше и не надо. Разве это не счастье – всю жизнь служить любимому человеку, родить ему двух прекрасных сыновей и дочь, дожить до внуков и правнуков?! Да о таком счастье любая женщина мечтает!

После этих слов Тоты вспомнила, что они с Хасаром обещали навестить его старую мать, а та, наверно, ждет не дождется их.

– Мама, наверно, ждет нас, мы же обещали ей навестить ее! – напонила она Хасару.

– Завтра же и съездим к ним.

– А нельзя сегодня, сразу после обеда поехать?

– Тогда я извещу Кадыра, а то он будет меня ждать.

– А на обратном пути заедем к нам и проведем мою маму, ладно?

Хасар оделся и пошел по своим делам. Тоты не стала удерживать его.

Кадыр уже ждал Хасара в условленном месте. Он сидел в лодке, которая покачивалась на волнах и напоминала ретивого коня, готового пуститься вскачь.

– Ты пришел, Хасар-дяде?

– Гмм, – неопределенно промычал в ответ Хасар, наступил на лежавшую на дне лодки сеть и уселся на одно из сидений в носу лодки.

Солнце уже пошло на закат, но по-прежнему отчаянно припекало, его острые лучи вонзались в море.

Когда ты находишься не на море, далеко от воды, жара чувствуется особенно остро. Море сейчас слегка волновалось, прошитое золотыми лучами солнца, оно было похоже на невесту, вырядившуюся в парчовые одеяния.

Хасар сидел на носу лодки и наслаждался красотой своего любимого моря. Он любил подолгу смотреть на воду. Но сейчас душа Хасара не была такой спокойной, как море. Ему не давала покоя сегодняшняя встреча с тем незнакомым человеком, которого он явно знал, но никак не мог вспомнить, откуда знает его. И в самом деле, кто он такой? Этот человек явно имеет какое-то отношение к его прошлой жизни, в которой были Дунья и воинская служба.

Этот человек подозрительно похож на Аннова, и эта мысль заставила сердце Хасара биться учащенно, на душе стало тяжело.

... А женщина при нем наверняка она, его Дунья. Разве они в последнее время не стали неразлучной иголкой с ниткой?.. Наверняка, Аннов знает, что его жена приезжала сюда и несколько дней не просто в соленой воде купалась, но нежилась в его, Хасара, объятьях. Да его жена, похоже, и не собиралась скрывать этого. Зато она сумела разбудить

в своем муже чувство ревности, и чем все это кончится, теперь одному Богу известно.

При воспоминании о днях, проведенных с женой Аннова, Хасар испытал приятное чувство. На какое-то мгновение он ощутил себя в объятиях жены Аннова, женщины, знающей в мужиках толк...

В его памяти жена Аннова осталась женщиной, которую унизили изменой и которая, чтобы заполнить образовавшуюся в ее душе пустоту, отправилась на поиски достойного партнера. Он считал, что эта женщина способна отдать свою любовь и жар сердца своего мужчине, которого полюбит, она, как солнечный луч хмурой зимой готова осветить и обогреть весь мир, когда и к ней придет настоящая любовь.

... Конечно же, это Аннов, его по короткой шее можно узнать, если бы я тогда внимательнее разглядел его, узнал бы обязательно, просто рядом с ним была женщина, и я посчитал неудобным сверлить его глазами. А если рядом с ним лежала Дунья, тогда я и ее не узнал, но вполне возможно, что это была не она, а какая-то другая женщина, моложе, у этой и зад вроде крупнее, чем у Дуньи...

Расстояние было приличным, да еще он был в темных очках. А так, может, я и узнал бы его, думал Хасар.

Пока устанавливали сети, Кадыр, видя, что Хасар все еще хмурится, решил подшутить над ним:

— Хасар-дяде, почему без настроения? Или гелнедже дома не было?

— А, что?

— Мне показалось, что ты какой-то невеселый!

— Тебе показалось.

— Пусть будет так. И все же, разве после чаепития с гелнедже настроение не должно подняться? Или она не дала чаю?— снова стал ёрничать Кадыр.

— И чай дала.

– Тогда почему же у тебя рот не до ушей, отчего не улыбаешься, Хасар-дяде? – не дожидаясь ответа, Кадыр переключился на мысль, возникшую в его голове в тот момент, и перевел разговор. – Да ну их, этих женщин, у них уловов много... Хорошо, конечно, когда тебя дома ждут. А если ее нет, тебе чего-то не хватает, начинаешь думать, куда она ушла... – Кадыр опять не довел до конца начатую мысль и полуобернулся к Хасару. – Хасар-дяде, ты слышал о том, что предки наши – Адам и Ева – сто лет бродили по лесу, не видя друг друга?

Хасар не мог понять, к чему он клонит, и вопросительно посмотрел на Кадыра.

- Кажется, что-то такое я слышал.

- Конечно, слышал, Хасар-дяде, должен был слышать, это же всему миру известная легенда.

– И что из того?

– А то. Они встретились через сто лет. Если не видеть друг друга сто лет, представляешь, как можно соскучиться? Я и два-три дня не могу вынести, когда она уезжает к родителям. А эти вон какими терпеливыми оказались. Как ты думаешь, что они сделали после такой долгой разлуки? Кинулись друг другу в объятия?.. Там, где они встретились, была мерзлота, видно, дело зимой было. Вот почему у женщин всегда холодный зад, а у мужчин – колени, которыми он упирался в подмерзшую землю.

В отсутствие женщин рыбакам нравилось говорить о том, какое значение они имеют в жизни мужчин.

После такой веселой болтовни Хасар почувствовал, как из груди его уходит тяжесть, а голова очищается от назойливых мыслей.

И все же, как ни старался Хасар казаться спокойным, это ему плохо удавалось, сердце его билось неровно. Сидит в нем какая-то заноза, и она не дает сердцу быть спокойным и биться ровно.

Кадыр связал плохое настроение Хасара с Тоты. Потому что до обеда его напарник был спокоен и даже весел. И вообще, с тех пор, как Хасар сошелся с Тоты, его лицо было озарено светом любви и уверенности в завтрашнем дне. Казалось, что так будет всегда.

Кадыр радовался счастью своего друга, считал, что Тоты достойна его, что она будет ему хорошей женой и отличной хозяйкой, и вообще, теперь они всегда будут любить друг друга и наслаждаться друг другом.

Но сейчас Кадыру показалось, что все не совсем так, как думал он. Он знал, что шутки в адрес женщин помогают расслабиться и снять напряжение, и надеялся, что сумеет развеселить Хасара.

Но даже после его острот лицо Хасара не стало спокойнее.

И это стало причиной того, что Кадыр подумал: "Похоже, он крепко рассорился с Тоты-гелнедже!" Он ни на минуту не усомнился в том, что плохое настроение Хасара так или иначе связано с Тоты. Ну а если не она испортила ему настроение, тогда кто? Неужели на склоне лет ему снова не повезло? С виду-то гелнедже вроде приличная женщина. Кто ее знает, какая она изнутри? Не зря же говорят: пятна зверя видны снаружи, человеческие пятна скрыты внутри! Может, она на первый взгляд такая. Ведь у этих женщин столько тайн, разве распознаешь их сразу?

Но потом Кадыр усомнился в правильности своего мнения о Тоты. "...Вообще-то она женщина, познавшая долгое одиночество. Кто-кто, а уж она-то должна знать цену мужу. И потом, разве каждой разведенке выпадает счастье стать женой такого видного и такого достойного человека, как Хасар-дяде. Да он и сейчас как юноша выглядит. Женщины до сих пор засматриваются на него. Некоторые даже издалека приезжают, чтобы побыть рядом с ним..." Кадыр с некоторой завистью вспомнил о женщине из военного пансионата, с которой Хасар какое-то время находился в любовной связи.

В любом случае, шутки и остроты Кадыра по поводу женщин не возымели должного действия. Он не смог выветрить из головы Хасара осевшие в ней печальные мысли. И ему стало ясно, что его друг и напарник о чем-то переживает и что ему сейчас нелегко. Хасар через силу улыбался остротам Кадыра, стараясь не подавать виду, но это ему мало удавалось. Когда он улыбался, глаза его оставались грустными. Время от времени он вскидывал голову и смотрел на солнце, казался беспокойным, как будто кого-то ждал.

Похоже, беспокойство навсегда поселилось в душе Хасара...

* * *

После заката солнца прошло около часа. Тусклый свет фонарей с наступлением темноты стал ярче, море казалось укрытым темным бархатным покрывалом ночи, по поверхности которого прыгали мелкие барашки волн.

В это время суток в помещениях бывает душно, и все устремляются к морю, чтобы вдохнуть там ночную прохладу.

Поставив после обеда сети, Хасар и Кадыр вернулись обратно, напомнив друг другу, что они дали слово людям устроить им ночную прогулку на море.

До встречи в условленном месте оставалось еще около получаса времени. Он знал, что за это время спокойно доберется до места, даже если ему придется немного задержаться, он не подведет любителей ночных приключений. Но до того ему надо было решить один вопрос, причем, не там, а прямо здесь.

Хасар решил прокатить клиентов сам, поэтому пришел к мнению, что Кадыру сегодня не обязательно присутствовать рядом с ним. Повернув лодку в сторону берега, он поплавал немного, а потом остановил ее у кромки воды. Слегка кивнул в сторону Кадыра:

– Братишка, ты здесь выходишь. Сегодня иди домой и с удовольствием поешь обед, приготовленный Тувакбибигелин! Сегодня гостей я сам покатаю.

– Ой, дяде, что все это значит? Ты ведь даже толком не разглядел их, узнаешь ли?

– Да именно их я и знаю я их, братишка...

Кадыр заметил, как сверкнули глаза Хасара, когда он говорил об этих людях. Он почувствовал, что Хасар что-то задумал, но не мог понять, что именно. Кадыр вдруг вспомнил, что похвастался Хасару, что попался щедрый клиент, готовый заплатить за ночную прогулку хорошие деньги, и у него сразу же возникло подозрение, что его напарник решил присвоить себе этот богатый улов.

Не догадываясь о буре, бушевавшей в душе Хасара, Кадыр все равно не понял, что же тот задумал. Так что ему не оставалось ничего другого, как пожать плечами и согласиться с Хасаром.

Высадив Кадыра на берегу, Хасар поспешил в условленное место возле пансионата. Он немного опаздывал и гнал лодку на большой скорости. Когда он подъехал, туристы со всем своим скарбом уже ждали его на берегу.

Несмотря на то, что солнце давно ушло с горизонта, и наступила ночь, оба пассажира были в темных очках.

На этот раз Хасар сразу же узнал Аннова, хотя тот и спрятал глаза за темными стеклами. Это был тот самый Аннов, которого он видел всего два-три раза в жизни, но считал его причиной всех своих бед и несчастий, обрушившихся на него после возвращения в Ашхабад.

Он увидел, что женщина, сопровождавшая Аннова, была не Дунья, как думал он раньше. Распущенные волосы падали на лицо красивой женщины, и было видно, что она намного моложе Дуньи. То, что Аннов притащил с собой любовницу, которая не была его бывшей женой, в какой-то степени успокоило Хасара. Убедившись, что эта женщина намного моложе Дуньи, Хасар больше не стал заострять

на ней свое внимание. «Зачем нужны Аннову старухи вроде Дуньи, когда вон молоденькие бабы сами лезут в его объятья», – с удовлетворением подумал он. Хасар знал, что все эти толстосумы предпочитают иметь в любовницах свеженьких юных баб, зачем им тратить деньги на усохших мумий. Он причалил свою лодку к берегу таким образом, чтобы пассажирам было удобно войти в нее.

– Прошу прощения, что заставил вас ждать, – изменившимся от волнения голосом сказал Хасар.

Аннов по шляпе узнал в нем человека, который был рядом с другим, уже возившим их на прогулку. Он посмотрел по сторонам и недовольным голосом спросил:

– А где твой напарник?

– Кто-то из родственников в ауле в тяжелом состоянии, ему пришлось срочно ехать туда.

Кажется, Аннов засомневался, стоит ли ему садиться в лодку этого человека и куда-то плыть с ним.

Сюда он шел в уверенности, что поедет вместе с Кадыром, который понимал его с полуслова. Если бы он знал, что вместо него приедет кто-то другой, подумал бы, стоит ли выходить в море или нет.

Словно что-то заподозрив, Аннов стоял, с присущим его характеру высокомерием оглядывая сверху Хасара, ждущего пассажиров в лодке, затем поднял с земли одну из сумок, обхватил за талию стоящую рядом женщину, притянул ее к себе и что-то шепнул на ухо. Хасар подумал, что тот советуется со своей спутницей, стоит им отправляться в путешествие или же отказаться от него.

После короткого совещания они решительно подняли свой багаж и направились к лодке.

Как только они расположились на пассажирских сиденьях в передней части челна, лодка развернулась при свете фонарей и стала отступать в темную даль. Те, кто сидел в ней, в этот момент испытали чувство, словно они

въезжают под гигантское черное покрывало. Упругие струи воздуха приятно обдували лица и открытые части тел.

Лодка неслась, едва касаясь поверхности воды, она будто на крыльях летела над волнами, и вскоре была далеко от берега. Оставшиеся позади береговые огни тускло мерцали в ночи, будто окитанные туманом.

Качаясь на волнах, лодка некоторое время плывала в море, потом Аннов, сидя в передней части лодки, обнимая за талию молодую женщину и наслаждаясь прохладой морского воздуха, поднял руку и подал лодочнику знак:

– Старик, теперь можешь где-нибудь здесь остановиться! Кажется, мы приблизились к тому месту, где были позавчера! – требовательно произнес он.

Хасар и сам видел, что они ушли далеко от берега, и собиравшийся сбросить скорость.

Как только лодка остановилась, Аннов и молодая женщина разложили перед собой захваченные с собой напитки и закуски и занялись своими привычными делами.

Сейчас все это безграничное пространство сжалось в одно большое черное пятно вокруг лодки Хасара, море было тихим и спокойным.

Сзади, с неблизкого расстояния, временами доносился звонкий смех женщин, сопровождаемый басовитыми мужскими голосами, будто кто-то там, в ночи, играл в догонялки. Сейчас как раз то самое время, когда жаждущие приключений «денежные мешки» выходят в море, чтобы позабавиться со своими юными любовницами, а в это время сами молодые женщины ощущают себя на вершине счастья, потому что они юны и красивы, к тому же желанны.

Море спокойно, его таинственная ночная красота умиротворяла. Хасар сидел на корме лодки, стараясь не смотреть в сторону тех, кто находился в ее передней части. Эти двое под воздействием алкогольных паров вытворяли такое, что он с трудом держал себя в руках.

Ну, разве могло придти в голову, что однажды жизнь сделает такой крутой поворот? Кто мог подумать, что такая громадина, как СССР, с такой легкостью развалится на части? В ту пору я тоже что-то собою представлял, был руководителем, был ведущим оперирующим хирургом. Может, потому- то тогдашнее время кажется лучшим. А когда пришло новое время, мы поверили, что оно будет лучше прежнего, бросили все и поспешили вернуться домой, чтобы верой и правдой служить родному Отечеству. Когда они собирались в обратный путь, Дунья, словно предчувствуя неладное, умоляла: «Хасар, родной, давай, останемся здесь, мы как пересаженное дерево уже не приживемся в той почве, живут же здесь представители других народов, и мы проживем. Пусть, если хочет, едет Арслан, он молод, и ему будет легче приспособиться к новым условиям!» У женщин вообще интуиция сильно развита, может, она уже тогда чувствовала, что все вот так обернется...

Тоты, напротив, говорит: «Тебя сюда вернуло мое страстное желание», - он потом вспомнил слова Тоты. Все эти воспоминания навевали грусть, он постоянно думал о случившемся и в сотый раз спрашивал себя: почему так случилось? Особенно тяжело становилось, когда он вспоминал о гибели Арслана, считал его жертвой сложившихся в его жизни неблагоприятных обстоятельств. На глаза навернулись слезы...

Над морем тихонько задул северный ветер, он будто из-под темного покрывала ночи вырвался. Лодка качалась на волнах, как колыбель, вокруг нее началось бурление. Мелкие волны, сгучиваясь, толкая друг друга, весело бились о борта лодки.

Подняв вместе с подругой несколько стаканов подряд, Аннов заметно повеселел. Было видно, что в нем разгорается страсть и его неумолимо влечет к сидящей рядом женщине. Он, то прижимался к женщине и крепко обнимал ее, то, как ребенка сажал к себе на колени. Чувствовалось, что выпитое

кружит голову и туманит сознание. Аннов набросил на женщину и стал мять и тискать ее груди, сейчас он был похож на бодливого быка.

Хасар помнил, что сегодня он всего лишь слуга, поэтому делал вид, что ничего не замечает, хотя и видел все, сидел, отвернув голову в сторону. В то же время он не переставал думать о том, что до сих пор волновало его: почему сегодня правят бал такие негодяи как Аннов, почему им все сходит с рук? Вместе с тем он понял, что ночной извоз богатых нуворишей – это не его занятие. Да, было бы лучше, если бы в это путешествие отправился кутила Кадыр, который при случае мог бы даже отбить у этого толстосума его любовницу и обслужить ее по высшему разряду, во всяком случае, все сделать лучше этого жирного самонадеянного индюка.

А пассажиры лодки, не обращая на него никакого внимания, обжимались, терлись друг о друга и вытворяли такое, что Хасару стало тошно, он считал их поведение бесстыдным.

Аннов любил запивать водку пивом, на него такое сочетание напитков действовало возбуждающе. Вот и в этот раз, насытившись водкой, он обратился к своей возлюбленной, которая уже слезла с его колен и теперь сидела, положив голову ему на плечо.

– Эй, Мяхек, подай-ка мне баночку холодного пива!– Потом он еще о чем-то вспомнил и на ходу поправился– велел подать две банки пива. Взяв из рук женщины пиво, Аннов полуобернулся в сторону Хасара, давая понять, что помнит о нем.

Назвав Хасара «стариком», как собаке кость кинул в его сторону одну из банок пива:

- Возьми, ты тоже остуди душу!

Хасар протянул руку, но не успел поймать банку, та упала прямо к его ногам.

Самым неожиданным для Хасара стало то, что Аннов назвал свою любовницу Мяхек – именем жены покойного сына Арслана. Он почувствовал, как по телу его прошла горячая волна, будто он змею увидел, и понял, что сейчас что-то произойдет. Услышав имя невестки, Хасар задохнулся от возмущения, он стал хватать ртом воздух. «Может, это просто совпадение, может, они тезки?» – пытался успокоить себя Хасар, но и сам не верил в это. Разве мало на свете людей с одинаковыми именами? Он молил Бога, чтобы эта женщина не оказалась его невесткой.

Ему совершенно не хотелось верить в то, что после Дуньи Аннов взял себе в любовницы ее невестку. Если бы он раньше присмотрелся к этой молодой женщине более внимательно, вполне возможно, узнал бы в ней свою невестку.

Теперь Хасар стал более пристально вглядываться в женщину, извивавшуюся в объятьях толстяка во тьме ночи. Вроде бы и есть какое-то сходство. И эта так же, как жена Арслана, стройна и чуть выше среднего роста. И зовут ее также: Мяхек. Вполне возможно, что это она и есть. Но, может, и не она. Разве мало на свете похожих людей и похожих имен?

Сейчас каждую вторую девочку называют именем Мяхек – так называется пробирный камень, или еще каким именем, обозначающим название драгоценного камня. Но если это вдова Арслана, у нее должны быть очень длинные волосы...

Отправляясь в долгосрочные командировки, Арслан в письмах жене обязательно упоминал ее косы: «Хочется скорее добраться до твоих кос и обмотать их вокруг своей шеи...» Об этом Хасару рассказывала Дунья, которая была в курсе всех домашних дел, радуясь отношениям сына и невестки. А у этой короткая стрижка, неухоженные волосы торчат в разные стороны, да и если на то пошло, эта немного

полнее их невестки Мяхек. Та худощавее. К тому же эта молодая женщина кажется чрезмерно страстной и даже легкомысленной. Где-то с неделю назад Хасар разговаривал с Ашхабадом и сказал, что лето подходит к концу, при этом еще раз напомнил теще, что внуки собирались приехать к нему, отдохнуть на море, на что та ответила: «Дунья говорит, что ей сейчас некогда везти детей, а их мать пару дней назад уехала по делам службы в Турцию, но обещала по возвращении непременно свозить их к деду перед началом учебного года». Так что, по подсчетам Хасара, Мяхек сейчас должна быть не здесь, а где-то в Турции.

Где Аваза, а где Турция?!

Он все искал причины, по которым эта женщина не могла быть его невесткой, но как ни старался, где-то внутри копошилась неприятная мысль: «А вдруг это она? Какой позор!» Заодно он вспомнил, как еще до свадьбы Арслан сказал матери: «Мама, по-моему твоя родственница не камень Мяхек, а самый обычный камень, который пинают ногами!» Похоже, он уже тогда что-то почувствовал.

«Наверно, мой сын еще тогда знал, кто ты такая на самом деле», – грустно подумал Хасар. Его тревога росла, он уже не сомневался, что женщина Аннова на самом деле не просто похожа на его невестку, а она и есть. Он мог бы узнать ее по голосу, но в отличие от Аннова, который постоянно острил и громко смеялся над собственными остротами, она почти не смеялась, а разговаривала измененным голосом – шепотом.

Сейчас Хасар радовался тому, что Аннов не узнал его. Если бы узнал, разве сел бы в эту лодку и отправился в неведомые дали?

Однако все тайное рано или поздно становится явным. Аннов все равно узнает, в чью лодку он сел. И потом, между воровством и разворотом расстояние не такое и большое.

На краешке сачака, расстеленного в лодке, стоял небольшой радиоприемник, служивший одновременно

и фонарем. Сейчас он горел и освещал небольшое пространство впереди. Когда Аннов и женщина наклонялись, чтобы взять какую-нибудь закуску, фонарь освещал часть их лиц, которые при свете казались покрасневшими.

По радио звучала бесконечно нудная музыка, которая навевала тоску. Казалось, что она выскальзывает из лодки и разливается по поверхности моря.

Аннов то и дело оказывал женщине знаки внимания, ласкал ее, желая ответных ласк. Гладил руками ее круглые упругие ягодицы.

Поначалу, выпив и закусив, женщина и Аннов говорили полушепотом, чтобы лодочник не мог слышать их, но потом выпитое ударило в голову, и они перестали контролировать себя, стали шуметь и веселиться. А разговаривали они так громко, словно с глухими, находящимися далеко отсюда.

Хасар закурил, и Аннов, оглаживая зад женщины, учуяв запах табачного дыма, обернулся. Видно, хотел попросить у лодочника сигарету. Он поднялся во весь рост и хотел идти к Хасару. Испугавшись, что ее пьяный друг может не удержаться на ногах и выпасть из лодки, женщина схватила его за руку и попыталась удержать.

– Кругом одна вода, ты не боишься вывалиться за борт? – она напомнила ему, что он находится не на суше, а в лодке. Видя, что ей не удержать рвущегося Аннова, она обратилась к Хасару, желая, чтобы он сам подошел к ним:

– Дядя, может, вы дадите ему сигарету? – попросила она, и ее голос и манера говорить показались Хасару слишком знакомыми и напомнили склад речи его невестки Мяхек.

Жена Арслана тоже называла его «дайы» – дядей. Перед его мысленным взором ожила красивая скромная молодая женщина... Мяхек была хороша собой, у нее была смуглая кожа лица, красивые глаза. Арслан любил свою жену и желал постоянно видеть ее глаза, любоваться ею...

Тем временем Аннов, схватив бутылку пива и раскачиваясь из стороны в сторону, подобрался к Хасару.

– Яшули, а ну, угости меня сигареткой!

– Сейчас.

Хасар прикурил сигарету и протянул ее Аннову. Обсасывая сигарету, тот стал что-то говорить заплетающимся языком. Хасар понял, что выпитое ударило в голову, и он уже не контролировал себя, вел себя шумно, говорил возбужденно.

Аннову хотелось иметь собеседника, и он уселся рядом с Хасаром. Осыпая пеплом от сигареты свой оголенный выпуклый живот, обратился к Хасару:

– Старик, ты тоже живешь у моря?

– Да.

– Если хочешь, я могу дать тебе хорошо оплачиваемую работу, чтобы ты не перебивался случайными заработками, занимаясь морским извозом. Как ты на это смотришь?

– Ну и какую работу ты можешь мне предложить?

– Я собираюсь неподалеку отсюда на собственные деньги строить большой дом отдыха. Уже и его проект готов... – заговорив о строительстве, Аннов, похоже, вспомнил что-то неприятное, связанное с ним, и тон его речи изменился. Стал грубым и недовольным. – Мы должны были немного раньше приступить к работам, да вмешалась кучка баламутов. Но ничего, вот наступит осень, побережье опустеет, и мы заново возьмемся за дело. С кем надо, уже встретились, кого надо, подкупили...

Неожиданно начал разматываться клубок последних событий, и это подогрело любопытство Хасара. Ему давно уже хотелось как можно больше узнать об этом строительстве.

Разве не эта стройка еще раз вторглась в его жизнь и еще больше замутила ее, не она ли отправила на тот свет его старого друга?

Хасар понял: вот он, момент истины, сейчас он узнает все, о чем не знал прежде. Ему хотелось как можно больше

узнать обо всем этом, и он с трудом сдерживался, чтобы не выдать себя.

– Ты говоришь не о той спорной земле, из-за которой люди вышли на улицу и митинговали на площади перед хякимликом? – чтобы не выдать свою осведомленность, Хасар делал вид, что толком ничего не знает о случившемся, сам же внимательно слушал Аннова и поддакивал ему.

Было видно, как задело Аннова упоминание о мятеже. Он забеспокоился, тон его стал враждебным:

– Оказывается, и ты об этом слышал, старик. Да, нашлась парочка смутьянов. Остальные же оказались обманом втянутыми в эту смуту. Очень это разозлило хякима города... А он ведь наш земляк, класса на три-четыре младше нас учился. Умный мужик, ему еще расти да расти.

Если хочешь знать, в итоге все участники той выходки получили по шапке. Одного до смерти забили прямо возле дома, другой удрал из города и где-то скрывается... – Когда рассказ дошел до этого места, Хасар понял, что речь идет о нем. – Но за ним устроили погоню, а как же, он думает, пойдет против хякима и останется безнаказанным? Ему, видите ли, демократия нужна. Ничего, скоро ему покажут, что такое демократия... Вполне возможно, что их подстрекают иностранные провокаторы. Вот пусть только подтвердится это, его маму поставят лицом к стенке.

Чем больше Аннов говорил о Хасаре, тем больше возбуждался, он кипел и не скрывал своей ненависти.

– Наверно, он и с иностранцами имеет связи. Он ведь большую часть жизни провел за границей. Когда он работал в Германии, поддерживал тесные связи с немецкими офицерами и даже дружил с их семьями, сейчас об этом и его бывшая жена говорит. Думаю, он один из тех, кто продает им свою страну...

Аннов сделал передышку, вспомнил, что уже спрашивал этого человека, местный ли он, и снова вернулся к началу разговора.

– Вполне возможно, что и ты с ним знаком. Зовут его Хасар, лет ему пятьдесят пять – шестьдесят. Его могут знать как доктора Хасара.

Вместо ответа Хасар молча сглотнул слюну. Он поперхнулся и стал откашливаться, как будто в глотке у него что-то застряло.

Аннов протянул ему наполовину опустошенную бутылку пива.

– На, выпей!

– Да пройдет, – вежливо отказался Хасар, но кашель не проходил, и он вынужден был глотнуть пива из бутылки Аннова.

– Вроде бы я слышал это имя, – он старался отвечать спокойно, чтобы Аннов ни в чем не мог заподозрить его, но главное, он хотел узнать о дальнейших действиях и намерениях Аннова.

– Да он глупец, всю жизнь проработавший на государство и живший на одну зарплату, – еще больше оживился он.

– Гмм...

– Он мстит мне.

– За что?

– За свою жену... Смотри, как все вышло. Я был влюблен в его жену, когда она еще девчонкой была. Но она была дочерью состоятельных родителей и ни во что меня не ставила. Верно говорят: женщина гонится за именем, мужчина – за ляжками. Во время учебы в Ленинграде она повстречала этого самого Хасара и полюбила его. Да и разве Дунья упустила бы парня, который учился в таком престижном вузе, да еще если его ждало блестящее будущее? Она там же опутала его своими юбками...

Рассказывая о своем положении, Аннов говорил возбужденно и с каждым словом наэлектризовывался все больше. Ему было приятно показать этому лодочнику, что он не простой обыватель, а весьма состоятельный человек.

– Во времена СССР они жили хорошо, но после обретения независимости счастье улыбнулось и нам. Теперь многие из тех, кто прежде меня и за человека-то не считал, мне же и служат. И не просто служат, а всячески стараются угодить.

Вижу я как-то, эта женщина, которая когда-то презирала меня, сидит без работы, семья уже не имеет прежнего достатка, к которому она привыкла. Люди, привыкшие жить хорошо, с трудом переносят нужду. Женщина без настроения, она недовольна своим положением, ей хочется возврата к прежней благополучной жизни. И вот в такой момент она повстречала меня. Я взял ее к себе на работу. Женщина, воротившая от меня нос, теперь не знает, как угодить мне. Да и кому нужен пропахший вонючими лекарствами доктор, когда есть такие люди с достатком, как я? Она и сама экономист, неглупа. Позже, когда мы создавали с ней совместную компанию "Аннов-Дунья", она немаловажную роль сыграла. Умом своим и преданностью мне сумела защитить интересы нашей компании.

И теперь наша компания набирает обороты...

Аннов наслаждался своим красноречием. Не ведая о том, кому все это рассказывает, он не догадывался и о нависшей над ним опасности.

Хасару стоило больших трудов не выдать себя, он очень хотел дослушать Аннова до конца. Слушал его внимательно, как слушает врач тяжелобольного человека, и чем больше слушал своего собеседника, тем больше ужасался. Аннов видел, как порой сверкали глаза на его заросшем бородой лице, но не придавал этому значения.

Аннову было приятно болтать, попивая пиво да покуривая сигаретку, он получал от своей болтовни мстительное удовольствие. И столько всего он порассказал Хасару, о чем тот и понятия не имел...

Если бы не эта случайная встреча, он, возможно, так и не узнал бы многого о Дунье. А Аннов раз за разом

возвращался к теме строительства пансионата на побережье Каспия.

– Совсем скоро мы начнем уже строиться...

Хасар понял, что сейчас самый удобный случай, чтобы уточнить еще один момент, который не давал ему покоя:

– Значит, это ты убил старика, который выступил зачинщиком мятежа перед хякимликом?

– А то кто же? Вон сколько вокруг крутых парней, заплати им хорошо, и они матери родной башку снесут...

Хасар задрожал, лицо обдало жаром. Больше он ничего не захотел слушать, ему и так все стало ясно.

Тем временем женщина, ждавшая возвращения Аннова в другом конце лодки, подала голос:

– Ты что, не собираешься возвращаться на свое место? Или ты забыл, что прибыл сюда не один?

Недовольный тем, что его перебили, Аннов огрызнулся:

– Подожди ты, сейчас приду. Не люблю я, когда бабы вмешиваются в мужской разговор. Но все равно иногда их и любить приходится... – Аннов не договорил до конца, самодовольно и многозначительно улыбнулся. Потом повернулся к женщине и стал тыкать в ее сторону указательным пальцем, будто тыча в ее грудь: – Вот и эта голубка – невестка того самого Хасара, вдова его погибшего сына. Она мне тоже недешево обошлась... Вначале его жену, а теперь невестку...

Все внутри Хасара вспыхнуло, в глазах потемнело.

Перед глазами будто из тумана появился образ сына Арслана, которого он ни на минуту не забывал. Он был печален и на отца смотрел с упреком...

Хасару стало стыдно...

Была лунная светлая ночь, но Аннов, увлекшись своим рассказом, не заметил, как переменился в лице его собеседник. Хасар перебил его и неожиданно спросил Аннова:

– А ты узнал бы этого самого Хасара, если бы увидел? – голос его был требовательный.

Он сам заставлял Аннова говорить, потому что хотел больше узнать, но сейчас понял, что больше нет смысла скрывать свое истинное лицо. Злость, вспыхнувшая в его душе, приобрела разрушительную силу, и он потерял самообладание. Не дожидаясь ответа, своими сильными руками мертвой хваткой вцепился в голые плечи Аннова и развернул его лицом к себе.

– Ах ты, мерзавец! Вот он я – Хасар! Тебе мало было, что ты разрушил мою семью, убил старика? Тебе этого показалось мало, и ты взялся за мою невестку?..

Перепугавшись до смерти от неожиданности, Аннов молчал, словно в рот воды набрал.

Бутылка выпала из его рук и с плеском ударилась о воду. От страха Аннов мгновенно протрезвел и постарался взять себя в руки. Он понял, что надо защищаться. Он стал дергаться, пытаясь вырваться из цепких рук Хасара. Сидевшая в передней части лодки полураздетая молодая женщина, узнав, что лодочник оказался ее собственным свекром, испуганно ойкнула, с криками «Вай, несчастная, опозорилась!» – вскочила с места, закрыла лицо руками и с воем рухнула вниз в лодку. Ее плач огласил ночную тишину.

А в это время прибрежные фонари, почувствовав, что в море разыгралась какая-то драма, беспокойно замигали, пытаясь понять, что же там произошло...

Позор, еще какой позор! Мяхек сейчас испытывала всю тяжесть свалившегося на нее несчастья. Да как же можно после этого жить? Что люди скажут?..

Мяхек вдруг вскочила с места и, не оглядываясь, выпрыгнула из лодки.

Хасар в это время дрался с Анновом в лодке, бил его ногами по животу.

В какой-то момент Аннову удалось вырваться из рук Хасара и схватить за ноги, которыми тот пинал его. Хасар рухнул на спину, как подрубленное дерево.

Это позволило Аннову ненадолго освободиться от Хасара. Качаясь, он подался назад, обнимая руками избитый живот, в котором появилась острая боль. Всхлипывая от боли, пробормотал: «Кажется, эта сволочь мне все внутренности отбила!»

Отползая назад, удивлялся, как такое стало возможным. Разве он раньше не видел Хасара? Видел, и не раз. Он до сих пор помнит статного военного, каковым в прежние времена был Хасар. Тот совершенно не был похож на этого бородатого загорело джина, неожиданно вылетевшего из своих непонятных одежд. Но разве он не знал, что Хасар находится поблизости? Конечно, знал. И потом, разве не он сам гадил Хасару на каждом шагу, а теперь вознамерился лишить его последнего убежища – домика на побережье? С запоздалым раскаянием думал Аннов о том, что не разглядел лодочника как следует при первой встрече. Пожалел о том, что не выяснил, в чью лодку садится.

Как на последнюю надежду смотрел он на залитое лунным светом спокойное море...

Нога его споткнулась обо что-то на дне лодки, и Аннов сразу же сообразил, что это весло. У него появилась надежда спастись от ярости Хасара.

Подняв весло, Аннов взял его поудобнее, встал с того места, где упал, и хотел обрушить его на голову Хасара, снова пошедшего в атаку. И если бы в этот момент лодка не качнулась и не отбросила Аннова в сторону, весло точно опустилось бы на голову Хасара.

Хасар сразу же понял о намерении своего противника.

– Подлец, вот я тебя сейчас...– грязно выругался Хасар и отступил назад. Добравшись до носа лодки, немедленно включил двигатель.

Лодка резко рванула с места. Стоя с веслом в руках, Аннов чуть было не вылетел за борт. Выронив весло из рук, он вцепился в борт лодки, чтобы удержаться в ней.

Хасар бросал лодку из стороны в сторону, не давая Аннову снова поднять весло. На самом же деле, Аннов не то что весло взять, а даже подумать об этом не успел...

В голове Хасара молниеносно пронеслась мысль, которая и определила все его дальнейшие действия.

Невестка Мяхек, убегая от позора, ушла на дно моря...

Зато прямо перед его глазами находится негодяй Аннов, разрушивший столько прекрасных семей, лишивший людей надежды и мечты, стоит как символ разврата. Имеет ли право такой грязный человек топтать эту землю?

Как Хасару, у которого в жизни было столько утрат, да еще этот несмываемый позор, жить дальше с таким тяжким грузом?..

Ответ напрашивался сам по себе. Вот со всех сторон плещется бездонное море, оно с упреком взирает на него, а вот напротив него сидит заклятый враг, причинивший людям столько зла. И некуда ему бежать...

Обычно в таких безвыходных ситуациях, когда опасность угрожает чести, настоящие командиры, находясь на поле боя, решения принимают быстро и мужественно...

В таких ситуациях все решает одна пуля, которую они пускают себе в лоб. Но где сейчас взять ту пулю? Вместо нее в твоих руках мощная моторная лодка, способная подчиниться любой твоей воле. В любое время она может рвануть с места и встать на дыбы.

Хасар так и сделал. Включил двигатель и некоторое время гнал лодку, куда глаза глядят, а потом вдруг, словно натянув поводья скакуна, с ревом поставил ее на дыбы и перевернул её со всем содержимым на себя и Аннова.

Лодка в тот же миг стала могильным холмиком над ее пассажирами.

Перепугавшись до смерти, Аннов заорал благим матом: «Ва-ай, мамочка!», его крик, сотрясший ночную тишину, был похож на рев смертельно раненого зверя.

Люди на берегу слышали этот душераздирающий крик Аннова и поняли, что в море произошло что-то непоправимое.

Несколько лодок сразу же направились в ту сторону, откуда донесся крик. Спасатели через некоторое время увидели плывущего среди волн человека, похожего на призрак. Пытаясь понять, человек это или призрак, люди старательно всматривались в темноту, но так ничего и не поняли.

Берег был далеко, доплыть до него мог бы не каждый.

* * *

Сколько ни ждала Тоты, все никак не могла дожждаться Хасара. Хотя по времени он уже давно должен был быть дома. Что же могло случиться, беспокойно думала она. Тоты уже давно приготовила вкусный ужин и с нетерпением ждала возвращения мужа. Тем дольше задерживался Хасар, тем большее беспокойство охватывало Тоты. В голову лезли всякие пугающие мысли. То она представляла, как его лодка перевернулась в море, то вдруг ей казалось, что он стал жертвой преследований хякима...

Глубокой ночью, не в силах усидеть дома, Тоты поспешила к морю, чтобы искать Хасара.

Ей не понравилось настроение Хасара, когда он днем приходил на обед. Не понимая, в чем дело, она видела, что он беспокоен и его что-то волнует. Когда же он, прежде чем отправиться на море, переодевался в соседней комнате, она слышала его бормотание: «Чего угодно я мог ждать от тебя, Дунья, но только не этого. Не думал я, что ты опустишься до такой низости», и поняла, что его переживания связаны не с чем-то посторонним, а с его прежней семьей. Тоты тогда не придавала этому особого значения, знала, что прежняя жизнь никогда не оставит Хасара, будет идти по его пятам. Она и без того догадывалась, что он, хотя и отрекся от Дуньи, скучал по счастливой жизни с ней, и мысленно не раз встречался

со своей бывшей женой. И когда он произнес ее имя, Тоты сочла это очередной мысленной встречей Хасара с Дуньей. Да и без этого он иногда во сне называл Тоты именем Дунья и крепко обнимал ее. Зная, что наяву он не станет называть ее имя, Тоты с пониманием относилась к ночным словам Хасара и никогда не говорила ему об этом, чтобы не ставить его в неловкое положение.

Тревожась из-за отсутствия мужа, Тоты некоторое время металась по берегу, всматриваясь в неясные силуэты.

Дующий с моря прохладный ветер надул подол ее платья, и оно стало похоже на затерявшийся в ночи одинокий парус.

Все внимание Тоты было обращено к морю, она вглядывалась вдаль, пытаясь хоть что-то там увидеть. Ей казалось, что просто лодка Хасара вышла из строя и где-то там вдали остановилась. Иногда ей казалось, что сейчас откуда-то оттуда покажется нос лодки Хасара, стремительно плывущей к берегу.

Была у Тоты и еще одна мысль. Она считала, что Хасар мог уплыть слишком далеко и заблудиться. Каждый раз, когда эта мысль посещала ее, Тоты мысленно встречала Хасара с каким-нибудь судном вдали от туркменских берегов, на котором он потом приплывал в Красноводский морской порт.

И потом, ведь неизвестно, где может оказаться заблудившийся человек. А вдруг он подаст весточку уже из Баку?

То и дело в голову приходила мысль, что Хасар мог попросту утонуть, но Тоты, не желавшая такого исхода, тут же отгоняла эту мысль от себя. Сейчас для нее хоть и малым, но утешением стало то, что море не штормило, было спокойным.

Перед глазами Тоты не было ничего, кроме мелких волн, похожих на маленьких детей, спешащих передать радостную весть. Мысленно она встречала Хасара,

плывущего навстречу, гребя веслами. Вот он уже здесь, она кладет голову ему на грудь и ласково шепчет:

– Что же ты задержался, чайка моя?

– Обними меня крепче!..

– Что с тобой случилось?

– Меня что-то знобит, согрей меня!..

– Раз уж ты в моих объятьях, то уже никогда не замерзнешь!..

Каждый раз, мысленно встречая Хасара, она невольно шептала эти слова, и они помогали ей сохранять самообладание.

С вечера погода немного хмурилась, но потом взошла луна, на небе заблестели звезды, и оно снова стало ясным. Правда, сейчас оно казалось каким-то задумчивым.

Внизу, в красивых нарядах, сотканых из лучей месяца и звезд, бесновались мелкие волны, то рассыпаясь, то снова соединяясь в одну крупную волну, они бороздили морские просторы.

Тоты сидела на берегу, прислонившись спиной к какому-то камню. Вдруг ей показалось, что вдали над поверхностью воды замаячило что-то темное, похожее на человеческую голову. Но Тоты, зная, что Хасар приплывет на лодке, поначалу не придавала значения этому видению. Подумала, что это какой-нибудь тюлень вышел на ночную прогулку. Но почему-то этот тюлень-привидение не спешил нырнуть в глубину, как это они обычно делали, чтобы потом вынырнуть в совершенно неожиданном месте.

Привидение, пытаясь подняться на гребни окружающих волн, подплывало все ближе к берегу. Чем больше оно приближалось, тем больше приобретало очертания человека.

Сердце Тоты уже не вмещалось в грудную клетку, оно бешено колотилось внутри, женщине показалось, что она слышит стук собственного сердца.

Она вспомнила, что точно так же билось ее сердце в тот далекий дождливый день, когда она с букетом в руках

поджидала Хасара, чтобы поздравить его с днем рождения.

Тоты неотрывно смотрела на море, и ей вдруг показалось, что она увидела среди волн голову человека. Тогда она стала еще пристальнее всматриваться в темную даль.

Тоты была уверена, что этот привидевшийся ей силуэт и есть Хасар, и она испугалась за него, ведь он мог, обессилев от долгого плавания, утонуть.

А незнакомый силуэт упорно двигался к берегу. Бедняга, видно, очень сильно утомился, движения его были замедленными, усталыми, будто к ногам его были привязаны тяжелые гири, которые тянули его вниз.

Сейчас и веселые волны не были помощниками одинокого изнеможенного пловца, напротив, играя в свои веселые игры и о чем-то таинственно перешептываясь между собой, они готовы были затянуть его в бездну моря.

Их веселье напоминало опасное веселье мстительного человека, с улыбкой на лице причиняющего зло другому человеку. Эти волны, устроив веселый хоровод, не собирались помогать попавшему в беду мужчине.

Сейчас там шла напряженная борьба за жизнь. Это был как раз тот случай, когда природа и человек, не понимая друг друга, вступают в схватку. Исход такой непримиримой борьбы предугадать не может никто. Одно ясно: выиграет тот, кому повезет больше.

На самом деле это не с природой война, как думают некоторые, это война человека с самим собой, со своими ошибками, промахами. Пока человек жив, ему не раз приходится вступать в такие бои. И самой тяжелой становится битва человека с самим собой...

Тоты хотелось броситься в воду и встретить этот призрак, не зная, как, помочь ему, протянуть руку. Она не была профессиональной пловчихой, но как все живущие у моря неплохо плавала. Она была уверена: если сумеет подплыть ближе к терпящему бедствие, обязательно поможет ему. На

самом деле она до сих пор не знала, кто же этот одинокий пловец. Вполне возможно, что это вовсе не Хасар, которого она с таким нетерпением ждет, а кто-то другой. Летними ночами в этих водах кого только не встретишь?!

Как бы там ни было, Тоты не хотела терять из виду этого призрачного пловца.

А призрак медленно приближался к берегу...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

С той трагической ночи для Хасара наступило тяжелое время. Вскоре после того, как был выловлен труп утопленного им Аннова, его судили. Не вынеся переживаний за сына, прямо во время суда от сердечного приступа скончалась его мать. Ее последними словами были: «Вах, Хасарджан, сынок!...»

Хасар неподвижно сидел за железной решеткой, глядя поверх голов тех, кто собрался в зале суда, вид у него был отрешенный, будто все происходящее не имело к нему никакого отношения. Для многих он казался человеком из другой жизни. И лишь когда младший брат с женой взяли под руки мать, чтобы вывести ее на свежий воздух, он лишь закусил губу, жалея несчастную исстрадавшуюся мать.

Вердикт суда Хасар выслушал с высоко поднятой головой. Суд приговорил его к высшей мере наказания – расстрелу. То, как мужественно принял он это решение, напомнило Тоты картину на военную тему «Допрос Айдогды Тахирова», которую она когда-то давно, еще в студенческие годы видела в музее. На секунду показалось, что сейчас Хасар превратится в Героя Советского Союза, отважного сына туркменского народа и от его имени выкрикнет: «Земляки, уничтожайте врагов, не жалейте их!...», а люди в зале суда, настроенные против него враждебно, обернутся фашистами, сдирающими с него шкуру. Когда Хасара, толкая

в спину, вели к милицейской машине, Тоты со слезами на глазах выскочила с платком в руках, чтобы еще раз увидеть любимого.

Она заметила, что он смотрит на нее, взяла себя в руки и сказала на прощание:

– Хасар, мой любимый, чайка моя родная, я горжусь тобой. Ты еще раз доказал всем, что являешься достойным сыном туркмен. Будь спокоен, я не позволю им уничтожить тебя, я во все двери буду стучаться и до самого верха дойду. Найду я человека, который защитит тебя. Еще не все честные туркмены перевелись, верь. Чайка моя, ты должен знать, что у нас с тобой будет ребенок. Сын ли родится, дочь, я обязательно вместе с ним приеду за тобой!..

Сзади донесся еще один плачущий голос. Это был голос его младшего брата Ходжа.

– Брат, наша мама ушла из жизни... Не обижайся на нас!.. А те, кто причиняет нам зло, всегда бывают наказаны, Бог и этих накажет...— он снова расстроился, голос его сорвался.

Он попытался прорвать кольцо милицейских и подойти ближе к старшему брату, но ему не дали этого сделать. Милицейские, сопровождавшие осужденного к закрытому со всех сторон автозаку, смотрели на рвущегося в их сторону Ходжа с неодобрением, они преградили ему дорогу.

– К заключенному подходить близко запрещено! – и оттолкнули его.

Похоронив свекровь и проведя поминки седьмого дня, Тоты вместе с деверем заново взялись за дело Хасара. Вместе они направили множество писем в самые разные инстанции, а потом Тоты поехала в Ашхабад и после многодневного ожидания попала на прием к Генеральному прокурору страны, рассказала ему обо всем, что предшествовало случившемуся. У семьи появилась надежда на замену сурового приговора, они поверили, что расстрел будет заменен другим наказанием. Прокурору понравилась эта

мужественная женщина, с таким бесстрашием защищавшая своего мужа, и он готов был оказывать ей содействие во всем. Он тогда открыл Тоты тайну, сообщив, что в самое ближайшее время лидер страны намерен наложить мораторий на смертную казнь, как это делают во всех цивилизованных странах. Через пару недель после возвращения Тоты домой сообщение, полученное от прокурора, нашло подтверждение.

Лидер страны известил весь мир о наложении моратория на смертную казнь. После этого высшую меру наказания Хасару заменили на двадцать лет колонии строгого режима.

Через семь месяцев после осуждения Хасара у них с Тоты родился первенец – мальчик. Тоты нарекла его именем Арслан – именем погибшего сына Хасара. Она сочла это решение правильным, видела, как тосковал муж по своему безвременно ушедшему старшему сыну. Жизнь продолжалась.

Родные поздравили их с рождением сына и пожелали ему вырасти и стать еще одним летчиком Арсланом Мамметхановым.

В одном из писем из колонии Хасар написал: «Если вернулся мой Арслан, верю, что однажды он навестит своего отца».

Свидание с Хасаром его жене разрешили только через два года, когда он был переведен в колонию общего режима, вот тогда-то отец и сын впервые встретились друг с другом.

В один из дней, когда Хасар уже находился в новой камере, он обратил внимание на то, что один из сокамерников отводит от него глаза и сторонится его, стараясь быть подальше, не знакомится с ним. Это, естественно, показалось ему странным, Хасару стало любопытно, кто же этот человек. Этим человеком оказался бывший всемогущий мэр города Красноводска.

Как врач Хасар часто приходил на помощь осужденным, вместе с которыми отбывал наказание. Тогда же он несколько дней лечил бывшего хякима города, который сильно простыл и температурил. Тот до сих пор не мог смотреть в глаза Хасара прямо, чувствовал свою вину в гибели старика.

Да и Хасар ни разу ни прямо, ни косвенно не обвинил его в совершенных злодеяниях. Эта недосказанность мучила хякима города еще больше.

Дни шли за днями, проходили годы. С сыночком на руках приезжала Тоты на свидания к мужу. В каждый приезд жены Хасар видел, как вырос его сынишка за то время, что он не видел его. Чем старше он становился, тем сильнее проявлялось в нем сходство с погибшим Арсланом.

Последний раз Тоты приезжала к нему на двухдневное свидание полгода назад. И вот теперь Хасар увидел, как все ее лицо покрылось пигментными пятнами, а живот заметно округлился. Ласково оглаживая выпуклый живот жены, Хасар радостно спросил:

– Тоты, родная, ты решила второго рожать? – и он крепко обнял ее и расцеловал.

Тоты повернулась к нему, и с любовью глядя ему в лицо, ответила:

– Чайка моя любимая, да для меня нет большего счастья, чем рожать тебе детей! ... Я ведь еще тогда, в студенческие годы, когда с ума по тебе сходила, мечтала народить тебе кучу детей, чтобы вместе с тобой растить их и радоваться.

Тоты сидела, положив голову на грудь Хасара, и чувствовала, как оттаивает его измученная душа, как затягиваются в ней раны.

Сына Арслана Тоты родила в сорок шесть лет, она уже считалась пожилой женщиной. Сама Тоты считала, что Арслан ее последыш, ребенок, которого она успела родить до наступления менопаузы. Но, забеременев во второй раз, поняла, что судьба дала ей еще один шанс, отложив на потом приход климакса, и ей было приятно осознавать, что она все еще находится в репродуктивном возрасте.

Вскоре после того, как злодеяния хякима города дошли до сведения лидера, и его действиям была дана соответствующая оценка, Тоты была восстановлена на прежнем месте работы. И вот уже несколько месяцев она заведовала городским отделом здравоохранения.

С тех пор, как Хасара перевели в Байрамалийскую колонию, Тоты, отправляясь к нему на свидание, заезжала к дочери в Мары и пару дней проводила с внуками.

На сей раз старшая дочь Тоты, заметив, что мать снова ждет ребенка, осталась недовольна, она считала, что в таком возрасте женщине не пристало одного за другим рожать детей, легко ли ей будет одной поднимать их, ведь ее муж получил двадцатилетний срок. Она даже сказала матери: «Мама, разве в таком возрасте обязательно иметь столько детей?» Тоты поняла свою дочь, она уловила скрытый смысл ее слов: «Если с тобой что-то случится, заботиться о твоих малолетних детях придется нам». А еще сказывалась и женская ревность.

Подумав немного и взвесив слова дочери, Тоты ответила ей:

– Вот что, дочка, свою сломанную жизнь я, пусть и с некоторым опозданием, вместе с Хасаром начала с чистого листа. Оказывается, сделать это никогда не поздно. Когда вы были маленькими, я мечтала родить вам братишку. И хотя такое счастье судьба для меня предусмотрела, но дала мне его позже, не тогда. А вы, если помнишь, просто мечтали нянчить братишку, да еще твоя сестра все просила меня, чтобы я принесла из больницы братишку, говорила, что будет любить его и носить на руках. А потом вы своих сыночков родили. У вас появились полноценные семьи, в которых вы обе счастливы.

Наверно, Господь Бог услышал мои мольбы, потому что мечты мои о сыне сбылись только после того, как я вышла замуж за Хасара.

На следующий же день Тоты, которая собиралась провести у дочери пару дней, распрощалась с нею и внуками и вместе с сыночком отправилась в Байрамали...

Возраст Пророка, прошедший мимо него, Хасар отпраздновал позже, в шестьдесят восемь лет, когда после нескольких лет заключения был амнистирован и вышел на свободу.

В один из таких дней он был в доме у младшего брата. Они сидели с ним и разговаривали за чаем.

В разговоре они вспомнили сыновей первого Арслана, которые уже выросли и стали достойными людьми. «Ох!» - вдруг воскликнул младший брат Ходжа, встал с места и принес ему из соседней комнаты газету «Адалат».

– Ты только прочитай это, Хасар-дяде!

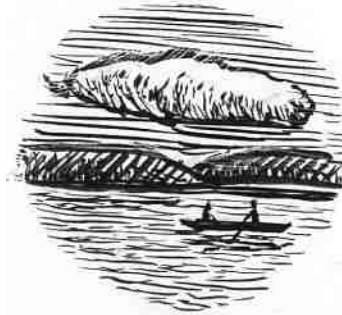
Газета была двух-трехлетней давности, Ходжа сохранил ее для Хасара.

В газете были приведены названия компаний, чьи руководители занимались подлогом и обманывали государство. В статье сообщалось, что руководитель компании «Аннов-Дунья» Дунья Аймурадовна незаконным путем перевела за границу крупные суммы денег, за что обвинена в хищении государственных средств в особо крупных размерах и взята под стражу.

Читая газету, Хасар задумался. Он снова, хоть и ненадолго, вернулся к мыслям о Дунье.

Расхаживая с газетой в руках по комнате, Хасар подошел к окну и остановился. Сквозь ветви растущей под окном арчи он увидел на горизонте кусочек своего любимого Хазарского моря...

1998-2005 гг.

Новеллы

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

В самый канун Нового года Овез, мастер геофизической экспедиции, ведущей геологоразведочные работы в недрах Каракумов, неожиданно получил от живущей в Ашхабаде сестры срочное сообщение. Сестра писала: «Братишка, наконец-то наши усилия увенчались успехом, мы нашли тебе достойную невесту. Постарайся приехать к новомуднему вечеру. Мы хотим, чтобы этот Новый год вы встречали вдвоем. Скромная, приветливая, симпатичная. Тебе она понравится».

Волнение и предчувствие чего-то хорошего охватило Овеза. Хотя всего несколько минут назад у него не было ни желания, ни стремления куда-то ехать.

Новый год он собирался праздновать здесь, среди своих товарищей по работе.

И вообще, он намеревался провести этот вечер у телевизора. Антенну для приема спутниковых каналов смастерил сам, несколько дней сваривал длинные трубы. На самый верх подставки он прикрепил собственноручно изготовленную жестяную тарелку. Вчера ему удалось настроить каналы спутникового телевидения, и геологи ужинали перед включенным телевизором.

Буквально за час до получения сообщения машина геологов отправилась в ближайший поселок, чтобы закупить продукты для новогоднего вечера. Если бы сообщение пришло чуточку раньше, Овез мог бы поехать на станцию на ней. Но что теперь говорить, в экспедиции нет другой машины, которая могла бы отвезти Овеза на железнодорожную станцию, что находилась километрах в десяти-пятнадцати отсюда. Кто знает, когда теперь вернется отъехавшая машина? В экспедиции вахтовым методом работали две смены геологов. Менялись они через пятнадцать дней. Десять дней назад коллеги Овеза сдали вахту и разъехались по домам. Они проведут Новый год в

кругу семьи и только после праздника вернутся на работу. Овез был холост, дома его никто не ждал, потому он и не стремился уезжать вместе со всеми, оставался в экспедиции. В свои выходные дни при желании он мог прогуляться по окрестным пескам, а если машина отправлялась в поселок, мог вместе с другими прокатиться на ней. По необходимости помогал рабочим, и потому даже заметить не успевал, как пролетали пятнадцать дней его законного отдыха. А если серьезно, то с тех пор, как он развелся с женой, то есть уже почти два года, его совсем не тянуло в Ашхабад. Не тянуло, потому что его не покидало неприятное чувство, что там, дома, может повториться его прежняя разлаженная жизнь.

Не глядя по сторонам и не теряя времени, шел он быстрым шагом напрямую через пески, торопясь поскорее добраться до железнодорожной станции. Сейчас все его мысли были заняты тем, чтобы поспеть на ашхабадский поезд и сесть в него. Он не знал точного расписания движения поездов, не знал, когда поезд прибывает на эту станцию, хотя и надеялся, что, прибавив шаг, обязательно успеет к его прибытию.

Овез был крепким молодым мужчиной выше среднего роста. И хотя он считал, что волны жизни уже прибили его к берегу, ему не было еще и тридцати. Наспех собрав вещи в рюкзак, закинул его за спину, и теперь он горбом болтался на его спине. На ногах у него были рабочие сапоги, которые были ему немного великоваты и потому издавали хлюпающий звук. Хорошую обувь, которую надевал только в дни отдыха, Овез аккуратно завернул и положил в рюкзак, чтобы переобуться после отправления поезда.

Несмотря на то, что все вокруг напоминало о наступившей зиме, погода не была холодной. И вообще, последние года два зимы были бесснежными, хотя прежде на Новый год долгожданный снег выпадал обязательно. Но люди все равно не теряли надежды, они жаловались на плохую погоду, но в то же время и мечтали: «Что-то климат стал меняться. Разве

на Новый год не должен выпадать снег и накрывать землю белым покрывалом? Должен, должен пойти снег».

Вот и в этом году с приходом зимы воздух стал холоднее, прошло несколько дождей, а снега все не было. Но парню почему-то казалось, что на этот раз Новый год обязательно все вокруг оденет в белоснежный наряд.

Вчера набежали тучи и закрыли небо черной кошмой, чувствовалось, что с тех пор погода, словно что-то задумав, крепко стиснула зубы и, хмурясь, начала понемногу напрягаться.

Собираясь в дорогу, парень посмотрел на погоду и стал мечтать: «Хоть бы к Новому году пошел снег, чтобы и небо, и земля побелели, чтобы все вокруг обновилось. Но пусть только снег пойдет после того, как я сяду в поезд, чтобы подумали, что это я привез с собою в Ашхабад снег».

Не обращая внимания ни на окружающие его холмы, ни на создавшиеся между ними и погруженные сейчас в тишину редкие затемненные балки, ни на растущие тут и там и обращенные к небу в ожидании влаги джейраньи чаши, он безостановочно шел к цели. Сейчас Овез думал лишь о том, как приедет в Ашхабад, привезя с собой падающие хлопья снега, как будет хрустеть под его ногами снежный наст, когда он пойдет гулять вместе с новой знакомой, которую сестра прочит ему в невесты.

Несмотря на холодную погоду, от быстрого шага парень взмок, и его рубашка в нескольких местах спереди и сзади намокла и стала прилипать к телу. От него исходил легкий пар, однако он все равно не сбавил шаг.

Спустя некоторое время легкий ветерок, дуновение которого было похоже на поглаживание тела, донес откуда-то острый запах кизяка, смешанный с запахом овечьей шерсти. И тотчас же на вершине ближнего холма, похожего по форме на пупок, показалась отара овец, которая вначале паслась на той стороне холма, а сейчас переваливалась на его солнечную сторону. Овез, скорее всего, был знаком с

чабаном и подпаском этой отары, потому что геологи знали всех здешних пастухов и поддерживали с ними добрые отношения. Он видел чабана совсем недалеко от себя, видел, как тот шел, пристроив на боку пояса чабанскую палку и держась за оба ее конца. Сейчас этот человек напоминал птицу, расправившую крылья для полета. Овез не стал заострять свое внимание на встреченном чабане, хотя и нет ничего лучшего, как встретить в пустыне другого человека именно тогда, когда особенно остро ощущаешь свое одиночество, встретить и пообщаться с ним, чтобы снова испытать чувство своей причастности к человеческому сообществу.

Сейчас у него просто не было времени даже для такого удовольствия. Ему казалось, что поезд, на который он так сейчас спешит, несется на всех парах, как легендарный Боздуман Косе,* скоро он появится за поворотом и вот-вот прибудет на станцию.

Вместе с мыслями о новой невесте он с благодарностью думал о сестре и зяте, которые всем сердцем переживали за него и так беспокоились об устройстве его жизни. Еще не видя будущей невесты, в мыслях своих он уже выстроил ее образ и увидел ее именно такой, которая могла понравиться ему: в меру упитанной, росту выше среднего, со смущенной улыбкой на симпатичном лице.

Он представлял, как, потупив взгляд, смотрит она на него, и видел в ее глазах любопытство и жадный интерес к своей личности. Представлял, с каким удовольствием он встретит Новый год с новой невестой. Овез уже очень давно не испытывал таких приятных чувств.

И потом, каждый раз приближение Нового года будило в людях какие-то особые мечты и желания, преддверие праздника поднимало настроение. И именно в канун Нового года человек особенно остро испытывает чувство

** Косе-герой героического эпоса «Гёроглы»*

одинокости, не находит себе места. Когда его товарищи отправлялись на отдых домой, Овез, боясь одиночества, не ездил в Ашхабад, оставался в экспедиции. Вот ведь в какие сумасшедшие игры играет с человеком жизнь! Но сегодня молодой человек, охваченный предчувствием каких-то волнующих перемен, испытывая притяжение той, которую еще даже не видел, на крыльях летел к заветной цели.

Но, как ни предавался мечтам парень, как ни летел на крыльях любви, на поезд опоздал все равно. Поднявшись на пригорок, откуда до станции было уже рукой подать, он увидел лишь хвостовой вагон удаляющегося поезда. Вон он мчится вдаль, набирая скорость, как жеребец, которому под хвост вожжа попала. Все усилия Овеза оказались напрасными, он был в отчаянии. Остановился, как вкопанный, вытер со лба пот, сбросил со спины рюкзак и перевесил его на плечо, а потом резко сел, как собака, встретившая более сильного врага. Он еще больше расстроился, когда подумал о том, что поезда здесь проходят очень редко. Отирая пот, прикусил губу, жалея о том, что не вышел из дома хотя бы на пятнадцать минут, на полчаса раньше. А поезд, оставивший парня ни с чем, вскоре и вовсе скрылся за поворотом.

Он давно знал, что на этой железнодорожной станции трудится казахская семья. Не раз видел и старика, встречающего и провожающего поезда с фонарем и разноцветными флажками в руках.

А может, быть найдётся другая возможность, – подумал Овез, и эта мысль немного воодушевила его и придала сил. Подходя к станции, он заметил выходящую из помещения кассы молодую женщину в форме железнодорожника. Увидев опоздавшего пассажира, она постояла немного, недоуменно разглядывая его, после чего удивленно спросила:

– К поезду пришел?

– Да.

– Но он только что отошел! – женщина, то снимая, то надевая на голову форменную фуражку, всем своим видом

показывала озабоченность. Посмотрела в ту сторону, куда уехал поезд.

Вид у женщины был сочувствующий. Запоздалый пассажир, повернувшись боком, незаметно для нее разглядывал женщину.

Женщина была среднего роста, полнотелая. Облегающая фигуру форма сидела на ней ладно и была ей к лицу.

Ветер, впитавший все запахи окружающих просторов, доносил запах степных растений, смешанный с прелым запахом железнодорожных шпал. В смеси этих запахов явственно ощущался и дух снега.

Какой мужчина, а тем более неженатый, пропустит мимо своих глаз женщину? Стоявшая перед ним молодая женщина понравилась Овезу. «Она, однако, недурна. Приласкать бы ее», – мечтательно подумал он. А заодно стал мечтать о том, чтобы женщина, ожидающая его в Ашхабаде, оказалась похожей на эту.

– Ты, наверно, из геологов? – первой заговорила женщина, обращаясь к парню, который все еще стоял с видом человека, ищущего виноватых в своем опоздании на поезд.

– Да, из них. Получил известие из Ашхабада, просили приехать...

– Но если ты геолог, должен знать расписание движения поездов. Ваши у меня спрашивали, и с собой забрали расписание... – сочувствуя стоявшему перед ней молодому мужчине, женщина, сама того не замечая, повысила голос.

– А когда теперь будет следующий поезд?

– Не скоро. Раньше завтрашнего утра не жди здесь пассажирского поезда. Есть еще грузовые составы, но только один из них делает здесь остановку, все остальные безостановочно проносятся мимо. Да и тот один прибудет не раньше одиннадцати. Можно, конечно, поговорить с его машинистами, чтобы они взяли с собой в кабину одного человека. Если машинист хороший человек, с ним можно договориться. Но встречаются и те, кто ответит, как отрежет: «Не положено!»

Некоторое время парень стоял с растерянным видом, не зная, какими должны быть его дальнейшие действия. Подперев правой ладонью подбородок и сузив глаза, он раздумывал, что же ему теперь делать. Удрученно подумал, что поблизости нет даже автотрассы. А подумав о том, что здесь, кроме небольшого вокзального помещения, и отдохнуть-то негде, переждать время, и вовсе расстроился. Да и его сейчас эта казашка заперла и собирается идти домой. И что теперь, назад идти? Не в двух же шагах стоянка геологов. Овез вдруг понял, что, как бы там ни было, возвращаться обратно ему совсем не хочется.

Он посмотрел на женщину, давая ей понять, что хочет еще о чем-то спросить. Постарался по возможности подойти к создавшейся ситуации с другой стороны.

Было видно, что и женщина, почувствовав на себе оценивающий взгляд мужчины, заволновалась и смущенно опустила глаза. Когда еще в этих местах появлялся мужчина, который бы разглядывал ее с таким интересом?

— Келиншек! — чтобы было понятнее, мужчина заговорил, вставляя в свою речь известные ему казахские слова. — А что, если я подожду следующего поезда здесь, на вокзале?

Женщина не сразу нашлась, что ответить на этот неожиданный вопрос. Она переводила взгляд то на здание вокзала, то на лицо мужчины.

Не успела она додумать свою мысль, как Овез заговорил снова, тон у него был полушутливо-полусерьезный. На усмотрение женщины: пусть примет тот, который ей больше по душе.

— Но я не стану возражать, если вы пригласите меня домой и позволите переждать время в теплом месте. Иначе куда мне деваться? Вон уже и снежинки посыпались, — произнес он, оглядываясь по сторонам.

На этом полустанке жили две-три казахские семьи. У них был свой интерес, потому что вокруг было много нетронутых пастбищ для выпаса скота, и они выгоняли туда

своих собственных овец. Женщина принадлежала к одной из этих семей и с недавних пор работала на станции, придя на смену своему постаревшему отцу.

Женщина кинула быстрый взгляд на незнакомого мужчину, так неумело попытавшегося шутить, но отвечать не спешила. В свою очередь и Овез думал о том, что женщина, скорее всего, не решается привести домой незнакомого мужчину, не знает, как на это посмотрит ее муж и что ему ответить, если тот спросит, кого она привела с собой. Но женщина неожиданно проявила решимость. Вежливо улыбнувшись, сказала:

– Тогда пойдемте, у нас и подождете!

Такого ответа Овез совсем не ожидал, он лишь успел заметить, как вспыхнули румянцем щеки женщины, когда та приглашала его домой. Теперь она и вовсе стала для него загадкой.

К этому времени нависшие над головой тучи стали совсем темными, а воздух обжигаяще холодным, казалось, что где-то рядом затаился невидимый глазу гигантский лютый зверь, готовый в любую минуту наброситься на тебя. Сумерки сгустились, и постепенно начало темнеть.

После этого Овезу, шутка которого обернулась серьезным предложением, не оставалось ничего другого, как последовать за женщиной, хотя идти в незнакомый дом ему было неудобно.

Когда дочь вернулась с незнакомым мужчиной, хозяйка дома, пожилая женщина, была занята приготовлением праздничного ужина. Она уже поставила варить мясо для бешбармака в отдельном казане и сейчас замешивала тесто для дальнейшего приготовления этого блюда. Мать знала, что дочь скоро вернется с работы, и ждала ее, чтобы она помогла ей на кухне. Правда, та в последнее время подолгу задерживалась на работе, не спешила в опостылевший ей дом. Когда мать спрашивала ее, отчего она так задержалась,

коротко и неохотно отвечала: «Работы было много». Да и на работу старалась уйти пораньше, бежала из этого дома.

Женщина начала работать на железной дороге совсем недавно. Устроив на свое место дочь, которая хорошо знала его работу и с самого раннего детства постоянно помогала ему, старик успокоился. Пару лет назад девушку выдали замуж за парня, в котором ее родители увидели будущего зятя, и хотя до того они не встречались, дочь согласилась в надежде, что со временем привыкнет к нему и, может, даже полюбит. Однако ни дочери, ни родителей надежды не оправдались. Уехавший на учебу в Алматы юноша не приезжал на каникулы ни разу. А год назад Кенжекей получила от него последнее письмо, которое лишило ее последней надежды. Муж писал ей: «Кенжеке, ты хороший человек, настоящая жена казаха, посвятившего жизнь железной дороге. Меня же такая перспектива не радует, не знаю почему, но меня и к тебе в такой жизни не тянет. Не жди меня, Кенжеке! Будь счастлива!» И вот с тех пор ее жизнь утратила всякие краски, она жила скучно, неинтересно, безо всяких желаний. Старики сильно переживали за свою единственную дочь, с которой так жестоко обошлась судьба, им было больно видеть ее страдания. «Ты, дочка, тоже поезжай в город, поступи на учебу!»- советовали они ей в надежде, что в городе она повстречает свою настоящую половинку. Больше всего за Кенжеке переживала мать, она не могла видеть, как страдает ее дочь от одиночества, временами, когда дома никого не было, давала волю слезам и молила Бога помочь ее дочери. Сейчас она по привычке готовилась к встрече Нового года, хотя и знала, что в доме не будет шумного застолья, праздничного настроения, что, быстренько поев, дочь уйдет в свою комнату и ляжет спать пораньше. Мать с теплотой вспоминала веселые новогодние праздники, которые они устраивали для маленькой дочери, и думала о том, как все изменилось в последние годы.

Когда скрипнула входная дверь, и слышались какие-то голоса, женщина оторвалась от своего занятия и посмотрела в ту сторону. Она увидела дочь, вошедшую с каким-то мужчиной. Еще не разглядев его толком, мать вдруг почувствовала, что дочь привела с собой в дом собственную судьбу. «Наконец-то!» - подумала про себя женщина и, облегченно вздохнув, машинально вытерла ладонью пот со лба. Мужчина остановился и смущенно поздоровался с женщиной в белом платке. Ответив на приветствие, женщина стала с каким-то особым интересом пристально вглядываться в незнакомца, пытаясь увидеть в нем что-то

такое, что должно стать ответом на ее неожиданно возникшие мысли. На помощь пришла Кенжеке.

– Шеше, я гостя привела!

– Гость – судьба, проходите!

– Он один из работающих неподалеку геологоразведчиков. Опоздал на поезд.

– Ах, как жаль! – старая мать и в самом деле искренне пожалела парня.

– Вот я и предложила ему побыть у нас до прихода следующего поезда.

– Правильно сделала. Проходите в дом. Отец разделал для меня мясо и ушел проведать скотину. Должен скоро вернуться.

– Снег пошел.

– Тогда он тем более не задержится на дворе, загонит скотину под крышу. Ты проводи гостя в свою комнату и предложи ему пиалу чая... Кстати, я и новогодний сачак (дастархан) расстелила в твоей комнате, она просторнее.

Эти слова она произнесла так, словно хотела сказать, что мать ожидала появления нового человека в доме. «Хорошо сделала», – ответила Кенжеке и проследовала с гостем в свою комнату.

Потом все было так, как бывает в доме, принимающем гостей. После появления Овеза, настроение молодой

женщины заметно изменилось в лучшую сторону, лицо стало приветливым, а речь ласковой. Усадив гостя, женщина вышла, чтобы переодеться. Форму железнодорожника она сменила на красившее ее длинное платье, голову повязала красивым шелковым платком. Когда она вернулась, Овез не узнал Кенжеке, так она похорошела! Она угостила Овеза чаем с молоком. По обычаю, казахские женщины должны наливать этот чай собственноручно, иначе пропадает очарование самой этой чайной церемонии. Разлив чай по пиалам, Кенжеке подумала о том, что они даже не представились друг другу. Слегка наклонив голову, произнесла со смущенной улыбкой:

– Меня зовут Кенжекей, а тебя как?

«Кенжекей, Кенжекей», – произнес про себя Овез, и у него тут же родилась озорная мысль: "У туркмен есть похожее словосочетание "Кемже-кердем". Подумав немного, назвался:

– Овез.

– Имя Овез и у казахов достаточно распространенное.

На какое-то время женщина задумалась над тем, что означает имя Овез. Потом произнесла:

– У нас имя Овез чаще всего дают детям в память о ком-то ушедшем, на чье место пришел новорожденный.

– Кажется, и у нас это так,- размягченным от выпитого чая голосом ответил Овез. Он старался не показывать виду, хотя в душе и корил себя, что до сего дня не удосужился поинтересоваться происхождением своего имени. Но Кенжекей, погруженная в свои раздумья, ничего не заметила.

– А я почему-то подумала, что тебя зовут Гарлы. Ведь с твоим появлением снег пошел!

Овез уловил в словах женщины едва ощутимую иронию.

За чаем, чтобы не молчать, Овез стал рассказывать о работе геофизической экспедиции, стоящей в десяти-пятнадцати километрах отсюда. Сообщил, что они вот уже

два года ведут разведку этих мест. Выслушав его, Кенжекей спросила:

– И что, вы до сих пор не нашли того, что ищете? – и многозначительно улыбнулась.

– А вы как думали, разве легко найти то, что ищешь?! – в тон ей ответил и Овез, сразу же уловив в словах женщины потаенный смысл. Он увидел, что его собеседница по-своему поняла его слова, от смущения на лице женщины выступили алые пятна.

Посидев рядом с Овезом и пообщавшись с ним, Кенжекей вдруг поймала себя на мысли, что почувствовала себя замужней женщиной, что ей хорошо рядом с этим незнакомым мужчиной. От этих мыслей женщине стало не по себе и она, пытаясь скрыть свое замешательство, встала с места со словами:

– Пойду, помогу маме с ужином. – Она ушла в соседнюю комнату, и Овез на некоторое время остался один на один с телевизором.

Вспомнив разговор с молодой женщиной, Овез подумал: «Казахские женщины очень остроумны. Вот и эта обладает хорошим чувством юмора».

Обычно месяца за два до прихода Нового года, с которым люди связывали свои надежды на лучшие перемены, начинает меняться погода. Набегают тучи, ущелья теряются в дымке тумана, земля покрывается инеем и с удовольствием отдает накопленные плоды. Именно в это время у людей появляются мысли о предстоящем Новом годе, о связанных с его приходом радостях. Время от времени они перебирают в памяти имена людей, которых хотели бы видеть за праздничным новогодним столом.

Очень скоро через некое время на пороге, отряхивая с плеч и шапки, с сапог налипший снег и что-то бормоча, появился долгожданный старик.

– Вон сколько снега уже выпало, а он все валит и валит! – стоя у порога, он снял с головы сплюснутую папаху.

Затем стал стряхивать снег с телогрейки, в которую был одет. – Года два на Новый год не было снега, так в этом году он решил взять реванш! Вон какие хлопья снега кружат в воздухе и падают на землю...-бормотал старик.

Он вдруг заметил аккуратно поставленную у порога незнакомую пару сапог. Обрадовался.

– Уж не Тумен ли к нам приехал? – назвал он имя одного из родственников, предположив, что только он мог в такой день оказаться у них.

Кенжекей подошла слушаясь к отцу и помогла повесить на крючок снятую отцом телогрейку.

– Ата, у нас гость! – сообщила она.

– Гость – посланник Бога. Наверно, кто-то из тех, кто опоздал на поезд?

– Да, опоздавший пассажир.

Старик не обратил внимания на то, как покраснела его дочь при этих словах.

Посчитав снегопад предзнаменованием чего-то хорошего, а гостя, пришедшего в дом в такой снежный день, посланником Бога, старик очень прохудившейся обрадовался.

Протянув обе руки, он приветливо поздоровался с гостем, стараясь по виду определить, что он за человек. Овез чувствовал себя неловко оттого, что в этот дом его привела женщина, но ему понравилась добросердечность старика. У хозяина дома было спокойное и открытое круглое лицо, спокойный и умный взгляд. В доме было тепло и уютно. Старик расположился рядом с гостем и только приступил к разговору, как сзади него раздался звук внезапно упавших капель. Старик вдруг вспомнил худой крыше дома «Вот, значит, когда она дала о себе знать» Подняв голову, старик увидел, что потолок усыпан влажными бисеринками, которые, сливаясь друг с другом, образовывали небольшие капли и одна за другой падали вниз. От вида протекающей крыши у старика резко упало настроение. Только сейчас

он вспомнил о том, что еще в прошлом году, когда также начала течь крыша, он собирался найти человека и обновить прохудившиеся листы шифера. Сейчас он укорял себя в том, что по забывчивости своевременно не позаботился о ремонте. Было понятно, что снег не только идет, но при плюсовой температуре воздуха сразу тает.

Вскоре падающие с потолка капли успел образовать на полу приличную лужу и намочить часть расстеленного ковра. Увидев это, старик стал звать дочь:

– Кенжекей, иди сюда, дочка! Захвати с собой таз и тряпку. Снег начал таять и устроил нам потоп!

Кенжекей отзывалось на зов отца и вскоре принесла тазик и тряпку. Попросив мужчин отодвинуть в сторонку расстеленный в центре комнаты сачак (дастархан), быстренько собрала тряпкой воду с пола. Тщательно вытерев пол, она подставила тазик и, чтобы звук падающих капель не раздражал, застелила его изнутри хорошо отжатой тряпкой. И только после этого стала кормить родных и гостя.

Овез вдруг заметил, как красиво уложены черные, как смоль, косы женщины. Длинное платье с глубоким вырезом делало ее особенно нарядной. От внимания гостя не ускользнуло и то, с каким вождением смотрит на него молодая женщина, и как у нее при этом горят глаза. Вначале Кенжекей думала, что интерес мужчины, при любом удобном случае разглядывавшего ее, спровоцирован несколькими рюмками водки, которую он выпил, чокаясь с ее отцом. Она не знала, что отец, воспользовавшись удобным моментом, когда рядом не было женщин, рассказал гостю о неустроенной жизни дочери, брошенной мужем-негодяем. Старик поделился с гостем своими переживаниями за единственную и любимую дочь, которой он желал судьбы.

Женщина видела, с каким интересом разглядывает ее мужчина, но не могла понять, шутит он или всерьез заинтересовался ею. Да и ее собственное состояние сейчас было не лучше, чем у Овеза. Ухаживая за понравившемся

ей гостем, она с горечью думала о том, что совсем скоро ему надо будет уезжать, и он покинет этот дом. Не приведи Господи никому провести новогоднюю ночь в одиночестве!

С аппетитом съев праздничный ужин и находясь в приподнятом настроении, старик через какое-то время вытер салфеткой пот со лба и с удовольствием взял в руки домбру. Как только он заиграл на ней, атмосфера в комнате переменилась, как будто стали рассеиваться и уходить сгустившиеся тучи. Мысленному взору празднующих предстала картина: по бескрайним казахским степям гарцуют всадники, слышен цокот конских копыт. Эта мелодия подняла настроение и напомнила Кенжекей веселые любовные игры казахов, когда юноша и девушка верхом на коне догоняют друг друга со словами: «Если догонишь, получишь поцелуй!» Она представила себя в роли той девушки, кокетливо бегущей от юноши, чтобы не позволить ему поцеловать ее, а Овеза на месте того самого догоняющего юноши, и в ту же минуту устыдилась своих тайных мыслей, словно кто-то мог прочитать их, смущенно опустила голову. Сейчас все находились под впечатлением от прозвучавшей музыки. После этого старик, уставившись в потолок, будто пытаясь что-то отыскать на нем, обливаясь потом, запел своим хриплым голосом. Отодвинувшись от сачака, Овез слушал музыку, предаваясь своим грустным мыслям.

Температура воздуха в комнате заметно накалялась, зато на улице мороз стал крепчать, потому что с потолка стало капать все реже а потом и вовсе прекратилось. Видно, снег на крыше застыл и перестал таять. Да и капли падали в стороне от людей, поэтому на этот звук попросту никто не обращал внимания.

Собравшиеся за праздничным столом песнями и музыкой проводили старый год, с которым они прощались навсегда. С грустью подумалось: вот и этот год промчался мимо, как промчался мимо них тот поезд, на который не поспел Овез.

У стариков уже давно слипались глаза, но они мужественно досидели до полуночи и под звуки телевизора с самыми добрыми пожеланиями и надеждами встретили ашхабадский Новый год. Поздравляли друг друга.

– Вы, конечно, еще и московский Новый год будете встречать, а мы устали и хотим спать. Пожалуй, мы пойдем, а вы, молодые, посидите еще.

Оставив молодых наедине, старики отправились в свою комнату. Поднимаясь, старик вдруг вспомнил, что парню предстоит уезжать утренним поездом. И тогда он сказал вставшему вслед за ним Овезу:

– Сынок, счастливого тебе пути и будь здоров!

Про себя же подумал: «Вот тебя-то, сынок, и не хватает нашему дому! Не помню, когда я в последний раз так хорошо встречал Новый год!»

– И вам того же! – прощаясь со стариком, пожелал Овез. Он был благодарен этим людям, которые так тепло принимали его в своем доме, и всем своим видом показывал это.

– Коли ты геолог, да еще работаешь неподалеку отсюда, если будет по пути, заглядывай к нам иногда. Вспомни старого казаха и приходи. Ты мне очень понравился.

Проводив мать до места, Кенжекей вернулась за отцом и увидела, как они с Овезом, словно два собутыльника, которые никак не могут расстаться, все еще прощаются друг с другом. Поправив на голове платок, женщина кинула взгляд на отца и гостя. Радуюсь тому, что увидела, понимающе улыбнулась. Подошла к телевизору, во всю мощь изрыгавшему праздничные шумы, и убавила звук.

Прихватив отцовскую домбру и идя рядом с ним, она проводила его до спальни. Вернувшись, увидела, что Овез сидит на том же месте в глубокой задумчивости. Когда Кенжекей присела, он, тяжело вздохнув, произнес: "Как хорошо, когда есть родители!" Видно, он вспомнил своих

рано ушедших из жизни родителей. Кенжекей устроилась на мягкой подстилке отца рядом с Овезом, мило улыбнулась ему и стала предлагать гостю угощаться тем, что выставлено на праздничном сачаке.

– Вы бы еще что-нибудь поели, гость!

– Да сколько же можно есть?! Я уже объелся, все так вкусно было!

Посмотрев на пустую бутылку из-под водки, Кенжекей налила в пиалу чая и протянула гостю.

– Тогда выпей пиалу чая!

– Вот это совсем другой разговор. Чай – это хорошо! – Овез принял из рук молодой хозяйки протянутую ему пиалу с чаем.

Подавая пиалу, женщина ощутила на своем лице теплое дыхание парня. Исходящий от мужчины жар разволновал женщину, лишил ее покоя. Сердце бешено заколотилось в груди Кенжекей, во рту пересохло, как у человека, объевшегося рыбы. Она изо всех сил старалась не показывать виду, боялась, что гость может догадаться о вспыхнувшем в ней желании. Опустошив пиалу, Овез взглядом охотника посмотрел на женщину и снова протянул ей пиалу:

– Очень хороший чай получился. Налей-ка мне еще одну пиалу! – Он оценивающе посмотрел на женщину, пытаясь понять, как она отреагирует на его шутку. – Если ты умеешь готовить такие вкусные блюда, да еще такой чудесный чай заваривать, я и вовсе не уйду от вас!

Неожиданно у женщины, с улыбкой на лице слушавшей гостя и наливавшей ему чай, ответ оказался готовым:

- А кто тебя гонит?!

Для Овеза этот ответ прозвучал не просто как набор слов, он услышал в нем голос истосковавшегося по мужской ласке женского сердца. Он тоже почувствовал, что сейчас Кенжекей думает о нем, желает его. Забыв обо всем на свете, схватил женщину за руку и с силой привлек ее к себе...

Некоторое время спустя женщина, о чем-то вспомнив, осторожно высвободилась из объятий мужчины, сняла со стены часы, при каждом взгляде на них напоминавшие парню о приближавшемся времени отъезда, и отнесла их в соседнюю комнату.

А в это время москвичи, уже встретившие Новый год, шумно и весело праздновали его по телевизору, поздравляя друг друга с Новым годом – новым счастьем.

* * *

Снег, выпавший в новогоднюю ночь, пролежал два дня и растаял, после чего земля вернула себе прежний облик. В один из таких дней машина геологов привезла на станцию людей, отработавших смену. И здесь они увидели своего коллегу Овеза, уехавшего в Ашхабад на встречу Нового года. Оvez сидел на крыше дома казаха-железнодорожника и приводил ее в порядок, а какая-то милая женщина помогала ему, подавая снизу необходимые инструменты.

БРАТ

В те дни я с головой ушел в игры со своими сверстниками. Не знаю, может, оттого, что наши игры носили состязательный характер, нам они казались особенно интересными. Сидя дома, бабушка по несколько раз на дню окликает меня, чтобы отругать:

— Куда ты опять собрался? — Уши у моей бабушки как локаторы, небось уже услышала цокот копыт моего ишака.

— Свожу ишака на водопой.

— Да разве ж осенью ишак пьет по два-три раза на дню?

Честно говоря, мне самому не очень-то и интересно, пьет ишак воду или нет.

Мы с ребятами только что договорились устроить на песчаной дороге ослиные скачки. А напоить ишака водой — это только повод, чтобы вырваться из дома. Хотя коровник чищу я, овец кормлю-пою я, и «мамин помощник» тоже я... И все равно моей бабушке не нравится, когда я то и дело увожу своего ишака и, считая его легендарным конем Гыратом из эпоса о Героглы, ношусь на нем, загоняя животное до полусмерти.

И потом, в доме я не единственный мальчик, есть в доме и еще один прилипала по имени Бабагельды, мой младший брат, которому на днях исполнится шесть лет.

Ему ни до кого, кроме меня, дела нет. Стоит ему увидеть, что я куда-то засобирался, как он тут же увяжется за тобой: «И я». Ну просто настоящая собачонка, которая ни на шаг тебя не отпускает, всюду за тобой таскается. И не дай бог сказать, чтобы оностался, так ведь такой рев устроит, что мало не покажется! Услышав его плач, какбудто его кто пилой на части разрезает, мама и бабушка выскакивают и начинают с двух сторон допытываться: «Что с тобой, детка?!» А мой братишка, заливаясь слеза-ми, жалуется:

— Он не берет меня с собой...

Тогда бабушка начинает уговаривать меня по-хорошему:

— Сынок, ты ведь умный мальчик. Он же твой младший братишка. Пусть с тобой поиграет. Если ты старший, ты должен и с младшим тоже играть...

— Но он ведь не умеет играть...

— Научишь, сынок...

В этот момент я вспоминаю, что нельзя заставлять бабушку долго уговаривать себя. Иначе она может рассердиться и сказать: «А ну, если не хотите играть вместе, чтобы оба ни шагу из дома!» Понимаю, мне не остается ничего другого, как послушаться бабушку. Тряхнув его за плечо, обиженно произношу: «Ну, пошли тогда». Бабагельды расцветает. Конечно, он добился своего.

Помню, однажды нас на «тропу войны» вывела женщина из соседнего аула, приехавшая увидится проведать бабушку, ее хорошая подруга. Мы с братом играли возле бабушки в три альчика, «учем-учем» называется игра. Бабушка очень обрадовалась приезду этой женщины. «Вай, подруга, какими судьбами?» — и радостно обняла свою гостью. Женщина вроде бы и неплохая, она сразу же ласково посмотрела на нас и стала говорить то, что должно было понравиться бабушке:

— Какие у тебя замечательные внучата, в настоящих парней выросли. И оба похожи на своего отца в детстве, — наверно, мой брат понравился этой женщине больше, она не ограничилась тем, что погладила его по голове, еще взяла на руки и расцеловала. Бабушка и гостья пили чай, ели, вспоминали молодость свою. Надо сказать, что несколько месяцев тому назад мы выдали нашу старшую сестру замуж как раз в то село, откуда приехала эта женщина. Бабушка возьми и спроси у нее, как там поживает ее внученька. Когда она напомнила о нашей сестре, перед глазами тотчас же возник ее родной облик. Потому что и я, и мой младший брат очень любили ее и сейчас скучали по ней. Раньше,

когда наша сестра жила дома, отправляясь к подругам просто посидеть или позаниматься вышивкой, она всегда брала с собой в попутчики меня, а в последнее время с ней ходил только Бабагельды. Теперь же, приезжая погостить домой, она привозила с собой вертлявую девчонку со взъерошенными волосами и называла ее своей золовкой. А вообще, мне не нравится, когда девушки уходят из дома и про них говорят, что они вышли замуж. Может, поэтому я не очень-то люблю родственника, который стал зятем. Да и почему, собственно, я должен любить его? За что? За то, что он увел из дома твою любимую сестру?..

Я не сразу понял, отчего на вопрос бабушки гостья переменилась в лице. Она погладила свое широкое лицо, словно хотела стереть с него невольно возникшее выражение, связанное с предстоящим неприятным сообщением.

— Я ехала сюда с намерением ничего не говорить тебе, но раз уж ты спросила, придется сказать. Своими глазами я не видела, но ближайšie соседи вроде бы видели. Похоже, ваша девочка не очень-то ладит с мужем. А в тот день он и вовсе ударил ее по щеке...

Лицо бабушки потускнело на глазах. Затем на ее лице появилось задумчивое выражение, словно у человека, размышляющего про себя: «Пойду на базар, куплю

то-то и то-то, хотя денег у меня столько-то...» И лишь спустя какое-то время она произнесла фразу, которую гостья должна была помнить и по возвращении домой.

«Братьям не понравится, если они узнают, что их сестра получила пощечину...» Она, конечно, имела в виду нашего отца, но и на нас с Бабагельды посмотрела выразительно, как бы говоря: «Да и эти тоже не останутся в стороне».

Как и всегда, бабушка и на сей раз оказалась права. Мне тоже не понравилось сообщение нашей гостьи, да и кому могут понравиться обиды, нанесенные твоему близкому

человеку?! Я и на следующий день несколько раз вспоминал этот разговор, а в ушах все звучали слова недовольной бабушки: «Туркмены никогда не понимали насилия над слабыми...»

Душа моя была беспокойна, я не мог оставаться равнодушным к случившемуся, должен был что-то предпринять, в конце концов у меня созрело решение во что бы то ни стало отомстить обидчику сестры. Едва дождавшись утра следующего дня, я запряг своего ишачка и стал ждать удобного момента, чтобы тайком от бабушки и домашних отправиться в соседнее село и наказать ненавистного зятя. Уже взошло солнце, но погода была холодной. Карманы телогрейки, надетой поверх пиджака, были битком набиты камнями и оттопыривались. Мне бы только добраться до соседнего села, а там я найду этим камням применение! Задумав устроить мужу сестры вендетту, я отправился на каменистую дорогу, проходившую неподалеку от нашего дома, и тщательно отбирал там эти камни, которые сейчас оттягивали мне карманы. Стараясь никому не показываться на глаза, я тихонько выехал на большую дорогу и на тебе! На своем трехколесном велосипеде прямо на меня ехал Бабагельды. Я-то от него и прятался, ехал по закоулкам, а он, как нарочно, опять у меня на пути. А дальше все вышло именно так, как я и думал.

Отшвырнув велосипед в сторону, он затянул всю ту же песню: «И я с тобой!»

Скажешь «нет», он такой ор поднимет, что мало не покажется, и тогда уже точно никуда не поедешь. Делать нечего, я протянул ему руку, подставил вместо ступеньки свою ногу и помог взобраться на ишака, усадил брата позади себя. А иначе, если бабушка вдруг узнает, разве отпустит она меня туда?!

Получив направление движения, ишак цокает копытами по глинистой обочине каменистой дороги. Бабагельды, чтобы не свалиться с ишака, обхватив меня крепко ручонками

поверх телогрейки, сидит сзади, привалившись к моей спине. Показав ему камни, которые были у меня в кармане, я объяснил братишке, что на сей раз мы едем к сестре не для того, чтобы передать ей угощение или же какое-нибудь сообщение от бабушки, а для того, чтобы отомстить за нанесенную ей обиду, дал ему пару камней, чтобы он мог запустить их в зятя. Узнав, куда и зачем мы едем, Бабагельды сразу же вспомнил, что и у него там имеется враг. «У них еще серый петух есть, я его тоже побью...» Серый петух — это тот, который набросился на моего брата, когда он вместе с бабушкой приезжал навестить сестру, и сильно испугал его. Так что у Бабагельды были все основания заодно и петуха наказать.

Я понял, мой брат жаждет мести ничуть не меньше меня. Человек всегда чувствует себя сильнее, если у него появляется единомышленник. А солнце наверху то выглянет из-за туч, то снова скроется. Немного проехав по открытой местности, мы начали мерзнуть, день был морозный. Правда, нас согревала мысль о том, что мы едем на правое дело — мстить. Наверно, оттого, что немного замерзли, нам показалось, что село находится дальше, чем обычно. Но в конце концов мы добрались до него, правда, день уже приближался к полудню. Поставили своего ишака прямо перед домом зятя и ждем. Как только он появится, мы забросаем его камнями, вот только что-то слишком долго никто не выходит из дома. Только потом мы заметили, что на двери дома висит огромный замок. Вот незадача! Нам стало ясно, что они заперли дверь и куда-то ушли. Услышав наши голоса, из соседнего дома вышел квадратный человек со смуглой кожей.

Сощутив глаза, он некоторое время смотрел в нашу сторону, пытаясь опознать нас. Братишка, думая, что это

** Сары — желтый, смуглый.*

зять, заерзал на месте, собираясь запустить в того камнем. По нашему уговору, как только зять появится нам на глаза, мы должны с двух сторон выпустить в обидчика нашей сестры град камней. Рука братишки поднялась, но он так и не смог разжать застывший от холода кулак, в котором был зажат камень. Тем временем смуглый человек подошел ближе и обратился к нам: «Эй, ребята, вы сыновья Назара ага?»

Видно, он догадался, кто мы такие, когда мы громко выкрикивали имя сестры.

— Да.

— Это хорошо, давайте тогда, слезайте с коня, к тому же вы порядком промерзли, пойдемте в дом, согреетесь, гостями будете! А вашей Биби эдже нет, они сегодня утром целой толпой поехали в город к дочери, та сына своего женит. Так что вряд ли они вернутся прежде, чем закончится свадьба.

Я как-то не обращал внимания, а оказалось, что Бабагельды очень сильно замерз, губы у него посинели и дрожали. Когда мы ехали сюда, я слышал, как у меня за спиной что-то щелкает, думал, что это Бабагельды стучит камнями, готовится к битве, а оказалось, что это у него от холода зубы стучат.

Человека, который, признав в нас сыновей Назара, приютил у себя дома и обогрел, звали Акы по кличке сары*. Отом, что его зовут именно Акы-сары, мы узнали, вернувшись домой с «вендетты». Оказалось, когда наш отец на своем тракторе обрабатывал в этом селе землю, Акы-сары был при нем помощником, учился у него водить трактор. Акы-сары снял моего братишку с ишака и на руках отнес в дом, там он усадил его возле теплой печи. Я сел немного позади него. Расстелили сачак, мы поняли, что нас собираются накормить. Нам принесли яичницу на сковородке. Акы-сары сидел рядом с нами, «Берите, ешьте!» — предлагал он нам, сам же изредка протягивал руку к сковороде и делал вид, что ест.

Да и брат мой не очень-то ест, одну руку он все еще держит в кармане. Я посчитал это неприличным и вынул руку брата из кармана. Вот тогда-то и открылась цель нашего прибытия сюда. Когда Бабагельды разжал немного согревшуюся руку, в ней лежал один из двух камней, которые я дал ему. Только сейчас я понял: он так долго не мог разжать кулак, потому что тот задубел от холода. Увидев в кулачке брата камень, Акы-сары заинтересовался им и спросил: «Что это?», — и тогда я вынужден был признаться, что мы приехали сюда, чтобы наказать нерадивого зятя, отомстить ему за нашу сестру. Выслушав меня, Акы-сары, задрав голову, от души рассмеялся. Оказывается, когда он так смеется, из глаз его текут слезы, а желтая кожа на его лице становится багрово-красной. Не переставая смеяться, он крикнул жене, которая сновала по дому:

— Эй, жена, вели забить одного из петухов, и сына позови, пусть моркови нарост, приготовь плов!

Не знаю, почему, но я понял, что мои слова пришлись по душе Акы-сары, что они вызвали у него чувство гордости за нас. Он обогрел нас, попотчевал, как дорогих гостей, и со всеми почестями проводил домой.

Когда мы верхом на ишаке поравнялись с домом сестры, я остановился еще на минуту. Брошенный мною камень стукнулся в их дверь. Мой братишка оказался более метким, чем я, его камень угодил прямо в окно и вдребезги разбил его.

Никто не обращал внимание нас, когда мы уходили, зато, когда мы вернулись обратно, нас сразу же заметили. Конечно, столько времени отсутствовать и при этом остаться незамеченными?! Увлечшись интересными рассказами Акы-сары, поев вкусного плова и расслабившись, мы и не заметили, сколько времени прошло. Когда мы вернулись, выяснилось, что бабушка и мама ходили по соседям, искали нас.

Нам не оставалось ничего другого, как честно признаться, где и зачем мы были.

Выслушав меня, бабушка всхлипнула: «В такой-то холод?», — не договорив, она обняла брата и заплакала. Лишь спустя некоторое время, когда мы зашли в дом, разделись и устроились возле теплой печи, бабушка снова стала для нас родным и близким человеком. Она ласково журила нас:

— Вы только посмотрите, что они надумали, да еще в такой мороз! В голову ведь такое не могло придти. Видите ли, мстить они поехали. Тоже мне еще Героглы отыскиались! Какие из вас мстители, вы ведь совсем дети еще, только вон как продрог ли... Тогда уж надо было вам еще трижды обойти вокруг гуджума*, пронзить его стрелой из желтого лука, оставить след, а уж потом возвращаться...

Хоть бабушка и ворчала, но в этом ворчании уже не было гнева, с которым она встретила нас, когда мы вернулись домой, напротив, в словах ее неожиданно прозвучали горделивые нотки.

Не знаю, как брат, а я-то сразу сообразил, почему бабушка вспомнила о Героглы беке. «Героглы» — это книга, которую в нашем доме любят читать все. В ней рассказывается о том, как Героглы отправился мстить Арап Рейхану, который силой увез из дома его юную сестру.

Уже усадив Бибиджан в седло своего коня, он трижды обходит дерево ильм, под которым спит Арап, и выстреливает в него из лука, оставляет на дереве метку, чтобы тот, проснувшись, мог увидеть след его пребывания. Видно, наш поход за мщением напомнил бабушке тот поход Героглы, который также намеревался отомстить ненавистному врагу, поэтому она, говоря об этом, улыбалась.

** Гуджум - Большое тенистое дерево.*

МИСКА РЕКСА

Сегодня утром Марьям проснулась от доносящегося из дальнего конца двора знакомого кокетливого смеха вдовой соседки. А ей так хотелось еще немного побыть в этом волшебном царстве сна, понежиться в согретой ее обнаженным телом постели. К тому же ей некуда было спешить, она нигде не работала и ничем особенным не занималась. Марьям относилась к категории богатых домохозяек. Ее муж был старше нее лет на пятнадцать, он был из тех, кто умело воспользовался суматохой последних лет, связанной с распадом государства, вовремя использовал ее в собственных интересах и завладел несметными богатствами, такие, как он, называли себя “новыми туркменскими баями”, народу же они были известны как “разбогатевшие потом”. Словом, он был одним из тех, кто, как в сказке, в мгновение ока стал богачом.

На самом деле все поздние туркменские богачи действовали по одному сценарию, ведь у них не было опыта предков, поэтому они, ведя одинаковый образ жизни, набирались опыта друг у друга.

Первым делом обзаведясь парком престижных иномарок, они сразу же приступали к строительству элитных особняков в разных концах города. И вот еще в чем “новые туркмены” повторяли друг друга: имея жен, они с большим удовольствием заводили себе молоденьких любовниц, обращали на себя всеобщее внимание и даже кичились этим.

Марьям была как раз из тех, кто в мечтах о роскошной жизни становился любовницей состоятельного, хотя и женатого мужчины. Вот уже три года она в свое удовольствие жила в доме, купленном ей ее мужчиной. И сейчас в другом конце двора был почти готов строящийся специально для Марьям шикарный двухэтажный особняк.

Года два-три назад, покупая этот дом и оформляя купчую на имя Марьям, «новый туркменский бай», показывая своей возлюбленной на аккуратный одноэтажный домик со всеми удобствами, пообещал: «Ты пока поживи в этом доме и потерпи немного, я потом выстрою для тебя двухэтажный дворец!»

И после, когда они с Марьям, как молодожены, проводили свой «медовый месяц» на берегах Италии, он еще пару раз напоминал о своем обещании.

Если он не был в командировке, «разбогатевший потом» три ночи в неделю посвящал своей любовнице, но и в другие дни, как только у него появлялась свободная минутка, заезжал сюда, чтобы провести свою милую, крутился возле нее.

Марьям не понравился прозвучавший в неурочное время громкий смех соседки. Потягиваясь и протягивая руку к лежащему в ногах просторной кровати шелковому халату, ласкающему голое тело женщины, недовольно выругалась про себя: «Чему эта шлюха с утра пораньше радуется?!»

День уже давно был в полном разгаре, раскрасневшийся с самого утра, как только что испеченная лепешка, шар солнца торопливо карабкался в небо, словно совершая восхождение на гору. Ничего этого не видела Марьям, укрытая в полумраке комнаты с плотно зашторенными окнами.

Сощурив глаза, зевая и потягиваясь, Марьям подошла к окну, где глазам ее предстала следующая картина: соседка, прислонившись к разделяющему участки деревянному штакетнику высотой с человеческий рост, покачивая роскошными крутыми бедрами, словно кого-то дразня ими, стояла возле их строящегося двухэтажного особняка и весело болтала с худощавым наемным работником, которого муж со словами «плотницкие работы будет выполнять он, люди хвалят его как хорошего мастера» привел примерно

с неделю - дней десять назад. Говорила главным образом соседка, время от времени прерывая разговор громким смехом, парень же, не отрываясь рот работы, замерял и отрезал доски и лишь иногда, подняв голову, для приличия поддакивал ей и улыбался.

Соседке было далеко за сорок, однако была она красива и статью вышла. Это была женщина, которая умела привлекать внимание мужчин, глядя на нее, они с восхищением думали: «А кобылка-то еще ничего!»

Марьям завидовала умению той одеваться, на ней всегда были наряды европейского кроя, но с национальным колоритом. Она и сама, как все молодые и влюбленные женщины, любила одеваться, каждый раз, надевая на себя что-то новое, она видела в зеркале, как идет ей новый наряд, который делает ее еще красивее, и верила, что после этого муж будет любить и желать ее еще сильнее. Она и сама не замечала, как временами начинала подражать соседке, перенимая ее стиль одежды и тем самым вступая в тайное соперничество с ней. До сих пор их соседство не распространялось дальше обычных приветствий. Муж советовал ей не особенно сближаться с вдовой, не водить с ней дружбы, не ссориться по пустякам и держаться от нее на расстоянии. Напоминая ей, что это не просто женщина, а женщина-журналист, которую он время от времени видит по телевизору на высоких правительственных совещаниях, он наказывал: «Не очень-то открывай ей душу, пусть она не знает твоих тайн, держись от нее подальше». Говорил, что от таких женщин чего угодно можно ждать, сказал, что он и сам немного опасается этой женщины.

До сих пор Марьям не обращала никакого внимания на парня, хотя тот уже несколько дней жил и работал у нее во дворе. Она считала себя принцессой, «госпожой такой-то», поэтому парень для нее был всего лишь наемным работником, то есть обычным батраком. И вообще, как

только муж привел его с собой, он сразу же не понравился Марьям. Вслух она никак не выразила своего отношения к нему, но в душе отругала мужа: «От этого неряхи вряд ли дождешься работы», потому что считала, что и без того строительство дома идет медленно.

Она еще больше укрепилась в своем мнении после рассказа мужа об этом мастере: «Этот бедолага был офицером, окончил в России военное училище. Лет шесть-семь все у него было хорошо, он даже командиром побывал. А потом его как непригодного к воинской службе комиссовали. Говорят, беда не приходит одна, жена этого несчастного с двумя детьми уехала к себе на родину в Россию. С тех пор он и занимается наемным трудом, и живет там, где работает...» После рассказа мужа и глядя на худобу мастера, Марьям сразу же сделала вывод: «Если он болен, значит, у него туберкулез, его же видно, небось, по этой причине и жена от него сбежала, как пить дать, у него самая настоящая чахотка... болезнь заразная, так что надо быть от него подальше, береженого Бог бережет...» Ничего не зная в точности, она тем не менее напонила своей домработнице, что у больных туберкулезом должна быть отдельная посуда, и наказала ей не пускать его в дом, а носить еду в специально отведенной посуде туда, где он работает. Эту миску, похожую на собачью посуду, Марьям купила недавно на рынке, чтобы кормить из нее немецкую овчарку Рекса, охранявшего дом. Она была еще новой, Рекс всего несколько дней питался из нее. Рабочий, будто бы ни на что не обращающий внимания, словно читая мысли хозяйки дома о себе, вообще не замечал ее. Он даже близко не подходил к Марьям, разве что иногда приходил к крану возле старого дома, чтобы умыться. Он постоянно что-то замерял, резал и строгал, прибавлял гвоздями, словом, с головой ушел в свою работу.

Когда Марьям, медленно прогуливаясь по асфальтовой дорожке, проложенной из конца в конец засаженного

розами двора, приблизилась к строящемуся дому, женщина, беседовавшая с рабочим, уже собиралась уходить. Но увидев подходившую соседку, еще немного задержалась, чтобы поздороваться с той.

Как обычно, соседки улыбнулись друг другу и кивнули головами, коротко поздоровались. После чего вдова не преминула заметить: «Не сглазить, соседка, твой новый дом на глазах преобразается, хорошеет»,— и с завистью посмотрела на уже почти готовое строение.

— Да, только уж слишком затянулось его строительство,— выразила недовольство Марьям.

— Да нет, чего ж там долго. Разве не в середине прошлого года вы начали строить его? Стены подняли быстро. Просто на отделочные работы уходит немало времени, — соседка, поначалу возражавшая Марьям, потом вынуждена была согласиться с ней. Марьям опять с недовольным видом протянула: «Ай, теперь мы будем рады хотя бы до зимы переселиться в него». Мастер, занятый своим делом, что-то уронил и искал среди обрезков досок, услышав последние слова Марьям, впервые оторвался от своего занятия. Было ясно, что упрек хозяйки дома он отнес на свой счет, и теперь должен был ответить на него. Когда он посмотрел на Марьям, их взгляды встретились впервые. В этот миг Марьям показалось, что кто-то слегка толкнул ее в грудь, по всему телу словно разряд электрического тока прошел. Совершенно неожиданно она почувствовала, как у нее пересохли губы, она растерялась и тотчас отвела свой взгляд от глаз мастера. Потому что, как только их взгляды встретились, с присущей ей женской интуицией Марьям поняла, что перед ней стоит не просто обыкновенный рабочий, а человек, перед которым, при желании, невозможно устоять. Сейчас он был похож на тигра, сама же она напоминала повстречавшуюся на его пути дикую козочку, и тигр посмотрел на нее с воодушевлением: «Ах ты, козочка, вот я тебя...»— было написано в его взгляде, она это сразу поняла.

А когда мастер вслух сказал: «Гелин, вы не очень-то подгоняйте меня, всему свое время, да и работа идет неплохо, так что ее окончание не за горами...», – его слова прозвучали для нее приятнее ожидаемого. После этого стало понятно, что в душе парня также произошел какой-то непонятный переполох.

Вдовствующая соседка, объясняя причины своего появления здесь, сообщила Марьям, что после окончания работ хочет пригласить мастера к себе, ведь в доме, где нет мужчины, всегда есть что поправить.

После этого Марьям еще немного походила по двору, поглазела по сторонам, а когда вернулась в дом, почувствовала, что ее тело по-прежнему охвачено дрожью, неожиданно возникшей от взгляда мастера, и сама она находится в состоянии непонятного возбуждения.

Она вспомнила, что точно такие же ощущения испытывала в школьные годы, когда в укромном месте тайком целовалась со своим одноклассником Гарягды.

Войдя в дом, Марьям резко открыла холодильник, достала оттуда одну из запотевших бутылок и, не имея терпения налить воду в посуду, выпила ее залпом прямо из горлышка бутылки.

* * *

Сегодня снова был тот желанный день, которого Марьям всегда ждала с нетерпением. Она принадлежала к тем женщинам, которые знали цену мужской любви, ее душа постоянно жаждала ее.

И если на то пошло, она была женственна и хороша собой, мужчинам в ней нравилось все - и ее горделивая осанка, и ладная фигурка, женщина была уверена, что красотой своею покорила мужа, гордилась этим и жизнью своей была довольна. И потом, Марьям давно стремилась к роскоши, в которой теперь жила, своего нынешнего положения она добилась, с легкостью переступив через

женское самолюбие, вставшее на пути к достижению цели, меньше всего ее волновало и то, что она была попросту наложницей женатого мужчины. А то кем она была прежде? Разве не была она одной из тысяч таких же женщин, влачащих жалкое существование от зарплаты до зарплаты? Но уж если человеку повезет, так повезет! Семь-восемь месяцев Марьям проработала переводчицей в офисе «нового туркмена», и не успела стать незаменимым специалистом, как превратилась сначала в женщину, которую хозяин пожелал постоянно видеть перед своими глазами, а потом и вовсе в его вторую жену. Вышло как в сказке: прилетела белая птица и прямо в клюве своем перенесла ее в этот сказочный замок...

В такие дни она всегда просыпалась намного раньше обычного. Помнила, что сегодня ее должен навестить муж, а это всегда доставляло ей удовольствие. Как и обычно, сегодня она встала с постели, потягиваясь и сладко зевая, и по привычке подошла к окну. Прихватив одной рукой плотную, как кожа арбуза, спадающую до самого пола алую штору, она отодвинула ее немного и стала наблюдать за тем, что происходит во дворе.

Кругом царила тишина. Не было видно ни мастера, о котором Марьям подумала «наверно, уже бродит по двору», ни соседки, которая обычно с утра пораньше копошится возле деревянного забора, гремя посудой, вечно подстегивая себя и носясь от стоящего там курятника к дому и обратно.

Наблюдая за окружающим миром, Марьям по привычке погладила одну из грудей, выглядывающих из распахнутого халата, получила от этого удовольствие, и окончательно проснулась. Она потягивалась, готовясь выйти во двор и заняться утренней гимнастикой. Натягивая на себя облегающий спортивный костюм, подчеркивающий все выпуклости ее фигуры, впервые задумалась о том, что рабочий и соседка могут увидеть ее в такой форме и удивиться, словно она никогда прежде не надевала ее.

Почему-то теперь ей не хотелось показываться на глаза рабочему в прежнем виде. Но она тут же подумала о том, что женой рабочего была русская женщина, так что полураздетая женщина вряд ли может его удивить, эта мысль развеяла все мучавшие ее сомнения и вернула Марьям прежнюю уверенность.

Увидев выходящую из дома хозяйку, Рекс подбежал к ней и, виляя хвостом, всем видом своим выказывал радость, он лизал ей руки, путался у нее в ногах. Мастера нигде не было видно, но из глубины дома доносились стуки его молотка и топора. Слава Богу, сейчас и соседки нигде не видать. Марьям была не против отсутствия соседки, тем не менее по привычке подумала о ней неприязненно: «Неужели эта плоскостопая до сих пор дрыхнет?..» и представила смешную картинку: женщина лежит, задрав ноги к небу, напоминая синицу, которая поднимает ноги для того, чтобы «подпереть небо, если оно будет падать».

Выполнив во дворе несколько привычных упражнений для разминки тела, Марьям еще немного побегала вместе с Рексом по дорожкам, она была благодарна собаке за то, что та своей беготней поддерживала и подбадривала ее.

Сегодняшний день, когда ее должен был навестить «новый туркменский бай», для Марьям имел особенное значение, в такие дни она была бодра и вдохновенна и как-то по-особому чувствовала себя. Ей хотелось быть нарядной, хорошо выглядеть, встретить свою вторую половину со всеми почестями и всячески угождать ему. В честь его прихода она каждый раз накрывала стол на двоих и называла это застолье «маленьким праздником». Как и всем любвеобильным молодым женщинам, ей хотелось в этот день быть нежной и заботливой, выглядеть красивой. Дни встречи со своим возлюбленным она считала самыми счастливыми для себя, ведь ее ждала полная сладостных минут бурная ночь, когда два любящих и устремленных друг

к другу тела сливаются воедино и в едином порыве, издавая шлепающие звуки, дружно разминают белую глину любви.

В такие дни Марьям сама готовила угощение для своего «маленького праздника», во-первых, так время бежит быстрее, а еще потому, что собственноручно приготовленная еда всегда кажется особенно вкусной.

Она и сегодня не изменила своим правилам. Первым делом сразу же после полудня отпустила домработницу: «Дайза, сегодня ты можешь сходить провести своих внуков!» Оставшись одна, она натянула на себя передник и приступила к приготовлению праздничного угощения. Через некоторое время кухня наполнилась ароматами запекаемой в духовке курицы, натертой всевозможными специями. Затем на столе появилось плоское блюдо с фруктами - яблоками и гранатами, апельсинами и бананами, вазочки со всевозможными салатами одна за другой занимали почетные места на столе.

Когда Марьям закончила приготовление торжественного ужина, готова была и курица, ее аппетитный запах, смешанный с ароматами всевозможной зелени и салатов, заполнил всю комнату.

Затем Марьям прошла в ванную комнату. Не спеша разделась, отбросила одежду в сторону. Для Марьям это место было одним из самых любимых в доме. Каждый раз за три-четыре часа до того, как попасть в объятья любимого мужчины, она любила принять ванну. Лежа в пене и с наслаждением растирая тело, она чувствовала, как под ее руками кожа становится гладкой и эластичной, бархатистой, мужчинам нравится такая кожа. Прямо напротив ванны на стене висит большое зеркало. Так вот, отраженная в этом зеркале ванна была сейчас белой яхтой, а высунувшая голову из белой пены разомлевшая Марьям походила на спящую хозяйку бегущего по волнам судна. В такие минуты мечтательные женщины в ожидании своих мужчин всегда

переживают особые, приятные чувства. Вот и Марьям сейчас находится точно в таком же состоянии. Ведь она была женщиной, поставившей перед собой цель стать счастливой, а чтобы стать ею, надо выполнить ряд условий. Счастье не предназначено для одного человека, счастливым можно быть только в паре, причем, это должна быть пара из мужчины и женщины.

Выйдя из ванны, Марьям стряхнула с себя воду и подошла к зеркалу, постояла немного перед ним, любуясь своим упругим телом. Она видела, что тело ее было беломраморным, зовущим, она гордилась своими небольшими упругими грудями с темными сосками, напоминающими рожки драчливых козочек. Глядя свои груди, Марьям представляла, как она прикладывает к ним своего беленького младенца, о котором мечтала вот уже несколько лет и которого постоянно видела в своих снах. Помня, с каким удовольствием сосут детишки материнскую грудь, она думала о том, что и ее собственный малыш, когда он родится, будет с наслаждением сосать ее грудь. Погруженная в эти мысли, она на какое-то время забыла обо всем на свете.

Стоя перед зеркалом, Марьям расчесала волосы, заплела их в косу и закрепила ее на затылке, затем, не отходя от зеркала, протянула длинную белую руку и достала с полочки флакон с хорошо пахнущими духами. Капнув на палец, она помазала духами вначале за ушами, затем нанесла их на щеки и шею, хотя и помнила, что ее муж не очень-то любит запах духов и каждый раз говорит ей: «Если хочешь понравиться мне, не пользуйся никакой химией!» Но она оставалась женщиной, поэтому каждый раз непроизвольно тянулась за духами.

Вернувшись в комнату, Марьям, надевая новое платье с украшенным вышивкой высоким разрезом на боку, из которого при каждом ее шаге выглядывало белое бедро,

снова вспомнила про соседку. Потому что такое платье впервые она увидела на соседке и тогда же захотела иметь похожее. Марьям встретила ее вчера возле своего нового дома, возвращаясь поздно вечером из города, в руках у той была миска с едой. Соседка сказала тогда со смущенной улыбкой на лице: «Да вот, приготовила вкусенького и решила угостить вашего рабочего». Марьям, не зная, как реагировать на слова соседки, улыбнулась и кивком головы ответила на ее приветствие, а затем молча прошла мимо нее к себе, но придя домой, выругалась: «Сучка, почуяла запах кобеля!» Именно тогда она поняла, почему обед, налитый в миску Рекса, иногда возвращался от рабочего нетронутым. Так ведь его со стороны подкармливают! Марьям вспомнила, как впервые увидела соседку, которая терлась о деревянный звбор, и на этот раз сравнила ее с вороватой козой, которая, вытянув шею, пытается достать и съесть траву с чужого участка. Обиженно подумав «Может, эта шлюха опять что-нибудь придумала, чтобы и сегодня прийти сюда»,— она подошла к окну и легонько отодвинула штору. Марьям увидела мастера, со связкой досок под мышками поднимавшегося по ступеням в дом.

Сегодня, как и обычно, в предвкушении удовольствий Марьям хорошо подготовилась ко встрече с любимым мужчиной. Стемнело. Совсем скоро у ворот дома остановится роскошный автомобиль ее принца - «нового туркменского бая». Марьям была готова в любую минуту встретить его у порога и броситься ему на шею. Но почему-то сегодня «новый туркмен» все не приезжал. Сумерки сгустились, и вот уже наступила ночь. Марьям подошла к окну и выглянула во двор. Там она никого, кроме Рекса, не увидела. Собака, что-то вынюхивая, бродила по двору, потом вдруг подбежала к новому дому, остановилась у крыльца и стала смотреть на дверь с таким видом, словно хотела просить работника вернуть ему его миску, постояв немного, побежала обратно.

В момент, когда зазвонил телефон, Марьям думала о том, что ее муж уже подъезжает к дому и что очень скоро светом фар автомобиля он отодвинет тьму и торжественно въедет во двор.

Марьям вздрогнула от неожиданности и схватила трубку стоящего рядом с ней телефона. Оттуда донесся знакомый хрипловатый голос:

– Сидишь?

– А что мне еще остается делать?– в голосе Марьям вместе с тревогой прозвучал и упрек.

– Сиди. Мы тут пока работаем над контрактом, который должны подписать с иностранцами, придется еще немного задержаться, ты не жди меня, поужинай, я приеду сразу же, как только освобожусь...

В такие минуты Марьям просто ненавидела телефонные звонки, потому что, если телефон звонил в неурочное время, он чаще всего приносил ей малоприятные вести: «Сегодня приехать не смогу...», «В том доме появилась небольшая проблема, придется мне поехать туда...»

Марьям изменилась в лице, у нее испортилось настроение. После этого, хоть она и сильно проголодалась, есть особо не стала, пощипала того-другого, а потом, чтобы как-то убить время, включила телевизор.

Когда телефон зазвонил вторично, была уже глубокая ночь. Марьям, устав от ожидания, задремала прямо у телевизора.

На этот раз разговор был еще короче.

– Марьям!

– Да!

– Я не смогу приехать. Ты не жди больше, ложись спать. Завтра я в течение дня навещу тебя... Не забудьте покормить Рекса!

Марьям была похожа на разъяренную тигрицу. Она со злостью отшвырнула от себя телефонную трубку, словно та

была повинна в случившемся. От обиды у нее задрожали губы, к горлу подступил ком, из глаз брызнули слезы. Ведь она всем сердцем ждала и так жаждала устроенного ею «маленького праздника»! Как он мог так поступить с ней? Вконец расстроенная, женщина металась по комнате, не находя себе места, она понимала, что “музыка любви” никогда не звучит соло, ее можно исполнять только дуэтом...

Новое платье с разрезом, которым она так любовалась несколько часов назад, представляя, как будет очарован ее возлюбленный, теперь раздражало ее. Сдернув его с себя, она скомкала его и со злостью отшвырнула в дальний угол комнаты.

Но и на этом не успокоилась. Напротив, спустя какое-то время в голове ее родились совсем другие мысли, которые тут же завладели ею. Она чувствовала, как пылают ее щеки, как душа ее жаждет любви, с ней творилось что-то невероятное, казалось, если она сейчас перевернет стол со всеми его яствами, ей станет легче. Но она сдержалась, только устало бросила себя в постель. Уткнувшись лицом в подушку, Марьям тихонько заплакала.

Отчаянно залаял Рекс, и в душе Марьям опять затеплилась надежда, она оторвала голову от подушки, прислушалась.

«...А может, он закончил работу и поехал сюда, соскучился по мне...», – ей хотелось улышать звук подъехавшей машины. Лай собаки, прозвучавший у самого порога, стал отдаляться, а потом и вовсе донесся с соседнего участка. Марьям поняла, что он снова гоняется за соседской кошкой, которая время от времени имеет привычку забредать в их двор и подбирать остатки чужой трапезы. Выходка Рекса снова напомнила ей о вдовствующей соседке, которая что ни день под каким-либо предлогом навещала рабочего. Вспомнив о ней, Марьям недовольно поморщила нос, словно вдохнула горький запах дыма. И тут же вспомнила обжигающий взгляд парня, который так и застыл в его глазах. На этот раз

рабочий смотрел на нее более пристально, с вожделением. Марьям даже видела, как вспыхнул его взгляд при виде хозяйки дома...

Когда Марьям, поддавшись сиюминутному желанию и забыв обо всем на свете, держа в одной руке блюдо с запеченной курицей, а другой взявшись за горлышко бутылки с холодным шампанским, пошла к храпевшему на одном из этажей нового дома мастеру, время было далеко за полночь...

* * *

Отправившись в Россию, мастер провел там несколько месяцев в кругу семьи и в начале осени вернулся, чтобы продолжить свою прежнюю работу наемного плотника. Перед отъездом он поработал в доме вдовы и там же оставил на хранение свои рабочие инструменты. Сейчас он как раз пришел к ней, чтобы забрать свое имущество. Когда он появился, «новый туркмен» только что переехал в новый дом и как раз праздновал рождение сына. Было много гостей, но еще больше угощения...

Парень вошел во двор, чтобы поздравить хозяина с праздником, и первое, что ему бросилось в глаза, была миска, из которой он столько времени питался. Сейчас она стояла перед Рексом.

Миска была до краев наполнена помоями.

МАТЬ

Уж если плачет, то только мать...

Туркменская пословица

Труп юноши вот уже второй день высится черной горой на другом берегу реки – на чужой стороне.

Село Марчак является одним из соседних сел, которые делят эту реку с афганскими селами, расстояние между ними не больше шестисот-семисот шагов, и выходит, что мы тут, а вы - там. Вчера в этом месте юношу нагнала единственная пуля, выпущенная афганским солдатом. И теперь казалось, что он с этого места ползет в сторону реки и вот-вот достигнет ее берега. С тех пор два воина стоят неподалеку от этого места, охраняют убитого.

Год выдался засушливым. К тому же и внутри страны было беспокойно, одних, назвав баями, упекли в тюрьму, а многих целыми семьями поснимали с мест и сослали в дальние края. Как и всегда в смутные времена, недостаток покинул и это село, подвергнув его жителей жестокому голоду. Ровно два дня назад юноша вместе с двумя напарниками, забрав из дома пару браслетов да небольшой коврик, которые можно было обменять на пуд-другой зерна, отправился на ту сторону. Такие обмены и раньше происходили между этими двумя соседними селами. И лишь когда русские захватили страну и поделили территорию – эта сторона наша, а та – чужая, походы на чужую сторону стали более редкими.

Раньше южный берег реки был желанным местом для тех, кто жил с ее северной стороны, эти зачастую гнали на тот берег отары овец и другого скота и обменивали их на пшеницу и кукурузу, которые там произрастали в изобилии, навьючивали зерно на ишаков и верблюдов и возвращались домой. Словом, делились с соседями их достатком. Новые

власти запрещали такие отношения, тем не менее местные жители, хоть и втайне, но все же продолжали поддерживать с соседями прежние отношения. «Голод что только не заставит съесть, голод что только не заставит сказать»,— эта поговорка родилась именно тогда. В последнее время марчакцам приходилось пробираться на ту сторону тайком.

Первые попытки уговорить командира афганских пограничников отдать труп юноши, чтобы предать его родной земле, оказались безрезультатными, хотя обращался к нему ахун, человек известный и уважаемый по обе стороны реки.

Затем двоюродный брат юноши, прихватив с собой вола, привязал его в прибрежном лесочке, так, чтобы его было видно с той стороны, и попытался договориться с афганцами. А те, что-то бурно обсуждая между собой, все никак не могли прийти к единому решению, долго не давали ответа. А юноша все еще лежал на пригорке чужой земли по ту сторону реки...

Мать, сидевшая дома в ожидании, когда мужчины принесут тело ее сыночка, в конце концов не выдержала и вместе с двумя другими женщинами поздно вечером пришла к реке. На высоком берегу собрались мужчины, родственники юноши, и взглядами караулили лежавший на той стороне труп.

Увидев мать юноши, ее прибывший из соседнего села брат озабочился:

— Зачем ты пришла, надо было ждать дома...

— Как тут усидишь?

Сухо ответив брату, мать прошла мимо собравшихся вокруг костра и обсуждавших ситуацию родственников, дошла до спуска и остановилась.

Отсюда особенно хорошо просматривалась местность, где лежал юноша. Внизу шумит река, на той стороне юноша тоже лежит на склоне, под ним, шагах в десяти-двадцати,

раскинулась низина, речные волны достигают ее кромки, трутся об нее и облизывают.

Наблюдая за этой картиной, мать подумала: «Да-а, сынок, ты уже почти у реки был... если бы прыгнул в нее, волны перенесли бы тебя на наш берег». Потом, глядя на бурное течение реки, подумала еще: «Здесь не так и глубоко должно быть...» Потом мать долго не могла оторвать глаз от тальника, чьи длинные ветви спускались прямо к реке, словно руки пришедшего на помощь тонущему. Мысленно она помогла бегущему от погони сыну ухватиться за эти ветви и перебраться на этот берег.

Постояв немного у реки и еще больше разбередив душевные раны, мать вместе с другими женщинами вернулась домой. Не глядя на тех, кто сидел у костра, устремив взор куда-то вперед, она молча прошла мимо них. Придя домой, забилась в угол и лежала там, похожая на могильный холмик, укрывшись старым доном.

С наступлением темноты сидевшие у реки в карауле мужчины вернулись домой, чтобы немного согреться и обсудить дальнейший план действий. Они обменивались мыслями, как лучше поступить, чтобы забрать покойного с чужой стороны.

Глубокой ночью, когда женщина выходила на двор, из соседнего дома все еще доносились голоса мужчин.

* * *

Когда только-только начало светать, вдруг зашумели, забеспокоились сельские собаки. Стало ясно, что в округе появился кто-то незнакомый. Тем временем стало видно, как впереди собак в сторону села бежит человек. В это время родственники покойного собирались снова пойти к реке и уже на месте решать, что делать дальше. Прибежавший

человек, увидев стоящих у выхода людей, тяжело дыша, вымолвил:

«... Идите туда, к реке идите!» - торопливыми жестами он дал понять, что случилось что-то ужасное. Когда люди прибежали к реке, они увидели там промокшую насквозь мать, которая, лишившись сил, ничком лежала на земле, а в двух-трех шагах сзади нее находился куст тальника. На этом кусте неподвижно лежал погибший юноша.

На той стороне реки, размахивая руками, бегали и что-то зло выкрикивали афганцы в белых длинных рубахах и белых чалмах.

Люди, взяв ее под руки, помогли женщине встать с земли, обессиленная мать едва слышно процедила сквозь зубы:

– Теперь возьмите его и похороните!

Когда люди понесли покойного, еще не до конца рассвело. Покрывший себя чернотой правый берег недоуменно наблюдал за удаляющейся от левого берега толпой людей.

ВЕЛОСИПЕД

Я был учеником то ли второго, то ли третьего класса, а папина младшая сестра Говхер в те дни была уже зрелой девушкой и заканчивала десятый класс. Перед тем, как идти в школу, она всегда прихорашивалась, с удовольствием надевала приталенное платье зеленого сукна с вышивкой, а голову повязывала шелковым платком с красивыми красными цветами по полю, папа привез его из Ашхабада.

К вороту платья пристегнута легонькая брошь-гуляка, две толстые косы спадают на грудь, и вот уже перед вами писаная красавица, глаз не оторвешь!

Много позже я узнал, что девушки, наряжаясь и двигаясь легкой походкой, хотели подчеркнуть свою готовность ко взрослой жизни и таким образом привлекали внимание сверстников противоположного пола.

В дни, когда наши смены совпадали, я чаще всего шел в школу вместе с Говхер.

Как-то, когда мы уже почти подошли к школе, нас на велосипеде догнал Сахат, одноклассник Говхер из соседнего села. Поравнявшись с нами, он слез с велосипеда и остановился: «Говхер, ты вчера забыла в классе эту тетрадь», – он достал из портфеля толстую голубую тетрадь и протянул ей. Когда Сахат говорил, его голос почему-то слегка дрожал.

Словно уличенная в воровстве, Говхер покраснела, смущенно посмотрела на меня, по сторонам, и только потом с озабоченным видом приняла от Сахата тетрадь. После этого юноша быстро поехал дальше. Это потом я узнал, что именно в ту пору между ними начались отношения, какие бывают между влюбленными молодыми людьми. Я был мальчишкой, поэтому мне и в голову не могло прийти, что в той тетради, которую Сахат, догнав нас на велосипеде, отдал девушке, лежало любовное письмо, которое он писал всю ночь напролет.

И потом, то было время, когда любящие друг друга юноша и девушка вплоть до самой свадьбы старались скрывать свои чувства от посторонних.

А еще как-то раз я стал невольным свидетелем того, как эти двое, укрывшись в тополиной роще неподалеку от нас, о чем-то тихо разговаривали.

Только после этого мне стало ясно, отчего Сахат, живя в соседнем селе, без конца разъезжает на велосипеде мимо нашего дома.

Мне почему-то не понравилось, что Говхер встречается и разговаривает с посторонним парнем. Я заревновал ее. И хотя меня считали еще ребенком, стало понятно, что и у меня есть какие-то чувства, связанные с защитой достоинства нашей семьи. На следующий же день я приступил к своему плану мести. На первой же перемене, когда раздался звонок на урок и все отправились в классы, я немного замешкался и отстал от остальных, потом пошел туда, где стоят велосипеды. Сразу же узнав велосипед Сахата, я проколол ему колесо. Увидев после уроков, как он пыхтит, заклеивая камеру, я остался доволен своей работой.

Когда это повторилось и в третий раз, Сахат, увидев меня, многозначительно посмотрел на меня и улыбнулся, я прочитал в его улыбке: “Ах ты, озорник!”

Мне стало ясно, что он понял, кто именно выводит его велосипед из строя, и теперь мне надо было придумать что-то другое для того, чтобы продолжать мстить Сахату.

Многим улыбка Сахата была непонятна, но я-то хорошо знал, что она означает.

Наступило лето. Говхер с другими одноклассниками, парясь на солнце, занимались прополкой хлопчатника, я же когда один, а иногда и два раза на день приезжал в поле, грузил на своего ишака собранные между рядов хлопчатника сорняки и увозил для своей прожорливой, ненасытной черной коровы, которой, сколько ее ни корми, все мало.

Однажды по дороге к Говхер я снова увидел знакомый велосипед, он был спрятан в укромном месте под мостом. Я представил себе Сахата. Конечно, это он, кто же еще. Наверняка приехал на свидание с Говхер. Во мне снова вспыхнуло чувство ревности. Спешно прыгнув с ишака, я схватил велосипед и вышвырнул его в излучину реки, туда, где течение было особенно бурным. Затем, чтобы он не догадался, что машина утоплена в воде, а подумал, что кто-то выкрал ее, я выломал пару кустов растущей здесь солодки, сделал веник и замел все свои следы.

Как только я подъехал к краю хлопковой делянки, Сахат отделился от работающих девушек и пошел стороной, делая вид, что не замечает меня. Глядя ему вслед, я злорадно думал: “Давай-давай, делай какой угодно вид, а я посмотрю, найдешь ли ты свой велосипед там, где оставил его, сейчас на дне реки на нем лягушки катаются”. Вытаскивая на край поля сорную траву, чтобы связывать ее веревкой, я несколько раз представлял, как Сахат мечется в поисках своего велосипеда и никак не может найти его. И радовался этому.

Впервые появившись в нашем доме, сядая худощавая женщина сказала: “Я пришла породниться с вами”, а потом и вовсе зачастила. Перед самым началом хлопкоуборочной страды мы выдали Говхер замуж. В один прекрасный день приехал разукрашенный цветами и лентами “Газ-51” с полным кузовом молодых девушек и женщин, они завернули нашу Говхер в шелка и увезли ее с собой. Помню, я тогда, как и положено, вместе со своими сверстниками забрасывал камнями свадебный кортеж, а еще мальчишки радостно восклицали: “Мое сырое яйцо разбилось на лбу какого-то человека, мой камешек попал в толстую тетку!...”

* * *

Я был студентом и учился на третьем курсе университета. На торжественном мероприятии по поводу какого-то праздника ко мне подошла незнакомая девушка и спросила:

— Вы не Мурат?

— Да, Мурат.

— Вы меня не узнаете? — Нет.

— Ой, а я сразу узнала вас, как только увидела. Раньше я вместе с Говхер-гелнедже часто бывала у вас. Я ее золовка.

Вспомнил. В первое время после замужества Говхер, приезжая навестить родных, всегда приводила с собой угловатую вихрастую девушку. И вот теперь она стояла передо мной.

В тот раз, подойдя ко мне, Дженнет заверила меня в своем родстве со мной, в тот же год она уверила меня и в том, что является самой красивой, самой дорогой для меня девушкой на свете.

Как только я указал на нужный дом, моя мама, уже давно настаивавшая на необходимости женить меня, вместе с соседкой, прихватив узелки со сладостями, немедленно отправились на сватовство.

В следующую неделю отец вместе с несколькими родственниками пошел к родителям Дженнет, чтобы там, соединив наши руки, дать нам благословение на новую жизнь. В этот же день должны были обсудить список необходимых для девушки подарков, которые включались в стоимость калыма.

Когда этот список принесли домой, я не выдержал, заглянул в него. И увидел, что в одном месте стояло слово «велосипед». Честно говоря, меня это поразило. Я даже съязвил: «Мама, а что же ты не сказала, чтобы они включили в список еще и танк?» Мама тогда ответила:

— Ай-эйй... когда уже составляли список необходимых покупок, велосипед в него в последний момент вписал Сахат, муж нашей Говхер. А когда мы спросили, что это значит, он хитро улыбнулся и сказал: «Я очень хорошо знаю озорника, который собирается стать нашим зятем. Если спросит, так и скажите, что это Сахат вписал, он поймет...»

Мне не оставалось ничего другого, как вспомнить тот давний случай с утопленным мною велосипедом, и улыбнуться.

Чабдар

I

Первыми стук конских копыт почувствовали окрестные холмы. Равнина, до которой докатилось эхо мощных ударов, приняла их на себя и словно качнулась и задрожала.

Чабдар, чутко стригнув ушами, поднял голову, прислушался. Ему показалось, что звук, из-за дальности скорее похожий на гул, исходил из-под земли.

Легко взбежав на вершину холма, он устремил свой острый взгляд в дальние заросли, смутно синеющие в молчаливой дымке за холмами. Оттуда всегда приходила тревога. Чабдар оглянулся. За его спиной на благодатной равнине Бадхыза пасся табун лошадей. Рассыпавшись отдельными группками, они спокойно выбрали травку посочнее. Изредка матери вскидывали голову и, отметив, что жеребенок где-то рядом, снова погружались в сытое дремотное состояние. Тревожиться за табун надлежало жожаку.

Чабдар был хорошим жожаком. Никогда еще никакой заблудшей лошади не удавалось смешаться с его табуном. По неписанному закону ему принадлежал участок долины, тянувшийся от подножия кряжистых гор до солончаков, раскинувшихся далеко на юг. С одной стороны она окаймлялась холмами, за которыми всегда синели таинственные заросли гребенчука. Чабдар никогда там не бывал. Но беда всегда приходила оттуда. И Меле, жожак соседствующего с ними табуна, тоже приходил из-за холмов. Правда, границу владений Чабдара нарушать опасались, ну, а если такое случается, чужака изгоняли с позором. Лишь для Меле Чабдар делал исключение. Хотя и не позволял никогда победить себя. Разгоряченные, дико кося налитыми кровью глазами, они сталкивались потными боками и теснили друг друга, роняя с губ клочья пены. Ни

разу, однако, в их поединках дело не доходило до зубов, - сосед все-таки! Померявшись силами и потешив каждый свое тщеславие, они расходились, уводя табуны в разные стороны.

...Тревожный гул приближался. Чабдар отметил, что конь идет налегке; это было ясно из того, что он то замедлял ход, видимо, чтобы ущипнуть травы, то снова брал разгон, мощно ударяя копытами. И звук этих могучих ударов как бы извещал всех о направлении его стремительного бега.

Чабдар напрягся, ожидая появление чужака. Сердце билось ровно, уверенно подрагивали, налитые силой ноги. Он уже давно водил табун, и знал себе цену. Знал, что красив, особенно в ясную солнечную пору: шерсть его лоснилась и блестела, как рыба чешуя. Пастухи, наезжающие проведать табун, каждый раз любовались красавцем-конем, восклицая при этом и пощелкивая языком, и дарили его разными гордыми именами. Однако, никто из них не осмеливался приблизиться к нему, держались на солидном расстоянии. Оберегая табун, Чабдар ревниво относился не только к своим соперникам, но и к людям. Ему ничего не стоило, особенно когда пастухов было один-двое, стремительно прижав уши к затылку, ринуться на того, кого посчитал посягнувшим на его права. И потому, когда предстояло перегнать табуны с одного участка на другой, пастухи сбивали вначале в одну кучу всех и лишь затем присоединяли Чабдара с его гаремом. Только так и удавалось выполнить намеченные перемещения.

Красота всем бросается в глаза. Лучший цветок бывает сорван раньше других. Красивую девушку обязательно уведут первой. Среди десятков пасущихся коней, выберут самого достойного, чтобы заарканить и приручить к работе. С Чабдаром такое не случилось.

Несколько лет назад, задавшись целью выловить понравившегося им коня и взнуздать, пятеро всадников

день напролет, неотступно преследовали его. Напрасно. Пытаясь выбить его из сил, они сами еле держались в седле, да и лошадей едва не загнали. Чабдар не дался. Чертыхаясь и, вместе с тем, восхищаясь умным и строптивым конем, они довольствовались тем, что увели с собой двух молодых жеребцов, предназначенных для верховой езды.

С тех пор Чабдара не трогали. Он стал полновластным хозяином, наведя свои порядки в табуне, и в округе. Никто не смел к нему близко подойти, прежде чем он сам не подаст знака. Исключение делал лишь для молодого гнедого жеребенка, родившегося ранней весной. Чабдар испытывал к нему непонятную слабость, хотя даже сам себе не мог этого объяснить. Жеребенок частенько подкрадывался к жожаку и, думая, что тот не видит его, больно кусал в брюхо, а затем принимался ластиться. Чабдар мягко отталкивал шалуна и отходил в сторону. Другим он такой вольности не прощал.

...Опередив звук своих копыт, на равнину неожиданно вылетел серый, с небольшими подпалинами, конь. Маленькая, узкая, изящная, точно у змеи, голова гордо покоилась на длинной гибкой шее. Шерсть на груди и брюхе от долгой скачки покрылась потом и, выделяясь на светлом, темнела расплывшимися пятнами. Завидев Чабдара, Серый резко остановился. Земля вокруг его копыт взбрызнула вверх не меньше, чем на полметра, - так резок и силен был его удар. Поводя дерзкими глазами, он раздумывал: сразу ему ринуться к косяку или схватиться с жожаком?

Чабдар инстинктивно оглянулся. Прежде, чем вступить в бой с чужаком, он должен быть уверен, что в табуне все в порядке. Несколько кобылиц, встревоженные появлением Серого, подозревали жеребят и теперь жались к материнскому брюху, тыкались лбами им в пах. Чего испугались эти глупые кобылы? Никогда еще не выказывали жожаку такого недоверия! Хорошо, что остальные пасутся как ни в чем не бывало. Или только делают вид, а сами тревожным взглядом

выискивают свое потомство?.. Это взбесило Чабдара. Он резко повернулся и встел злобный взгляд пришельца. Мускулы его большого сильного тела напряглись в предчувствии боя. Подобрался и Серый. Тонкие, нервные, такие же как и у Чабдара, уши его запрядали, будто кончики ножниц, стригущих воздух.

Когда же оба сжавшись, стремительно полетели навстречу друг другу, кобылы бросили пастись и сгрудились в одну кучу. Страх не было в их глазах. Они привыкли к подобным стычкам. На этот раз ими руководило простое любопытство: чем завершится яростный поединок двух равных по своим силам противников?

Двое же, взвившись на дыбы, принялись со злостью кусаться и лягаться. При каждом столкновении головы их издавали такой стук, словно вот-вот расколятся. Трава, до недавнего времени зеленевшая нежной дымкой, была вытоптана, раздавлена. Жеребята теснее жались к матерям, в их жизни такое было впервые.

Вдруг Серый опрометью бросился прочь. В пылу схватки Чабдар кинулся его преследовать, но тот летел, как стрела, и достать его не удалось.

Было непонятным неожиданное решение Серого, ведь был он не слабее Чабдара, а может и наоборот. Был он чуть постарше, находился, что называется, в самой поре. И вдруг...

Чабдар возвращался недовольный и исходом битвы, и собой. Походя, лягнул зазевавшуюся двухлетку. Табун присмирел.

Вскоре все вошло в свою колею. Восхищение и почтительный трепет, который чувствовал Чабдар, проходя сквозь табун, успокоили его. Он вновь был предводителем!

Взлетев на холм, власно, по-хозяйски оглядел он рассыпавшихся по склону кобылиц, жеребят, резвившихся на своих длинных, ломающихся еще ножках, и застыл на вершине, как изваяние, знаменующее силу и власть.

II

Спокойствие Чабдара длилось недолго. Он еще не успел забыть о Сером, как тот снова появился у края долины и принялся спокойно пастись, изредка косясь на табун и нервничающего Чабдара.

Серый держался на расстоянии. Чабдар решил выждать, что же предпримет пришелец, но самообладание покинуло его, и он попытался приблизиться. Не подпуская жожака близко, тот кинулся бежать. Если бы мог, Чабдар расхохотался бы от такого поведения. Никогда еще ему не приходилось сталкиваться со столь явной трусостью! Предыдущие соперники не отступали, а мерились с ним силой, - и один раз, и второй. Бой велся по принципу: кто кого? И большинство, признав несомненное его превосходство, пускались наутек. Больше он их не видел. Встречались и такие, что, слышав его грозный храп, тут же сдавали позиции и уклонялись от схватки. Лишь первый его бой можно назвать настоящим. Тогда еще находились в окружении такие, которые пытались оспорить его превосходство. Тот, первый, так и остался навсегда искалеченным. Больше из табуна никто не выделялся. Дальше приходили только чужаки. Как бы там ни было, схватки велись по всем правилам, и побеждал он потому, что был сильнее. Но как оценить поведение Серого? Убегает, в бой не вступает. И все-таки приходит опять и опять!.. Пожалуй, то была не трусость, а мудрость. Довести неприятеля до бешенства, а затем воспользоваться, когда он потеряет над собой контроль. Но Чабдар, к сожалению, не мог сделать этого вывода. Он лишь чувствовал, что на сей раз перед ним соперник достойный. Тем более ему не терпелось скорее схватиться с ним.

III

Туча весь вечер и всю ночь висевшая над Бадхызом и, набухшая до предела, наконец, пролилась через край. Грохот грозы, секущие струи дождя, ударявшие о землю, создавали иллюзию скачущего косяка лошадей. Вот он затих, переводя дыхание и нервно переступая сотнями копыт, но вот сорвался с места и - галопом по долине, по холмам, по солончикам...

Рассвет земля встретила живительной свежестью и пронзительной синевой, исходящей от умытой зелени. Капельки дождевой пыли, повисшие на травинках, сверкали, переливались, как россыпь драгоценных камней, брошенных на зеленый ковер. Укрывшиеся от непогоды букашки вновь карабкались по стеблям и листьям, радуясь солнечному теплу.

Когда в очередной раз появился Серый, табун почти забыл о нем и мирно, во главе с Чабдаром, пощипывал поднявшуюся после дождя в рост траву. Кобылы разбрелись по всей долине, жеребята носились от одной группы лошадей к другой. Наиболее смелые забежали даже на солончаки. Своей резвостью они напоминали стремительно и беспорядочно взмывающих тут и там ласточек.

Почувяв намерение Серого, Чабдар торжествующе заржал и ринулся по склону вниз...

Они стремились навстречу друг другу, как по предначертанию рока. Если бы сейчас разверзлась земля, это бы их не остановило. Так велико было желание обоих разрешить наконец-то этот спор.

Храп, тяжелое дыхание, удары копыт о землю и оба противника на время отодвинули в сторону тишину. Двое схлестнулись в поединке не только на виду у холмов, но и

у настороженного табуна. Это была извечная борьба за лидерство, за право повелевать.

Казалось Чабдар вот-вот накажет пришельца за наглость, но тот каждый раз отбивал атаку, каким-то образом избегая копыт жожака. И здесь он применял свою тактику уклонения. Отскакивал в сторону, затем, переждав и вызвав тем самым ярость Чабдара, снова кидался в бой.

В очередном столкновении Серый сильным ударом головы выбил из ноздрей Чабдара струйку алой крови. Ударяясь о землю, капли сливались с морем тюльпанов, устилавших окресные холмы. Бой продолжался, тюльпанное море полнилось, а Чабдар, тем временем, слабел. Он дрожал всем телом. Впервые в жизни ноги не повиновались ему. Неужели так страшен был этот удар Серого? Нет, рано еще сдаваться! Собрав все силы, Чабдар двинулся на соперника. Но что-то неуверенное было в его движении, сломленное. И поняв это, и обрадовавшись близкой победе, Серый с новой яростью кинулся вперед. Его удар со всего маху в грудь, потряс Чабдара. Несколько секунд лежал он на земле, не двигаясь, лишь судорожно вздрагивая боками.

Старая кобылица, стоявшая впереди табуна, казалось, сейчас заговорит, – так выразительны были ее глаза. Да, она знала его молодым и сильным, она была свидетельницей его многочисленных триумфов. Да, он ей нравился. Он был настоящим жожаком, но сейчас...

Это был его конец. Растоптано достоинство. Не может он больше предводительствовать табуном... Пренебрежительные взгляды молодых маток, влажный блеск глаз жалеющей его старой лошади, любопытствующие взоры жеребят подняли и поставили Чабдара на ноги. А ноги предательски дрожали. И все же у него достало сил

повернуться и поскакать прочь. Серый вошел в табун. В сторону Чабдара никто не смотрел. И лишь гнедой жеребенок, любивший поиграть с жожаком, кинулся за ним вслед. Сухие щетинки прошлогоднего травостоя кололи его нежное брюшко. Он вскидывался и прыгал дальше.

Когда, раздувая от быстрого хода тонкие розовые ноздри, он взбежал на вершину холма, то его глазам предстала неожиданная картина: Чабдар, не владея больше своим телом, катился вниз по крутому, почти отвесному склону.

Жеребенок содрогнулся и в ужасе попятился. Потом как бы оценивая ситуацию, посмотрел на табун, потом на темнеющее внизу бездыханное тело, и заржал.

Светило солнце. Разделившись, как всегда на группки, щипал свежую траву табун. И тревожно несло над равниной, над холмами и солончаком жалобно-тоскливое ржание гнедого жеребенка.

Жеребенок плакал...

Несколько слов из биографии писателя Агагельды Алланазарова

Писатель Агагельды Алланазаров родился в 1948 году в селе Марчак Тахтабазарского этрапа. Окончив 8 классов, в 1964 году поступил в Марыйское педучилище. Около года работал учителем. В 1969 году был призван в армию в десантные войска. После демобилизации поступил в Московский литературный институт им. А.М.Горького. Окончив, работал в издательстве "Туркменистан" редактором, главным редактором, директором. В 1992 году назначен заместителем председателя Комитета по печати при Кабинете Министров Туркменистана. В настоящее время работает в системе Туркменской государственной издательской службы.

Агагельды Алланазаров автор более 40 книг. Его произведения переводились на русский, булорусский, сербо-хорватский, японский, португальский, черногорский и другие языки.

По произведениям Агагельды Алланазарова снято три художественных фильма.

Он член Союза писателей.

Имеет государственные награды.

Содержание

Жаркое лето Хазара (роман)	
<i>перевод О.Оразкулиевой</i>	5

Новеллы

Новогодняя сказка	
<i>перевод О.Оразкулиевой</i>	502

Брат	
<i>перевод О.Оразкулиевой</i>	520

Миска Рекса	
<i>перевод О.Оразкулиевой</i>	528

Мать	
<i>перевод О.Оразкулиевой</i>	542

Велосипед	
<i>перевод С.Каратова</i>	546

Чабдар	
<i>перевод Т.Курдицкой</i>	550

Агагельды Алланазаров

Жаркое лето Хазара. Роман и новеллы

Редактор Н. Смирнова

Дизайн и верстка А. Овезова

Подписано в печать 19.10.2005г. Формат 60х84 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура литературная. Печ. л. 35.